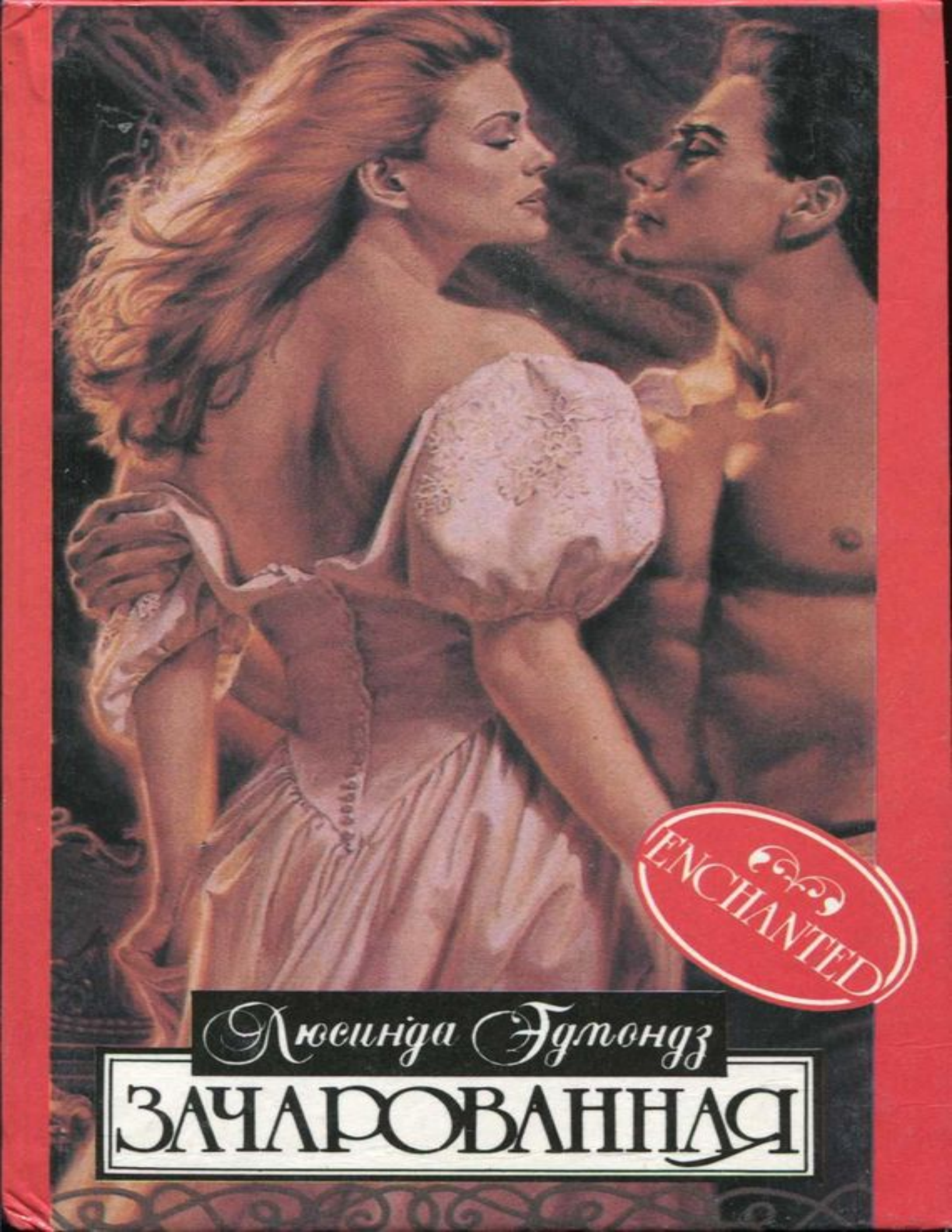

Люсинда Эдмондз

ЗАЧАРОВАННАЯ

Annotation

Главная героиня романа – юная балерина Мадлен – окружена самыми разными людьми, одни из которых любят, а другие ненавидят ее. Сложные жизненные коллизии, чувства и страсти, обуревающие молодых людей 80 – 90-х годов двадцатого века, не оставят равнодушным самого взыскательного читателя.

- Люсинда Эдмондз
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25

- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62

- Глава 63
- Глава 64
- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69
- Глава 70
- Глава 71
- Глава 72
- Глава 73
- Глава 74
- Глава 75
- Глава 76
- Глава 77
- Глава 78
- Глава 79
- Глава 80
- Глава 81
- Глава 82
- Глава 83
- Глава 84
- Глава 85
- Глава 86
- Глава 87
- Глава 88
- Глава 89
- Глава 90
- Глава 91
- ЭПИЛОГ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Люсинда Эдмондз
Зачарованная

Моей любимой бабушке Дороти посвящается

Глава 1

Июнь, 1987

Мадди открыла глаза и повернулась на спину, чтобы посмотреть, сколько времени показывают ее часики. Ее поразило, что, оказывается, нет еще и семи. Первые робкие лучи солнца украдкой заглядывали в незашторенные окна, окрашивая комнату в розовые тона. Мадди удивилась тому, что проснулась в такую рань, вздохнула, забралась поглубже под легкое пуховое одеяло и закрыла глаза, пытаясь уснуть.

В следующее мгновение донесшийся непонятно откуда шорох заставил ее заворочаться. Она села и прислушалась. Шорох повторился, соединившись на этот раз с пронзительным писком.

Тут Мадди сразу догадалась, что это за звуки. Резко сбросив одеяло, она соскочила с кровати и подошла к столу, стоявшему в углу ее неприбранной комнаты. Под ним стояла картонная коробка, доверху наполненная старыми свитерами.

– Кис, кис, кис! – тихонько позвала она. Никакого результата. Коробка была пуста, хотя писк раздавался совсем рядом. Мадди встала на четвереньки и внимательно обследовала близлежащее пространство. Наконец нарушители спокойствия были обнаружены.

– Ну, Шехерезада, ты даешь, честное слово! Я поставила такую уютную коробочку, а тебе, видишь ли, надо было устроить свои дела прямо на моем чистом белье! – Мадди хихикнула.

Маленькая и круглая, словно бочонок, одноглазая кошка, не обратив ни малейшего внимания на упреки хозяйки, продолжала сосредоточенно вылизывать новорожденного котенка, который копошился рядом и отчаянно мяукал. Присмотревшись, Мадди заметила еще одно крохотное создание, слепо тыкавшееся в материнский бок в поисках молока.

Шехерезада нежно подтолкнула второго котенка к своему первенцу и мягко откинулась на бок, подставляя им свой живот. Писк моментально прекратился, малыши приникли к материнским соскам, чмокая и перебирая крохотными лапками.

– Черный и беленький, да? Готова спорить, что их папаша – тот здоровенный кот, что живет у Вилсонов в конце улицы, – прошептала

Мадди. – Я горжусь тобой, Шеззи, дорогая. У тебя прекрасные детки, просто изумительные.

Кошка подняла глаза на хозяйку, и на мгновение Мадди показалось, что ее питомица согласно кивнула. В следующую минуту у животного снова начались схватки, и кошка вернулась к своему важному занятию.

Мадди, сидя рядом со своей любимицей, стала свидетелем появления на свет еще двух котят. И лишь убедившись, что в кошачьем семействе больше не ожидается прибавления, она распрямила затекшие ноги и пошла на кухню, чтобы приготовить для утомленной Шехерезады тунца и молоко.

Спустя несколько минут Мадди вернулась в свою спальню, неся еду для кошки. Пока Шехерезада жадно лакала молоко, она надела тренировочный костюм, уверенными движениями завязала розовые ленты балетных тапочек и собрала свои длинные светло-каштановые волосы в тугой узел на затылке. Закончив одеваться, она убрала пустое блюдечко из-под молока и нежно погладила Шехерезаду.

– Тебе нужно немного отдохнуть, моя дорогая. До свидания, береги своих очаровательных детишек.

Покинув комнату и стараясь не наступать на скрипучие половицы около отцовской спальни, Мадди прошла мимо кип старых газет, разбросанных повсюду ботинок. Оставив позади весь этот хлам, вечно загромождавший лестницу, она спустилась в темную гостиную, затем направилась в старую оранжерею, которая находилась позади дома.

Солнце уже светило вовсю, предвещая прекрасный июньский день и заливая землю потоками золотисто-розового света.

Радостное чувство охватило Мадди при мысли о том, что она наконец-то свободно может наслаждаться жизнью после трех долгих и трудных экзаменационных недель.

Взглянув в окно оранжереи, Мадди поразилась удивительному пейзажу, открывшемуся за запыленным стеклом. Неухоженный сад возле дома, казалось, жил собственной жизнью, и растения там произрастали сами по себе. Из изумрудной травы выглядывали хрупкие, дрожащие лепестки маков и оранжево-солнечные пятна ноготков. Всевозможные сорняки, очаровательные и по-мальчишечьи задиристые, оккупировали некогда безупречные клумбы. А на садовую стену из красного кирпича нетерпеливо карабкались дикие розы и

плющ, словно желая посмотреть, что там делается на воле. Сюда не проникал шум большого города, воздух был прозрачен, и стояла такая тишина, какая, наверное, была при рождении Афродиты. Единственный звук, нарушавший благоговейное безмолвие, доносился из глубины сада, где на старой яблоне отчаянно дрались две сороки. Все здесь казалось свежим и юным. Трудно было представить, что в пяти милях отсюда находится центр Лондона.

Мадди любила этот просторный дом в викторианском стиле. Здесь они жили с отцом с тех времен, когда она была еще ребенком. Дом находился в десяти минутах ходьбы от Хэмпстед Хай Стрит и недалеко от парка Хэмпстед Хиз. Несмотря на то, что зданию требовался капитальный ремонт, а Кристофер не потратил на эти цели ни одного пенса за пятнадцать лет, с тех пор, как стал его владельцем, несмотря на постоянный хаос, это был их дом.

Мадди блаженно потянулась, подошла к маленькому кривобокому столику, на котором стоял старый кассетный магнитофон и были свалены в груду кассеты и коробки. Перебирая кассеты одну за другой, она искала ту, что была ей нужна, в очередной раз давая себе клятву, что уж сегодня после занятий она выкроит несколько минут и уложит все ленты в коробки.

– Ага, вот и «Утро» Грига. Отлично!

Мадди вставила кассету, подошла к гладким поручням балетного станка, устроенного вдоль стен оранжереи, и слегка притопнула ногой. Уже несколько лет отец обещал ей устроить специальный пружинящий пол для занятий хореографией, но, как всегда, из-за недостатка в средствах этим планам не суждено было осуществиться.

Нежные лиричные звуки музыки Грига наполнили оранжерею. Мадди выпрямилась, встала в первую позицию и начала разминку.

Любой, кто увидел Мадлен Винсент на улицах Хэмпстеда в ее стареньком тренировочном костюме и стоптанных кроссовках, с волосами, стянутыми в конский хвост, вряд ли обратил бы на нее внимание. Ее рост составлял всего пять футов, черты лица сохраняли выражение детской незрелости, а нос и щеки были густо забрызганы веснушками. Единственным украшением были глаза, полные жизни и искрившиеся всеми оттенками синего цвета.

– Странно, как ты не похожа на свою мать. Она была такая красавица! – обычно говорили люди. Мадди в таких случаях изо всех

сил старалась не огорчаться, но на самом деле ей было очень горько и больно, особенно когда она видела, как печально смотрит на нее отец.

Конечно, они были правы. Мадди не имела никакого сходства со своей очаровательной матерью. Она часто рассматривала фото, стоявшее на фортепьяно в кабинете отца, и всегда восхищалась огромными карими глазами и прекрасным лицом изображенной на нем женщины. Фотографий было много, на них была Антония Грэхем, ее покойная мать, танцующая Одетту-Одилию в «Лебедином озере», Аврору в «Спящей красавице», а на одном фото она была снята в роли Жизели. Мать выглядела утонченно-изысканной и казалась совершенством. Антония передала своей дочери прекрасную, изумительно стройную фигуру и талант балерины. Когда люди видели, как танцует Мадди, они забывали о ее веснушках и неярком лице и начинали восхищаться грацией и легкостью, с которыми она исполняла самые сложные и замысловатые па. Словом, в свои семнадцать лет Мадди готова была оправдать самые смелые ожидания своей матери.

Антония Грэхем выбилась из артисток кордебалета и стала ведущей солисткой. Она должна была стать прима-балериной Королевского Национального балета, но погибла в автомобильной катастрофе во Франции в возрасте двадцати восьми лет.

Мадди в то время было всего пять лет. В памяти остался только терпкий запах духов, которыми пользовалась мать, да еще то, как Антония надевала меховое пальто после какой-то премьеры в Королевском Оперном театре, куда родители как-то взяли девочку. Последние два года своей жизни Антония много путешествовала по свету, у нее было множество контрактов во всех частях земного шара. Иногда Кристофер сопровождал жену в этих поездках, и тогда Мадди оставалась на попечении нянюшки. Но в тот раз, когда Антония погибла, Кристофера рядом с ней не было.

По мере того, как Мадди подрастала, она все чаще замечала глубокую печаль в глазах отца, когда он говорил о ее матери. Он всегда рассказывал Мадди, как счастливы они были, говорил о том, что такая любовь, как у них с Антонией, случается только раз в жизни.

Говоря о своей покойной жене, Кристофер подбирал самые прекрасные слова, так что спустя несколько лет после ее смерти Мадди была уверена, что ее мать – настоящий ангел во плоти, поэтому

Господь и забрал ее такой молодой. Покойная мать была идеалом, совершенством. И надо было очень стараться, чтобы быть достойной ее.

Магнитофон отключился. Мадди устало опустилась на пол, тяжело и часто дыша. Ну то ж, возможно, на следующей неделе отец сможет гордиться ею, когда она скажет ему, что успешно прошла конкурс для поступления в хореографическое училище при Королевском Национальном балете. Учиться там было ее мечтой с того дня, когда мать привела ее в детский балетный класс незадолго до своей гибели. Мадди хотела бы поступить в балетную школу, но отец выглядел таким печальным, думая о том, что она уедет в интернат и оставит его одного, поэтому ей пришлось оставить эту идею. Вместо этого она пять раз в неделю после школы занималась с учителем танцев и блестяще сдала все экзамены в Королевскую академию танца. Ее учитель был абсолютно убежден, что она победит в конкурсе и поступит в хореографическое училище.

Конечно, Мадди понимала, что никогда не удастся залечить рану, которая осталась в сердце Кристофера после смерти ее матери, и все же она старалась изо всех сил показать отцу, как сильно она его любит. Они очень сблизились за последние несколько лет, и Мадди была рада, что Кристофер теперь полагался на нее во всех домашних делах. Сам он больше интересовался своей музыкой, чем этой прозаической стороной жизни, поэтому Мадди взвалила на себя бремя покупок, стирку, проверяла оплачиваемые счета, ей приходилось держать в уме распорядок дня отца, помнить, с кем у него назначены встречи, куда ему нужно пойти.

Хореографическое училище Национального балета находилось в лондонском Вест-Энде, добираться туда нужно было на метро, а это означало, что она по-прежнему будет жить дома и присматривать за отцом. Словом, сейчас все складывалось настолько удачно, что она пошла в своем нахальстве еще дальше и навела справки о возможности получать стипендию. Местные чиновники уверили ее, что, если ей удастся поступить в училище, ее занятия будут оплачены.

Мадди не сказала отцу, что собирается участвовать в конкурсе. Если бы она не поступила, ей было бы ужасно стыдно, зато в случае успеха это будет замечательный сюрприз для Кристофера! Он ведь

убежден, что после летних каникул его дочь опять отправится в Хэмпстед Хай Скул.

Мадди взглянула на часы – самое время принять душ перед тем, как в одиннадцать часов, согласно традиции, она отнесет отцу чашку чая, вареное яйцо и кекс. Она слышала, что прошлой ночью он вернулся домой в половине четвертого.

– Бедняжка, – подумала она, на цыпочках поднимаясь по лестнице в ванную, – он, должно быть, смертельно устал.

Кристофер Винсент был композитором. К несчастью, ничего из того, что он написал в последние тринадцать лет, не было куплено, поэтому ему приходилось давать уроки игры на фортепьяно, играть в коктейль-барах и вестибюлях гостиниц, кроме этого, от случая к случаю он играл на репетициях в Национальном балете. На следующей неделе у него начинался шестимесячный контракт с какой-то фирмой. Как он сказал Мадди, этот контракт, по крайней мере, даст им регулярный доход. Получив его, он сможет оторваться от своих уроков и ночной работы, сосредоточившись на завершении фортепьянного концерта, который писал все последние годы. Мадди была абсолютно уверена, что однажды талант отца всеми будет признан, это вопрос времени.

Освежившись под душем, она вернулась на кухню и поставила чайник, затем положила в гриль несколько кусочков хлеба и вскипятила немного воды для яиц. Потом с отвращением окинула взором захламленную кухню. Нет, сегодня все-таки придется сделать над собой усилие и устроить большую уборку. Четыре месяца назад пришлось распрощаться с прислугой, миссис Грин, из-за нехватки денег. Обычно просто неряшливый и захламленный викторианский дом, казалось, совершенно вышел из-под контроля и не поддавался героическим усилиям молодой хозяйки.

Мадди сварила яйцо, намазала маслом гренки и заварила чай, поставила все это на поднос и, осторожно ступая, пошла в спальню отца.

– Пап, папа, просыпайся! Через полчаса у тебя урок. Она опустила поднос прямо на край широкой двуспальной кровати и раздвинула шторы.

Фигура на кровати зашевелилась, когда в комнату сквозь запыленное окно проник солнечный свет. Из-под одеяла раздался стон:

– Мадди, который час?

– Двенадцатый. Вставай, завтрак остывает.

Она плеснула чаю в выщербленную кружку.

– Представляешь? Я уже бабушка.

– Не понял… – Из-под одеяла появилось серое заспанное лицо отца, затем высунулась рука и откинула со лба прядь густых каштановых волос. Мадди гордо кивнула.

– У Шехерезады часа четыре назад появились котята. Я смотрела на нее, а ей хоть бы что! Ой, папочка, они такие замечательные! Ты обязательно должен посмотреть на них.

Кристофер улыбнулся и, неуклюже маневрируя на кровати, чтобы не разлить чай, попытался сесть.

– Да, ради такой хорошей новости стоит проснуться.

Дочь подала отцу кружку и поставила ему на колени поднос.

– Думаю, у меня нет сегодня утром урока, – он сделал глоток из кружки.

– Ну, папа, что это такое? Я тебе вчера три раза говорила. К тебе собирается прийти Себастиан на свой последний урок, у него скоро прослушивание в Гилдхолле[1]. Он звонил в страшной панике, и я сказала, что ты с ним позанимаешься.

– Ах, да! – отец ласково улыбнулся Мадди, – я старый бездельник и вертопрах, что бы я без тебя делал?

В тон ему Мадди притворно вздохнула:

– Вот уж не знаю, папочка!

– Ну, а у тебя на сегодня какие планы?

– Да так… В половине первого занятия в балетном классе, а потом вернусь домой и займусь кухней. Там просто кошмар какой-то творится. Полагаю, у нас там есть все, что могло бы заинтересовать городской комитет по экологии и охране здоровья. А ты будешь дома вечером? Я хочу приготовить что-нибудь особенное, а то последние пять дней у нас ничего, кроме пиццы, не было.

– Ну, к девяти мне надо быть в баре. Но мы можем поужинать раньше.

– Вот и хорошо! Как насчет цыпленка? Я приготовлю его с салатом.

– Звучит просто здорово! – на лице Кристофера появилось виноватое выражение. – Слушай, Мадди, неужели тебе не хочется

погулять с друзьями вместо того, чтобы готовить для своего старого папаши? В конце концов, у тебя каникулы.

– Глупости! После ужина я забегу к Кейт.

Неожиданно раздался звонок в дверь, и Мадди подпрыгнула.

– Должно быть, это Себастиан. Сегодня он рано. Пойду, поразвлекаю его, а ты пока быстренько умойся и найди себе какую-нибудь одежду. – Мадди спрыгнула с кровати и направилась к двери. – Думаю, в шкафу найдется чистая рубашка. Я вчера погладила кое-что, но Шехерезада решила родить своих котят на чистом белье, так что обходись тем, что есть.

Она быстро спустилась по лестнице и подошла к входной двери.

– Доброе утро, Себастиан, входи. Ты рано сегодня пришел, а папа допоздна работал, так что придется подождать. Через несколько минут он спустится.

– Извини, пожалуйста. – Себастиан расцеловал ее в обе щеки. – Ну, как поживаешь?

– Все хорошо! – Мадди повернулась и направилась в кабинет отца. Себастиан последовал за ней, вернее, попытался, так как сразу споткнулся о кучу нотной бумаги, оставленной Кристофером прошлой ночью прямо у входной двери. По сравнению с кабинетом, куда они вошли, дом казался воплощением аккуратности и порядка. Мадди обратилась к гостю:

– Чай или кофе?

– Нет, спасибо. Вот холодненького чего-нибудь я бы выпил. Похоже, сегодня будет жара.

Девушка вышла. Себастиан, сделав безуспешную попытку освободить себе место на одном из древних кресел, наконец неловко пристроился на нем.

– Волнуешься по поводу экзаменов на следующей неделе? – спросила Мадди, вернувшись и передавая гостю стакан холодной воды, – единственный напиток, который ей удалось отыскать во всем доме. Себастиан пожал плечами.

– Конечно, немного волнуюсь, но убежден, что они все будут потрясены моим талантом. Мне сразу дадут повышенную стипендию. Ну а вы, мадам, – его глаза улыбались, – уже сказали папочке?

– Нет. И не вздумай об этом заикнуться, Себастиан Ланг! Я сказала только тебе и Кейт. Вот поступлю, тогда он и узнает.

– Ну, конечно, я не скажу ни слова, глупая. Ваше доверие, сударыня, я оцениваю как особую честь. И вот что я тебе скажу, если мы поступим, я тебя приглашу на роскошный обед в Браунз Отель. Как тебе эта идея?

– Да, это как раз то, что необходимо для примабалерины, которая начинает восхождение к вершинам славы, – десять тысяч калорий. Договорились!

Мадди протянула руку, и Себастиан торжественно ее пожал.

– Доброе утро, Себастиан! Извини, что опоздал, – Кристофер быстро вошел в комнату. Выглядел он взъерошенным в своей мятой рубашке и потрепанных джинсах.

– Ничего, не беспокойтесь.

– Ну, ладно! Скоро увидимся. Удачи тебе в следующую среду! – Мадди улыбнулась и выскользнула из комнаты, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Она пошла в свою спальню проведать кошачью семью и немного убрать комнату. Отбирая вещи для прачечной, а к ним можно было отнести практически все, что она брала в руки, Мадди прислушивалась к фортепьянным аккордам, доносившимся из кабинета отца, и думала о Себастиане. Не считая Кейт, ее лучшей школьной подруги, Себастиан был единственным человеком, которому она могла поведать о своих надеждах и мечтах. Том, его отец, и отец Мадди вместе учились в музыкальной школе Гилдхолл и остались прекрасными друзьями. Однако Том умер вскоре после того, как погибла мать Мадди, и его вдова Магда осталась одна с семилетним Себастианом. Когда мальчику исполнилось девять лет, Магда вышла замуж за какого-то итальянского графа или князя, и с тех пор Себастиан, которого отправили учиться в школу с полным пансионом, видел мать только в ее редкие приезды в Англию. Мадди хорошо знала, как переживал Себастиан, когда его мать уехала за своим новым мужем. Казалось, Магда совсем забыла, что у нее есть сын. На каникулах Себастиан жил у своей тетки в маленькой квартирке на Хайгейт, а его матушка в это время блистала на светских раутах и вовсю веселилась в Европе. Он проводил много времени в доме Мадди, потому что у тетки пианино, естественно, не было. Заметив, что у молодого человека есть способности, Кристофер стал бесплатно заниматься с сыном своего покойного друга.

Себастиан был всего на несколько лет старше Мадди. Они очень сблизились в последнее время. У них, действительно, было много общего – оба потеряли одного из родителей, оба были, несомненно, талантливы. Наверное, поэтому на каникулах они много часов проводили вместе, разговаривая подолгу.

Хотя Себастиан и собирался поступать в консерваторию, чтобы учиться классике, он буквально с ума сходил от современной музыки и мечтал сам писать ее. Мадди даже вспомнить не могла, сколько раз он таскал ее на концерты рок-звезд, сколько раз они слушали «Иисус Христос – суперзвезда» и другие рок-оперы. Теперь она, пожалуй, помнила их партитуры на память и могла бы спеть от начала до конца. Возвратившись в Хэмпстед после дневных спектаклей, Себастиан играл на фортепьяно, а Мадди пела все женские партии.

– У тебя отличный голос, Мадди, – сказал он как-то. – Ты обязательно должна его развивать, добиваясь большей глубины и музыкальности.

Мадди тогда густо покраснела и приказала Себастиану закрыть рот. Чего ради ей тренировать свой голос?! Зачем? Балеринам нет необходимости петь.

Пару месяцев назад ее подруга Кейт познакомилась с Себастианом и повела себя очень странно. Обычно оживленная и остроумная, Кейт проводила в компании с Себастианом бесконечно долгие часы, едва роняя слова и краснея всякий раз, стоило ему заговорить с ней.

– Да что с тобой, в самом деле, случилось? – однажды в упор спросила подружку Мадди, когда Себастиан ушел.

В глазах Кейт появилось мечтательное выражение, она вздохнула и сказала:

– Правда, он замечательный? Боже, Мадди, ты такая счастливая. Тебе так везет!

– Почему это мне везет? – не поняла Мадди.

– Да потому, что ты можешь видеть его, когда пожелаешь!

И Кейт начала молоть всякий вздор о прекрасных голубых глазах Себастиана, черных, как смоль, волосах, прекрасной фигуре и несла подобный бред до тех пор, пока Мадди не почувствовала, что ее вот-вот стошнит от всего этого.

Когда они встретились в следующий раз, она долго и внимательно изучала своего друга, пытаясь понять, о чем это толковала Кейт, но ничего особенного так и не заметила.

Мадди посмотрела на часы. У нее еще оставалось полчаса, чтобы надеть трико и колготки и добежать до студии на Белсайз Парк, где находился ее балетный класс.

Спустя несколько минут, торопливо спускаясь по Хаверсток Хилл, она почувствовала, как ее переполняет знобящий страх, от которого дрожат колени. Оставалось всего четыре дня, нужно было тренироваться и тренироваться. Она жутко устала от этих выматывающих душу, изнурительных занятий перед испытанием на следующей неделе. Но мысль о том, как она скажет отцу, что поступила в то самое училище, где началась ослепительная карьера ее матери, эта мысль делала Мадди сильнее.

Глава 2

Раздевалка хореографического училища Королевского Национального балета находилась в полуподвальном помещении и была в этот час заполнена до отказа едва одетыми и переодевающимися девушками. Теснота становилась еще более невыносимой, ведь практически каждая конкурсантка привела с собой мать или какую-нибудь родственницу, рассчитывая на их моральную поддержку. Мадди пришла совсем одна, и рассчитывать ей было не на кого. Она с трудом отыскала крохотный кусочек деревянной лавки и здесь, в углу комнаты, начала переодеваться. Менее чем через пятнадцать минут ей предстояло вместе с остальными девушками пройти по длинному коридору и войти в просторную балетную студию. Там, в течение полутора часов занятий, таких же, как в любой балетной школе, ей придется выполнить танцевальные движения, которые давно уже стали ее второй натурой, ее жизнью. И все-таки отличие от простого балетного класса будет существенным, потому что во время занятий за поступающими будут наблюдать главный балетмейстер Королевского Национального балета, один из ведущих хореографов и прима-балерина балетной труппы. Подумать только! Сотни часов репетиций, тяжелых, изнурительных тренировок, а зависеть все будет, оказывается, от этих девяноста минут.

– Прошу минуту внимания! – в дверях появилась женщина средних лет со списками в руках. То тут, то там раздалось шиканье, и когда разговоры стихли, дама продолжила. – Девочки, меня зовут Марджори. Когда я назову вашу фамилию, пожалуйста, выйдите вперед, возьмите свой порядковый номер и аккуратно приколите его на трико. Затем я провожу вас в балетную студию.

Мадди смотрела, как девушки подходили и брали свои номера, слушала, как называли фамилии, и ей почему-то было неловко, словно она какой-то экспонат, который через минуту-другую будут показывать взыскательной публике.

Между тем женщина позвала:

– Николь Делѝз!

Ответа не последовало.

– Дениз… – подумала про себя Мадди. – Эта фамилия о многом говорила присутствующим. Иветта Дениз была прима-балерина Королевского Национального балета.

– Николь Дениз! – повторила женщина. – Нет? Ну, ладно… Следующая в списке…

В это время дверь в раздевалку распахнулась, и в комнату впорхнуло очаровательное создание с хорошеньким личиком, обрамленным длинными белокурыми волосами, и в каком-то немыслимом наряде. Создание бросило на пол дорогой саквояж и воскликнуло:

– Привет, Марджори! Мне так жаль, что я опоздала, но мы с мамой застряли в кошмарной автомобильной пробке. Она все объяснит.

Женщина повернулась к девушке и улыбнулась.

– А, Николь! Рада тебя видеть. Не беспокойся, ты не очень опоздала, вот твой номер. У тебя есть еще минут десять перед тем, как я поведу вас на занятие.

Девушка улыбнулась в ответ, взяла свой номер и коротко ответила:

– Спасибо, Марджори.

Толпа конкурсанток, охваченных благоговейным трепетом при виде этой сцены, расступилась, давая Николь возможность пройти к скамейке, а одна из девушек торопливо сгребла свою одежду, чтобы Николь могла сесть и переодеться.

– Ну, ладно, девочки, продолжим, – сказала Марджори, возвращаясь к своему списку.

Очередь дошла до Мадди, она подошла и трясущимися руками взяла свой номер, подумав, что было бы замечательно, если бы рядом находилась мать и помогла приколоть его. Она украдкой бросила взгляд на Николь. Та к этому времени уже надела новое трико и благодарно улыбалась чей-то мамаше, хлопотавшей возле нее и помогавшей прикрепить номерок.

– Итак, вы готовы? – спросила Марджори.

В ответ раздалось взволнованное перешептывание.

– Хорошо. Тогда, пожалуйста, следуйте за мной. Не забудьте ваши пуанты.

Сердце у Мадди в груди отчаянно заколотилось, ей показалось, что сейчас она просто лишится сил. Девушки в эту минуту получали прощальные поцелуи и последние наставления от своих взволнованных матерей. Спустя несколько мгновений Мадди в числе других соискательниц в молчании последовала по коридору за Марджори, а затем вверх по лестнице. Поднимаясь по ступенькам, она вознесла своей матери коротенькую молитву с просьбой о поддержке.

К тому времени, когда группа достигла дверей в танцевальный класс, руки Мадди совершенно онемели и закоченели, а ног своих от страха она совсем не чувствовала. Она вновь с завистью подумала о Николь Дениз, которая, казалось, не испытывала никакого волнения и всю дорогу весело щебетала со своей соседкой о «новом мамином балете».

Они вошли в огромный танцевальный класс с высоким потолком. Вдоль зеркальных стен тянулись перила балетного станка, в одном углу стояло старенькое фортепьяно, а напротив находился длинный стол, за которым сидели две женщины и мужчина. Как только кандидатки заполнили комнату, оказавшуюся вдруг не такой уж огромной, мужчина поспешно погасил сигарету, встал из-за стола и, обойдя его, остановился перед девушками, спиной к сидящим женщинам.

– Доброе утро, леди! Если вам потребуется, то ящик с камедью находится в углу.

Несколько девушек направились к коробке с порошком и тщательно натерли свои балетные тапочки, чтобы предотвратить скольжение.

– Меня зовут Серж Ранкин. Сегодня я буду проводить у вас занятия. Рядом со мной мадам Папен, главный балетмейстер училища. Думаю, вы уже догадались, нас почтила своим присутствием прима-балерина Королевского Национального балета Иветта Дениз.

Красивая женщина за столом подняла тонкую руку в приветствии и любезно, с оттенком снисходительности, кивнула.

– Недурно иметь мамочку в экзаменационной комиссии, – пробормотала девушка, стоявшая рядом с Мадди. Мадди кивнула. В этот момент дверь балетного класса открылась, и в комнату вошли пятеро молодых людей в тренировочных костюмах.

– Ну, вот и мальчики. Можем начинать, – произнес Серж.

Двадцать пять кандидатов выстроились у станка по порядку номеров. Мадди оказалась практически позади всех, это ее несколько успокоило.

– Хорошо, девочки и мальчики! Я бы хотел, чтобы вы смотрели на все происходящее, как на обычное занятие в балетном классе. Расслабьтесь и наслаждайтесь движением. Начинаем с плиссе! – Серж продемонстрировал последовательность выполнения упражнений.

И конкурсный просмотр начался. Поначалу Мадди почувствовала себя очень напряженно, неуклюже, но когда она сделала поворот, чтобы повторить плиссе с другой стороны, к ней внезапно вернулась уверенность, а вместе с ней и легкость движений. К началу третьего упражнения Мадди совершенно успокоилась и расслабилась. Она больше не смотрела по сторонам, не замечала внимательных глаз членов комиссии, а сосредоточилась на том, чтобы заставить свои дисциплинированные руки и ноги блестяще выполнять упражнения.

Мадди даже удивилась, когда услышала, как Серж сказал, что упражнения на станке закончились, и теперь они могут минут пять отдохнуть, прежде чем урок будет продолжен. Мадди легла навзничь прямо на пол, как и большинство других, закрыла глаза и попыталась успокоить дыхание и собраться. Сейчас начинался настоящий экзамен.

Она опять оказалась в заднем ряду. Прямо в центре первого ряда стояла Николь. Вид у нее был такой, будто ничего особенного не происходит, и подобные экзамены она сдает практически каждый день.

– Теперь переходим к адажио, – произнес Серж, и из рядов девушек послышались стоны. Адажио было самой трудной частью балетного класса, движения должны быть очень медленными, отточенными, а от танцора требуется много усилий, чтобы не потерять равновесия. Нервное напряжение делало эту задачу трудновыполнимой, и Мадди сжала зубы, глядя, как Серж показывает то, что необходимо выполнить. Образец оказался дьявольски непростым.

– Вот так. Сначала номера с первого по двенадцатый, затем – с тринадцатого по двадцать пятый, – объявил Серж.

Мадди с облегчением села, радуясь возможности понаблюдать за другими.

Не было сомнения в том, что Николь Дениз выполняет все просто отлично. Она блестяще чувствовала музыку, с исключительным

мастерством совершала все повороты, а ее движения отличались подлинным артистизмом.

– Да, – вынуждена была признать Мадди, с завистью глядя на девушку, мать которой сидела в приемной комиссии, – она тут лучше всех. Ей обеспечено место в училище, независимо от того, была ее мать членом жюри или нет.

Когда настала очередь Мадди, она смогла выложиться и показать все, на что была способна.

Чувство уверенности в себе окрепло, и уже в следующем упражнении Мадди ухитрилась выполнить все, что требовалось, без сучка и задоринки. Сложная комбинация шагов и поворотов давала возможность экзаменаторам проверить не только физические данные конкурсантов, но и их умственные способности.

– Девочки отдыхают. Мальчики, пожалуйста, ваш черед.

Один за другим юноши промчались из угла балетного класса через весь зал. Вихрь стремительных прыжков, казалось, захватил всех присутствующих. Мадди даже задохнулась от восхищения, когда последний из них, начав серию прыжков в углу, выполнил их, едва касаясь пола. Казалось, что его тело слегка зависает в воздухе перед тем, как опуститься на землю. Среди сидящих девушек пронесся шепот восхищения.

– Здорово! – выдохнула соседка Мадди.

Затем Мадди выполнила пируэты и прыжки легко и свободно, в то время, как другим из-за нервного напряжения многое не удалось. Затем девушкам предложили переобуться и надеть пуанты. Последние упражнения, предложенные Сержем, были значительно проще предыдущих, но они были и самыми ответственными.

– Хорошо, достаточно, заканчиваем, – улыбнулся Серж. – Теперь на несколько минут мы удалимся и после обсуждения зачитаем список тех, с кем хотели бы провести собеседование и экзамены по физической подготовке.

Он подошел к столу, и приемная комиссия начала свое обсуждение. Напряжение в зале, казалось, достигло предела.

– О, Боже, мама убьет меня, если я провалюсь, – прошептала соседка Мадди.

Время как будто остановилось, а экзаменаторы продолжали совещаться. Наконец Серж откашлялся, встал из-за стола и сделал

несколько шагов к замершим, полным надежд юным дарованиям.

– Прежде всего, мне хотелось бы сказать, что на нас произвел очень большое впечатление уровень подготовки соискателей. К глубокому сожалению, мы не можем всех принять. Если вашей фамилии не окажется в списке, это будет означать, что, на наш взгляд, вам требуется немного поработать над собой или ваша физическая подготовка не совсем соответствует нашим требованиям. Мы боимся, что вы не справитесь с напряженным графиком занятий. Благодарю всех, кто принял участие в сегодняшнем просмотре. Итак, первый номер в нашем списке…

Мадди увидела, как на лице первой девушки, когда назвали ее номер, появилась счастливая улыбка. Затем назвали юношу, чья замечательная прыгучесть так всех удивила. Уже назвали пять номеров, включая и тот, который принадлежал Николь Дели з. Мадди затаила дыхание. В списке осталось не так уж много людей.

– Номер четырнадцать… Спасибо всем!

Мадди с грустью посмотрела на номер четырнадцать, свою разговорчивую соседку. Оцепенев от горя, она пыталась сдержать подступившие слезы.

Другие отвергнутые кандидатки рыдали, не реагируя на попытки счастливых соперниц утешить их. Для тех, кто не прошел по конкурсу, были перечеркнуты годы напряженного труда. Все их мечты рухнули в несколько секунд. Были другие училища, другие балетные труппы, но все это не шло ни в какое сравнение с Королевским Национальным балетом.

Мадди спустилась по лестнице и вернулась в раздевалку, где толпились матери конкурсанток, еще более бледные, чем их чада.

С несчастным видом она натянула тренировочный костюм поверх трико и колготок, не желая больше ни на секунду задерживаться в этом здании. В конце концов, душ можно принять и дома.

– Бедняжка, – пожалела ее бывшая соседка, не скрывая своей радостной улыбки. – Тебе просто не повезло. Я наблюдала за тобой. Думаю, ты была одной из лучших. Ничего, – тут ее улыбка стала еще шире, – может быть, тебе повезет в следующий раз.

Мадди, глотая слезы, кивнула, с трудом подавив внезапно вспыхнувшее желание выцарапать девушке глаза, затем швырнула балетные тапочки в свой вещмешок, поклявшись, что сожжет их, как

только вернется домой, и начала торопливо пробираться к выходу. Внезапно у нее на пути встала Марджори, которая была чем-то необыкновенно взволнована.

– Простите, девушки. Серж допустил ошибку. Он пропустил один номер. Номер восемнадцать еще здесь?

Она в отчаянии посмотрела вокруг.

– Это же ты! У тебя был восемнадцатый номер! – уставилась на Мадди все та же словоохотливая девушка.

– Это вы, дорогая? Вас зовут Мадлена Винсент? – Марджори вопросительно посмотрела на нее.

Мадди кивнула.

– В таком случае, если хотите, можете пройти в нашу столовую и немного перекусить. После ленча наше руководство хотело бы с вами побеседовать. Прошу прощения за нашу ошибку.

Всей кожей чувствуя завистливые жгучие взгляды девушек, Мадди прошла сквозь толпу в душевую, надеясь укрыться от посторонних. Там она бессильно опустилась на пол и, наконец, дала волю слезам.

Неделю спустя Себастиан сидел у стола ректора Гилдхоллской музыкальной школы, одной из самых престижных. Его первое выступление, которое состоялось десятью днями раньше, прошло чрезвычайно удачно, и его вызвали на собеседование.

– Итак, мистер Ланг, нам с профессором Сонгстом чрезвычайно понравилось, как вы исполнили фортепьянный концерт Рахманинова. Но мне показалось, что это, э-э-э… не совсем то, что вам нравится?

– Видите ли, конечно, мне нравится классика, но должен согласиться, что я больше люблю несколько другой жанр композиции, – осторожно подтвердил Себастиан.

– Ну, что же, это не проблема. У нас учились многие из известных современных композиторов. Знаете ли вы, что для особенно одаренных студентов есть ежегодно присуждаемая премия? В жюри входят ведущие музыкальные критики и представители музыкального мира, так что у этой награды очень высокий статус. Однако должен подчеркнуть, что обучение у нас основано на классическом репертуаре. Мы с профессором уверены, что вы в будущем можете стать прекрасным пианистом. Конечно, вы будете посещать занятия по

композиции и сможете получить необходимую помощь в процессе создания ваших собственных работ. Как вы на это смотрите? Напоминаю, мы можем предоставить вам стипендию только при условии изучения классики.

– Сэр, если я скажу, что у меня захватывает дух от радости, это будет самый правильный ответ.

– Вот и хорошо! Будем считать вопрос решенным.

– Конечно.

– Надеемся увидеть вас в сентябре, мистер Ланг, – ректор вышел из-за стола, протянул Себастиану руку и тепло улыбнулся. – До свидания!

Себастиан торопливо шел к станции метро, и ему казалось, что от счастья у него за спиной выросли крылья. Отзыв, который он получил от ректора и профессора, превосходил его самые смелые мечты. Они с уважением отозвались о его таланте. Хотя их стремление видеть его пианистом, исполняющим классику, не соответствовало его планам, все-таки их оценка была чертовски приятной.

Он непременно должен с кем-нибудь поделиться своей радостью! Внезапно Себастиана охватила грусть. Он остановился. С кем, собственно, он может поделиться? Его мать где-то в Европе, тетушка Мэри, конечно, добрейший человек, но глупа, да и не подходит для хмельной праздничной ночи. Единственный человек, который сможет понять его, это Мадди. Юноша поспешил к ближайшей пивной и направился к платному телефону, молясь про себя, чтобы девушка оказалась дома.

Раздался гудок, и Мадди ответила:

– Алло?

– Мадди! Это я, Себастиан. Извини, что беспокою, но меня только что приняли в Гилдхолл и дали стипендию!

– Ух ты! Себастиан, это фантастика! Поздравляю!

– А у тебя какие новости?

– Да есть кое-какие! Утром пришло письмо. В сентябре я начинаю заниматься в училище Национального.

Он слышал радостное волнение в ее голосе.

– Тогда, может быть, встретимся с тобой через час в Браунз Отеле? Я обещал пригласить тебя на чай, помнишь? Скажем друг другу, какие мы замечательно талантливые. – Себастиан засмеялся.

– О'кей, – ответила Мадди, – увидимся через час.

Мадди вошла в чайный зал отеля. Себастиан сидел за угловым столом. Лицо девушки разрумянилось, глаза возбужденно блестели. Себастиан вдруг подумал, что она очень хорошенькая. Он встал, подошел к ней и крепко обнял.

– Садись и присоединяйся к тем, кто по праву может сказать о себе: «Ну я ли не молодец!» Нам, наверное, следовало бы пить шампанское, но на данный момент хватит и чашки «Эрл Грей»[2]. Я буду доброй матушкой, можно?

Мадди села, а он в это время налил чай в чашки из прекрасного фарфора.

– Аплодисменты и поздравления нам обоим, – улыбаясь, сказала девушка. – В отличие от тебя, мне не удалось настолько поразить эту публику в училище Национального, чтобы они предложили мне стипендию. Они меня вообще чуть не забыли.

Мадди поежилась, вспоминая, как пропустили ее номер.

– Уже сказала отцу?

Она покачала головой:

– Нет. Он сегодня играет на репетиции в Национальном, пошел к десяти, а почту принесли в половине одиннадцатого. У меня весь день язык чешется, хочется хоть кому-нибудь рассказать! Почему это, как только хорошая новость, так обязательно дома никого нет? Ну, все равно, он вернется домой к семи часам. Думаю, мы вместе поедем в Хэмпстед и расскажем ему все. Думаю, что по поводу тебя он обрадуется даже больше. Папа все время говорит, что у тебя просто феноменальные способности.

– Конечно, конечно, мадам! Папочка боготворит свою дорогую дочурку. А когда ты скажешь ему, что идешь по стопам его любимой жены, думаю, глаза его увлажнятся, и он будет растроган до глубины души.

– Странно, правда? – задумчиво сказала Мадди. – Я поступила в балетную школу и пойду тем же путем, что и моя покойная мать, а ты идешь так же, как твой отец. Ты действительно думаешь, что все это происходит не благодаря им, а вопреки?

Себастиан пожал плечами.

– Я, кажется, понимаю, что ты хочешь сказать, Мадди. Мы, наверное, пытаемся прожить за наших родителей те жизни, что так безвременно оборвались. И пытаемся это сделать потому, что чувствуем себя обязанными. Правильно? Я тебе вот что скажу. Если бы ты хотела стать дантистом, а я, к примеру, учился бы на бухгалтера, тогда – да, пожалуй. Но когда ты стоишь на пальцах одной ноги, а вторая в это время выше головы, и так по полчаса, когда весь в поту лупишь по клавишам перед двумя тысячами зрителей, – нет, тут нечто большее, чем чувство долга. Смотри на это по-другому. Мы просто унаследовали их талант, как другие наследуют форму зубов или… веснушки.

Мадди покраснела.

– Что ты, что ты! Извини. Ну ты же не очень переживаешь из-за своих веснушек, правда?

– Ты прекрасно знаешь, что переживаю, свинтус! – она ткнула его кулаком в ребро.

– Пожалуйста, не надо насилия! Я могу подавиться огурцом – украшением этого прекрасного сэндвича, который, между прочим, действительно очень хорош. Возьми, попробуй.

Мадди выбрала на тарелке тоненький, хрупкий ломтик и осторожно спросила:

– А твоя мама тебе когда-нибудь рассказывала об отце?

Рот Себастиана был набит сэндвичем, поэтому он просто покачал головой, а затем, прожевав, ответил:

– Да нет, ты же знаешь, как редко я ее вижу. Может, она и говорила, когда я был поменьше, но не могу сказать, что я это помню. Все-таки странно, до чего по-разному люди переживают свои утраты. Твой отец, например, соорудил в сердце величественный пьедестал и водрузил на него свою жену, а моя мать никогда даже не упоминает об отце.

– Порой мне кажется, что я никогда не буду достойна ее памяти, – вздохнула Мадди.

– Я ничего об отце не знаю, и это тоже плохо, – юноша пожал плечами. – Из того, что мне известно, можно сделать вывод, что он немного играл на фортепьяно, сочинял какие-то странные песни, женился на моей матери, а затем умер. Негусто, правда? Ладно, хватит этих заупокойных разговоров. Давай выпьем за будущее!

– За будущее! – улыбнулась Мадди и подняла чашку с чаем.

Мадди и Себастиан вернулись в Хэмпстед в половине седьмого. Кристофера еще не было, и Себастиан настоял на том, чтобы сбегать в ближайший бар, где спиртное продавалось на вынос, и купить бутылочку чего-нибудь «дешевого и игристого», чтобы отметить хорошие новости.

Пока его не было, она поднялась в свою спальню проведать Шехерезаду и обнаружила, что молодая мамаша решила со своей семьей переселиться в открытый для просушки платяной шкаф. Она как раз тащила в зубах одного из своих отпрысков, чрезвычайно возмущенного таким обращением и вопившего во все горло. За этим занятием ее и застала хозяйка.

С трудом раскопав тарелку из-под молока под грудой носков и пыльного белья, свалившегося с верхней полки, Мадди отправилась в кухню. Там она отыскала три высоких бокала и, весело напевая что-то легкомысленное, подставила их под струю воды.

– Мадди! Я пришел! – хлопнула входная дверь, и в прихожей послышались шаги Кристофера. Через секунду он появился в дверях кухни, и Мадди заметила, что он придерживает походную сумку, в которой позвякивают бутылки.

– Привет, дорогая, отличный сегодня денек, да? – в глазах отца прыгали смешинки, он лукаво взглянул на нее.

– М-м-м, да. Я получила сегодня письмо из… ой, папа, какой же ты все-таки! Ты уже знаешь, да?

Он кивнул.

– Сожалею, моя милая. Я знаю уже два дня. Боюсь, ты забыла о нравах в балетной труппе. Ничто ни от кого не укроется, все видят и знают. Меня на днях в коридоре остановил Серж Ранкин и спросил, не приходишься ли ты мне какой-нибудь родственницей. Он сказал, что в ту минуту, когда увидел тебя танцующей, он сразу понял, что ты, должно быть, дочь Антонии. Ты же знаешь, он был некоторое время партнером мамы.

Как и предсказывал Себастиан, глаза отца наполнились слезами.

– Ах, девочка моя, я так горжусь тобой! Подойди и обними меня покрепче.

– Почему ты мне не сказала, что собираешься участвовать в конкурсе?

– Я очень боялась, что не поступлю.

– Глупенькая! – Кристофер крепче обнял дочь и погладил ее волосы. – Ничего бы не произошло, если бы и не поступила, Мадди. Но мне так приятно, что у тебя все хорошо, и ты добилась своего. Я знаю, что твоей матери, где бы она сейчас ни была, тоже приятно.

Девушка почувствовала, что у нее к горлу подступил ком.

– Я очень хочу, чтобы вы оба могли мной гордиться, папа.

– И ты добьешься этого, Мадди, добьешься.

Раздался звонок в дверь, вернулся Себастиан. Мадди побежала к входной двери.

– Входи, Себастиан. Папа, у меня для тебя еще одна новость.

Девушка взволнованно потащила Себастиана за руку:

– Пойдем, скажи папе все, что у нас для него приготовлено.

Спустя десять минут все сидели в гостиной и пили искрящееся вино.

– Ну, молодцы! – сказал Кристофер. – У меня сегодня тоже есть новости.

– Давай, выкладывай.

– Моя новость, конечно, не такая волнующая, как ваша. Я бы все равно не принял это предложение, но все-таки приятно, что ко мне обратились. Дело в том, что группа Национального балета в сентябре едет в Америку, меня приглашают в качестве пианиста на репетиции. Предстоят трехмесячные гастроли вместе с Иветтой Дениз и Андре Метеном. Было бы, конечно, интересно увидеть Америку, но… – Кристофер пожал плечами и сделал глоток вина.

– А почему ты не можешь поехать, папа?

– Из-за тебя, глупая. Не могу же я оставить тебя совсем одну. Не забывай, тебе всего восемнадцать лет, хотя ты и ведешь себя, как сорокалетняя матрона, – он улыбнулся дочери.

– Спасибо, папа, только нужно хорошенько разобраться в этом вопросе. Я все время сама забочусь о тебе. Кроме того, всего три месяца… Конечно, я буду без тебя скучать, но все у меня будет в абсолютном порядке, честное слово. Папа, ты должен ехать!

– Извините, что я вмешиваюсь, но я согласен с Мадди, – подал голос Себастиан. – Вы должны признать, что она достаточно

благоразумна и самостоятельна, да и я буду поблизости и присмотрю за ней в случае чего.

Кристофер с сомнением покачал головой.

– Мне не хочется думать, что ты тут будешь совсем одна.

– Ой, брось, папочка! – продолжала атаку Мадди, перебивая отца. – Большинство вечеров ты и так отсутствуешь. Кроме того, я буду очень занята в балетном училище. Извини, папа, но ты, кажется, не заметил, что я уже выросла.

– Ну, ладно, обещаю подумать.

Она видела, что отец сдается.

– Нет, нет! Ты был замечательным отцом последние семнадцать лет, а теперь пора и для себя что-нибудь сделать. Говори «да», папочка. Никогда не знаешь, что произойдет. Это может изменить всю твою жизнь!

В конце концов Кристофер кивнул, сдаваясь под ее напором, и за будущую поездку был произнесен тост.

Мадди еще не раз вспомнит этот вечер и горько пожалеет, что произнесла эти пророческие слова.

Глава 3

Июль и август пролетели, как один день. В середине сентября у Мадди начнутся занятия в балетном училище, а Кристофер уедет в Америку за неделю до этого. Накануне отъезда он пообещал дочери пообедать с ней в ее любимом ресторанчике на старенькой улочке Хэмпстеда.

Они сидели вдвоем за угловым столиком в освещенном свечами зале, ели какое-то итальянское блюдо и запивали его прекрасным «фраскатти».

– Я оставил достаточно денег для того, чтобы оплатить счета за дом, свет и газ на следующие три месяца. Если возникнут финансовые проблемы, свяжись с Гаральдом.

Мадди скорчила гримасу. Гаральд был старшим братом Кристофера, ее дядей. Он жил в большом доме в Глочестершире, доставшемся ему в наследство от богатого отца. Кристофер, нарушивший отцовскую волю и занявшийся музыкой, не получил по завещанию равную с братом долю. Ему были оставлены дом в Хэмпстеде и небольшая денежная рента, которая, впрочем, находилась под опекой Гаральда. Всякий раз, когда возникали финансовые проблемы, Кристоферу приходилось скрепя сердце отправляться в Глочестершир на поклон к этому чопорному холостяку, у которого не было времени разбираться в душевных метаниях и творческих капризах младшего братца. Гаральд ясно давал понять, что считает брата лентяем и бездельником. Однако он платил за обучение Мадди в Хэмпстед Хай Скул, поэтому Кристофер мирился с ним.

– Уверена, что мне не понадобится к нему обращаться, папа, – сказала Мадди в тот момент, когда хорошенькая официантка, по-видимому, итальянка, принесла кофе.

Кристофер улыбнулся, поблагодарил девушку, а та, покраснев, поставила кофе на столик и быстро удалилась.

С некоторых пор в те редкие вечера, когда они куда-нибудь выбирались, Мадди стала замечать, какое впечатление производит Кристофер на женщин. Из-за того, что он ее отец, она никогда не обращала внимания на то, как он выглядит. Но сейчас, внимательно глядя на него, она решила, что он очень привлекателен. У него были

красивые голубые глаза и длинные каштановые волосы. Высокий, по-мальчишески худой, отец всегда одевался несколько небрежно, не задумываясь, выбирал любую одежду, лишь бы она была чистой. В глазах женщин это только добавляло ему шарма.

Кристофер был в целом и в мелочах настоящим джентльменом, а его творческая артистическая натура в сочетании с юношеским лицом представляла для слабого пола чрезвычайно соблазнительный коктейль.

– Кроме того, – подумала Мадди, – ему всего тридцать девять лет.

Она не помнила, чтобы отец приводил домой женщин. Мадди предполагала, что у него, наверное, были любовные связи, но они были надежно скрыты от глаз дочери, и ей о них ничего не было известно.

Внезапно у нее появилось острое чувство неуверенности и незащищенности. С раннего детства отец всегда был рядом. Он утешал ее, когда случались детские огорчения, успокаивал по ночам, если она просыпалась от страшного сна, да и вообще они редко разлучались за последние двенадцать лет.

Мадди потянулась к отцу через стол и взяла его за руку.

– Ой, папочка! Я, кажется, буду по тебе ужасно скучать, – на глаза ее навернулись слезы. – Ты будешь писать мне письма, правда?

– Ну, конечно, буду, дорогая. Я хочу, чтобы ты держала меня в курсе твоих новостей в училище. Слушай, Мадди, ехать мне все-таки или нет? Я в любой момент могу аннулировать контракт и…

Она решительно покачала головой.

– Не будь ребенком, па! У меня все будет отлично, честное слово.

К счастью для Мадди, вся первая неделя после того, как Кристофер улетел в Америку, была заполнена подготовкой к занятиям в балетном училище. Дни уходили на то, чтобы ездить в магазин Фрида на Черринг Кросс, где продавались балетные принадлежности. Приходилось покупать новую обувь, колготки, трико, нужно было пришить розовые ленты к пуантам и починить у них носки. Иногда вечерами забегал Себастиан, чтобы убедиться, что у нее все в порядке, а порой она ночевала у своей подруги Кейт.

Кейт жила в роскошном особняке в начале Фитц-Джон Авеню. Отец Кейт, Натаниэль Джонсон, был газетным магнатом и руководил преуспевающей газетной группой. Выходец из Восточной Европы, он

подростком прибыл в Англию в начале пятидесятых годов и сумел добиться успеха, торгуя недвижимостью. Затем Джонсон переключился на издание газет, вначале региональных, а потом купил и национальную. Теперь он был в зените славы и считался одним из богатейших людей Британии. В тех случаях, когда Мадди доводилось видеть Натаниэля, он казался ей сильным и слегка пугающим. У него был громовой голос, массивная фигура. В деловом мире все знали, что душа у него довольно черствая. Однако свою единственную дочь он боготворил и частенько баловал разными подарками.

Пожалуй, трудно было представить более разных по социальному положению девушек. Дочь простого музыканта и единственный ребенок крупного бизнесмена. Тем не менее, Мадди и Кейт были лучшими подругами с того дня, как впервые увидели друг друга в Хэмпстед Хай Скул. Мадди нравилась роскошь, среди которой жила ее подруга, а Кейт завидовала легкой богемной атмосфере, которая царила в доме Мадди.

Мать Кейт, маленькая, привлекательная женщина, как всегда, хлопотала на кухне, колдуя над чем-то очень вкусным, судя по запаху.

– Хочешь есть, Мадди? – спросила миссис Джонсон, когда девушки появились на пороге.

– Нет, я…

– Садись без разговоров! У тебя такой вид, что еда тебе не повредит. Это очень неправильно, что твой отец укатил невесть куда и оставил тебя совсем одну, – с этими словами хозяйка дома поставила перед Мадди тарелку с великолепным мясом.

– Ну, что вы, миссис Джонсон, я отлично справляюсь. А папе эта поездка нужна ради его карьеры.

– Слишком многие люди беспокоятся о своей карьере, а не о семье. Что случилось бы, если бы мне вздумалось укатить в Америку на пару месяцев? Да все в доме пошло бы вверх дном, в конце концов, он и сам бы развалился. Вот так!

Кейт, сидя за столом напротив Мадди, сделала страшные глаза, и подружки обменялись веселыми взглядами. Мадди подумала, как все-таки здорово, что миссис Джонсон не ее мать. Кейт и без того выглядит, как розовощекий младенец, а прекрасная стряпня ее матери лишь усугубляет положение. Кейт все больше превращается в пухлую матрону.

– Пойдем ко мне, – предложила Кейт, когда Мадди с удовольствием расправилась с обедом.

– Спасибо, миссис Джонсон, все было очень вкусно!

– Хорошо, Мадди. Скажи, когда еще захочешь есть.

Девушки, тяжело отдуваясь, вышли из-за стола.

– Если бы мне еще что-нибудь предложили, я бы, наверное, умерла или лопнула, – прошептала Мадди, когда они поднялись по богато украшенной лестнице и пошли по толстому ворсистому ковру, который покрывал весь коридор.

Когда Мадди в первый раз увидела комнату своей подруги, ей было десять лет. Она тогда не могла успокоиться в течение недели и все мечтала о такой же. Даже, помнится, Санта Клауса просила, чтобы он подарил ей на Рождество покрытую кружевной накидкой широкую кровать, как у Кейт.

– Я хочу к своему дню рождения переделать все в этой спальной, – сказала Кейт, когда они вошли.

– Зачем? Мне у тебя нравится, ты же знаешь. – Мадди окинула взглядом нежные, в цветочках обои, красивый спальный гарнитур из сосны и уютные подушечки на креслах.

– Все это для маленьких девочек, а я теперь зрелая женщина, – Кейт хихикнула. – Думаю, тут нужно что-то черное с желтым, это сейчас ужасно модно.

– Какой кошмар! – воскликнула Мадди.

– Не говори глупостей, дорогуша, умоляю! – глаза Кейт сверкнули. – О'кей, мадам пуританка, а ты что предлагаешь?

Мадди пожала плечами.

– Ну, если уж тебе так хочется все поменять, попробуй кремовую драпировку и какие-нибудь предметы из сосны или других хвойных пород. Послушай, поставь пару мягких кресел или что-нибудь такое, чтобы получилась маленькая гостиная.

Кейт явно загорелась этой идеей.

– Это прекрасная мысль, Мадди! Для приемов это будет значительно лучше. А приемы у меня обязательно будут, раз уж я собираюсь появиться в высшем свете.

– Кейт, ты же собиралась пересдать экзамены, которые завалила. Тебе же надо много работать, очень много!

– Чушь, чепуха! – Кейт фыркнула, – Я хожу в колледж только потому, что этого хотели мои родители. Вон моя подружка Финелла говорила, что у них на курсе никто не занимается, а веселятся, между прочим, вовсю.

– Тебе же придется сдавать экзамены, чтобы поступить в университет.

– Да пошел он в задницу, твой университет! Я знаю, папочке очень хотелось бы, чтобы я там училась, но я старомодная девушка, – Кейт прыгнула на кровать и уселась рядом с подругой, а потом соблазнительно откинулась назад и томно улыбнулась. – Единственное, что мне надо, это найти прекрасного джентльмена с конюшней, полной породистых лошадей. Я бы хотела провести остаток дней с ним, стараясь сделать его счастливым и надевая на приемы большущие шляпы размером с Биг Бен.

Мадди укоризненно покачала головой.

– Кейт, ты неисправима! Ты же в нашем классе была самой способной, а завалила экзамены только потому, что ничего не делала. Тебе не кажется, что целый год пошел коту под хвост, а это расточительство?

Кейт, сверкнув глазами, села и посмотрела на нее.

– Послушай, дорогая моя, я тебя очень уважаю за твое желание работать, как вол, дни и ночи напролет, до головокружения, чтобы стать такой же бесплотной, как девицы из кордебалета, но мне это не интересно. Я хочу жить легко. У меня нет таких амбиций, как у тебя. Я не тщеславна. Самое большее, на что я согласна, – это раз в день выезжать на прогулку на собственной лошади.

С деланным отвращением Мадди воскликнула:

– Ну, да! Подумать только, что ради таких, как ты, Эммелин Панхерст[3] приковывала себя к ограде!

– О, не только этого я хочу! Со следующей недели я сажусь на диету. К Рождеству нужно сбросить фунтов четырнадцать, – сделав вид, что устыдилась, смиренно прошептала Кейт.

– Слышали уже, – пробурчала Мадди.

– Нет, на этот раз серьезно. Я слишком раздобрела. Сейчас на меня ни один мужчина не посмотрит. А в новой школе будут целые тучи стройных блондинок… А у меня ноги, как у Геракла, если я в мини-юбке.

Мадди изучающе посмотрела на подругу и вынуждена была согласиться, что той следует сбросить несколько фунтов. Кейт пошла в отца крупной фигурой, но у нее были прекрасные, черные, как смоль, волосы, коротко подстриженные по последней моде, красивые, глубокие глаза и изумительная кожа, свидетельствующая о хорошем здоровье.

– М-да, я согласна. Ты толстая, как бочка. Делай что-нибудь с собой, иначе тебя оставят где-нибудь на задворках истории и не придется даже заваливать экзамены.

– Будь уверена, милая, я что-нибудь придумаю, – улыбнулась Кейт.

Глава 4

Мадди поразилась, насколько спокойно она себя чувствовала, подходя к училищу Королевского Национального балета в первый день занятий.

Училище находилось в пяти минутах ходьбы от станции метро «Хаммерсмит». Оно было расположено в здании старого театра, которое переоборудовали, устроив в нем светлые, просторные аудитории и студии. Здесь же проводила репетиции и балетная труппа.

Внизу были раздевалки и большая студенческая столовая, где можно было неплохо и дешево перекусить. На первом этаже располагались танцклассы и офисы администрации, в том числе кабинеты художественного руководителя Королевского Национального балета Антона Шенелля и ректора балетного училища мадам Папен. Верхний этаж был отдан под аудитории и студии.

В первый день занятий не было. Студенты заполняли формуляры, знакомились с расписанием и получали у казначея стипендии. Когда Мадди получила чек на сумму, положенную ей в первом семестре, она почувствовала себя миллионершей и решила пойти после занятий в банк и положить всю сумму на свой студенческий счет.

Среди студентов оказалось несколько знакомых ей по экзамену – ее словоохотливая соседка, которую, оказывается, звали Джейн, юноша с удивительной прыгучестью и, конечно, Николь Делиз.

В раздевалке, готовясь к первому занятию в балетном классе, Николь успела собрать возле себя группу поклонников.

Во время урока, который вел Серж Ранкин, главный хореограф, Мадди улучила минутку, чтобы осмотреться и познакомиться со своими однокурсниками. Их было тридцать – двадцать четыре девушки и шесть юношей. Большинство из них закончили среднюю школу со специальным балетным классом, остальных приняли в ходе конкурсных испытаний. Мадди почувствовала гордость и даже счастье от того, что будет учиться в элитной группе, особенно когда Серж похвалил ее за один из элементов и предложил остальным посмотреть, как у нее получается волнообразное движение рук. Выполняя это упражнение, она краешком глаза заметила, что Николь презрительно смотрит на нее и что-то шепчет стоящей рядом девушке.

После занятия в балетном классе Мадди приняла душ, переоделась и уже приготовилась идти на урок балетной грамоты, где их будут учить записывать танцевальные шаги на бумаге, как вдруг к ней подошла Николь.

– Я слышала, что твой отец и моя мать вместе работают в Америке, – громко сказала она. Болтовня в раздевалке мгновенно прекратилась, девушки с удивлением смотрели на Мадди, заинтригованные, что у нее есть известные родственники.

Мадди покраснела:

– Да.

– Твой отец, кажется, тот самый пианист, который играет на репетициях? – Николь презрительно уставилась на нее.

– Да. И еще он подстраховывает в оркестре, – ответила Мадди, желая, чтобы впечатление было лучшим, но тут же поняла, что оно безнадежно испорчено этим уточнением.

– Ах, извини! Я и не знала, что он еще подстраховывает в оркестре! Прошу меня простить, – насмешливо посмотрев на Мадди, Николь удалилась.

Две девушки хихикнули, Мадди залилась краской, а в раздевалке вновь возобновилась болтовня.

– С-сука! – выдохнула она.

На следующем занятии ей никак не удавалось сосредоточиться. Перед глазами стояли насмешливое лицо Николь и ехидные взгляды девушек. Она хотела крикнуть им, что ее отец прекрасный композитор, и однажды он им покажет. Они еще будут мечтать о том, чтобы получить партию в его новом балете!

Мадди добралась до дома, чувствуя себя совершенно разбитой и раздраженной из-за того, что Николь удалось испортить ее первый день в училище. Она хотела позвонить Себастиану, но побоялась, что он увидит, как расстроила ее эта история. Гордость за отца делала абсолютно немыслимой возможность хоть кому-то рассказать о том, как ее оскорбила Николь.

В ту ночь, забравшись в постель и прислушиваясь к тишине, царящей в доме, Мадди поняла, что у нее появился враг.

Она только не понимала причины такой враждебности.

Серж Ранкин всегда получал удовольствие от второй недели занятий. У студентов было время успокоить нервы и расслабиться. Для него это была неделя, когда он начинал потихоньку отбирать тех, кто пойдет в музыкальные театры Вест Энда, будет выступать в кордебалете, и тех, кто станет большим мастером.

Уровень подготовки теперешнего курса оказался чрезвычайно высоким. Юноша, который на конкурсном просмотре произвел на всех большое впечатление, – Саша Лобов, кажется, подтверждал, что они не ошиблись, восхитившись уровнем его подготовки. Серж знал, что если все пойдет хорошо, из него выйдет толк, он сможет стать вторым Барышниковым. Что касается девушек, Серж уже выбрал двух или трех возможных солисток, но самыми талантливыми были, несомненно, Николь Дализ и Мадлен Винсент.

– И неудивительно, – размышлял он, глядя на них. У обеих талантливые матери, хотя трудно было ожидать, что талант матерей в избытке перейдет к дочерям.

Трудно было бы описать двух балерин, столь разных по стилю, как эти две девушки. У Николь превосходная техника. Ноги работают прекрасно, манера танца безупречна. Серж слышал, что у Николь при рождении было сломано бедро, тем удивительнее то, чего эта девушка добилась, но…

Но было в ней нечто неуловимое, что-то такое, чему он и сам не мог подобрать названия. Может быть, то, что Николь отлично знала, как она хороша, придавало ее танцу некий налет надменности. Во всяком случае, наблюдая за тем, как она исполняет сложнейшие элементы, Серж видел, что ее движениям не хватает души. Он сомневался, что этому можно научить.

Мадлен Винсент была очень лирична. Она наслаждалась танцем и заставляла наслаждаться тех, кто ее видел. Движениям и технике ее было далеко до отточенности Николь, но Серж уже несколько раз ловил себя на том, что во время занятий смотрит только на эту девушку. В такие минуты он мысленно возвращался в прошлое, вспоминая замечательные дни славы и успеха, когда он был партнером Антонии, матери своей нынешней студентки. Не такая красивая, как мать, Мадлен совершенно преображалась в танце. К счастью, она, кажется, не до конца понимала, как она хороша и насколько свежо и прелестно ее исполнение.

Серж заметил, с каким выражением наблюдает Николь за танцующей Мадлен. Неприязнь в ее глазах читалась совершенно отчетливо. Сомневаться не приходилось – Николь Дениз невзлюбила соперницу.

Мадди довольно быстро втянулась в режим студенческой жизни. Она получала удовольствие от напряженной работы и наслаждалась похвалой, которая частенько звучала в ее адрес из уст Сержа и других педагогов. С первого дня, когда Николь удалось ее унизить, и сама Николь, и ее свита не обращали на Мадди внимания. Она была этому только рада. Мадди подружилась с Джейн, и они часто вместе ходили на ленч.

– Не правда ли, Саша просто великолепен? – спросила Джейн, глядя на юношу, который в этот момент с неуловимой грацией шел через студенческую столовую.

– Да, он очень красивый, – согласилась Мадди, не желая признаваться себе, что последние десять дней только о нем и думает. Саша очень быстро стал предметом воздыханий многих студенток, и среди них ходило множество самых удивительных историй о его происхождении. Этот загадочный юноша из России был довольно высок для танцора – около шести футов, и это придавало его движениям мужественную силу. В то же время его танец отличали грация и элегантность. На худощавом скуластом лице мерцали темно-карие огромные глаза, а губы, немного полноватые и чувственные, дополняли его романтический облик. У него были широкие плечи и волосы удивительного каштанового цвета с красноватым оттенком, он расчесывал их на прямой пробор. Для мужчины он был, пожалуй, даже слишком красив.

Саша подошел к столику, за которым сидела Николь, сел с ней рядом, и они стали о чем-то болтать. Мадди призналась самой себе, что ее страшно разочаровало, когда на занятиях па-де-де партнершей Саши стала Николь. Юноши и девушки учились работать парами, отрабатывая всевозможные поддержки и синхронные движения. На этом этапе подготовки отработка взаимопонимания с партнером становилась важнее индивидуальной техники. Нужно было признать – Николь и Саша вместе выглядели просто великолепно. Он был такой

высокий, темноволосый, мужественный, а она рядом с ним – хрупкая, тоненькая, светловолосая.

Джейн, проследив за взглядом Мадди, произнесла:

– Эти двое далеко пойдут. Николь прекрасно знает, что он – лучший танцор в нашем училище. Она из кожи вон лезет, чтобы к нему прицепиться.

В тот день на занятиях Серж объявил, что в конце семестра первокурсники будут участвовать в небольшом концерте. Поскольку это будет канун Рождества, он выбрал для постановки сцены из «Щелкунчика». Всем нужно было разучить танец Феи Драже, а кто его будет исполнять на концерте, Серж пообещал сказать позже.

Впрочем, все девушки сходились на том, что это пустая формальность. Разговаривая между собой в раздевалке и во время перерывов, они пришли к выводу, что партию Феи Драже получит Николь.

По дороге к метро Мадди раздраженно заметила Джейн:

– Интересно, почему считается само собой разумеющимся, что именно Николь получит эту партию? Если бы не ее мать, у девушек наверняка возникли бы кое-какие сомнения на этот счет.

– Все же согласись, Мадди, она хороша.

– Да, только меня раздражает, как все пресмыкаются перед ней. Ну и ладно… Слава Богу, наступит уик-энд, можно будет вволю полежать в постели. Я смертельно устала!

– Ну, желаю отдохнуть! – Джейн помахала подруге рукой, и они пошли каждая на свою посадочную платформу.

Неожиданно диктор объявил, что все поезда северной линии опаздывают из-за того, что один из пассажиров попал под вагон. Мадди подошла к переполненной платформе, с жалостью думая о судьбе этого бедняги и немного злясь на него за то, что теперь ей придется неизвестно сколько торчать тут в ожидании поезда. Она смотрела на стены станции, оклеенные разноцветными плакатами, чувствуя, как болят ноги, словно налитые свинцом, и мечтала только об одном – найти какое-нибудь местечко, чтобы сесть. Наконец, подошел поезд, и ей удалось втиснуться в вагон. На Кэмден Таун ей с боем удалось прорваться к выходу. Она пошла на другую платформу, чтобы пересесть на поезд, идущий в Хэмпстед, и вдруг увидела знакомые медно-каштановые волосы. Недалеко от нее на узкой скамье

сидел лучший танцор училища. Своим видом Саша напоминал несчастную, озябшую птицу. Он сидел, съежившись, плотно запахнув полы пальто и высоко подняв воротник так, что даже лица не было видно. Мадди стало его очень жаль. Она подошла к юноше и нарочито беззаботно сказала:

– Привет, Саша! Я и не знала, что нам по пути.

Он взглянул на нее, и девушка поразилась, какие у него опухшие, покрасневшие глаза и страдальческое выражение лица.

– Привет, – хрипло ответил он и кашлянул, прочищая горло. У него был такой вид, словно он только что плакал.

Мадди в замешательстве не нашла ничего лучшего, как сказать:

– У тебя все в порядке?

Саша кивнул.

– Да, просто плохие вести из дома, вот и все.

Подошел поезд, они вошли в вагон и сели рядом. После небольшой и неловкой паузы Мадди спросила:

– А где ты живешь?

– Снимаю комнату в Ассоциации христианской молодежи в Хэмпстеде.

– Это же в десяти минутах ходьбы от моего дома. Я живу на Уэлл Уок. Ты должен как-нибудь зайти ко мне на чай! – Мадди не могла придумать, что сказать, чтобы хоть немного утешить его. Было очевидно, что у него случилось горе.

– Спасибо, как-нибудь зайду обязательно…

Поезд остановился на Хэмпстед Стейшн, и они вышли на платформу.

– До встречи, Мадлен, увидимся в понедельник, – Саша улыбнулся, запахнул полы пальто и пошел к выходу на станцию.

В эту минуту он выглядел таким одиноким, таким несчастным, что Мадди набралась смелости и выбежала на улицу вслед за ним.

– Саша, послушай. Если хочешь побыть один, скажи мне, и я исчезну. Как насчет того, чтобы пойти ко мне на чай прямо сейчас? У меня дома никого нет и… мне кажется… ну, похоже, что тебе хочется с кем-то поговорить, побыть с кем-то. Может…

Саша остановился и резко повернулся к ней. Несколько мгновений он внимательно смотрел ей в глаза, потом улыбнулся:

– Да, Мадлен, это было бы неплохо… Показывай дорогу.

Они на минутку забежали в супермаркет, чтобы купить молоко, хлеб и торт с джемом, а спустя несколько минут подошли к дому Мадди.

– Пожалуйста, извини за беспорядок. Я сейчас живу одна и настолько устаю к вечеру, что, боюсь, вряд ли смогу убрать дом. Руки не доходят.

– Ерунда! Самое замечательное, что тут у тебя столько места. Моя комнатка в общежитии так мала, что там и с мухой не разойтись, – заметил Саша.

– Ты хотел сказать «с кошкой не разойтись», это лучше звучит, – улыбнулась Мадди. – Почему бы тебе не пройти в гостиную? Сядь там, устраивайся поудобнее. Давай-ка включим газовый обогреватель и согреемся для начала.

Спустя несколько минут они уже сидели в креслах и, наслаждаясь теплом, ели мягкие лепешки, запивая их чаем.

– Саша, откуда ты приехал?

Его глаза вновь стали печальными, в них появились слезы.

– Из России, но… – начал было он, вдруг голос его прервался сдавленным рыданием. Было тяжело видеть, как он плачет. Мадди хотелось утешить его, но, не зная причины его горя, она чувствовала, что ничего не сможет для него сделать. Она встала, вышла в туалетную комнату и, вернувшись через пару минут, подала ему бумажную салфетку.

– Спасибо… Извини меня, пожалуйста, Мадлен.

Он вытащил из кармана пальто смятый конверт и показал его девушке.

– Вот, сегодня пришло… Мне пишут… мой отец… умер.

– Ой, Саша! Я… – Мадди прижала ладонь к губам. – Мне так жаль!

Саша кивнул.

– Лет двадцать назад отец был одним из лучших солистов балета Большого театра. Он сделал головокружительную карьеру. Я родился в Москве, в превосходной квартире. У родителей было все… Машина, ну все, что там считается престижным. Ты знаешь, в России звезды балета, да и вообще известные люди живут по-королевски. Но мой отец, как там выражаются, «не придерживался партийной линии». Он вообще не верил в коммунизм. Но, самое главное, он позволял себе

обсуждать важных персон. Однажды вечером, когда мне было лет семь, отец не вернулся домой после спектакля. Просто не вернулся, и все… – Саша вытер глаза. – Мать пыталась узнать, где он, но не было никаких следов. Одно было ясно – он арестован. Мама думала, что его могли отправить в лагерь. А два года назад она тяжело заболела. Доктора говорили, что ей стало лучше, выписали из больницы, а через три недели она умерла. От инфаркта.

Саша помолчал, глядя на огонь, а Мадди, затаив дыхание, сидела, чувствуя, как у нее по щекам текут слезы, а сердце разрывается от боли. Саша снова заговорил:

– Я решил продолжать поиски отца. Начал с того, на чем остановилась мать. Мне повезло, я встретил одного чиновника, который помог мне искать папу.

– И он отыскал твоего отца, да? – тихо спросила Мадди.

Саша кивнул.

– Да, он узнал, что отец действительно был отправлен в один из лагерей в Сибири. В письме пишут, что папа умер шесть лет назад от туберкулеза.

– О, Саша! Мне так жаль…

– Ты знаешь, Мадлен, я не могу тебе передать, в какой страшной нищете жили мы с мамой после исчезновения отца. Ее внезапно уволили из Большого, хотя она была прекрасным дизайнером по костюмам. Моя учеба в училище при Большом театре, – Саша махнул рукой, – накрылась сразу. У нас не было ничего. Мама устроилась швеей на фабрику, но ее зарплаты хватало, чтобы не умереть с голоду.

– Значит, ты не учился в Большом?

– Нет. Из-за отца мне не позволили. Так что я брал уроки у одного педагога из хореографического училища, который помнил моего отца и с симпатией относился ко мне.

– Поэтому ты и решил приехать в Англию, чтобы учиться?

– Да. Когда Горбачев пришел к власти, стало проще получить визу. Мне удалось ее достать, и я сразу уехал. – Саша пожал плечами. – Назад я теперь никогда не вернусь, у меня там никого и ничего нет.

– А я думала, что сейчас в России стало получше, – задумчиво сказала Мадди.

Саша покачал головой.

– Да, в какой-то степени. Ну, ты же понимаешь, бедность и трудности сразу не исчезают. Некоторые даже думают, что жизнь там станет еще хуже, чем раньше.

– Господи, Саша, бедный! Выходит, тебе тут и поговорить не с кем?

– Не с кем… Но, ты знаешь, Мадлен, я привык быть один. И лучше уж буду жить в своей комнатке, чем помирать в Москве от голода. Здесь, на Западе, никто даже представить себе не может, как трудна там жизнь. Я лучше умру, чем вернусь туда.

– Ты знаешь, я больше никогда не буду жаловаться на свою жизнь! – с жаром воскликнула Мадди. – С этого дня у тебя есть друг. Приходи ко мне, когда захочешь. Я уже тебе говорила, сейчас я живу совсем одна.

– Ты тоже сирота?

Мадди объяснила, что ее отец сейчас на гастролях, с труппой Национального балета.

– Знаешь, Мадлен, мне кажется, у нас много общего, правда?

Она кивнула и внезапно покраснела.

– Надеюсь, что да. Я… Мне очень нравится смотреть, как ты танцуешь, Саша. У нас все девочки уверены, что тебя ждет мировая известность. Уж тебя-то точно пригласят в основной состав, не то, что некоторых из нас.

Мадди вздохнула.

– Ну, что ты, Мадлен, ты себя просто недооцениваешь. Я думаю, что ты превосходно танцуешь.

– Спасибо, Саша, но все-таки не так замечательно, как Николь Дениз.

– О! – Саша скривил губы и сделал движение рукой, словно сгоняя надоедливую муху. – Да, в технике она хороша, но где ее сердце? Мне не нравится быть ее партнером, она слишком эгоистична. Я бы предпочел танцевать с тобой.

– Спасибо, но Николь не выпустит тебя из своих рук, у нее на тебя серьезные виды.

Саша пожал плечами.

– Ну, еще слишком рано говорить об этом.

Они разговаривали довольно долго, затем Саша посмотрел на часы и поднялся.

– Уже поздно, мне пора идти.

Мадлен почувствовала легкое разочарование.

– Да, конечно… Если хочешь, оставайся, но…

– Нет, нет. Мне нужно еще кое с кем встретиться.

– Наверное, с подружкой, – разочарованно подумала Мадди, провожая гостя к выходу.

– Спасибо, Мадлен, я никогда не забуду твоей доброты и того, что ты для меня сегодня сделала. Надеюсь, в будущем мы станем добрыми друзьями, правда?

Юноша нагнулся и поцеловал ее в щеку.

– Увидимся в понедельник!

Выходя из ворот на улицу, он помахал девушке на прощание, а Мадди вернулась в гостиную и села в кресло, все еще хранившее тепло Сашиного тела. В комнате витал легкий запах его одеколона и, казалось, звучал его голос.

Мадди поджала ноги, закрыла глаза и стала мечтать о том, как будет танцевать с Сашей на сцене Королевской Оперы.

Она проснулась в четыре утра от холода и боли в затекших ногах, поднялась в спальню и, растолкав Шехерезаду и ее котят, отвоевала себе место на кровати.

– Я буду очень упорно работать, – сквозь сон дала себе слово Мадди, поглаживая мягкую шерстку Шехерезады. – Если Саша говорит, что я хорошо танцую, я буду хорошо танцевать. Вот увидишь, Николь Дениз, не бывать по-твоему!

Глава 5

Ритм занятий был очень напряженным, Мадди обнаружила, что ей практически некогда думать об отце. После изнурительного в своей бесконечности дня, после четырех часов занятий первокурсники шатались от усталости. Стали случаться травмы, ушибы, и все чаще студенты пропускали из-за этого занятия.

Мадди очень боялась получить травму, зная, что преподаватели будут рассматривать это как признак того, что тело студента не выдерживает нагрузок, а значит, у него будут проблемы и в дальнейшем. Она прекрасно знала, что из тридцати студентов ее курса только двум или трем предложат место в балетной труппе, когда закончится двухгодичный срок обучения.

Все девушки вели отчаянную борьбу с весом, каждый месяц контролируя его, чтобы убедиться, что не набрали лишний фунт или не похудели чересчур сильно. Потеря аппетита на нервной почве уже привела к первым жертвам – Мадди и Джейн могли выделить среди однокурсниц тех, кто имели ярко выраженные черты истощения.

Мадди день за днем пристально рассматривала себя в большом зеркале и радовалась, что, независимо от того, как она питается, ее вес, похоже, остается без изменений. Она боялась слишком сильно вырасти, хотя сейчас ее скелет уже сформировался. Доктора уверяли, что она подрастет еще на полдюйма, прежде чем достигнет пяти футов. Быть слишком высокой означало, что будут резко ограничены возможности попасть в состав кордебалета, где очень строгие требования к стандарту, и все девушки должны выглядеть практически одинаково. Кроме того, высокой балерине значительно труднее подыскать подходящего партнера. Если она стоит на пуантах, к ее нормальному росту еще прибавляется пять-шесть дюймов.

– Вот дурацкий способ зарабатывать себе на жизнь! – со стоном выдохнула Мадди, опуская натруженные за день ступни в таз с горячей водой.

Однажды в середине ноября Мадди, Джейн и Саша сидели в студенческой столовой. Когда ленч подходил к концу, к их столику

подошла Николь Дализ и, скривившись, словно почувствовала неприятный запах, швырнула Мадди запечатанный конверт.

– Мама просила передать вот это. Письмо в посылке, которую мама прислала из Америки… Полагаю, это от твоего отца.

– Спасибо, Николь.

– Увидимся на па-де-де, – не ответив ей, улыбнулась Саше Николь и, не глядя ни на кого, удалилась. Мадди чувствовала невыразимое удовольствие от сознания того, что ее дружба с Сашей раздражает Николь. С того вечера, когда она пригласила Сашу на чай, они очень подружились. Мадди изо всех сил старалась, чтобы это оставалось только дружбой, но ее мысли и мечты были не столь невинными, как ей хотелось бы. Однако юноша не предпринимал никаких попыток изменить их отношения.

Мадди положила письмо в сумку, решив, что прочитает его, когда вернется домой, и вместе с Джейн пошла в раздевалку, чтобы переодеться к следующему занятию.

– О'кей, на этой неделе вы поменяетесь партнерами, – как-то сказал Серж. – Джейн, твой новый партнер – Роджер. А ты, Кейс, будешь с Сузи, Николь – с Джоном, а Саша будет партнером Мадди.

Сердце у Мадди затрепетало от радости, когда она подошла к Саше, а Николь, надувшись, встала рядом с Джоном, и занятия начались.

Это были едва ли не самые прекрасные мгновения, проведенные Мадди в балетной студии. Саше, казалось, удавалось предупредить ее малейшее желание, самое незаметное движение. Он чрезвычайно бережно поднимал свою партнершу, выполняя поддержки, в нужный момент подхватывал ее, и от этого все элементы танца приобрели у Мадди такую четкость, которой она и сама от себя не ожидала. Его близость воодушевляла ее, вызывала к жизни все самое лучшее. Происходило ли это благодаря дружбе, Мадди не знала. Но что бы ни было причиной их удачного партнерства, это «что-то» срабатывало.

Серж тоже это заметил. В технике, конечно, Мадлен не дотягивала до уровня Николь, но она достигла такой отточенности движений, такой чистоты и одухотворенности, что они сделали бы честь куда более зрелым мастерам. Серж увидел, как бережно, почти нежно Саша поддерживал девушку, а она в самом конце танца, в его финальной

позиции, посмотрела ему прямо в глаза. Это выглядело так, словно они влюблены друг в друга. Во всяком случае, Серж готов был поклясться, что это верно в отношении Саши… Впрочем, не столь важно, что было тому причиной. Взаимопонимание у этой пары было просто великолепное, так что Серж мог с облегчением вздохнуть. Вопрос, кому танцевать па-де-де из «Щелкунчика», был решен.

Николь Дализ тоже это заметила и поняла. В ее сердце разгорались ревность и гнев. Саша был ее собственностью, только он и она достойны танцевать вместе и подниматься к вершинам славы. Никто, ни один человек в мире не имел права отобрать его у нее.

– Все очень хорошо! – кивнул Серж завершившим танец Саше и Мадди. – Итак, леди и джентльмены, на следующей неделе решим, кто что будет танцевать на концерте. Занятие окончено.

По дороге домой Мадди мечтала о будущем. Подумать только! Серж выбрал ее танцевать с Сашей!… Сержу наверняка понравилось то, что он увидел. Разве могла она упустить свой шанс?

Она размечталась о том, как все училище будет чествовать их с Сашей, и только приняв ванну, поужинав и удобно устроившись в кровати, внезапно вспомнила, что еще не прочитала письмо от отца. Мадди сбежала вниз, взяла из сумки белый прямоугольник и, забравшись в постель, распечатала конверт.

«Дорогая Мадди!

Пишу тебе в костюмерной Метрополитен Опера Хаус. Совершенно бессмысленно пытаться описывать тебе этот театр, это просто невозможно. По сравнению с ним наш Опера Хаус в Лондоне кажется просто крохотным. Плюс ко всей этой будоражащей атмосфере кровь пьянит какое-то ощущение волнующей опасности и бешеного ритма, которым этот город живет двадцать четыре часа в сутки. Последние три недели удерживаюсь на ногах черт знает при помощи чего! Род, наш пианист, когда мы прибыли в Нью-Йорк, подхватил какой-то кошмарный вирус, так что я каждый вечер играю в оркестре в основном составе, что просто великолепно!

Кстати, Мадди, должен признаться, что я познакомился с одной довольно милой дамой, из-за которой моя жизнь здесь стала еще интереснее и веселее. Ты должна гордиться своим старым папулей. Я тут стал немного общительнее и веду жизнь светского льва. Каждый

день – приглашения на вечеринки и обеды, мы с моей подругой их иногда принимаем. Но об этом я расскажу больше, когда вернусь домой.

Я очень по тебе соскучился и жалею, что ты не можешь побыть тут и увидеть Большое Яблоко[4]. Ну, ничего, я слышал от моих осведомителей, что тебя тоже очень скоро могут пригласить сюда на гастроли.

Поцелуй Шехерезаду и ее детишек. В труппе есть балерина, которой нужны два котенка. Я ее с пристрастием проэкзаменовал. Думаю, она будет подходящей родительницей.

До встречи восемнадцатого декабря!

Очень тебя люблю! Папа.»

Мадди прочитала письмо еще раз, остановившись на словах об одной довольно милой даме. Это ее немного обеспокоило, потому что она не помнила, чтобы отец говорил, что ему нравится какая-нибудь женщина. А тут еще обеды и вечеринки. Из этого она сделала вывод, что дело серьезное.

Но смысла волноваться по этому поводу нет, ей просто надо подождать, пока он вернется.

Стройная и гибкая Кейт сидела, скрестив ноги, прямо на полу в неприбранной и, как всегда, заполненной разными вещами спальне Мадди.

За последние полтора месяца Кейт удивительно изменилась. Она даже говорить стала иначе, этаким лениво-томным, роскошным голосом, который Мадди находила ужасно претенциозным. Полосатая юбка и жемчуга Кейт были такими же, как у девушек, прогуливающихся по Слоан Стрит. Свои темные волосы она коротко постригла. Мадди вынуждена была признать, что похудение пошло Кейт на пользу. Ее внешность от этого явно выиграла, но ее подруга, казалось, потеряла свою индивидуальность.

– Ну, как дела? Должна сказать, твоя диета, похоже, сработала.

Кейт подняла глаза на Мадди и улыбнулась.

– Да, я очень строго за собой следила.

– Ну, а как дела в школе?

– Отлично, но, честное слово, Мадди, все важное происходит вовсе не там. Я уговариваю отца купить мне квартиру в Челси или

Фулхэме. У остальных девушек есть свои квартирки. Знала бы ты, до чего досадно ехать на какую-нибудь вечеринку, а потом торопиться назад и уезжать в самый интересный момент. Папуля мне, правда, заявил, что ничего не купит, пока мне не исполнится восемнадцать, но это целый год ждать. Я его обрабатываю, и мы еще посмотрим, чья возьмет!

– Хочешь чашечку чаю? – спросила Мадди. Ей изрядно надоели новости светской жизни, которыми ее засыпала Кейт.

– Давай, только поторопись. Мне нужно домой к трем часам. Сегодня вечер у Софи, а я должна еще помыть голову и приготовиться. Представляешь, у нее отец – лорд!

– Неужели? – скучным голосом спросила Мадди. Родословные многочисленных подруг Кейт окончательно перепутались в ее голове и вызывали жуткую тоску.

– Да! Представь только, у них в Дорсете огромное поместье. Софи живет в маленьком симпатичном домике в Найтсбридже. Ой, она просто прелесть! За ней все парни гоняются. Кстати, я в комитете по подготовке Снежного бала, он состоится в Дорчестере шестнадцатого. Ты поедешь со мной? Я тебя со всеми познакомлю, они будут страшно рады пообщаться с настоящей балериной.

Мадди наполнила чайник и села напротив Кейт.

– Знаешь, Кейт, я не думаю, что это мне понравится. Да мне и надеть туда нечего.

– Об этом не беспокойся, дорогая. Найдем что-нибудь из моего гардероба. Ты должна быть с кавалером. Как насчет Себастиана?

– У меня в училище есть один знакомый, которого я могла бы пригласить.

– Ну и ладно, приводи обоих. За моим столиком не хватает мужчин. Так я тебе оставлю три билета, ладно? Это будет классная ночка.

Мадди подумала, как привлекателен будет Саша в торжественном выходном костюме, и задумчиво кивнула.

– О'кей, но мне нужно будет договориться с мальчиками на будущей неделе.

Она передала Кейт большую кружку с чаем.

– Ну, а как на сердечном фронте? Попался в сети какой-нибудь граф или барон?

Кейт печально покачала головой.

– Нет. Ты представляешь, я единственная девственница во всем классе. Меня это начинает тревожить, и я в самом скором времени постараюсь исправить положение. Тут, Мадди, беда в том, что остальные девчонки знают друг друга с детских лет. Это очень тесный и замкнутый круг. Я изо всех сил стараюсь, чтобы меня в него приняли, но пока ничего не получается. Папа мог бы купить все их владения с потрохами, а они до сих пор продолжают обращаться со мной так, словно я крестьянка. Вот поэтому я так жду этого бала. Большая честь войти в такой комитет, и мне очень хочется хорошо сделать свою работу. Мне нужно получить приглашение на их уик-энды, вот тогда я буду встречаться с достойными мужчинами.

Мадди кивнула, стараясь казаться заинтересованной, хотя, на ее взгляд, все это было фальшиво и несерьезно, ей совсем не нравилась подобная перемена в Кейт.

– Интересно, ты такая забавная, хорошенькая, умная. Почему тебя не приглашают на эти вечеринки?

– Да потому, что все это тут не срабатывает, Мадди! – Кейт была чрезвычайно раздражена. – И все же я их одолею.

Пять минут спустя, уже на пороге, Кейт напомнила:

– Не забудь пригласить Себастиана и своего нового друга на бал. Чао!

Она помахала на прощание и ушла.

– Чао! – пробормотала Мадди, передразнивая фальшивый итальянский акцент подруги.

Закрыв дверь, она подумала о том, что за два часа, которые Кейт провела у нее, она ни разу не спросила о балетном училище или вообще о том, как у Мадди идут дела.

Глава 6

Мадди жутко нервничала, придя в среду на занятия. На первом уроке после обеда Серж должен был объявить о своем решении, кто с кем будет танцевать на рождественском вечере.

«Пожалуйста, назначь моим партнером Сашу!» – молилась про себя Мадди.

Во время ленча она встретила его в столовой и спросила, не хотел бы он пойти с ней на бал в декабре.

– А это дорого? У меня не так много денег, – сомневаясь, он пожал плечами. – И потом, нет выходного костюма.

– Нет, на билет тратиться не придется, – солгала Мадди, думая, что сможет как-то сэкономить, чтобы пойти с ним на эту вечеринку. – Можно взять один из смокингов моего отца. Он пианист, у него их много, а ты с ним приблизительно одного роста и комплекции.

Саша улыбнулся:

– Тогда все о'кей, Мадлена. Я с радостью пойду. Очень надеюсь, что мы сегодня будем партнерами, и нам улыбнется удача.

В раздевалке ощущалась напряженная атмосфера ожидания. Каждая девушка надеялась, что ее выберут для большой роли. Несмотря на то, что это было представление только для студентов училища, решение Сержа было особенно важным для студентов.

Мадди подошла к своему шкафчику и увидела, что он открыт. «Забавно», – подумала она. Она готова была поклясться, что закрыла его перед ленчем. Заглянув внутрь, Мадди обнаружила, что ее сумка с пуантами, трико и колготками исчезла.

Предположив, что могла оставить сумку в столовой во время ленча, она бросилась туда, однако и там ее не оказалось. Уборщица сказала, что здесь ничего не находили. Совершенно растерявшись, Мадди побежала назад и начала лихорадочно рыться в одежде, думая, что сумка каким-то образом могла оказаться среди пальто.

– Кто-нибудь видел мою сумку? Голубую, с белыми ручками? Она пропала из моего шкафчика!

Некоторые девушки покачали головами, кто-то искренне бросился помогать ей в поисках. Мадди и Джейн перерыли всю комнату, но так ничего и не обнаружили.

– Господи, Джейн! Я ничего не понимаю! – Мадди чуть не плакала от отчаяния, взглянув на часы. До начала занятий у Сержа оставалось не более пяти минут.

– Послушай, у меня есть пара колготок, а вон там, на вешалке, висит старое трико, надень пока. – Джейн показала на изношенное трико, годное только на то, чтобы мыть им полы.

– Но у меня нет пуантов! Серж меня без них не пустит на занятия! – закричала Мадди. Раздевалка все больше пустела по мере того, как девушки уходили в студию. Мадди села на скамейку и обессиленно обхватила голову руками.

– Ты могла бы объяснить Сержу, что твои вещи украли, ты…

– А какой смысл? Важно то, что сегодня занятия, а я не могу танцевать без пуантов.

– Я должна идти, – виновато сказала Джейн.

– Да, да. – Мадди вытерла глаза и кивнула. – Желаю получить хорошую роль.

– Не плачь, у тебя будут другие возможности.

Джейн погладила ее по плечу и вышла из комнаты.

Мадди, сидя в опустевшей комнате, прислушивалась к тихим звукам фортепьяно, доносившимся сверху через закрытые двери, и не скрывала слез. Ей казалось, что теперь она уже никогда не сможет вернуться в студию. После того, что случилось, возвращение казалось ей просто невозможным.

Наконец она встала и побрела в душ. Вдруг под занавеской она заметила выглядывающие ручки утерянной сумки.

Мадди отдернула занавеску и обнаружила, что сумка и все ее содержимое безнадежно промокло. Девушка потянула за розовую ленточку, вытаскивая свои балетные тапочки, и увидела, во что они превратились. Ее новенькие пуанты были беспощадно изрезаны чьей-то безжалостной рукой. Найди она сумку вовремя, ей все равно не удалось бы воспользоваться своей одеждой.

Потрясенная случившимся, Мадди поняла, что это не было случайным происшествием. Кому-то очень хотелось быть уверенным в том, что она сегодня не придет в класс к Сержу.

Она содрогнулась. Человек, который так с нею поступил, должен был ненавидеть ее очень сильно, просто смертельно.

Мадди медленно пошла к выходу, остановилась у мусорного ящика и выбросила свои промокшие вещи. Она поняла – ей объявили войну.

Ну что же, в следующий раз она будет к этому готова.

Глава 7

Для Мадди последние две недели семестра были очень неудачными, если не сказать больше. Накануне рождественской постановки «Щелкунчика» все первокурсники должны были участвовать в генеральной репетиции. Когда Мадди пришла на следующий урок балетного мастерства, Серж бросил на нее холодный взгляд. Она попыталась ему все объяснить, но он, махнув рукой, прервал ее:

– Те, кто слишком занят, чтобы посещать мои занятия, не будут участвовать в спектакле. Ты меня разочаровала, Мадди, – жестко бросил он и отвернулся.

Конечно, танцевать па-де-де вместе с Сашей теперь будет Николь. Мадди не могла не заметить злобное выражение ее глаз, когда через день после того злосчастного занятия они встретились в коридоре училища.

Не было никаких сомнений, что всю эту историю с похищением сумки организовала Николь.

Мадди мужественно отправилась на занятия теорией, а в день спектакля, последний день занятий, ушла пораньше из училища, до слез жалея себя.

Единственное, что еще как-то помогало ей держаться, была мысль о том, что через пять дней она пойдет на бал, а еще через два дня приедет отец.

Первые два дня каникул Мадди ничего не делала, только ела и спала. Она очень устала в течение семестра и чувствовала себя опустошенной. Немного отдохнув, она стала думать о Рождестве и скором возвращении отца. Она, наконец, собралась с силами и начала уборку в доме, после чего следовало его украсить к празднику мишурой и игрушками.

Когда она вышла на Хэмпстед Хай Стрит, потратив целое утро на стирку и мытье полов, настроение у нее было прекрасное.

Был солнечный декабрьский день, и на улице царила атмосфера праздничного ожидания.

– Хэлло, Мадди! Кристофер уже вернулся? – Макс, зеленщик с Хэмпстед Хай Стрит, у которого на глазах росла Мадди, окликнул ее, как только она появилась на пороге лавки.

– Нет, но к концу недели должен быть. Я бы хотела купить одну из ваших прекрасных елок.

Мадди выбрала шестифутовую красавицу и пошла домой по Хай Стрит, по пути заходя в магазинчики и покупая елочные украшения.

Открыв входную дверь, она услышала телефонный звонок, раздававшийся с кухни, и бросилась туда.

– Алло?

– Мадди, это Кейт. Звоню, чтобы напомнить тебе о бале. Все в порядке?

– Да, – сказала Мадди. – Если не считать того, что у меня еще нет платья.

– Черт, я и забыла! Приходи через часок, найдем тебе что-нибудь! Увидимся, чао!

Мадди выглядела ужасно несчастной, глядя на свое отражение в зеркале в спальне Кейт. У нее просто жуткий вид в этом изумрудно-зеленом платье из шифона, которое кошмарными складками висит на груди и на пять-шесть дюймов длиннее, чем нужно. Все другие одеяния были еще хуже.

– Мадди, дорогая! Оно будет выглядеть просто отлично, если ты его ушьешь и подколешь. Делай с ним все, что захочешь, я все равно больше не буду его носить. А теперь, честное слово, извини. Я собираюсь на коктейль, мне нужно еще принять ванну. Ты сама доберешься на бал в среду? Я должна буду пораньше приехать в Дорчестер.

Мадди пожала плечами:

– Конечно, Кейт. Я надеюсь, ты не будешь против, чтобы познакомить меня со своими блестящими друзьями.

Но Кейт в это время уже была в ванной, вне пределов досягаемости ее голоса.

Мадди мрачно шла по Фитцджон Авеню, понимая, что ее мечты о том, чтобы появиться перед Сашей в роскошном сказочном платье, окончательно рухнули.

Проходя мимо общежития Ассоциации христианской молодежи, она заметила выходящего оттуда Сашу. Он помахал ей.

– Привет, Мадлен! Как дела? Выпьешь со мной чашечку кофе?

Мадди кивнула, и они пошли по Хай Стрит в ближайшее кафе, где Саша заказал два капучино.

– Ну, как прошел спектакль, Саша? – Мадди решила, что лучше сразу покончить с этим больным вопросом.

– А! Все было о'кей. Николь вела себя так, будто находится на сцене Ковент Гарден, – засмеялся Саша. – Это все неважно, Мадлен. Посмотрим, что будет на следующий год, он-то будет значить куда больше.

Мадди молча кивнула.

– Ну, что случилось, малышка? Что-то ты сегодня нос повесила. Это потому, что ты не участвовала в спектакле, или тут что-то другое?

Она пожала плечами.

– Да ничего особенного, Саша. Моя подруга Кейт обещала дать мне бальное платье, бал состоится в среду. Я сегодня все перемерила, но ничего не нашла. В конце концов, остановила выбор на этом, – Мадди показала на свой пакет на полу у столика. – В нем я выгляжу не так жутко.

– Покажи-ка, – Саша потянулся к пакету. Мадди подняла его с пола, передала юноше, и тот заглянул внутрь.

– Какая роскошная ткань! – он внимательно посмотрел на Мадди. – У меня есть одна подруга, которая может превратить его во что-нибудь стоящее.

– Но, Саша! Бал через два дня! Не может же твоя подруга…

– Ни слова больше! Давай свои мерки и доверься мне. В среду я вернусь к трем часам с твоим новым платьем, и тогда мы нанесем последние штрихи. А потом я примерю свой смокинг.

Мадди хмыкнула.

– О'кей, все равно хуже, чем сейчас, я уже не буду выглядеть. Скажи подруге, что она может делать с ним все, что хочет. Кейт мне его отдала и назад не потребует. Вот мои размеры. – Она достала из кармана джинсов мятый клочок бумаги и записала несколько цифр.

– Спасибо. Пожалуйста, извини. Мне нужно повидать подругу.

Саша засунул листок в карман пальто, заплатил за кофе и, помахав на прощание рукой, вышел из кафе.

Возвращаясь домой, Мадди думала, что ее чувство к этому русскому юноше становится сильнее день ото дня. Она была уверена, что ближе к нему, чем любой другой человек в училище, но ей все же было ясно, что большая часть его души закрыта для нее. Мадди подозревала, что влюбилась в этого юношу, но совершенно не представляла, насколько это чувство взаимно. Она решила подождать до среды. На вечеринке у Саши будет отличная возможность перевести их отношения в другое русло, и Мадди молила Бога об этом.

Как и обещал, Саша приехал в среду в три часа. На его лице застыло напряженное ожидание, он передал ей платье, завернутое в старую белую простыню, и сказал:

– Я кое-что купил, чтобы мы могли отметить Рождество.

С этими словами он достал из сумки полбутылки водки и добавил:

– Найди, пожалуйста, стаканы, а я разверну твое платье.

Мадди поспешила на кухню и нашла два высоких стакана. Сашино волнение передалось и ей, она предвкушала что-то необычное и поспешила в гостиную.

Саша повесил платье на одну из книжных полок и, скрестив ноги, ожидал реакции Мадди.

Она вскрикнула от восхищения, не в силах поверить, что это то самое одеяние, которое она поручила его заботам два дня назад. Девушка недоверчиво прикоснулась к тонкой ткани.

– Ой, Саша, это просто замечательно! Твоя знакомая – настоящий гений, раз сумела создать такое чудо.

Он скромно пожал плечами.

– Неплохо, да? Надень, Мадлен, посмотрим, идет оно тебе или нет.

Мадди взяла платье и направилась в спальню. Там она быстро стащила с себя свитер и джинсы. Торопливо застегнув маленькие жемчужные пуговицы, она покрутилась перед зеркалом, с удовольствием разглядывая свое отражение.

Корсаж сверкал от множества крохотных стеклянных бусин, нашитых на него, а от груди тонкая ткань спадала мягкими нежными складками, словно тонкие родниковые струи касались ее щиколоток и зеленым облаком взметались вверх при каждом повороте тела. Рукава, сделанные в виде буфов и напоминающие бутоны из невесомого

шифона, дополняли картину. Платье сидело на Мадди просто великолепно, а его прямые линии прекрасно подчеркивали стройность ее фигуры и удивительно грациозную шею.

Было ясно, что это платье целиком перешито, причем опытными и щедрыми руками человека, который точно знал, что ей больше всего подойдет и как подчеркнуть все лучшее, что у нее есть.

Впервые в жизни Мадди чувствовала себя почти красавицей и, спускаясь по лестнице, с наслаждением ощущала, как при каждом шаге платье колышется вокруг тела легкими волнами.

Когда девушка, сияя от радости и смущения, вошла в гостиную, Саша затаил дыхание.

– Неужели это действительно ты, маленькая Мадди? Платье тебе очень идет! Я… мой друг, когда работал над этим платьем, думал о балете «Ундина». Знаешь, Марго Фонтейн там так великолепно исполнила партию морской нимфы. Уверен, что когда-нибудь и тебе обязательно достанется эта роль. Ну, иди сюда, дай мне обнять тебя.

Он протянул ей руки, и Мадди пошла к нему навстречу.

– Спасибо, Саша. У меня никогда не было ничего подобного! Скажи, сколько я должна твоему другу?

– Нет, Мадди. Считай, что это мой рождественский подарок за то… за то, что ты стала моим добрым другом.

– Саша, ты сам это сделал?

Он покраснел.

– Да. Я научился кроить у своей матери, когда она работала в Большом театре. И шить научила меня она.

– Почему ты сразу не сказал?

– Ну, просто я не был уверен, что ты мне доверишь эту работу. В общем, какая разница! – юноша на мгновение прижал ее к себе и поцеловал в щеку.

– А теперь давай выпьем за нас, за Рождество и за будущее.

Он взял стаканы, до половины наполненные водкой, протянул один девушке и произнес:

– Мы выпьем это по-русски, до дна. Смотри!

Мадди изумленно проследила за тем, как он осушил свой стакан.

– Давай, Мадлен, пей. От этого вреда не будет.

– О'кей, – она улыбнулась и поднесла стакан к губам. – Как говорят у вас в России, «вздрогнем».

Мадди залпом вылила жидкость в рот, глотнула, но, к своему удивлению, не ощутила никакого вкуса, только в желудке стало очень горячо, словно что-то загорелось.

Саша восхищенно захлопал в ладоши.

– Ну, видишь! Теперь ты настоящая русская.

Он еще налил себе водки, но Мадди отказалась повторить и поднялась наверх, чтобы найти отцовский смокинг. Надо было дать возможность Саше примерить костюм и повесить свое замечательное платье на вешалку, чтобы оно не смялось.

Саша отыскал коллекцию пластинок и поставил «Половецкие пляски» Бородина. Когда Мадди вернулась в гостиную, она застала его кружащимся по комнате со стаканом водки в руке.

– Иди сюда, Мадлен, давай потанцуем!

Он охватил ее за талию, закружил, разливая на ковер водку, и, наконец, задохнувшись от смеха, они повалились на диван.

– Думаю, у меня сегодня самое подходящее настроение для Рождества, – улыбаясь, произнес Саша, наливая себе еще водки.

– Сейчас я приму ванну и попытаюсь превратить себя в красавицу, а ты пока примерь папин смокинг.

Саша взял в свои ладони лицо Мадди и, повернув к себе, сказал, серьезно глядя на нее своими карими глазами:

– Ты и так прекрасна, Мадлен. Будь всегда такой, хорошо?

Мадди медленно кивнула, на мгновение ей показалось, что Саша хочет ее поцеловать не так, как раньше, в щеку, а совсем-совсем по-другому… Но он резко отвернулся и жадно выпил то, что было у него в стакане.

Чувствуя горькое разочарование, она встала и направилась в ванную.

В семь часов, едва Мадди успела нанести косметику на лицо, в прихожей раздался звонок. Она бросила взгляд на свое отражение в зеркале и поспешила вниз. На пороге стоял Себастиан. Он был в прекрасном смокинге и щегольском светло-вишневом жилете.

– Боже мой! Да неужели это та самая девчушка, которую я утешал, когда она падала с велосипеда?

– Замолчи, Себастиан, проходи, снаружи холодно.

– Извини, Мадди, ты выглядишь просто великолепно. Кажется, маленькая девочка повзрослела за одну ночь, честное слово.

Себастиан говорил восхищенно, в голосе его было изумление, которого он даже не пытался скрыть.

– Спасибо. Познакомься с Сашей. Это он сотворил такое чудо. – Мадди проводила Себастиана в гостиную.

– Как это ему удалось?

Себастиан внимательно смотрел на красивого юношу, стоявшего в гостиной, и вдруг поймал себя на мысли, что почти наверняка где-то уже видел его.

– Я Себастиан Ланг. Рад с вами познакомиться. – Он протянул Саше руку. – Я убежден, что мы прежде где-то встречались.

Себастиан заметил, что в карих глазах юноши мелькнула тень беспокойства и тут же исчезла.

– Нет, не думаю, – Саша пожал протянутую руку.

– Может быть. У меня хорошая память на лица, но все могут ошибаться.

– В нашем училище Саша – восходящая звезда. Когда-нибудь он станет знаменитым.

От Себастиана не ускользнуло выражение гордости на лице Мадди и блеск ее глаз. Она с восхищением посмотрела на своего однокурсника. В его душе проснулось неприятное чувство, словно кто-то покушается на его собственность. Этот красивый русский наверняка вскружил Мадди голову.

– Пожалуйста, не надо, Мадлен! – Саша покраснел.

– Незачем скромничать. Ты прекрасно знаешь, что это правда. Такси будет с минуты на минуту. Себастиан, хочешь немного выпить? У нас осталось немного водки.

– Нет, спасибо. Не люблю чувствовать себя пьяным, – ответил Себастиан подчеркнуто холодно. Воцарилось неловкое молчание. Мадди лихорадочно пыталась придумать, что сказать, чтобы нарушить эту тишину, но, к счастью, подъехало такси, и они вышли из дома.

Помещение в Дорчестере, где должен был проходить бал, выглядело, словно из рождественской сказки Уолта Диснея. В центре огромного зала стояла высокая елка, украшенная крошечными белыми фонариками, а с потолка свисали большие серебряные звезды.

Кейт заметила Мадди и ее спутников и подошла к ним, радостно воскликнув:

– А, дорогие мои!

Она поцеловала их всех по очереди, то есть прижалась к их щекам своей, а затем изумленно уставилась на платье Мадди.

– Боже, Мадди! Этого не может быть!

– Может! – гордо улыбаясь, сказала Мадди. – Это Саша его переделал.

– Саша, дорогой, вы не примете от меня пару заказов? Мне на этот сезон понадобится уйма одежды.

Саша пожал плечами. Ему не понравилась эта темноволосая девушка в облегающем платье из черного бархата, но огорчать ее не хотелось, поэтому он ответил по возможности вежливо:

– Может быть, хотя у меня сейчас очень мало времени.

Кейт проводила их к столику в центре огромного зала и представила пяти другим приглашенным, которые уже сидели за этим столиком.

Мадди оказалась между Сашей и молодым человеком с какой-то двусмысленной фамилией, одноклассником Кейт. Рядом с этим юношей сидела его подружка с лошадиным лицом. Девица достала из пачки «Мальборо» сигарету таким движением, которое ей, видимо, казалось очень элегантным, а Мадди повергло в ужас, и обратилась к ней:

– Так вы танцовщица? Надеетесь, наверное, танцевать где-нибудь в варьете или музыкальном театре?

– Нет, только в труппе Королевского Национального балета.

– О! – девица отвернулась от Мадди, и на этом разговор закончился.

Саша налил вина себе и Мадди, Себастиану пришлось ухаживать за Кейт.

У Мадди было такое чувство, будто она забыта всеми, и никого нет рядом. Она сделала глоток вина и повернулась к Саше, но он был занят разговором с девушкой, сидевшей с другой стороны. Мадди сделала большой глоток и в отчаянии оглянулась. Ей ужасно хотелось, чтобы хоть кто-нибудь с ней поговорил.

К счастью, официантка принесла первое блюдо, сигареты были погашены, и большой зал наполнился звяканьем ножей и вилок. Мадди наблюдала за тем, как Кейт, сидящая напротив нее, усердно старается

понравиться Себастиану, а тот предпринимает героические попытки сделать вид, будто он страшно польщен.

– У тебя все нормально, Мадлен? – наконец повернулся к ней Саша.

– Да, все прекрасно, – Мадди улыбнулась. – Что ты собираешься делать на Рождество? Приглашаю тебя провести этот вечер с папой и со мной.

– Спасибо. Я уже приглашен на Рождество к другу, но все равно я тебе очень благодарен.

Праздничный обед из пяти блюд казался Мадди невыносимо длинным, аппетита у нее не было совершенно. Вместо этого она пила вино бокал за бокалом. Ей было непонятно, что нашла Кейт в этих надменных, самонадеянных людях с их удивительной способностью задавать вопросы, а потом, не дождавшись ответа, отворачивать нос. Приходилось признать, что и Кейт стала похожа на своих новых знакомых.

Мадди немного оживилась после того, как обед закончился. Зазвучала музыка, и Саша пригласил ее на танец. Тут Мадди осознала, что, кажется, изрядно напилась. Саша все-таки выглядел более трезвым, однако во время танца он прижался к ней, и она почувствовала сильный запах алкоголя. Он обнимал ее, в кольце его рук она казалась себе слабой и хрупкой и, в то же время, надежно защищенной от всяких напастей. Близость этого юноши опьяняла ее сильнее, чем вино, от его объятий кружилась голова. Мадди, чтобы не упасть, прижалась к нему, чувствуя, как перекатываются на Сашиной спине мышцы. Ощущение его близости, его силы и мужественности возбуждало все сильнее.

Мадди хотелось большего, сегодня еще будет ночь.

Себастиан вежливо, но настойчиво пытался отвязаться от пьяной Кейт, наблюдая в то же время за Мадди и Сашей. Его весь вечер занимал один вопрос: где он видел этого русского? Неважно, он все равно вспомнит. Он смотрел на грациозные движения девушки и чувствовал, как к горлу подступает ком. Ее он всегда считал маленькой девочкой, своей младшей сестрой, но сейчас, когда ее держал в объятиях другой мужчина, Мадди казалась просто красавицей. Себастиана поразило странное ощущение, такого чувства у него

никогда не было. В этом он сможет разобраться потом, когда вернется домой, но, кажется, у него возникла зависть к счастливому сопернику.

– Извини, Саша, я на минуточку, – Мадди освободилась из его объятий и торопливо направилась в туалет. Вообще-то она пошла туда, желая отыскать где-нибудь тихое место, чтобы просто посидеть. Пройдя мимо оживленно болтающих девушек, которые красили перед зеркалом губы, Мадди поспешно вошла в свободную кабинку, села прямо на крышку унитаза и опустила голову. Ее слегка подташнивало от выпитого, все вокруг кружилось, в ушах шумело.

Однако минут через десять ей полегчало, она ополоснула лицо холодной водой, привела в порядок волосы и нехотя вернулась в зал.

– Мадлен! Все в порядке? Я уже стал волноваться, что тебя так долго нет! – говорил обеспокоенный Саша.

– У меня все о'кей.

– Не похоже. Давай-ка я отвезу тебя домой, все равно вечер скоро закончится.

Она охотно согласилась. Пока Саша ходил за ее пальто, она уселась в шезлонг. Возвратившись, он набросил пальто ей на плечи, помог встать и повел к выходу, где дожидалась клиентов вереница такси.

Мадди счастливо вздохнула в его объятиях. Машина поехала по направлению к Хэмпстеду. А еще через пятнадцать минут она остановилась у дверей ее дома. Саша заплатил водителю и помог девушке выйти. Она слегка замешкалась в поисках ключа, затем отдала его своему спутнику, и тот открыл входную дверь.

– Заходи в дом и посиди немного. А я пока приготовлю тебе крепкий кофе, – озабоченно произнес он.

Мадди вошла в темную гостиную, зажгла гирлянду на елке и ночник, а потом, сбросив туфли, со вздохом облегчения, упала на диван, наслаждаясь тишиной и покоем. Дрожащее мерцание елочных игрушек успокаивало, а свежий воздух слегка освежил девушку, и теперь она уже чувствовала себя не такой раскисшей.

– Ну, вот и я, – Саша поставил на низкий столик у дивана две глубоких чашки, и улыбнулся. – Бедная моя девочка. Ты не привыкла к спиртному, да?

– Спасибо, Саша, мне уже значительно лучше. А почему бы тебе не включить музыку? Думаю, у нас найдется что-нибудь подходящее.

Вскоре звуки Рождественского гимна в прекрасном исполнении «Кингс Колледж» наполнили комнату.

– Как я люблю Рождество, – счастливо улыбаясь, вздохнула Мадди. – А ты?

Саша слегка пожал плечами, в его глазах появилось выражение печали и затаенной боли. Немного погодя он ответил:

– Это семейное торжество. Когда я был маленьким, я помню, у нас на Рождество было просто чудесно, хотя праздновать приходилось тайно, потому что запрещалось отмечать этот праздник.

Взглянув на девушку, он добавил:

– Ты знаешь, Мадди, сегодня с тобой я снова чувствую себя счастливым.

Сердце глухо стучало в груди. Мадди повернулась и посмотрела на него. Это случится теперь или никогда.

– Саша, я тебя люблю, – прошептала она. – Тебе не нужно быть одному больше.

И прежде, чем он успел вымолвить слово, девушка сама прикоснулась к его губам, а затем решительно прижалась к нему. Она настойчиво раздвинула языком его губы. Ей было удивительно легко и свободно и в то же время страшно, что любимый отвергнет тот дар, который она ему предлагает. Он, действительно, некоторое время ничего не предпринимал, но вдруг Мадди почувствовала у себя на талии его руки и чуть не задохнулась от счастья.

Ее руки блуждали по телу юноши, самому совершенному, самому замечательному телу. Прикасаясь к нему, она чувствовала бугры мышц на его спине, твердую мужскую крепость его груди.

А потом… потом его руки тоже начали свое движение. Мужские ладони скользнули ей под платье и, касаясь обнаженного тела, стали подниматься вверх, одновременно выше поднимая легкую материю, пока не добрались до нежных упругих холмиков с твердыми сосками. Саша снял с нее платье и стал исступленно ласкать языком эти набухшие от желания почки, а Мадди, скорее интуитивно, чем руководствуясь опытом, сама, как могла, помогала любимому преодолеть его неловкость и робость. Ее рука скользнула вниз к замку на его брюках. Расстегнув «молнию», пальцы скользнули внутрь и нетерпеливо сжали тугую плоть мужчины. Так, полураздетые, они

вновь прильнули друг к другу и медленно-медленно опустились на пол.

– Бог мой, Саша! Возьми меня, я так тебя хочу! Я люблю тебя! – почти кричала Мадди. А он продолжал нежно и настойчиво ласкать самые интимные уголки ее тела, чувствуя, как она дрожит от возбуждения, а ее пальцы все нетерпеливее впиваются в его набухшую плоть. Девушка громко застонала:

– Ну же, Саша, сейчас! Сейчас! Я не могу больше!

И тогда он встал над ней. Она с готовностью раздвинула ноги и закрыла глаза, с наслаждением ощущая, как его руки, скользнув ей под поясницу, поднимают ее…

И ничего не произошло. Мадди открыла глаза и увидела, что Саша смотрит на нее с выражением муки на лице.

– Нет, Мадлен! Я не могу. Это неправильно, плохо! Ты так невинна и… Я должен идти домой…

Она в ужасе смотрела, как он встал и стал торопливо одеваться.

– Я очень сожалею, Мадлен. Это моя вина. Я воспользовался твоей слабостью. Напился и потерял над собой контроль. Пожалуйста, прости меня.

– Но я же хотела… Я сама просила…

– Молчи, Мадлен, не говори ничего. Забудем о том, что произошло, ладно? Спокойной ночи.

Она в полном молчании смотрела, как он вышел из комнаты. Затем хлопнула дверь в передней, и его шаги затихли на садовой дорожке.

Словно парализованная, девушка лежала на полу, не в силах пошевелиться. В голове снова и снова звучал вопрос, на который ей никак не удавалось найти ответа:

– Почему? Ну, почему?

Только задрожав от холода, Мадди, наконец, с трудом встала. Собственная нагота теперь вызывала у нее отвращение. Она выключила свет и пошла наверх.

В спальне она легла на кровать и лежала в оцепенении, пока что-то не прорвалось в груди, и тогда из глаз хлынули слезы, их горячие потоки облегчили ей сердце.

Доставив домой изрядно подвыпившую Кейт, Себастиан, наконец, благополучно вышел из такси возле дома, где жила его тетка. Поворачивая ключ в замке, он внезапно вздрогнул. Теперь он совершенно точно вспомнил, где именно видел Сашу.

Глава 8

На следующее утро Мадди проснулась, испытывая сильнейшую слабость и тошноту, и сразу же побежала в туалет. В полной уверенности, что ее вот-вот вырвет, она склонилась над раковиной, но ничего не произошло. Постояв так несколько секунд, девушка, шатаясь, добрела до своей комнаты, захватив по пути полиэтиленовый пакет, и рухнула на кровать. Голова буквально раскалывалась на части, но хуже всего было ужасное чувство унижения, от которого никак не удавалось избавиться.

Саша отверг ее, причем сделал это так, что хуже и представить себе нельзя.

«Он не хочет и не любит меня, – печально думала Мадди. – Да и зачем я ему, если он и так может выбрать любую девушку, какую пожелает».

Так она лежала, мучаясь от жалости к себе и приступов тошноты. Перед приездом отца необходимо было переделать много разных дел. Он должен приехать завтра, а ей даже думать об этом не хотелось.

В дверь позвонили, но Мадди решила не обращать на это внимания. Если это Саша, то у нее нет ни малейшего желания слушать его жалкие извинения, а если это кто-то другой, то она вообще никого не хочет видеть. Вновь позвонили, потом еще и еще. Ей ничего не оставалось, как встать и подойти к окну. Она посмотрела вниз…

– Мадди, открой! Ну, быстрее, я сейчас себе все отморожу!

У двери переминался Себастиан, энергично дуя на замерзшие пальцы.

Мадди тяжело вздохнула. Себастиана ей сейчас совсем не хотелось видеть. Делать нечего. Она собралась с силами, спустилась и открыла дверь.

– Черт меня побери, Мадди! Ты выглядишь, как вчерашняя закуска.

– Спасибо, Себастиан. Как раз это я и хотела услышать.

Себастиан вошел, закрыл за собой дверь и пошел вслед за Мадди, которая в полутемной гостиной сразу же бросилась на диван.

– Тэк-с. Похоже, ты пребываешь в состоянии легкого похмелья.

Мадди покраснела. В этот миг ее друг прошел мимо лежащего на полу платья и брошенных рядом туфель, направляясь к шторам.

– Давай-ка тут немного протопим, а я приготовлю тебе завтрак.

– Нет, я не могу есть, – замотала Мадди головой, глядя, как Себастиан растапливает камин.

– Сможешь, сможешь. Надо дать желудку немного поработать. Что за чертовщину ты пила прошлой ночью?

– О, много чего! – печально вздохнула Мадди.

– Ну, тогда положение весьма серьезное, правда? Мадлен, ты бы уж как-нибудь восстановилась до завтра, а то твой отец скажет, что я пренебрег обязанностями дуэньи.

Себастиан внимательно смотрел на девушку. Кроме очевидных признаков классического похмелья, на ее лице были видны следы душевного страдания. Она была чем-то очень расстроена. Глаза опухли и покраснели, словно она много плакала прошлой ночью.

Наконец он спросил:

– Кроме твоего похмелья, у тебя все хорошо, Мадди? Ты выглядишь неважно.

– Да нет, все отлично, просто ужасно себя чувствую.

– Тогда посиди здесь, а я что-нибудь соображу на завтрак.

Себастиан вошел в непривычно чистую и опрятную кухню, наполнил водой чайник, нашел хлеб и поджарил его.

Разбросанная в гостиной одежда Мадди навела его на неприятные мысли.

Конечно, вполне могло быть, что она решила раздеться внизу и… Но тут он вспомнил, что видел на столике две чашки с кофе. А, черт! Это совсем не его дело, но несчастное лицо Мадди и то, что он знал о Саше, поставило его перед довольно трудным выбором. Делая кофе и гренки, Себастиан мучительно размышлял, надо ли говорить Мадди о том, что ему известно. Если у нее серьезные отношения с Сашей, несомненно, она имеет право знать о нем все.

Ну, а если он ошибается? В конце концов он решил, что пока ничего не скажет Мадди. Это очень рискованно.

Себастиан отнес поднос с едой в гостиную, затем поставил его на диван рядом с девушкой, которая сидела, уткнувшись головой в подушки.

– Спасибо.

Она с таким обреченным видом отломила кусочек хлеба, что Себастиан с трудом подавил желание крепко обнять ее и утешить.

– Вчера была крутая вечеринка. Твоя подружка Кейт – классная девчушка! Она так зажала меня в такси по пути домой, что я просто чудом жив остался!

– Она в тебя безумно влюблена.

– Ну, это, конечно, очень трогательно и лестно для меня, но женщина-вамп – не мой тип, ты же знаешь. Тихие радости мне милее зажигательной охоты.

Мадди кивнула, пытаясь доесть хлеб.

– А тебе вечер понравился? Вы с Сашей так внезапно исчезли.

– Да, я нехорошо себя почувствовала.

– Слушай, Мадди, ты уверена, что с тобой все в порядке? У тебя, действительно, болезненный вид.

– Все прекрасно, Себастиан. Только оставь меня, пожалуйста, одну. Не нужно обращаться со мной, как с ребенком.

– Извини, извини, – он встал. – Тогда я, пожалуй, пойду. Тебе точно ничего не нужно?

Мадди молча покачала головой.

– Я бы сейчас на твоем месте снова лег в постель. Часам к двенадцати тебе станет легче. Ты должна как следует восстановить силы к приезду твоего папы.

– Хорошо.

Себастиан направился к двери.

– Спасибо, что зашел. Прости, что я на тебя накричала совершенно напрасно.

Она робко и беззащитно улыбнулась.

– Ладно, на этот раз прощаю. Пьяницы вообще плохо себя контролируют по утрам. Пока.

Мадди бессильно махнула рукой и снова упала на подушки.

Остаток дня она провела в постели. К вечеру ей стало значительно лучше, хотя морально она чувствовала себя совсем разбитой.

Отец должен прилететь в аэропорт Хитроу в шесть часов утра. Значит, дома он будет часам к восьми. Ей захотелось привести дом в идеальный порядок, чтобы не было ни единого пятнышка. Она вскочила и закружилась по комнатам с пылесосом, наводя чистоту и блеск. К полуночи Мадди, наконец, все убрала и легла спать, надеясь,

что отец не заметит ее состояния. Она была полностью уверена, что ее жизнь кончена.

Глава 9

– Дамы и господа! Пожалуйста, пристегните ремни и прекратите курить. Через десять минут мы совершим посадку в аэропорту Хитроу. Спасибо.

Кристофер послушно выполнил команду хорошенькой стюардессы и закрыл глаза. Он не любил летать самолетом и не мог дождаться того момента, когда колеса огромной машины коснутся земли.

Во время полета он испытал новые чувства, восстанавливая в памяти события трех последних месяцев и стараясь найти для них разумное объяснение, может быть, не столько для себя, сколько в преддверии встречи с Мадди. Но оказалось, что ему до сих пор не под силу найти ответы на вопросы, которые неизбежно возникнут. Впрочем, это естественно, ведь любовь слишком необъяснимое, иррациональное чувство.

Через двенадцать лет добровольного воздержания, как физического, так и душевного, Кристофера захватил целый фейерверк чувств, которые, подобно тайфуну, обрушились на него, оглушили и выбили почву из-под ног. Словно внезапно зажглась яркая лампа, и ее свет беспощадно осветил серое однообразие тоскливой жизни, которую он вел последние годы.

Когда Кристофер потерял свою жену, страшная душевная боль, шок от утраты и ощущение безысходности заставили его поверить, что больше он полюбить не сможет.

Однако это с ним случилось. Когда, наконец, полет завершился, Кристофер взял свой багаж и пошел в людском потоке к выходу из самолета, а затем в терминал аэропорта.

Вчера ночью он попросил ее выйти за него замуж, и она ответила согласием.

Кристофер проводил глазами свои вещи, закружившиеся на ленте транспортера, и в который раз подумал о том, как он скажет об этом Мадди.

Примерно в половине десятого во входной двери повернулся ключ. Мадди, сидевшая в ожидании на диване, вскочила и бросилась в холл.

– Мадди! Я дома!

– Папочка, папа! Я так без тебя скучала! – Она ворвалась в холл и повисла на руках отца.

– И я скучал по тебе, родная. Дай я посмотрю на тебя. Потрясающе! Пока меня не было, ты удивительно похорошела. Ты прекрасно выглядишь, Мадди.

Мадди отступила на шаг, взглянув на отца. Он тоже изменился. Волосы аккуратно подстрижены, а одет ее папа в дорогой пиджак и новые брюки. Глаза его сияли, и Мадди поймала себя на мысли, что никогда прежде не видела его таким красивым.

– Папа! Какой ты шикарный! И такой изысканный. Пиджак мне безумно нравится. Пойдем на кухню, завтрак уже готов.

Мадди подала отцу руку, и они пошли завтракать, оставив на полу в прихожей груду чемоданов и сумок, набитых соблазнительными свертками.

– О, Боже, Мадди! Да я в этой мойке могу себя увидеть. Ты чертовски много работала, девочка моя.

Кристофер сел за стол, а Мадди стала доставать еду из гриля.

– Спасибо, мы оба много работали. Ты, наверное, голоден.

– Просто умираю от голода. Бекон пахнет чудесно. – Кристофер потянулся и зевнул. – Как все-таки хорошо вернуться домой!

– Так расскажи мне об Америке. Я хочу услышать обо всем.

– Даже не представляю, с чего начать. Если не считать ужасной тоски по тебе, то я прожил, пожалуй, три лучших месяца в своей жизни с тех пор, как умерла твоя мать. Правда, мне там крепко отравила жизнь их странная привычка выпивать, непременно набив льдом полный стакан.

Когда отец умолк, Мадди взглянула на него. Действительно, он выглядел совершенно новым человеком.

– Похоже, что тебе это все пошло на пользу. Папа, начни с самого начала, – она поставила перед ним тарелку с едой, а потом вернулась к грилю за своей. Затем они стали завтракать, и Мадди слушала рассказ Кристофера.

– … Вот так и получилось. Плохо, конечно, что я радуюсь чужому несчастью, но играть вечер за вечером в Метрополитен Опера было таким опытом, который я не должен был пропустить ни за какие сокровища в мире. А самой хорошей новостью стало то, что мне

предложили постоянную работу. Руководство предложило мне играть на репетициях нового балета, премьера которого состоится весной. Можешь себе представить? И плата больше, чем я зарабатывал игрой в баре.

– Ну, а новое произведение? Я-то думала, что главной целью поездки в Америку было заработать деньги, чтобы завершить твое произведение.

Кристофер внимательно посмотрел на дочь. Так много нужно было ей сказать, объяснить. Он вздохнул, так как знал, что ему придется трудно.

– Мадди, дорогая. Честное слово, я не знаю, как об этом сказать. Я… Многое произошло в Америке.

Дочь нетерпеливо смотрела на него.

– Да? А что там случилось, папа?

– Послушай, помнишь, в одном из своих писем я написал, что встретил очень хорошую женщину?

Она кивнула.

– Так вот… Наши отношения развивались тем дальше, чем больше времени мы проводили вместе. Дело в том, Мадди, что я влюбился.

Девушка слушала отца, испытывая противоречивые чувства. Она радовалась, что он, наконец, встретил кого-то после долгих лет одиночества, но ей было понятно, что жизнь с отцом, к которой она привыкла, закончилась, а это порождало ощущение неуверенности.

– Кто же она, папа? Что делает? Она тоже музыкант?

– Спокойно, Мадди! Все в свое время, – отец потянулся к ней через стол и взял за руку. – Прежде всего, я хочу тебе сказать, что никогда никому не удастся занять в моем сердце место твоей матери, и моя женитьба ничего не изменит в наших с тобой отношениях.

– Женитьба? – изумленно выдохнула Мадди.

Кристофер кивнул, его глаза блестели.

– Да. Я сделал ей предложение перед отъездом из Нью-Йорка. Она согласна.

Девушка с трудом справилась с собой и постаралась сделать вид, что ей безумно приятно услышать эту новость.

– Па, я в восторге!

– Действительно, Мадди?

– Ну, конечно! Ты так долго был один. Прими мои поздравления. Когда же я смогу увидеть свою новую мать?

– Скоро. Я уверен, ты полюбишь ее так же, как и я.

– Скажи, как ее зовут.

Кристофер смущенно и робко улыбнулся.

– Думаю, ее имя ты уже не раз слышала. Ее зовут Иветта Дели́з. По-моему, ее дочь учится в хореографическом училище вместе с тобой.

Глава 10

Мадди не понимала, как ей удалось сдержаться. Она просто сидела и слушала, как Кристофер говорил ей, что на Рождество они вдвоем отправятся к Иветте в Челси, чтобы получше познакомиться. Ей даже удалось храбро улыбнуться, когда отец сказал, что собирается продать их прекрасный дом в Хэмпстеде, как только они переедут в Челси после его женитьбы. Они решили сыграть свадьбу в конце января.

– Мы, конечно, хотим, чтобы ты и Николь были на свадьбе, – добавил Кристофер. – Ах, Мадди, ты ведь рада за меня, правда?

Ну что она могла ответить? Как объяснить отцу, что девушка, которой предстояло стать ее сводной сестрой, необъяснимо и яростно ненавидит ее. Одна мысль об этом, о том, что придется жить с Николь под одной крышей, повергла Мадди в ужас.

В этой истории лишь одно доставляло удовольствие: интересно, какое у Николь будет лицо, когда Иветта скажет ей, за кого она собирается замуж.

– Да, папа. Ну, конечно, я за тебя рада, – сделав над собой нечеловеческое усилие, сказала Мадди и обняла отца.

– Ты всегда будешь для меня единственной. Ты же не сомневаешься в этом, правда?

Она кивнула, сдерживаясь из последних сил.

– Твоя жизнь улучшится, когда у нас будет полноценная семья. Иветта ждет встречи с тобой. Я, конечно, понимаю, что это очень серьезная перемена, но для нас обоих это перемена к лучшему. Я сейчас пойду наверх, приму ванну, а потом достану подарки, которые тебе привез. Милая моя, с тобой все в порядке?

Кристофер наконец обратил внимание на заплаканные глаза дочери и ее мокрые от слез щеки.

– Да, папа. Все прекрасно. Просто переволновалась, вот и все.

– Да, да, конечно. Подожди меня, я мигом.

Мадди кивнула, и отец, подхватив с пола сумки, поднялся по лестнице и скрылся за дверью своей комнаты. И только когда из кранов наверху полилась вода, Мадди рывком натянула на лицо

вязаный воротник джемпера и, уронив голову на стол, разрыдалась. И рыдала так, как никогда раньше.

Всю следующую неделю, до самого Рождества Мадди изо всех сил старалась вести себя, как обычно. Отец, казалось, находился в трансе. В каждой фразе была только Иветта. О чем бы он ни заговорил, разговор непременно сводился к прекрасным душевным качествам его избранницы. В конце концов Мадди сделала вывод, что Кристофер просто опьянен своим чувством. Насколько ей это удавалось, она делала вид, что разделяет его восторг, и только ночью, лежа без сна в своей постели, беспокойно ворочаясь и вздыхая, Мадди давала волю своим чувствам.

Самым ужасным было появление в доме агента по торговле недвижимостью. После осмотра дома агент пришел к выводу, что у них не будет проблем с продажей, а Кристофер приятно удивился цене, которую ему предложили.

Вскоре явился первый желающий «посмотреть». Мадди чуть не стошнило, когда посторонняя женщина стала заглядывать в шкафы и, тяжело переваливаясь, поднялась по скрипучей лестнице.

– Ой, Шехерезада, – тяжело вздохнула Мадди, лежа в постели и глядя, как за окном наступает рождественский рассвет. – Я бы все сделала для папы, я хочу, чтобы он был счастлив, но сама я ужасно несчастна. Я не хочу покидать этот дом, ведь это мой родной дом, понимаешь?

Кошка понимала. Она замурлыкала, соглашаясь с хозяйкой. Мадди почувствовала, как нарастает ее тревога по мере того, как за окном становится светлее.

Такси въехало на площадь, окруженную аккуратными беленькими домиками, и остановилось. Все на этой площади выглядело благопристойно и чинно. Кристофер с дочерью посидели в машине несколько мгновений. Наконец он сказал:

– О'кей, Мадди, это здесь.

Он сжал ее руку и добавил:

– Я знаю, ты ее полюбишь.

Она улыбнулась:

– Уверена, что так и будет, папа.

Однако когда они взошли на ступеньки перед входной дверью, и Кристофер нажал кнопку звонка, ноги ее предательски задрожали.

– Ну, ну, давай, девочка! – вздохнула Мадди. – Ради папы.

Дверь им открыла пухлая дама средних лет.

– Доброе утро, сэр, мисс. Я Глэдис, экономка мадам Иветты. Мадам спустится через минуту. Пожалуйста, проходите.

– Спасибо, – учтиво склонил голову Кристофер. Они вошли в холл, устланный толстым пушистым ковром. Над широкой лестницей свисал чудовищных размеров канделябр.

– А-а! Дорогие мои! – с самого верха лестницы послышался голос, и отец с дочерью подняли глаза. Там, живописно прислонившись к перилам, стояла мадам Иветта Дели́з. Хрупкая и светловолосая, как и ее дочь, она выглядела значительно моложе своих тридцати семи лет. Она широко раскрыла объятия и сбежала по лестнице навстречу своим гостям, подобно фее из какого-то балета.

– Как замечательно, что вы пришли! Кристофер, я так по тебе соскучилась! – она расцеловала своего избранника, а затем сосредоточила внимание на его дочери.

– А это твоя очаровательная дочь Мадлен! – Иветта несколько секунд пристально рассматривала девушку.

– Она не похожа на свою мать, правда?

– Добро пожаловать в твой новый дом, Мадлен. Я убеждена, что мы с тобой станем добрыми друзьями.

Небрежно и рассеянно проговорив эти ласковые слова, она снова повернулась к Кристоферу и взяла его под руку.

– Пойдем. В гостиной собралось несколько человек, которые просто умирают от желания познакомиться с моим женихом. Глэдис, возьми у Мадлен пальто, а затем, милочка, следуй за нами.

Иветта увела Кристофера из холла, оставив будущую падчерицу наедине с экономкой.

– Пожалуйста, ваше пальто, мисс. Если понадобится, женский туалет – вторая дверь налево. – Глэдис дружелюбно и ласково улыбнулась Мадди, словно понимая ее растерянность. – Надеюсь, что вы с отцом будете здесь счастливы.

– Спасибо. Я… Я уверена, что так и будет.

Мадди отдала пальто и вошла в гостиную. В большой, элегантно обставленной комнате было полно роскошно одетых людей. Мадди

почувствовала себя не в своей тарелке в дешевеньком платье среди этой великолепной публики. Она в замешательстве поискала глазами отца и увидела его с Иветтой в окружении весело болтавших артистов балетной труппы.

– Что будете пить, мисс? Шампанское, ликер или апельсиновый сок? – перед Мадди появилась Глэдис с серебряным подносом. Она опять одобряюще улыбнулась ей и сказала:

– У камина теплее.

Мадди взяла с подноса стакан шипучего напитка и, потягивая его, встала в углу.

– Мадди, иди сюда и познакомься с друзьями Иветты, – позвал ее отец.

Девушка неохотно подошла. Когда ее представляли партнеру Иветты, известному танцору Андре Метену, она вежливо улыбнулась.

– Для вас с Николь будет очень хорошо, что вы станете сестрами. Вы будете жить общими интересами, – мечтательно сказал Андре. – Должно быть, здорово, когда у тебя такая знаменитая мать, как Иветта.

– Да, – сквозь зубы согласилась Мадди.

– Прошу прощения за опоздание.

Удивительно красивая в своем красном платье, в ореоле светлых сверкающих волос, ниспадающих на плечи, в комнату вошла Николь.

– Дорогая, подойди и поприветствуй Кристофера, – окликнула ее Иветта.

Лучезарно улыбаясь, Николь подошла к жениху своей матери и протянула руку.

– Привет, Кристофер! Мама очень много о тебе рассказывала. Я так рада за вас.

Кристофер бережно пожал ее руку.

– Спасибо, Николь. Должен заметить, что ты так же добра и прекрасна, как и твоя мать.

Мадди подумала, что ее сейчас вырвет.

– Конечно, ты уже познакомилась в училище с моей дочерью Мадлен?

– Да, – Николь повернулась лицом к Мадди и широко улыбнулась. – Привет, Мадди! Как поживаешь? Вот будет здорово, когда вы сюда переедете, правда? Мы будем совсем как сестры.

Потрясенная и изумленная этими словами, Мадди кивнула, а Иветта и Кристофер были просто на верху блаженства.

– Прошу прощения, мадам. Стол накрыт.

– Спасибо, Глэдис. Господа, приглашаю всех в столовую, – сказала Иветта.

Длинный стол красного дерева был празднично сервирован и легко вместил двадцать человек, собравшихся на праздничный пир.

Большую часть обеда Мадди ковыряла вилкой еду в тарелке и со все возрастающим изумлением, смешанным со страхом, наблюдала за тем, как Николь мило беседовала с Кристофером и попутно очаровывала гостей.

Обращаясь к Мадди, Николь являла собой образец предупредительности и была воплощением доброжелательности. В конце концов, Мадди и сама стала сомневаться, может, она придумала то, что вытворяла по отношению к ней Николь.

После обеда, когда все вернулись в гостиную на чашечку кофе, Николь предложила Мадлен показать ее будущую комнату.

Мадди заколебалась, но, понимая, что у нее нет особых причин отказываться, пошла за Николь на третий этаж, где та открыла дверь в маленькую, со вкусом оформленную комнату для гостей.

– Это твоя спальня. Ванная у нас будет общая, а моя комната дальше по коридору. Пойдем, посмотришь.

Комната Николь была большая, прекрасно меблированная, заваленная мятой бумагой. На полу и постели валялись подарки, очевидно, привезенные из Америки. Девушки вошли, и Николь закрыла за собой дверь.

– Садись, Мадлен, нам надо кое-что обсудить, – ее голос потерял сладость, в нем появились жесткие нотки. Сердце Мадди учащенно забилось. – Если ты думаешь, что, заявившись в этот дом, сумеешь похитить у меня мать, ты глубоко ошибаешься. Она моя, и я не собираюсь ее ни с кем делить. Я вообще не хочу делиться с тобой ничем.

Словно собираясь защищаться, она прошлась по комнате.

– Уверяю тебя, Николь, у меня и в мыслях не было претендовать на то, что принадлежит тебе.

– Ну и ладно. Я не представляю, что нашла моя мать в твоем тощем, нищем папаше, когда у ее ног были все мужчины Лондона,

но…

– Не смей так говорить о моем отце! – Мадди вскочила на ноги, ее лицо покраснело от гнева, руки дрожали.

– Да ладно, Мадлен! Смотри реально на вещи. Твой отец знает, что делает прекрасную партию. Однако с этим я ничего не могу поделать. Мне остается только ждать, пока моя матушка придет в чувство и увидит, что такое твой отец на самом деле.

– Я не желаю больше это слушать! – Мадди пошла к двери, но Николь загородила ей дорогу и продолжала цедить слова, словно яд:

– Ну-ка, остынь. Штука в том, что тебе и мне придется жить под одной крышей с влюбленными голубками, хотим мы этого или нет. Ты мне не нравишься. Уверена, что взаимно. Мне противно иметь с тобой какие бы то ни было отношения. Ты вечно подлизываешься к Сержу и другим преподавателям. Ты затащила в свою постель Сашу, надеясь, что он выберет своей партнершей тебя, хотя всем известно, что я лучше…

Злоба в голосе Николь, в каждом ее слове была такой лютой, что Мадди застыла на месте, словно парализованная.

– Это же просто ложь, – беспомощно прошептала несчастная девушка.

– В училище все об этом говорят, и я не собираюсь это отрицать или опровергать. Как бы то ни было, я предлагаю договор.

– Ну и что же это?

– Я не хочу, чтобы моя мать знала, что что-то не так, поэтому в училище и на людях мы друг с другом будем предельно вежливы. Но за закрытыми дверями, имей в виду, я не желаю иметь с тобой никаких дел.

– Я буду только рада.

– Вот и хорошо. А теперь убирайся вон из моей комнаты!

Мадди повернулась и посмотрела в искаженное ненавистью лицо своей соперницы.

– Послушай, Николь. Тебе не удастся долго водить моего отца за нос притворством и ласковым обхождением. К счастью, он очень скоро поймет, какая ты на самом деле сука.

– Да ну? – Николь насмешливо подняла одну из своих аккуратно выщипанных бровей. – Можешь не рассчитывать на это. Как ты уже могла заметить, я чертовски хорошая актриса, так что, если тебе

вздумается сказать своему папаше про меня какую-нибудь гадость, это будет расценено как злопыхательство. Имей это в виду и прощай, дорогуша!

В скверном настроении Мадди спустилась вниз и присоединилась к остальным. Она знала, что сражение с Николь Дениз, по воле странной судьбы оказавшейся с ней под одной крышей, только начинается.

Глава 11

Церемония бракосочетания Кристофера и Иветты проходила в Челси. Затем состоялся большой прием в «Савое», и все это широко освещалось в газетах. Иветта Делиз была не только прима-балериной самой известной балетной труппы Британии, но и любимицей всех газетчиков, писавших о светской жизни. Ее всегда можно было видеть на самых блестящих приемах, балах, светских раутах. Она открывала выставки и устраивала торжественные выходы после спектаклей в Опера Хаус, поэтому все, что было с нею связано, всегда было отражено на газетных страницах. Ее первый муж, богатый французский аристократ, часто выпивал. Иветта вышла за него замуж, когда ей было всего девятнадцать, она была одной из танцовщиц кордебалета. Четыре года спустя они развелись, и в результате развода Иветта получила дом в Челси, а также изрядную денежную компенсацию. Это, а также успехи на сцене сделали Иветту очень состоятельной женщиной.

Но фотографиях в газете она выглядела просто изумительно в своем платье от Валентино кремового цвета и прелестной шляпке. Ее новый муж в элегантном костюме казался настоящим франтом, а Николь и Мадди, стоявшие рядом, счастливо улыбались перед объективом.

– Кто говорит, что фотографии никогда не лгут? – пробормотала Мадди, застилая газетной страницей со свадебным фото корзинку, в которой собиралась перевозить Шехерезаду и ее семейство.

Счастливые молодожены уехали проводить медовый месяц на Сейшельские острова. Мадди решила, что пока они путешествуют, она будет жить в их старом доме в Хэмстеде и сделает последние приготовления к переезду. Дом был уже продан, новые хозяева должны были вступить во владение через неделю. Кристофер сказал дочери, чтобы она дала объявление в газетах и продала всю мебель, какую только возможно, так как для нее нет места в Челси.

Примерно час назад к Мадди приходила юная балерина, которая унесла в коробке двух малышей Шехерезады. Новая хозяйка, по крайней мере, будет нежно обращаться со своими питомцами, и Мадди может быть спокойна за их судьбу. Прощание с этими крохотными

существами не прибавило ей настроения. Боль и гнев последних дней скопились в сердце, но она не могла позволить им вырваться наружу. Это было бы несправедливо. У отца появилась возможность стать счастливым, и она не имела права помешать этому.

Кейт равнодушно пожала плечами, когда Мадди стала рассказывать ей о свадьбе отца и предстоящем переезде в Челси.

– Ха! Если бы мои родители решили переехать на Карлейл Сквер, я была бы на седьмом небе. Господи, да это же так повысит твой престиж, Мадди!

Мадди тщетно попыталась объяснить подруге, что она боится однажды быть зарезанной в собственной постели или отравленной сводной сестрой, но Кейт абсолютно не понимала, в чем тут проблема.

– Ну, ладно, отлично! Тебе семнадцать, в следующем году будет восемнадцать. Скажи своему папочке, что ты с ним жить не хочешь, и сними квартиру.

Мысль о квартире стала единственным утешением для Мадди в самые мрачные минуты ее жизни. Она пришла к выводу, что ей необходимо переехать в Челси с отцом. В противном случае она причинит ему смертельную боль. Если уж дела пойдут совсем худо, она все-таки сможет найти себе какое-нибудь жилье. Вот только как ей удастся найти столько денег, она не знала. Ее стипендии хватало только на транспорт и скромное прожитье. Можно, конечно, обратиться к отцу. Он должен получить деньги от продажи дома, но Мадди знала, что он задолжал изрядную сумму за свадебную церемонию и много потратит во время медового месяца, поэтому сейчас вряд ли стоит просить у него взаймы.

Мадди сидела на кровати. Это был единственный предмет мебели, который еще оставался в доме, и от этого опустевший дом казался гулким и заброшенным. Внезапно от этой заброшенности и тишины ей стало душно. Она почувствовала себя ужасно одинокой и глубоко несчастной. Она встала, вытерла испарину со лба, схватила пальто, перчатки и торопливо выбежала из дома, решив направиться в Хэмпстед Хиз.

Уже темнело, когда ей удалось отыскать скамейку в дальнем уголке парка. Не обращая внимания на пьяниц, бродивших вокруг в поисках подходящих для ночлега кустов, она села и задумалась о том, как быстро все встало с ног на голову. Отец, человек, которому она

бесконечно доверяла и которого боготворила, сейчас совершенно потерял от любви рассудок и пребывает в таком состоянии, что едва находит время, чтобы заметить ее, свою дочь. Его закружил вихрь светских приемов, куда их с Иветтой постоянно приглашали, и Мадди его теперь практически не видела. Себастиан, хотя и забегал к ней пару раз, тоже отдалился и стал совсем чужим. Кейт все свое время посвящала тому, чтобы превратиться во вторую принцессу Диану. Что касается Саши, ей вообще не удавалось увидеть его и поговорить с той самой ночи, когда он с таким презрением ее отверг.

Мадди посмотрела в ночное небо. Никогда прежде ей не приходилось чувствовать себя такой одинокой, заброшенной и никому не нужной. Может быть, хоть занятия в училище смогут отвлечь от мыслей о ее несчастной жизни. Но и там придется видеть Сашу, день и ночь быть с Николь Дениз.

– Тьфу, тьфу, тьфу! – Мадди в отчаянии стукнула кулаком по скамейке.

Что же тут поделаешь? Ей придется быть сдержанной и сильной. Сейчас она все равно не может ничего изменить, поэтому остается только надеяться, что время все расставит по своим местам. Тяжело вздохнув, Мадди направилась по хрустящей жесткой траве в сторону огней города. Засунув руки глубоко в карманы, она почти вышла из парка и вдруг заметила знакомую фигуру, быстро идущую с кем-то впереди нее.

– Саша! – позвала она. – Саша!

Казалось, он ее не слышит, хотя находится всего в двадцати ярдах. Мадди остановилась в растерянности, не зная, что и подумать, а две фигуры, между тем, исчезли в зарослях кустов.

У девушки комок подступил к горлу. Ей стало ясно, что Саша принял решение игнорировать ее. Возвращаясь назад в опустевший дом, она печально думала, что его нежелание встречаться с ней – еще одна строчка в длинном списке ее несчастий.

В последний раз Мадди окинула взглядом знакомые стены, проходя по комнатам, вспомнила все хорошее, что было здесь. У нее возникло чувство, что она прощается не только с домом. Его жизнь и жизнь Мадди были связаны неразрывно, и сегодня она говорила «прощай» своей прежней жизни.

Она вошла в оранжерею и столкнулась с отцом.

– Я все понимаю, дорогая, но уверен, в нашем новом доме мы будем очень счастливы.

Мадди оглянулась и улыбнулась Кристоферу.

– Ну, конечно, папа.

– Когда ты будешь готова, выходи, такси уже ждет.

Она кивнула, слишком потрясенная, чтобы говорить, и направилась вслед за отцом.

Когда она взяла корзинку с Шехерезадой и котятами, животные замяукали. Мадди, не оглядываясь, пошла по тропинке и села в машину. Слезы стояли у нее в глазах, и девушка практически не видела, как Кристофер захлопнул дверцу и сел в машину.

Такси остановилось перед новым домом на Карлейл Сквер, и Мадди с отцом пошли к дверям. Навстречу им по ступенькам сбежала Иветта и радостно поздоровалась с мужем.

– Дорогой! Я так по тебе скучаю! – Она подхватила Кристофера под руку и, нежно воркуя что-то, повела его в дом, оставив Мадди расплачиваться с таксистом.

Заплатив, Мадди с трудом поднялась по ступенькам с тяжелой ношей в руках. Она поставила корзинку с обеспокоенными животными на пол в холле и растерянно посмотрела по сторонам, думая, что с ними дальше делать. Неожиданно в дверях появилась Иветта с выражением панического ужаса на лице.

– Что это? – драматическим шепотом спросила она, указывая на три мордочки, прижавшиеся к прутьям корзинки.

– Ах, это! Иветта, познакомься, это моя Шехерезада и два ее котенка.

– Но… но… – позади жены появился Кристофер. Иветта повернулась к нему и с упреком воскликнула:

– Кристофер, ты мне не говорил, что у тебя есть животные! У меня же аллергия на кошек! Им тут просто невозможно оставаться. Аа-п-чхи! – она искусно чихнула с выражением муки на лице. – Пожалуйста, унеси их прочь! Аа-п-чхи!

Кристофер смущенно и растерянно смотрел, как его жена, непрерывно чихая, побежала наверх, и повернулся к дочери.

– Папа, пожалуйста, – Мадди умоляюще сжала руки. – Что же нам делать? Я не могу расстаться с Шехерезадой.

– Послушай, родная моя, это моя вина. Я не подумал об этом. Может быть, твоя подруга Кейт сможет приютить Шехерезаду и двух ее детишек, пока мы не подыщем ей что-нибудь подходящее.

– Нет, папа! Она не сможет. Кроме того, Шехерезада моя, и я не желаю с ней расставаться.

Мадди разрыдалась, словно обида и раздражение последних дней внезапно прорвались наружу.

– Мадди, успокойся, пожалуйста. Раз уж у Иветты аллергия на кошек, то совершенно очевидно, что они не могут тут оставаться. Это ясно, как белый день.

– Нет, папа! Вовсе это не ясно. Почему все должно быть, как ЕЙ хочется? – слезы потоком лились по лицу Мадди. – Ты же знаешь, как я люблю Шехерезаду. Если ее тут не будет, я тоже уйду!

Кристофер растерянно взъерошил свои волосы.

– Послушай, Мадди. Мы сюда только приехали, и нам сейчас меньше всего нужна семейная сцена. Может быть, где-нибудь в саду найдется сарай, где Шехерезада и ее…

– Сарай?! Господи, папа, по ночам сейчас так холодно! Я думала, что ты тоже любишь мою кошку. Но, кажется, нас совсем забыли с тех пор, как эта женщина вошла в твою жизнь.

Мадди вызывающе посмотрела на отца, вытерла слезы и шмыгнула носом. Затем она решительно взяла корзинку с кошками.

– Если Шехерезаде нельзя жить в этом доме, то вместе с ней ухожу и я.

Пройдя через холл, Мадди широко распахнула дверь и стремительно сбежала по ступенькам.

– Мадди, Мадди, подожди! – Кристофер бросился к открытой двери и увидел удаляющуюся дочь с корзинкой в руках.

В следующее мгновение он почувствовал нежное прикосновение женских рук.

– Она просто немножко завидует и ревнует. До сих пор ты целиком принадлежал одной Мадлен. Ей тяжело делить тебя с другими. Все образуется. Пойдем, выпьем чашку чаю.

– Нет, я все-таки должен идти за ней, – Кристофер вздохнул. – Что, если она не вернется?

– Ну, конечно, она вернется, – голос Иветты звучал так нежно, так успокаивал. – Ей же некуда больше пойти. Вот увидишь, она остынет и

вернется.

Кристофер неохотно кивнул и пошел за своей женой.

Мадди толкнула металлическую калитку в центре сквера и с облегчением обнаружила, что она не заперта. Ей страшно хотелось найти где-нибудь место, чтобы посидеть и успокоиться. Маленький зеленый скверик, в который она вошла, был схвачен утренним морозцем, клумбы покрылись инеем и утратили свои краски. Все было серым и невзрачным. Продолжая плакать от гнева, обиды и разочарования, девушка села на мокрую садовую скамейку. Тяжело вздохнув, она шмыгнула носом и прошептала:

– Честное слово, киска, последние несколько недель я только и делаю, что реву и реву. А я ведь всегда гордилась тем, что никогда не плачу.

Мохнатая мордочка понимающе посмотрела на нее сквозь прутья корзины, затем кошка протянула к ней лапку и осторожно поскребла хозяйку по колену. Этот невинный жест вызвал у Мадди новый взрыв отчаяния. Она снова разрыдалась.

– Я никогда не брошу тебя, никогда. Мы найдем, где остановиться, дорогая моя, обещаю.

Но время шло, и пока она сидела на сырой скамейке, дневной февральский морозец начинал пробирать до костей, и ее все сильнее мучила мысль, что же все-таки она будет делать. Можно было пойти к Кейт, как предлагал папа, однако Мадди не представляла, как мать Кейт, несмотря на всю любовь к ней, сможет дать приют трем бездомным кошкам и одной бездомной девушке.

Себастиан? Известно, что квартира его тетушки недостаточно велика, чтобы вместить еще и кошек с их хозяйкой. Так что и этот вариант отпадает.

И чем дольше сидела Мадди на сырой скамейке и думала о своей несчастной жизни, тем холоднее ей становилось, и тем сильнее охватывало ее чувство отчаяния. Похоже, не оставалось другой перспективы для всех четверых, кроме как взять и замерзнуть прямо тут насмерть.

– Вот тогда папа пожалеет! – всхлипнув, мстительно пробормотала девушка. Мысль о том, чтобы униженно вернуться и быть разлученной со своими любимцами, казалась просто

нестерпимой. Но Мадди почти уже не чувствовала своих рук. Шехерезада старалась распушить свой мех, чтобы согреться. Становилось совершенно ясно, что Иветта победила.

– А! Вот ты где!

Голос за спиной вывел Мадди из задумчивости. Она оглянулась и увидела Глэдис, экономку Иветты, которая стояла у нее за спиной, дружелюбно улыбаясь.

– Я слышала весь этот переполох из-за твоих котят.

Мадди пожала плечами.

– Я не собираюсь возвращаться до тех пор, пока Шехерезаде не позволят вернуться вместе со мной.

– Знаешь, – успокаивая ее, сказала Глэдис, – я только что заходила к соседям повидаться с подругой. Думаю, мы сможем найти приют для твоих крошек хотя бы на некоторое время.

– А кто эта подруга? – Мадди почувствовала, что говорит, словно капризный ребенок, но ничего не могла с собой поделать.

– Она служит в одной арабской семье. Они живут вон там. – Глэдис указала на большой белый дом по соседству с домом Иветты. – Моя подруга любит животных, а дом у арабов большой, так что твои кошки смело смогут жить внизу, в комнате для прислуги, в полном довольстве. А за домом есть большой сад.

– А владельцы не будут против?

– Да там и живет сейчас только один молодой человек, а он вообще редко внизу появляется. Может, это и не выход, но пока это лучшее, что я могу тебе предложить. Бриджит, моя подруга, говорит, что ты сможешь навещать своих любимцев, когда захочешь. Пойдем, тебе нужно выпить чего-нибудь горячего, да и котята, по-моему, голодные и нуждаются в тепле.

Последнее замечание Глэдис окончательно убедило Мадди, и все-таки по инерции она еще упрямилась.

– О'кей, – не слишком любезно произнесла девушка, передернув плечами. – Но, если мне не понравится там, котята у нее не останутся.

Глэдис кивнула:

– Конечно.

Мадди проследовала за ней в соседний дом. Они подошли к двери, ведущей на первый этаж, и постучали. Им тотчас открыла высокая женщина средних лет.

– Привет, Бриджит. Это снова я, а это Мадди и ее бедные бездомные кошки.

Бриджит улыбнулась.

– Заходите, заходите.

Мадди прошла вслед за женщинами через коридор и большую, роскошно обставленную комнату, затем – в прекрасную современную кухню.

– Поставь туда свою корзину и давайте посмотрим на твоих малюток, – Бриджит указала на большой сосновый стол в центре кухни.

Когда Мадди открывала корзину, чтобы достать животных, внезапно дверь в кухню распахнулась, и вошел невысокий черноволосый человек.

– Бриджит, я все звоню, а вы не отвечаете, вот я и… – он остановился, увидев Мадди, и подошел к столу.

– Кто она? – властным тоном спросил вошедший, кивнув в сторону Мадди. Девушка увидела, что лицо Бриджит стало покрываться пунцовыми пятнами.

– Видите ли, сэр, ну… дело в том…

– А тут что, внутри? – не дожидаясь объяснений, молодой человек подошел к корзине и подозрительно посмотрел на нее.

Мадди, словно пытаясь защитить, схватила свою горькую ношу и проговорила:

– Это мои котята. Мы собирались уходить.

Лицо хозяина дома смягчилось.

– А-а, я люблю кошек. Можно на них взглянуть?

Мадди неохотно кивнула:

– О'кей.

Затем поставила корзину на стол и открыла крышку. Молодой человек, улыбаясь, заглянул внутрь и запустил туда руки.

– Ну-ка, ну-ка, вот… вот умница. Я тебя не обижу, – нежно приговаривая, он достал взъерошенную, расстроенную дневными неурядицами Шехерезаду и погладил ее.

– Ну, не красавица ли? Как ее зовут?

– Шехерезада.

К удивлению Мадди, ее киска начала мурлыкать, а внимание молодого человека тем временем привлекли два котенка, чьи

обеспокоенные мордочки уже высовывались из временного убежища.

– А это, надо полагать, ее детишки? – спросил он, взглянув на Мадди.

– Да.

– Могу я поинтересоваться, что вы делали с ними на моей кухне?

– Видите ли, я только что переехала в дом по соседству, а моя мачеха…

– Очевидно, для объяснений потребуется некоторое время, – сказал хозяин, опустил Шехерезаду на стол и взял в руки котят.

– Бриджит, приготовьте нам, пожалуйста, чаю и чего-нибудь поесть и принесите все это наверх в гостиную, пожалуйста. Ах, да, и найдите какой-нибудь еды для этой троицы. Они, похоже, крепко проголодались.

Он положил котят в корзину и повернулся к своей гостье, жестом указывая ей, куда идти.

– Сюда, пожалуйста.

Мадди оглянулась на Глэдис, которая все это время держалась у выхода, та кивнула и дала понять жестом, что сейчас уходит.

Девушка решила, что она, по крайней мере, сможет объяснить молодому человеку, что привело ее сюда, в его дом. Пожав плечами, она вышла из кухни и поднялась вслед за ним по лестнице. Просторный холл наверху был таким роскошным, что даже убранство дома Иветты по сравнению с ним казалось бедным. На стенах висели большие дорогие картины.

– Не обращайте внимания на мой музей. Пойдемте наверх, в гостиную. – Молодой араб продолжал свой путь по роскошной лестнице, откуда они с Мадди прошли в длинный коридор. Там, на столиках, стоящих вдоль стен, Мадди увидела огромное количество еще более дорогих сокровищ и ювелирных украшений, ваз и других предметов, благодаря которым казалось, что они действительно идут по музейным залам.

– Присаживайтесь у камина. Вы, кажется, замерзли. – Молодой человек закрыл дверь, а Мадди в это время изумленно озиралась по сторонам, пораженная убранством комнаты. Большие окна были задрапированы алой материей с красивыми золотыми узорами, гармонировавшими с накидками на диванах и креслах. В богато украшенном витиеватой резьбой камине ярко горел огонь, а тяжелые

китайские светильники с абажурами бледного цвета лили мягкий рассеянный свет. Вся обстановка создавала ощущение роскоши и уюта.

– Итак, – произнес молодой человек, усаживаясь в кресло напротив Мадди, – прежде всего, позвольте представиться. Меня зовут Хассан Калиль. А вас?

– Мадлен Винсент, но все зовут меня просто Мадди, – она наклонилась ближе к камину и протянула к огню замерзшие руки.

– Вы сказали, что переехали в соседний дом?

– Да, но… О, это ужасно долгая история.

– Ну и хорошо. Я люблю длинные истории. Раз вы назвали свою кошку именем арабской принцессы, которой тоже пришлось рассказывать истории, чтобы сохранить себе жизнь, то уж, наверное, и сами должны быть неплохой рассказчицей.

– Видите ли, мой отец недавно второй раз женился, и сегодня мы, я имею в виду кошек, отца и меня, переехали жить к его новой жене. К несчастью…

В этот момент появилась Бриджит, катившая перед собой столик на колесах, на котором стоял чай, лежали сэндвичи и пирожные.

– Мы сами, – кивком головы отпустил служанку Хассан. Прежде, чем она ушла, Мадди спросила:

– Как мои кошки?

Бриджит заулыбалась:

– О, все прекрасно. Спасибо, сэр. – Она кивнула хозяину и вышла из комнаты.

– Ну, подумаем о хлебе насущном. Рассказывайте, а я пока все приготовлю, – молодой человек склонился над столиком.

– Когда мы приехали, новая жена отца заявила, что у нее аллергия на котов, и поэтому Шехерезаду с котятами необходимо выкинуть. Боюсь, что мне не оставалось другого выхода.

– Совершенно верно. Я на вашем месте поступил бы точно так же. Вот, выпейте это.

Хассан передал Мадди хрупкую чашку из тончайшего фарфора, до краев наполненную ароматным чаем, и поставил перед ней тарелку с горячими пышками, поджаренными в масле.

– М-м-м-м, как вкусно! – девушка откусила лепешку и сделала глоток. Пальцы ее постепенно отогревались и теперь начали

понемногу чувствовать предметы. Она боялась вылить чай на толстый персидский ковер, лежащий на полу. – Я вам очень благодарна, что вы пригласили меня. Вы живете с родителями?

– Нет, это мой собственный дом, хотя мама помогала мне его обставить. Я живу один, если, конечно, не считать прислуги.

– Глэдис, экономка моей мачехи, пошла за мной. Она сказала, что знает одну женщину, которая могла бы некоторое время присматривать за моими котятами.

– Полагаю, что этой женщиной оказалась Бриджит?

– Да, но прошу вас, не ругайте ее. Она была добра ко мне. Мне только нужно найти еще какое-нибудь место, где мои кошки могли бы жить.

– Вовсе нет. Ваши питомцы могут оставаться здесь.

– Нет, я думаю… ну вы же меня едва знаете, а котята могут испортить вашу мебель.

Хассан равнодушно пожал плечами:

– Это не имеет значения. Что значат несколько царапин? Тут довольно большой первый этаж и сад, так что места хватит, а Бриджит будет за кошками хорошо присматривать, обещаю вам.

Молодой араб говорил достаточно вежливо, однако его тон давал понять, что этот обаятельный молодой человек не привык, чтобы ему отказывали или спорили с ним.

– Ну, если вы считаете, что все в порядке… только на время, пока я не найду что-нибудь еще, – благодарно улыбнулась Мадди. – Вы не будете против, если я их иногда буду навещать?

– Конечно, нет. Это еще одна причина, по которой я сделал вам такое предложение. Не могу отказать себе в удовольствии еще раз побыть в вашем обществе.

Мадди покраснела и перевела взгляд на камин.

– Что… чем вы занимаетесь в Англии?

– Я изучаю юриспруденцию в Лондонском университете. А что вы делаете?

– Я тоже студентка. Учусь в балетном училище.

– О! Моя мать любит балет. Когда она приезжает в Лондон, то всегда ходит на спектакли в Опера Хаус. Ее любимая балерина Иветта Дениз. Мама видела ее в прошлом году в «Лебедином озере» и говорила, что это лучшая Одетта на свете.

– Но Иветта Дениз не любит кошек, Хассан. Это она стала моей мачехой.

– Что? Вы имеете в виду, что великая Иветта Дениз живет в соседнем доме? Да моя мать будет просто потрясена, когда я ей об этом скажу!

– Да, но… – Мадди вздохнула и решила сменить тему разговора. – А где живут ваши родители?

– Мама большую часть времени проводит на Антибах, на нашей вилле, а отец в Джидде.

Мадди подумала, что все-таки странно, что семья не живет в одном доме.

– Но ваши родители не разведены?

– Нет, ну что вы! У нас, арабов, разводы вообще чрезвычайно редки. Да и потом, мои родители очень счастливы.

– Ясно, – девушка взглянула на часы. – Ну что же, мне пора возвращаться и выслушать критику в адрес моего упрямства. Я надеюсь, вы понимаете, что остаток дня мне предстоит провести в обществе кошачьей ненавистницы.

Мадди улыбнулась, хотя понимала, что в ее словах больше горькой правды, чем шутки.

– А почему бы вам не зайти завтра и не убедиться самой, что ваши любимцы целы и невредимы. Правда, я завтра буду в университете, но к пяти должен вернуться.

Мадди поднялась.

– Огромное спасибо. Вы были очень любезны.

Хассан проводил ее вниз.

– До свиданья, Хассан. Увидимся завтра, еще раз спасибо.

Закрыв за девушкой дверь, Хассан был внезапно поражен одной мыслью. Он почему-то почувствовал, что Мадлен Винсент займет очень важное место в его жизни.

Глава 12

Кейт сидела за туалетным столиком и тщательно «делала» себе лицо – подводила тушью глаза, нанесла румяна на щеки и подкрасила губы. Она тщательно расчесала волосы, чтобы они густой, пушистой и сияющей короной окружили ее лицо, и подошла к гардеробу, размышляя, что надеть. Наконец она остановила свой выбор на короткой кожаной юбке, свитере красного цвета с высоким воротом, на шею надела любимое жемчужное ожерелье. Затем девушка придирчиво осмотрела себя с ног до головы и осталась довольна.

– Сгодится, – прошептала она.

Сегодня в Найтсбридже одна из ее школьных подруг устраивает вечеринку. Ее планировали растянуть на всю ночь, поэтому Кейт сомневалась, сможет ли она до рассвета вернуться домой. Знакомое чувство радостного возбуждения овладело девушкой, когда она взглянула на часы, – пора выезжать. В эту минуту на лестнице раздался голос матери:

– Кейт! Дорогая, такси уже у ворот.

– Иду! – Она выключила маленький проигрыватель для компакт-дисков, полученный в подарок на Рождество, набросила плащ и помчалась вниз по лестнице.

Усевшись на заднее сиденье, Кейт почувствовала, как она рада, что сбежала из дома. После Рождества обстановка в доме стала напряженной. Отец большую часть времени проводил в офисе, а мать выглядела необычно бледной и расстроенной. Когда Кейт спросила у нее, не случилось ли чего-нибудь, та отрицательно покачала головой:

– Нет, дорогая. Просто у твоего папы появились на работе кое-какие проблемы, но ничего серьезного нет.

Кейт знала, что одна из папиных компаний должна была в скором времени представить отчет о доходах. Дело само по себе, конечно, хлопотное, означавшее, что у отца будет много работы, но вовсе не настолько сложное, чтобы мать была в таком напряжении.

Кейт иногда казалось, что она совсем не знает своего отца. С той поры, как она себя помнила ребенком, он редко оставался дома больше нескольких дней, а потом вновь улетал за границу на деловую встречу. За эти годы Кейт осознала, насколько богатым и влиятельным

человеком был ее отец. Много раз ей приходилось наблюдать, как по-разному относятся к нему сотрудники и деловые партнеры. Но и те, и другие, похоже, его побаивались. Натаниэль Джонсон, конечно, был очень импозантным человеком с массивной, грузной фигурой и громоподобным голосом. Казалось, его внешность излучает силу и напор.

Кейт понимала, что он ее балует, засыпая подарками, словно искупая этим свое отсутствие. Впрочем, и со своей женой Натаниэль Джонсон проводил времени не больше, чем с дочкой. Кейт иногда даже удивлялась, как ее мать терпит такое отношение к себе.

Ее мысли занимал предстоящий вечер. Она поклялась себе, что сегодня ни за что не напьется и завтра утром не окажется в объятиях парня, которого едва знает. Это уже случилось с ней четыре раза с тех пор, как в ноябре она потеряла девственность, и каждый раз это был другой мужчина. Кейт очень надеялась, что кто-нибудь из них ей вскоре позвонит, и их отношения получат дальнейшее развитие, но несмотря на все ее ожидания, телефон молчал, а ее мужчины завязывали серьезные романы с другими девушками.

Кейт понимала, что ее беда в неумении сказать «нет». Самое плохое было то, что секс не приносил ей никакого удовольствия, но к тому времени, когда надо было ответить отказом или дать отпор, дело заходило слишком далеко, а она уже была пьяна и не могла остановиться.

Девушка вздохнула. Все девчонки из класса и те, кого она знала в обществе, кажется, вообще не имели подобных проблем и с удивительной легкостью находили себе симпатичных и богатых друзей, для этого им даже не приходилось спать со своими парнями.

Последнее, о чем Кейт беспокоилась, – это ее репутация. В душе она знала, что у нее доверчивое сердце, и была уверена, что однажды ей удастся встретить мужчину, который не будет смотреть на других девушек. Проблема заключалась в том, чтобы найти такого человека.

Такси остановилось возле большого дома из красного кирпича, выстроенного в викторианском стиле. Кейт расплатилась. Направляясь к дому, она еще раз пообещала себе, что сегодня будет пить только апельсиновый сок и не допустит ничего такого.

Из окон первого этажа доносились громкие звуки рок-музыки. Кейт позвонила. Ей пришлось немного подождать, пока Арабелла,

хозяйка дома, не открыла. Кейт ревниво скосила глаза на ее изящную фигурку и длинные светлые волосы.

– Дорогая моя! Входи, входи. Все уже собрались. Ух, ты! Привезла шампанское! Спасибо, Кейт. Вся выпивка у нас на кухне, как и, впрочем, большинство гостей.

Кейт проследовала за хозяйкой на кухню. Несколько человек ее приветствовали, а Кейт, прилежно выполняя данное себе обещание, налила в стакан апельсинового сока и вышла в гостиную. Здесь народу было значительно меньше, и она смогла найти себе место в темном углу на банкетке.

Может быть, сегодня у нее просто не было настроения, но еще никогда она не чувствовала себя такой чужой среди этих блестящих молодых людей. До нее доносились обрывки разговоров, ее друзья вспоминали новогодние торжества, вечеринки, которые проводились за городом, и куда Кейт не была приглашена. Кейт знала, что она допущена в этот круг до определенного предела, до конца ее своей не признали и вряд ли признают. Иногда она особенно ясно осознавала, что ее одноклассники никогда не позволят войти в тот кружок, члены которого перебираются с одной вечеринки на другую, имеют аристократическое происхождение и являются британцами по крови. Ей, дочери выходца из Восточной Европы с каким-то подозрительным прошлым, нечего было и думать о том, чтобы быть допущенной в число этих избранников судьбы.

– Что я, собственно, расстраиваюсь? – спросила себя Кейт.

– Что?

Девушка резко повернулась. Она увидела молодого человека, сидящего позади нее. Она тихонько ойкнула, потом покраснела и только в следующую секунду узнала того, кто с ней заговорил. Это был виконт Форбс, Джулиан для близких людей, двоюродный брат королевы. Его подруга Верена Серсей Уэлльская до последнего семестра училась в той же школе, что и Кейт, а затем улетела продолжать образование в Штаты.

Кейт видела Джулиана несколько раз, когда он ожидал Верену возле школы. Тогда она подумала, что он очень красив. Джулиан был высок, мускулист, с густыми волосами, которые великолепными завитками обрамляли его приятное лицо.

– О… Нет, ничего… Я просто заговорила… сама с собой, – Кейт едва нашлась, что сказать.

– Ну, тогда извините, что вмешался и прервал вашу беседу, – улыбнулся молодой человек.

– Нет, да я… – у Кейт, как назло, ничего не шло на ум, чтобы поддержать разговор. Собеседник, заметив ее смущение, пришел ей на помощь.

– Я вас, кажется, видел в школе, не так ли? Как вас зовут?

– Кейт, Кейт Джонсон.

– Джулиан Форбс. Рад возможности познакомиться с вами поближе. – Джулиан снова тепло ей улыбнулся, и Кейт почувствовала, что у нее от удовольствия даже озноб пробежал по спине.

– Можно, я принесу вам что-нибудь выпить? А то ваш стакан пуст, – сказал виконт.

– О'кей, немного водки с апельсиновым соком, – Кейт подумала, что ей все равно что-нибудь нужно выпить, чтобы успокоить нервы.

– Отлично, я сейчас вернусь.

Она проводила его взглядом, пока он не исчез на кухне, где был устроен импровизированный бар. Вполне возможно, что он уже нашел кого-нибудь значительно интереснее, чем она. Ее вдруг заинтересовало, продолжается ли у него дружба с Вереной.

Кейт часто видела их фотографии в колонках светской хроники – то они посещают ночной клуб, то присутствуют на открытии какой-нибудь выставки. Эта пара казалась неразлучной. Но все же, все же… Что ни говори, а Верена сейчас в Америке, а Кейт – здесь.

– Ну, вот, ваш напиток, – Джулиан вернулся довольно скоро и протянул ей стакан.

– Надеюсь, водки не очень много, – Кейт улыбнулась и сделала большой глоток, чтобы успокоиться. Ей все еще не верилось, что этот блестящий молодой человек хочет с ней поговорить.

– Ну, конечно, немного. Между прочим, расскажите мне о себе, Кейт.

– Да, в общем, нечего рассказывать. Я не очень интересная личность, – она растерянно пожала плечами.

– Ну, не скромничайте, – Джулиан улыбнулся. – Чем занимается ваш отец?

– Он издатель.

– Надо же! Это интересно. Расскажите мне о его работе.

После четвертого стакана водки с апельсиновым соком Кейт почувствовала себя значительно свободнее в компании Джулиана. Он оказался удивительно остроумным и занимательным собеседником и проявлял такой живой и неподдельный интерес к тому, что она говорила, что от былой скованности Кейт не осталось и следа. Когда, наконец, он пригласил ее танцевать, ей очень понравилось, что все окружающие смотрели на них и перешептывались. Сквозь громкую музыку до нее донеслись слова Джулиана:

– Давай-ка сбежим отсюда, а? Мой дом рядом, за углом. Тут слишком жарко и многолюдно.

Несмотря на обещание, данное себе самой, Кейт охотно согласилась, решив, что ее клятва к Джулиану не относится. Нельзя же, в самом деле, ответить отказом члену королевской фамилии! Да и потом, она же не собирается у него дома заниматься Бог весть чем. В конце концов, его предложение ни к чему не обязывает.

Ей доставило огромное наслаждение пожелать спокойной ночи гостеприимной очаровательной хозяйке, ощущая на своем плече руку Джулиана. Но, когда они вышли на улицу, девушка задрожала.

– Ну, пошли скорей, – ее спутник взял Кейт за руку. – Это здесь, недалеко, мы дойдем быстро.

Он стремительно вел ее по лабиринту пустынных улиц, пока они не подошли к большому дому с красивой белой террасой. Джулиан открыл ключом дверь и провел девушку по лестнице вверх.

Квартира была большая, но в ней царил ужасный беспорядок.

– Извини за беспорядок. Я уезжал на уик-энд, – извиняющимся тоном сказал Джулиан и тут же спросил: – Хочешь чего-нибудь выпить?

– Пожалуй, бренди… было бы замечательно, – Кейт сбросила с дивана несколько мятых рубашек и села на освободившееся место. Через пару минут Джулиан вернулся со стаканами, подал один своей гостье и сел рядом.

– Какую музыку ты любишь? Что тебе поставить?

– О! Все, что угодно.

Вскоре из колонок раздалась медленная лирическая песня в исполнении Элтона Джона. Джулиан придвинулся к Кейт поближе.

Она от волнения опять не могла найти темы для разговора и принялась лихорадочно думать, что сказать. Первым задал вопрос Джулиан.

– Что ты планируешь на будущее? Университет?

Она пожала плечами.

– Честно говоря, я не заглядывала так далеко. У меня нет больших амбиций и большого желания добиться в жизни чего-то особенного. Я просто пытаюсь жить.

– Неплохая философия, – Джулиан посмотрел на нее и вздохнул. – А вот у меня есть и амбиции, и желание, но, увы, моя семья считает мои желания неприемлемыми. Мне хочется стать актером. Очень неудобно быть младшим в королевской семье, особенно, если принадлежишь к боковой ветви династии, да еще такой плодовитой, как моя. Если ты не работаешь, про тебя говорят, что ты лежебока и тунеядец, а если надумаешь пойти работать, то возможность сделать карьеру практически сводится к нулю. К цифрам у меня нет никаких способностей, так что Сити сразу отпадает. Армия тоже не для меня, карьеру военного мне не осилить. Я надеюсь получить степень в университете.

На Кейт произвели огромное впечатление его откровенность и естественность. Ей раньше в голову не приходило, что жизнь подлинного аристократа состоит не из одних только развлечений.

– Однако жаловаться нет смысла. «Положение обязывает» и все такое… – Джулиан повернулся к девушке и приблизил свое лицо к ее лицу. – Знаешь, ты очень привлекательна. Я это давно заметил, когда первый раз увидел тебя выходящей из школы.

Кейт радостно засмеялась, удивленная и взволнованная тем, что он, оказывается, уже давно обратил на нее внимание.

– Спасибо. Хотя, по правде говоря, мне бы очень хотелось быть такой же худенькой, стройной блондинкой, как девушки из нашего класса.

– Ну, знаешь ли, неизвестно, что лучше. Они все похожи друг на друга так, что тоска берет. А ты совсем другая. Немного экзотичная, я бы сказал…

Джулиан прикоснулся к лицу девушки.

– … Губы, которые так хочется целовать…

Он взял стакан из ее рук и поставил на пол, затем привлек Кейт за плечи и поцеловал.

Десять минут спустя, чувствуя себя парящей на небесах, Кейт знала, что с ней сейчас случилось что-то необычное и восхитительное. Она бессчетное количество раз целовалась с другими мужчинами, но никогда это не было так волнующе. У нее дрожал каждый нерв, каждая клеточка ее тела, впервые, несмотря на противоречивое чувство ожидания того, что должно сейчас произойти, ей хотелось большего.

– Пойдем в постель… – касаясь губами мочки ее уха, прошептал Джулиан. – Можешь не соглашаться, Кейт, но, Боже, как я тебя хочу!

Кейт кивнула, чувствуя, что ее тело уже само приняло решение вместо нее. У нее не осталось сил, чтобы сопротивляться охватившему ее желанию. Ноги подкашивались, когда Джулиан, взяв ее за руку, провел через гостиную и открыл перед ней дверь в спальню.

Кейт медленно, дрожа от возбуждения, и в то же время с каким-то облегчением, легла на кровать. Когда Джулиан медленно, очень медленно снял с нее свитер и юбку, а потом трусики, она вдруг подумала, как здорово, что у нее хватило терпения выдержать свою жестокую диету.

– Ты восхитительна, ты прекрасна, – шептал Джулиан, покрывая поцелуями ее кожу и лаская самые интимные места, а она, позволив ему делать с собой все, что угодно, сама почему-то стыдилась прикоснуться к его молодому сильному телу. Видимо, поняв ее состояние, Джулиан, не переставая ласкать Кейт, взял ее руку своей и повел маленькую нежную ладошку вдоль своей груди, вниз, к животу и дальше, пока ее пальцы не коснулись пугающе твердого и большого мужского члена. Она сомкнула пальцы на нем и, внутреннее радуясь и восхищаясь его размерами, начала осторожно и ритмично двигать рукой вверх и вниз. Спустя несколько мгновений Кейт почувствовала, что мужские ладони настойчиво и повелительно нажимают ей на плечи, подталкивая ее голову туда же, вниз, к его чреслам. И тогда, подчиняясь его немому приказу, она послушно, с готовностью легла головой к его ногам, а в следующую секунду, уже лежа на спине, с восторгом увидела, как прямо над ее лицом навис тугой груз мужской плоти, и Кейт, широко открыв рот, с наслаждением прикоснулась к нему губами.

Девушка была уверена, что Джулиан будет ждать, пока она удовлетворит его ртом, как делали все ее предыдущие партнеры. Когда его голова оказалась у нее между бедер, и она почувствовала легкие

нежные прикосновения его языка к самым сокровенным частям ее тела, Кейт содрогнулась от наслаждения, будто ее пронзило током.

С этой минуты она уже не могла заставить себя сосредоточиться на том, чтобы дарить свои ласки Джулиану, – слишком острым и захватывающим оказалось то, что он с нею делал.

Девушка билась под ним, словно пойманная в сеть рыба, ее тело трепетало и извивалось во все нарастающей волне блаженства, такого всеобъемлющего, какого она не испытывала даже тогда, когда удовлетворяла себя сама. Ей казалось, что она не выдержит той бури наслаждения, а язык мужчины все скользил и скользил где-то там, внизу, и с ее губ срывались громкие стоны и крики, и Кейт плакала от счастья, чувствуя, что вот-вот все в ней сейчас взорвется, и весь мир вокруг разлетится мириадами золотых звезд. Ступни ее широко разведенных ног плотно впечатались в постель, она прогнулась, высоко подняв бедра и даже не ощущая на себе тяжести мужского тела.

– Не останавливайся! Пожалуйста, не останавливайся! – молила Кейт пересохшими губами, мотая головой. И, наконец, когда ей уже казалось, что она больше не выдержит этой сладостной пытки, этого мучительного острого наслаждения, ее потряс оргазм, и девушка громко вскрикнула от счастья, потом хрипло застонала, а ее тело содрогнулось в конвульсиях, словно пытаясь освободиться… А потом пришло облегчение, и она стала невесомой и легкой…

Когда Кейт затихла в его объятиях, Джулиан положил ее поровнее, лег рядом с ней и убрал с ее лба спутанные волосы.

– Какая ты красивая… Я никогда не видел раньше, чтобы женщина так замечательно отдавалась наслаждению…

Кейт отвернулась, ей было почему-то стыдно, словно она вела себя не так, как положено настоящей леди. Джулиан нежно и властно повернул ее мокрое от счастливых слез лицо и поцеловал ее.

– И я хочу видеть тебя в этом состоянии еще… еще… и еще.

Кейт робко взглянула на него и, увидев, что он говорит абсолютно серьезно, радостно улыбнулась и шепнула:

– Мне кажется, теперь твоя очередь…

И, не дожидаясь ответа, скользнула к его ногам.

На рассвете Кейт повернулась на бок и посмотрела на спящего Джулиана. Они занимались любовью всю ночь и, в конце концов, утомленные, уснули, не разжимая объятий. Она встала с кровати, чувствуя, как дрожат ноги от усталости, и начала собирать разбросанную одежду и торопливо одеваться. Надо было вернуться домой раньше, чем обеспокоенные родители позвонят в полицию.

Кейт на цыпочках прошла в гостиную, взяла свою сумочку и, достав из нее клочок бумаги и ручку, написала: *«Спасибо за прекрасную ночь. Позвони мне как-нибудь, К.»*.

Затем она перечитала записку и в сердцах разорвала ее, а обрывки сложила в сумку. Она не будет навязчивой. Если ему захочется продолжить отношения, то для него не составит труда узнать ее телефонный номер.

Девушка тихонько вышла из дома и остановила первое попавшееся такси. Когда Кейт приехала домой, она быстро разделась и сразу бросилась в свою уютную постель. У нее словно онемело все тело, и она чувствовала себя совершенно разбитой. И все-таки Кейт счастливо улыбалась. Ей еще чудился запах Джулиана, она даже не захотела принимать душ, чтобы этот удивительный аромат мужского тела держался подольше.

Она заснула мгновенно и во сне видела свою свадьбу в Виндзорском дворце, в капелле Святого Георга, и себя в платье, отделанном горностаями.

Глава 13

Первый месяц, проведенный Мадди в новом доме, оказался таким, как она и ожидала. С отцом они виделись только изредка, днем он работал в театре, на репетициях, вечером с Иветтой отправлялся куда-нибудь в гости.

Она все никак не могла заставить себя простить отцу то, что он не заступился за нее и Шехерезаду.

Но больше всего ее мучила необходимость каждый день наблюдать за тем, как Николь все больше и больше втирается Кристоферу в доверие. В отношениях с ним Николь была сама нежность и предупредительность, вежливая, ласковая, – просто образцовая дочь. И Мадди вынуждена была беспомощно наблюдать, как Кристофер все больше и больше подпадает под влияние дочери Иветты. Похоже, что у него для Николь находилось значительно больше времени, чем для собственной дочери. Перед родителями Николь держалась с Мадди так, будто они самые что ни на есть родные сестры, поэтому Мадди знала, что отец ни за что не поверит, если она расскажет, какой злобной и недоброжелательной становится Николь, когда они остаются одни. По этой причине Мадди старалась держаться по-прежнему спокойно и, по мере того, как Николь все больше сближалась с Кристофером, все больше отдалялась от него.

Отношения Мадди с мачехой тоже не сложились. Иветта относилась к ней, как к квартирантке, и заметно смущалась, стоило только с ней заговорить.

Неделя шла за неделей, и Мадди стала бывать дома как можно реже. Мало того, что ей приходилось терпеть соседство Николь, так еще и ежедневные занятия в одном классе создавали ощущение, что от сводной сестры совершенно невозможно избавиться. Но хуже всего было то, что Саша с того дня, как начался весенний семестр, явно игнорировал ее, и это доставляло Николь огромное удовольствие, заметное даже невооруженным глазом.

Это еще больше увеличивало депрессию Мадди. Наконец, однажды после окончания занятий она решила повидаться с Себастианом или Хассаном, чтобы по возможности дольше не возвращаться домой.

Шехерезада и ее детишки счастливо жили в обстановке неслыханной роскоши. То ли благодаря этому, то ли еще по какой-то причине Хассан вообще становился все более симпатичен Мадди. Она никогда не рассказывала ему, что именно с ней произошло, но он, кажется, и без этого понимал, что у нее есть проблемы, и изо всех сил старался подбодрить ее. А жалобы Мадди оставляла Себастиану. Ее друг детства был единственным человеком, который понимал, через что ей приходится пройти в новой жизни.

Себастиан недавно перебрался из квартиры своей тетки в общежитие недалеко от консерватории. В комнате, где он теперь жил, хватало места, чтобы только поставить кровать, холодильник и его гордость – древний рояль «Стейнвей», на котором Себастиан музицировал дни и ночи напролет, когда был не на занятиях.

Однажды вечером в конце марта, после особенно трудного и тяжелого дня, Мадди решила пойти к нему. Себастиан открыл дверь, и ей в лицо ударил застоявшийся запах сигаретного дыма.

– О, привет, моя дорогая. Входи и поставь чайник.

Мадди кивнула, а ее друг сел за рояль. Он работал над новой композицией. Девушка налила в чайник воды, поставила его на газ, села на кровать и затихла. Себастиан взял еще несколько аккордов, затем вдруг резко остановился и, повернувшись, внимательно посмотрел на нее.

– Ну, что, совсем плохо, да?

– Честно, Себастиан, я не знаю, сколько я смогу все это выносить. Николь такая сука. Ее сегодня в училище превозносили до небес, потому что она, видите ли, танцевала с Сашей па-де-де перед Рождеством, и у них был просто ошеломляющий успех. Она прекрасно знает, что Саша мне нравится, и специально каждый раз дает мне понять, что он меня отверг.

Себастиан встал, чтобы приготовить кофе. Было заметно, что он что-то хочет сказать и изо всех сил сдерживается. Наконец он произнес:

– Послушай, Мадди. Я знаю, что это не мое дело, но мне кажется, что тебе лучше порвать с Сашей все отношения. Пусть Николь получит его. Он тебя не стоит, поверь мне.

– Почему? Да ты ведь его едва знаешь и видел только раз! – взорвалась Мадди.

– Ну, ладно, ладно… Прости, пожалуйста. Больше никогда не позволю себе критиковать твоего драгоценного Сашу. Давай оставим этот разговор, ладно?

– Почему ты так настроен против него? Может, тебе известно что-то, чего я не знаю? – настаивала Мадди.

– Нет, нет, конечно, нет! – Себастиан пожалел, что вообще заговорил об этом. – Бог с ним. Лучше подойди сюда, давай посмотрим, как ты исполнишь мою новую песню.

– Да ты с ума сошел! – застонала девушка. – Я же смертельно устала.

– Да ты просто обязана исполнить это. Ну же, Мадди! Я слушал твои исповеди о бедах, обрушившихся на тебя. Самое меньшее, что ты теперь обязана сделать, это проявить хоть немного энтузиазма в отношении моего творения.

– Ну, ладно, не сердись, – виновато сказала Мадди и встала у рояля.

Песня оказалась балладой. Мадди не могла удержаться. Музыка захватила ее, отодвинула куда-то все заботы. Пока Себастиан пел, девушка стала тихонько ему подпевать.

– Ну, что ты об этом думаешь? – спросил он.

– Мне нравится, – честно призналась она.

– Я хочу услышать это в женском исполнении. Для этой мелодии необходим женский высокий голос. Значит так, начинай медленно и спокойно, а ко второму куплету постепенно набирай мощь.

Мадди без видимого напряжения запела, и Себастиан внезапно поймал себя на том, что попал под очарование своей собственной песни.

Красивый, нежный и в то же время сильный голос девушки, казалось, придавал дополнительную выразительность его композиции. И в эти минуты Себастиан отчетливо осознал, что балладу он написал специально для Мадди, чтобы подчеркнуть силу и красоту ее голоса.

– Просто здорово, Мадди! У тебя действительно прекрасный диапазон. Жаль, что ты ничего не хочешь делать. Ты запросто могла бы заткнуть за пояс многих профессионалов из Гилдхолла, если бы захотела.

– Спасибо, только зря ты меня уговариваешь. А песня мне действительно очень понравилась, – Мадди подошла к кровати и легла

на спину, заложив руки за голову. – Знаешь, Себастиан, я хотела бы найти способ заработать деньги, чтобы можно было снять квартиру и сбежать из этого ужасного дома. Я переехала туда ради отца, но, думаю, он и не заметит, если меня там не будет.

– Ты, пожалуй, слишком увлеклась своими переживаниями, Мадди. Твой отец влюбился впервые за тринадцать лет. Конечно, он сейчас очень увлечен этим и некоторое время будет уделять все свое внимание молодой жене. Он, как и прежде, обожает тебя, я в этом уверен.

– Может быть, хотя мне кажется, что он отдает предпочтение Николь. Мне через три месяца исполняется восемнадцать, и я смогу сделать то, что решила. Если, конечно, у меня будут деньги.

– Ну, что же, может быть, мне удастся тебе в этом помочь.

От изумления Мадди села на кровати.

– Каким образом?

– Видишь ли, я могу взяться за дополнительную работу, чтобы получать прибавку к стипендии. Я уже думал о том, что мог бы подрабатывать, как твой отец.

– Ты имеешь в виду игру в барах и тому подобное?

Себастиан кивнул.

– Да. Только получать можно значительно больше, если умеешь играть и петь, а я, конечно, не смогу взять на публике ни одной ноты. Я хочу тебя спросить, как ты смотришь на то, чтобы мы вместе сделали песенную программу и потом попытались обратиться в агентство по найму?

Мадди с сомнением покачала головой.

– Я тебе, Себастиан, тысячу раз говорила, что я не певица, а балерина.

– О'кей, Мадди, ну и ищи себе работу официантки в ресторане! И только потому, что ты слишком упряма и не хочешь признать, что тебе повезло получить от Господа еще один талант. Я отказываюсь тебя понимать.

Себастиан досадливо покачал головой. Мадди внезапно поняла, что ее друг не на шутку огорчился из-за того, что она отвергает его предложение. Ей ничего не оставалось, как примирительно сказать:

– Послушай, я очень сожалею, что расстроила тебя. Но мне показалось, что ты напрасно все это затеял. На самом деле в моем

голосе нет ничего особенного. Ты же знаешь, когда я пою, мне не нужно никаких усилий. Это у меня происходит, словно так и должно быть.

– Вот именно! У тебя чистейший, нежный и легкий голос. Это Богом данный дар, который ты можешь оттачивать и улучшать, даже миллиона лет не хватит, чтобы достичь совершенства. Это более естественная и удивительная способность, чем искусство танца! Да ты только посмотри на себя! С утра до вечера работаешь до седьмого пота, и все ради того, чтобы не потерять форму. А тут встала у рояля и поешь, даже не задумываясь над тем, как это у тебя выходит!

– Не говори так! – повысила голос девушка и, совсем разволновавшись, встала с кровати. – Я всегда мечтала стать и стану настоящей балериной.

– Ну, а зачем? Только из-за того, что ею была когда-то твоя мать? Так ты что же, так и проживешь всю жизнь, стараясь подражать своей матери, чтобы доставить радость отцу?

– Да как ты смеешь! – Мадди даже побелела от гнева. – Я-то надеялась, что ты лучше всех понимаешь меня!

– Ну, ну, не обижайся. Прости, если я был немного резковат, но я не хотел тебя обидеть. Я тебе передать не могу, до чего досадно, когда видишь, какой у человека талант, а он его просто в землю зарывает.

– Но я не могу заниматься всем сразу, Себастиан. Жаль, но это так. Я танцую, потому что хочу танцевать, а вовсе не потому, что моя мать была балериной. Ты на себя посмотри! Ты же сам идешь по стопам отца, разве не так? Все, мне пора идти!

Она встала, схватила сумку и направилась к двери.

– Мадди, пожалуйста, не уходи. Мне очень жаль, я, право, не хотел тебя обидеть!

У двери девушка обернулась к нему, и он увидел слезы у нее на глазах.

– Однако ты все-таки преуспел в этом. Спасибо, Себастиан, за теплый прием.

Он слышал, как хлопнула дверь, и ее шаги простучали по ступеням. Он потянулся за сигаретой, понимая, что неправ, что был похож сейчас на бесчувственное бревно, в то время, как Мадди больше всего нуждается в моральной поддержке. Неурядицы последних месяцев сделали ее особенно болезненно ранимой. В конце концов,

она обиделась именно потому, что все сказанное им оказалось слишком близко к правде. Есть или нет у нее талант балерины, это еще вопрос. Себастиан хорошо знал, что его подругой всегда двигала необходимость сделать приятное отцу, заставить Кристофера забыть, что он потерял любимую женщину или хотя бы примириться с этим фактом. И вот теперь ей вдруг нашлась замена, да еще какая! Женщина, которая не только смогла заполнить брешь в сердце Кристофера, но еще и сама оказалась известной балериной. Конечно, все, чем жила Мадди, весь ее мир рухнул в одночасье.

– Черт! – Себастиан огорченно швырнул сигарету в чашку с остатками кофе и подумал, что ему остается только одно – ждать. Может быть, когда-нибудь она все-таки даст ему шанс, и тогда он сможет помочь ей и компенсирует то, что она сейчас потеряла.

Глава 14

После размолвки с Себастианом Мадди погрузилась в бездну уныния. У нее было чувство, что она лишилась последнего союзника.

Не было никакого спасения от отчаяния. Пришла и миновала Пасхальная неделя. Мадди большую часть времени проводила в балетных классах, стараясь как можно меньше быть дома и пореже видеться с Николь. Кристофер и Иветта были с утра до вечера на репетициях нового балета, премьера которого должна была состояться через месяц. Когда однажды отец спросил ее, не хочет ли она поехать на репетицию, Мадди отказалась, потому что Николь сказала, что с удовольствием отправится с ними. А Кристофер, взглянув на угрюмое лицо дочери, печально сказал:

– О'кей, если так. Я-то думал, что это тебя интересует.

Мадди осталось только наблюдать, как после завтрака три члена их странной семьи сели в такси и укатили. Николь вернулась с массой впечатлений о новом балете и кучей новостей о жизни труппы.

Даже Хассан покинул ее, улетев на Пасху к своей семье на Антибы. Правда, Мадди каждый день бегала в соседний дом, чтобы проведать Шехерезаду и котят, хотя, если честно, в этом уже не было особой необходимости, так как Бриджит любила их не меньше, чем сама Мадди.

– Честное слово, кисонька, – шептала Мадди, поглаживая Шехерезаду, – мне кажется, я самый несчастный человек на свете. У меня вообще никого, кроме тебя, не осталось, не с кем даже поговорить.

Девушка жаловалась кошке, а та внимательно слушала хозяйку, слегка подрагивая мохнатыми ушками.

– Самое плохое во всем этом знаешь что? Даже если я попаду в труппу, Николь тоже окажется там. Мне ни за что от нее не избавиться, никогда. Никогда! Они с Сашей быстро войдут в число солистов, а что там буду делать я? В последних рядах кордебалета, да и то, если Николь не будет против.

Шехерезада понимающе взглянула на хозяйку, которая, уткнувшись в ее нежный пушистый мех, плакала навзрыд.

Когда Мадди вечером вернулась, Николь, Кристофер и Иветта были уже дома.

– Мы сегодня решили устроить праздничный семейный ужин, – сказал отец. – Ты как, Мадди?

Она мрачно кивнула, с ненавистью думая о том, что теперь ей придется в течение двух часов вести вежливые разговоры со своей сестричкой.

– Мадди, – окликнул отец, когда она стала подниматься по лестнице в свою комнату.

– Да?

– Пожалуйста, постарайся хоть чуть-чуть сегодня выглядеть повеселее.

– Да, папа, – Мадди равнодушно пожала плечами и пошла дальше.

Кристофер вздохнул. Он совершенно не понимал, что происходит с дочерью. Конечно, он не мог не заметить, что перемены в их жизни тяжело дались девочке, но порой ему начинало казаться, что скорее всего дело здесь в обычных гормональных изменениях, естественных для подростков, и поэтому он изо всех сил старался не обращать на это внимания. Однако, с другой стороны, у Николь, кажется, никаких проблем с гормонами не наблюдалось. Она была такой милой, уравновешенной девочкой. Кристоферу оставалось только пожалеть, что дочь Иветты не могла оказать на Мадди никакого влияния.

А Мадди в этот момент лежала на своей кровати, слушала музыку и безразлично смотрела в потолок. Она жила в этой комнате уже почти три месяца, и все ее вещи, такие привычные, были с ней, но комната оставалась чужой, комнатой для гостей, которой раньше и была.

Мадди тосковала о милом, уютном беспорядке, который царил у них в хэмпстедском доме. А здесь все было до безобразия идеально убрано, кругом чистота и порядок. Иветта буквально выходила из себя, если даже ваза с цветами стояла не на месте.

Пришло время переодеваться к ужину. Мадди неохотно слезла с кровати и медленно пересмотрела свой гардероб, затем надела через голову старое платье и причесалась. Не было особого смысла стараться выглядеть получше. Все равно Николь с ее прекрасным внешним видом и отличными платьями, сшитыми в лучших ателье, выиграет любое состязание с нарядами, которые Мадди делала своими руками. Она вздохнула. Да, это еще одна проблема. Ей приходится

уступать Николь по всем статьям. Николь лучше всех танцует на курсе, она похитила Сашу, а теперь пытается лишить Мадди отца. Даже желание заниматься балетом почти пропало из-за Николь. Во всяком случае, в этом семестре Мадди работала значительно меньше, чем надо было, и понимала, что может потерять стипендию, но ничего не могла с собой поделать.

Когда она вошла в гостиную, кровь ее закипела от ненависти при виде Николь, хихикающей с Кристофером и явно демонстрирующей интимный характер беседы.

– А, Мадди! Ты как раз вовремя, ужин готов.

Они втроем прошли в столовую, где уже сидела за столом Иветта.

– Ну разве это не мило! – очаровательно улыбаясь, сказала Иветта, пока Глэдис накрывала на стол. – Мы четверо, все вместе. Просто замечательная семья. Нам нужно постараться почаще собираться вот так, за одним столом.

Мадди молча села, а три остальные члена «замечательной семьи» принялись оживленно болтать о делах труппы Королевского Национального.

Внезапно Кристофер покашлял, прочищая горло и всем своим видом показывая, что сейчас сообщит нечто приятное и необычное.

– Мадди, Николь, у нас с мамой появилась идея. Поскольку в ближайшие три месяца вам исполняется по восемнадцать лет, мы решили, что было бы здорово устроить для вас вечеринку, чтобы отметить совершеннолетие. Собственно, даже не вечеринку, а солидный прием. Что вы об этом думаете?

Глаза Николь засияли неподдельным восторгом. Радостно улыбаясь, она повернулась к Мадди и воскликнула:

– Какая замечательная идея! Правда, Мадди?

Мадди мрачно ухмыльнулась.

– Да. Почему бы и нет?

– Что-то, дорогая моя, по твоему тону не скажешь, что ты очень обрадовалась, – Кристофер, сурово нахмурившись, посмотрел на дочь.

– Э…, нет. То есть, да. Это отличная идея.

– Мы думаем, что этот прием можно будет устроить здесь. Может быть, поставим в конце сада большой шатер, и вы там сможете устроить танцы, – добавила Иветта.

– Ах! И мы сможем пригласить какую-нибудь хорошую группу, да, мамочка? – защебетала Николь.

– Ну, вы с Мадди сами все обсудите. Этот вопрос мы оставляем на ваше усмотрение. Сядьте вместе и решите, что бы вы хотели устроить и как… В пределах разумного, конечно, – улыбнулся Кристофер.

– О, Мадди! Это будет так забавно, правда? – воскликнула Николь.

– Да, Николь. – Мадди постаралась улыбнуться. – Это будет так забавно.

Глава 15

Недели после той памятной ночи с Джулианом оказались самыми длинными в жизни Кейт. Вначале она все Дни находилась в состоянии эйфории, ходила, одурманенная чувством всепоглощающей любви, и едва замечала косые взгляды и шепот одноклассниц. Проведя несколько бессонных ночей и почти потеряв аппетит, но так и не дождавшись звонка от Джулиана, Кейт впала в отчаяние и стала думать, что, возможно, он больше не даст о себе знать.

Конечно, не было и речи о том, чтобы спросить у подруг по школе, где может находиться Джулиан. Ей хотелось, чтобы они думали, что это известно ей и так. Однако Кейт стала замечать, что в ее отношениях с одноклассницами словно черная кошка пробежала. К ней относились теперь прохладнее.

Однажды утром она пришла на занятия и обнаружила, что весь класс мается от жестокого похмелья. Оказывается, накануне вечером была грандиозная вечеринка, а ее никто не пригласил.

Она с ненавистью смотрела на телефон, проклятый аппарат не желал звонить, и от этого беспокойство ее возрастало. Она оказалась неподготовленной к тому, что, по всей видимости, Джулиан просто воспользовался ею на одну ночь. Снова и снова девушка задавала себе один и тот же вопрос:

– Неужели неподдельная страсть, с которой она и Джулиан любили друг друга, на самом деле была фальшивой? Нет, нет, – успокаивала себя Кейт, – этого не может быть. Просто он куда-то уехал, а когда вернется, непременно позвонит!

За три недели переживаний Кейт потеряла в весе почти десять фунтов. Фигурка у нее теперь была, что надо, однако, говоря по правде, ее внешний вид оставлял желать лучшего. Обычно живые, веселые глаза потускнели, волосы утратили шелковистость и блеск.

В конце концов она вынуждена была признаться себе, что с ней произошло нечто потрясающее. Она влюбилась. Если к этому добавить еще отношение к ней в школе, ее положению сейчас вряд ли можно было позавидовать. Надо было что-то предпринимать.

Через месяц Кейт решила, что надо взять быка за рога и спросить кого-нибудь из одноклассников, что происходит. И вот однажды она

остановила девушку, известную в классе своим мягким характером, и, изрядно нервничая, спросила:

– Шарлотта, можно тебя на пару слов?

Та пожала плечами:

– Конечно.

– Давай отойдем куда-нибудь, – попросила Кейт.

Они вошли в пустую классную комнату и закрыли за собой дверь.

– Послушай, Шарлотта, я заметила, что в последнее время девушки стали сторониться меня. Ты не знаешь, почему?

Шарлотта покраснела.

– Ну, кое-что слышала…

– Расскажи мне, пожалуйста.

Шарлотта помолчала, видимо, обдумывая, стоит ли говорить, и, наконец, решилась:

– Ладно, Кейт. Видишь ли, дело в том, что и я и все девчонки, мы все знаем, что в ту ночь, когда у Арабеллы была вечеринка, ты отправилась с Джулианом Форбсом к нему на квартиру. Верена, его постоянная подружка, сейчас в Штатах, но у нее в этой школе много друзей и…

Шарлотта замолчала, не зная, как продолжать, но Кейт пришла к ней на помощь:

– Ладно, Шарлотта, не объясняй дальше. Честное слово, в чем меня обвиняют? Не силком же я утащила Джулиана с вечеринки? И уж, наверное, в его квартире я оказалась не против его воли! Однако, я его с тех пор не видела.

Кейт растерянно пожала плечами, а Шарлотта добавила:

– Да, я знаю. Джулиан сейчас улетел в Америку, чтобы повидаться с Вереной и попытаться вновь наладить отношения. У них возникли какие-то проблемы, но сейчас каникулы в университете, так что, я думаю, все у них будет о'кей. Они все-таки очень долго были вместе, почти три года. Многие сейчас уверены, что когда-нибудь Джулиан и Верена поженятся. Слушай, я думаю, девочки успокоятся, когда увидят, что эта парочка снова вместе. Просто девчонки старались быть лояльными, вот и все.

Шарлотта встала, чтобы уйти.

– В общем, думаю, что тебе не надо больше беспокоиться.

Кейт кивнула, боясь расплакаться. Она подождала, пока Шарлотта уйдет из комнаты, и вышла сама. Кейт спустилась по мраморным ступенькам парадного и оказалась на Слоун Стрит, залитой солнечным светом. Она увидела такси и подняла руку.

– Куда, мисс?

– На… В Риджент Парк, пожалуйста.

Кейт хотелось как можно дальше уехать из Челси. Она не знала, сколько времени ей еще удастся сдерживать слезы.

И только в парке, отыскав в пустынном уголке свободную скамейку, Кейт села, уткнулась лицом в ладони и разрыдалась.

– Дура, какая же я дура! – стонала она. – Он использовал меня! Я ему была нужна на одну ночь!

Она полезла в сумочку, достала платок и высморкалась.

– Господи, Кейт! Ты же не принадлежишь к этому обществу, и они никогда тебя не примут в свой круг, никогда. Ты дочь обычного человека, хотя он богат и влиятелен, но ему никогда не купить себе респектабельного прошлого. А Джулиан! Ого! Он ни за что не обращался бы с какой-нибудь хорошенькой девочкой британского происхождения так, как вел себя с тобой. И как только ты могла поверить, что он всерьез интересуется твоей персоной!

Она еще долго сидела на скамейке, затем вытерла глаза и, вздохнув, встала.

– Ну, что же, надеюсь, ты усвоила урок, Кейт Джонсон. Ты на пути к тому, чтобы стать проституткой, пора положить этому конец. Больше никаких мужиков, никогда!

На занятия Кейт в тот день не пришла. Она вернулась домой и долго, тщательно парилась в бане, а потом еще полчаса плавала в бассейне.

Ночью, лежа в постели, она усиленно пыталась выбросить из головы Джулиана, но тщетно. Ей казалось, если все время думать, как он бесчестно поступил с ней, то, в конце концов, она сможет возненавидеть его и забыть, но все, что ей удавалось вспомнить, это его серые глаза и то, как его мягкие волосы касались ее шеи.

Кейт помотала головой, стараясь отогнать болезненное воспоминание.

– Нет! Прекрати! Если он даже когда-нибудь и позвонит, хотя я и уверена, что этого не случится, я скажу ему, чтобы убирался к дьяволу!

На следующий день ее решимость забыть Джулиана окрепла после того, как ей на глаза попалась заметка в газете, забытой кем-то в классе. На газетной странице была помещена фотография улыбающегося Джулиана, нежно обнимающего прекрасную длинноногую Верену. Ниже была коротенькая заметка:

«Хотя в некоторых статьях и говорилось о том, что их отношения близки к разрыву, эта фотография доказывает, что ослепительная мисс Верена Сорсей Уэлльская находится в отличной форме и вновь в объятиях виконта Форбса, который вот уже три года является ее возлюбленным. Мисс Сорсей Уэлльская в течение года училась в Америке, но сейчас находится на каникулах и решила провести их на Антигуа вместе с Джулианом. Хотя еще, конечно, очень рано строить далеко идущие планы (мисс Сорсей Уэлльской только девятнадцать), однако их друзья не исключают того, что в будущем мы услышим звон колоколов, возвещающих о создании новой счастливой семьи. Виконт Форбс завтра возвращается в Англию, где продолжит обучение в Лондонском университете».

Два дня спустя зазвонил телефон, и Кейт, которая была в своей спальне, позволила матери взять трубку. Она услышала ее голос:

– Кейт, это тебя.

– О'кей, мама.

Кейт соскользнула с постели и подошла к телефону, который стоял в ее комнате. Несколько мгновений она колебалась, поднимать трубку или нет, и прежде, чем поднять, спросила у матери:

– Кто звонит?

– Кажется, его зовут Джулиан.

Глава 16

– Занятия окончены. Мадди, будь любезна, зайди ко мне в кабинет, когда переоденешься.

У Мадди тоскливо засосало под ложечкой, но она молча кивнула Сержу и вместе с остальными девушками пошла в раздевалку.

– Интересно, что ему от меня надо? – спросила она Джейн, натягивая спортивный костюм.

– Скоро узнаешь. Хотя я уверена, что ничего серьезного.

Небольшой кабинет Сержа находился в самом конце коридора, последний в ряду помещений для администрации. Войдя туда, Мадди нервно огляделась по сторонам. На стенах кабинета висело множество фотографий с изображениями Сержа в молодости, танцующего свои партии в балетах. На одной из фотографий Мадди заметила свою мать и Сержа.

– Садись, Мадди, – Серж указал ей на потертый старый стул, затем ободряюще улыбнулся.

– Мне показалось, я должен поговорить с тобой наедине. Я, как и другие преподаватели, замечаю, что твое отношение к занятиям в училище изменилось.

– А что… что именно вы имеете в виду? – пробормотала Мадди, запинаясь.

– Видишь ли, у тебя было осенью такое многообещающее начало. Мы видели, что твоя техника значительно улучшилась. Но после Рождества я заметил в твоих движениях признаки напряженности и, пожалуй, небрежности. Мы отмечаем у тебя ухудшение по всем показателям, ты быстро утратила практически все, что накопила за предшествующие шесть месяцев. Можешь объяснить, как это могло случиться?

– Я… э-э… нет, сэр. Я стараюсь работать, как могу.

– Это мы видим. Что касается техники, то ты уже вполне сложившаяся балерина, но танец… Знаешь, Мадди, кажется, что твой танец потерял легкость, ты словно утратила способность летать. Налицо признаки усталости, естественность пропала. У тебя какие-то проблемы со здоровьем?

– Нет, сэр, никаких, – честно ответила Мадди.

– Уже легче. А как дома, может, там не ладится?

– Нет, сэр.

Серж некоторое время молча рассматривал ее, и Мадди опустила глаза. Затем он снова заговорил:

– Дело в том, Мадди, что в следующем году начнется особенно трудная работа. Я уверен, тебе понятно, что в Труппе Королевского Национального балета очень мало вакантных мест, – максимум четыре, пять. Если бы меня спросили до Рождества, я бы сказал, что у тебя есть все шансы оказаться в числе избранных. Теперь я не знаю… Ты действительно хочешь танцевать, не так ли?

– Конечно! Я всегда мечтала танцевать в Королевском Национальном. Мне очень жаль, сэр, что моя работа вас не удовлетворяет. Обещаю, что буду стараться еще больше.

Серж внимательно посмотрел на бледное лицо девушки. Может, ей нужен стимул?

– Послушай, я подумал о том, чтобы ты позанималась с Сашей некоторое время. Может быть, ты смогла бы заменить Николь в последнем спектакле семестра.

– Н-нет, сэр. Если вы не против, я бы хотела остаться со своим постоянным партнером Джоном. Мы с ним достаточно хорошо изучили друг друга и…

– Ладно, раз ты так хочешь… Я-то думал, что вы с Сашей очень неплохо вместе танцевали.

– Да, но он сейчас является партнером Николь, и с моей стороны было бы не совсем порядочно…

– Запомни, Мадлен, ни у кого из вас нет еще постоянного партнера.

Серж вздохнул, огорченно констатируя, что сумел понять причины ее неудач не лучше, чем в тот момент, когда она переступила порог его кабинета. У него было особенно нежное отношение к Мадди еще и потому, что он хорошо знал Антонию, и сейчас он видел, что Мадди очень уязвима и от чего-то страдает. Ему вовсе не хотелось сидеть сложа руки и наблюдать, как эта девушка портит себе блестящее будущее.

Но он ничем не сможет ей помочь, если она не расскажет, что с ней происходит. А этого-то Мадди, похоже, и не хочет делать. Наконец Серж сказал:

– Ладно, оставим пока все, как есть. Спасибо, что зашла ко мне.

Мадди встала.

– Очень сожалею, сэр. Обещаю, что постараюсь заниматься лучше.

– Мадди! – окликнул ее Серж, решивший сделать последнюю попытку разобраться в том, что случилось с девушкой.

– Да, сэр?

– Ты знаешь, мы с твоей матерью вместе учились в этом училище, а потом я стал ее партнером. Если ты соберешься, я убежден, что тебе удастся достичь даже большего, чем достигла она в твоем возрасте.

Только теперь лицо Мадди осветилось улыбкой, которой Серж у нее давно уже не видел.

– Спасибо, сэр.

– И еще, Мадди… Если захочешь поговорить, ты знаешь, где меня найти.

Девушка кивнула и вышла из кабинета.

Серж взглянул на фото, где он был снят вместе с Антонией, и подумал, рассказал ли Кристофер дочери, как умерла ее мать. Вряд ли, или он рассказал совсем немного. И это, видимо, самое правильное. Прошлое есть прошлое.

После разговора с Сержем Мадди вышла из его кабинета со смешанным чувством. Она злилась на себя за то, что ее личные проблемы так повлияли на занятия, а она допустила это, совершенно раскиснув и потеряв контроль над собой. И все-таки она была очень рада, что Серж оказался достаточно внимателен и пригласил побеседовать о ее проблемах. Но особенно острую радость, нет, настоящее счастье, девушка испытала от того, что педагог сравнил ее с матерью. Первый раз за много месяцев она воспряла духом. Мадди думала о том, что и сама, наверное, во многом виновата.

Она должна честно признать, что за последние несколько недель даже Николь стала дружелюбнее, и им удалось вполне цивилизованно обсудить, как идет подготовка к празднику, который должен состояться в следующий уик-энд.

Словом, что там ни говори, но Мадди знала, что ей надо изменить свое отношение к жизни, раз уж это так влияет на занятия. Серж думает, что у нее талант, возможно, не меньший, чем у Николь.

Размышляя об этом, Мадди и не заметила, как прошла всю Кингз Роуд, но к концу этой пешей прогулки она почувствовала себя значительно увереннее. Для начала, вернувшись домой, ей следует попытаться быть хоть чуточку веселее. Она извинится перед отцом за то, что была такой надутой все это время, и даже постарается быть повежливее с Николь. А с завтрашнего дня она сосредоточится на своих занятиях.

– Мадди, Мадди, – кто-то изо всех сил пытался ее окликнуть. Она оглянулась по сторонам, желая увидеть среди толпы прохожих, кому она понадобилась, и внезапно увидела на другой стороне улицы Кейт, которая бешено размахивала рукой, стараясь привлечь ее внимание. Затем Кейт стремительно бросилась через дорогу, отчаянно лавируя между мчащимися автомобилями, и, наконец, благополучно добежав до Мадди, горячо обняла подругу.

– Мадди, дорогая! Ну, как ты?

С первого взгляда Мадди поразилась тому, как Кейт похудела. Лицо подруги казалось высохшим и осунувшимся, а обычно пышущая здоровьем кожа теперь стала болезненно бледной.

– У меня все отлично, – ответила Мадди. – Давно мы не виделись.

Кейт виновато посмотрела на нее.

– Я знаю. Прости меня. Жизнь такая суетливая. Слушай, у тебя есть время? Давай зайдем куда-нибудь, выпьем кофе. Ну, пожалуйста.

– Хорошо, конечно.

Кейт обняла Мадди за плечи, и подруги пошли к ближайшему кафе. Когда они сели за столик и сделали заказ, Кейт спросила:

– Итак, как тебе нравится жизнь светской дамы?

– Как раз об этом я хотела спросить тебя, – пожала плечами Мадди. – Я слишком занята своими пуантами, па-де-де и практически не замечаю, где живу и чем питаюсь.

– Да. Это понятно. Я имею в виду, как твои отношения в новой семье? Николь действительно оказалась такой сволочной сводной сестрицей, как ты и предполагала?

– М-да… Пожалуй. – Мадди внезапно замолчала. – Уж если начинать новую жизнь, то прямо сейчас. – Пожалуй, нет. Она не настолько плоха. Просто, наверное, ей, как и мне, очень трудно приспособиться к новой жизни. Ну, а ты как? Похоже, ты здорово потеряла в весе, Кейт. У тебя все хорошо?

– Конечно. Уж если я решила чего-то добиться, то добьюсь, чего бы мне это ни стоило. С сентября я похудела на двадцать фунтов.

– Тебе пора остановиться. Иначе ты заработаешь…

– Малокровие. Знаю. Мама мне уже все уши прожужжала. Слушай, ты все еще с тем своим русским парнем?

– Нет, там… все кончено, – пожала плечами Мадди.

– Но он тебе по-прежнему нравится?

– Да, нравится. Но, к сожалению, он, кажется, отдает предпочтение Николь.

Мадди решила сменить тему разговора.

– А ты, кстати, нашла себе богача из своей мечты?

Лицо Кейт помрачнело. Вообще-то об этом ей меньше всего хотелось говорить. Однако Мадди была ее старой подругой.

– Вообще-то, да. Но есть кое-какие проблемы. Слушай, Мадди, если я тебе расскажу, поклянись, что сохранишь все в тайне.

– А почему? Ты что, связалась с наследником престола принцем Уэлльским?

Кейт застенчиво улыбнулась.

– Нет, не совсем. Дело в том… Я понимаю, ты, может быть, не поймешь…

И она выложила историю о Джулиане, о том, как они провели ночь в феврале, как Джулиан уехал к Верене, но, вернувшись из Штатов, в ту же минуту позвонил ей, и их отношения возобновились.

– Ну, а с Вереной у него все кончено или нет?

– Не знаю. Она будет в Штатах до конца месяца, тогда и узнаю.

– А почему вам приходится скрывать ваши отношения?

– Ну, потому, что стоит только Джулиану появиться где-нибудь, хоть в ресторане, с другой женщиной, как тут же найдется какой-нибудь фотограф, который его снимет. Тогда фотография может попасть в газеты, а Джулиан не хочет, чтобы Верена узнала о наших отношениях.

– Но это же непорядочно, Кейт. Если он собирается и дальше быть с тобой, тогда у Верены, конечно, есть право узнать обо всем.

– Конечно, конечно, – вздохнула Кейт. – Но все так непросто. Семья у Верены такая аристократическая, а Джулиан не хочет, чтобы они огорчались. Он не хочет огорчать и своих родственников, которым Верена очень нравится.

– Вот что для Джулиана действительно важно!

– Но не забывай, что он родственник королевы.

– А ты не боишься, что Джулиан просто пользуется тобой?

– Конечно, я думала об этом. Но что я могу поделать? Мадди, я люблю его! – Кейт отвела глаза, но Мадди заметила, что в них появились слезы. – Что бы ни было, пусть все остается, как есть, пока не вернулась Верена. А там я посмотрю, что он будет делать. Знаешь, я уверена, что он меня любит.

Мадди внезапно почувствовала прилив симпатии к Кейт. Несмотря на то, что у Кейт была прекрасная возможность жить в полном довольстве и иметь столько денег, сколько хочется, похоже, она тоже не особенно счастлива. Мадди участливо посмотрела на нее и все-таки не удержалась и спросила:

– Кейт, ты уверена, что твои чувства к Джулиану не вызваны его близостью к королевской фамилии?

– Нет, Мадди, то есть, сначала я, правда, думала о всяких там выгодах, мантиях, коронах, но в самом деле мне нужен Джулиан, и чувство, которое я к нему испытываю, свободно от корысти.

Мадди вздохнула:

– О, дорогая моя!

Кейт допила кофе и поставила чашку на стол.

– Ладно, я должна идти домой. Джулиан сказал, что может вечером позвонить, и я не хочу пропустить его звонок.

Она потянулась через стол к Мадди.

– Спасибо тебе за то, что выслушала. Я так по тебе скучала, честное слово. Мы должны встречаться чаще.

– А ты приходи ко мне на день рождения, хорошо?

– Конечно. Спасибо за приглашение, я постараюсь. Вот только Джулиан улетает в конце недели в Грецию, и я…

– Ну, если он позвонит, бросишь все и побежишь к нему, – закончила за нее Мадди.

Кейт покраснела.

– Ну, что же, если ты не против…

– Брось. Мне бы хотелось, чтобы ты была на вечеринке. Это мне нужно для моральной поддержки, но я не могу и не хочу вставать на пути, по которому вы идете к настоящей любви.

– Тогда решено, спасибо, Мадди, – растроганно произнесла Кейт. – Ты настоящая подруга.

Девушки пошли каждая своей дорогой. Мадди медленно шла домой и думала о разговоре с Кейт. Всего десять месяцев назад их жизни настолько тесно были связаны, так переплелись. Прошло меньше года, и они оказались одни перед проблемами, свалившимися на них неизвестно откуда. Наверное, все-таки не очень весело становиться взрослой, совсем не так заманчиво, как они себе раньше представляли.

Глава 17

В день празднования совершеннолетия Николь и Мадди в доме все сновали взад-вперед, нанося последние штрихи и украшая место торжества. Обстановка была нервной, но приподнятой, так что даже Мадди испытывала легкое возбуждение.

Когда они вчетвером торопливо доедали завтрак на кухне, Николь чрезвычайно ласково обратилась к своей сводной сестре:

– Мадди, я с мамой собираюсь на Фалхэм Роуд, чтобы выбрать цветы. Не можешь ли ты мне оказать одну услугу?

Естественно, в присутствии отца и Иветты Мадди не могла отказать.

– Да, конечно, – ответила она. – А в чем дело?

– Да, вот, я хотела попросить Глэдис погладить мне платье, а она сказала, что слишком занята сегодня приготовлением закусок и всего прочего. Может, ты выберешь время для того, чтобы отутюжить мой наряд?

– Ну, конечно, ты сделаешь это, Мадди, правда? – сказал Кристофер. И ей ничего не оставалось, как согласиться.

– Ладно. Я все равно буду гладить свое платье.

– Спасибо, – растроганно сказала Николь.

Спустя десять минут они с матерью удалились. Кристофер вышел в сад проследить, как устанавливают шатер, а Мадди пошла наверх в примерочную, где была доска для глажения белья и швейная машинка. Платье Николь висело на вешалке, но Мадди стала сначала готовить свое платье, вспоминая, когда ей пришлось надевать его в первый раз, и вдруг поймала себя на том, что в глубине сердца надеется, что вечером Саша придет, извинится перед ней, и они весь вечер проведут вместе.

Мадди очень хотелось, чтобы пришел и Себастиан, хотя с ним она не разговаривала с той последней размолвки.

Она послала ему приглашение, которое вполне можно было расценить как первый шаг к примирению, а Себастиан прислал ответ, что он с огромным удовольствием приехал бы, но, к сожалению, за неделю до торжества ему нужно лететь в Италию на конкурс.

Мадди аккуратно разложила на доске темно-синее платье из шелка, тонкого и невесомого. Платье было очень красивое, и она знала, что Николь в нем будет выглядеть просто великолепно. Боясь оставить малейшую отметину на ткани, она положила на платье чистую салфетку, включила утюг на самую низкую температуру и начала гладить. Ей потребовался час, чтобы отутюжить каждую складку. Когда она закончила работу, платье выглядело замечательно. Мадди с облегчением вздохнула, повесила платье на плечики, накрыла защитной тканью и отнесла в комнату Николь. Затем вернулась, чтобы догладить свое платье.

Весь день прошел в отчаянных хлопотах. В пять часов Иветта дала им возможность спуститься в сад и выпить чего-нибудь холодного.

– Не могу поверить, но, кажется, наша пресловутая английская погода решила для разнообразия козырнуть чем-нибудь приличным. Похоже, вечером будет тепло и тихо, – довольно произнес Кристофер, в то время как рабочие в саду зажигали иллюминацию.

– Как красиво! Спасибо! – восхищенно сказала Николь, подходя к матери и обнимая ее.

– Да, спасибо. Выглядит чудесно, как в сказке, – не удержалась от восхищения и Мадди.

– А теперь, – улыбнулся Кристофер, – перед тем, как мы разойдемся, чтобы переодеться, мы с Иветтой хотим сделать вам подарок.

– Мы очень долго думали, что бы такое подарить, – добавила Иветта, и тогда Кристофер достал из кармана два конверта и подал один Мадди, а другой Николь.

– Откройте, – с видом заговорщика сказал он.

Мадди открыла свой конверт и обнаружила в нем обратный билет из Нью-Йорка.

– Билет до Нью-Йорка! – радостно воскликнула Николь.

– Да, все готово, – улыбнулась Иветта. – Мы решили, что в следующем году, скорее всего, в это время вы будете очень заняты, поскольку станете балеринами Королевского Национального балета. Мы с Кристофером очень на это надеемся, и поэтому вы должны хорошо отдохнуть на последних каникулах. Так вот, когда через три недели закончится семестр в училище, вы, родные мои, отправитесь в

Америку к моей хорошей подруге. Она живет в Нью-Йорке. Можете отдыхать в Штатах в свое удовольствие весь июль и август, а Марси, она сама в прошлом балерина, покажет вам страну. Мне даже удалось договориться, чтобы с вами позанимались на репетициях труппы Нью-йоркского балета.

– Ой, мамочка, как замечательно! Правда, Мадди?

Мадди почувствовала, как у нее от восхищения и радости даже мурашки по спине пробежали. Черт с ним, что придется столько времени терпеть Николь, но за возможность повидать Нью-Йорк и позаниматься в одной из лучших балетных трупп мира стоило заплатить такую дорогую цену.

– Да! Это грандиозно! Спасибо, папочка! – Мадди обняла отца и повернулась к мачехе. – Спасибо.

– Разлетимся на лето в разные стороны. Мы с Иветтой сняли дом в Тоскане. У нас был очень тяжелый год, нам тоже хочется отдохнуть вдвоем.

Иветта кивнула.

– По-моему, сейчас самое время переодеться к торжеству. А то с такими темпами мы не успеем, вскоре начнут собираться гости.

– Мадди, ты не против, если я первая пойду в душ? – спросила Николь.

– Пожалуйста. Платье я оставила у тебя в шкафу.

Иветта и Николь скрылись наверху, оставив Мадди и Кристофера одних.

– Как приятно, дорогая, видеть тебя более счастливой, чем раньше, – сказал отец.

– Да, папа. Мне очень жаль, что я недавно была такой… такой… Ну, в общем, мне требуется какое-то время, чтобы привыкнуть.

– Конечно, девочка. Но ты же знаешь, что для меня нет никого дороже, правда?

Слезы навернулись у Мадди на глаза, и она прошептала:

– Да, папа, знаю.

– Ну, обними же меня, – Кристофер протянул к ней руки. – С днем рождения, милая моя. Я горжусь тобой.

В эту минуту на террасе дома, где они только что сидели, появилась Николь, держа в руках платье, которое недавно гладила Мадди. Ее лицо было залито слезами.

– Ах, Мадди! – жалобно воскликнула она. – Почему ты мне сразу не сказала! Если бы я знала раньше, можно было бы с этим что-то сделать!

Услышав рыдания дочери, на террасу выбежала Иветта.

– Что случилось?

– О, мама! Взгляни!

Николь встряхнула платье. В центре на самом видном месте была большая дыра от утюга.

– Я больше не смогу его носить! Оно совсем испорчено, нет времени приготовить что-нибудь еще!

– О, дорогая моя. Не волнуйся. Уверена, мы что-нибудь подберем из моего гардероба. Как это могло случиться?

– Ну, помнишь, утром Глэдис была занята, и я…

Три пары глаз обратились к Мадди, а она, совершенно обескураженная тем, что произошло, замерла, онемев от растерянности.

– Мадлен, – голосом, не предвещавшим ничего хорошего, произнес Кристофер. – Почему, ради всех святых, ты не сказала раньше? Мы тогда смогли бы хоть что-то придумать. У Николь было бы время купить новое платье.

Кристофер говорил, и его лицо все больше мрачнело. Он уже не пытался скрыть своего гнева и разочарования.

– Потому, что… я… я этого не делала, – запинаясь, проговорила Мадди.

– А кто же это сделал? Не лги, Мадлен. Мы слышали, как Николь просила тебя погладить платье, а я, проходя мимо примерочной, видел тебя там, – тихо возразил Кристофер.

Николь с наигранной бодростью вытерла слезы и сказала:

– Послушайте, не будем больше из-за этого беспокоиться. Я уверена, что это просто случайность…

– Так, Мадлен? – Кристофер пристально посмотрел на нее. – Я никогда не думал, что у тебя такой злобный, мстительный характер. Мне стыдно за тебя, очень стыдно. После всего, что мы с Иветтой сделали для вашего дня рождения, ты нам так отплатила! Ладно, время идет. Уйди с моих глаз! Мне бы хотелось вообще, леди, выгнать тебя с вечера, но, жаль, твои друзья все-таки будут ждать.

Губы Мадди побелели, руки задрожали, она в отчаянии взглянула на отца и воскликнула:

– Папа, ну послушай! Я знаю, что ты мне не веришь, но я не…

– Сейчас же иди к себе, Мадлен! И не спускайся вниз, пока не начнется торжество!

Сжавшись, словно от удара, Мадди пошла наверх. Никогда прежде она не слышала, чтобы отец повышал на нее голос, и вот теперь, оглушенная его гневом, убитая недоверием, Мадди на негнущихся ногах подошла к лестнице и оглянулась. В глазах Николь она увидела выражение триумфа.

Она взбежала наверх и бросилась на кровать. Зажала уши, чтобы ничего не чувствовать, не видеть. В этот момент ей хотелось умереть.

Глава 18

Кейт была в самом мрачном настроении, придя на вечер к Мадди. Прошлую ночь она провела с Джулианом, а днем он улетел на все лето в Грецию. Джулиан заверил ее, что на этот раз он обязательно скажет Верене о том, что у него с ней все кончено отныне и навсегда. Сколько бы раз он ни говорил ей о любви, какой бы страстной она ни была, тем не менее, именно Верена полетела с ним сегодня.

Кейт предупредила Джулиана, что больше не собирается с ним видеться, пока он не расскажет обо всем Верене.

У нее было подавленное настроение. Больше всего на свете Кейт хотелось остаться дома и провести вечер наедине со своей печалью, но ее самой лучшей подруге исполняется восемнадцать лет. Почему, черт побери, из-за Джулиана она не должна идти на торжество? Приняв такое решение, Кейт надела самое обольстительное черное платье, сделала макияж и, взяв такси, отправилась в Челси.

– Привет, Мадди, дорогая! С днем рождения!

Поприветствовав подругу, Кейт подала ей маленький сверток и вдруг заметила выражение лица Мадди.

– Эй, подруга, у тебя все в порядке? Ты жутко выглядишь.

Мадди пожала плечами и, проведя Кейт через весь дом, вышла с ней в сад.

– Спасибо, Кейт. Я тебе расскажу все как-нибудь в другой раз.

– Ладно. Приободрись, Мадди! Восемнадцать лет бывает только раз в жизни.

– Постараюсь, – пообещала Мадди и, сжав руку подруги, добавила. – Спасибо, что пришла, Кейт. Если бы ты только знала, как ты мне сегодня нужна.

– Я жить не могу без вечеринок. О, Боже, разве не прелесть?

Кейт даже задохнулась от восторга, с восхищением глядя на огни, горевшие в густых кронах деревьев.

Мадди провела подругу в шатер, полный гостей, где к ним в ту же минуту подлетела официантка с серебряным подносом, на котором стояли наполненные бокалы.

– Шампанское, мисс?

– Да, пожалуйста, – поблагодарила ее Кейт и, взяв два бокала, протянула один Мадди. – Думаю, что нам сегодня не помешает выпить.

– Проблемы с Джулианом?

– Ну… Как ты сама сказала, я тебе потом расскажу. Сегодня мне хочется забыть о его существовании. А что, Себастиан тоже здесь?

Кейт задала этот вопрос в тот момент, когда Мадди подвела ее к молодому человеку, в одиночестве сидевшему за столиком. Остановившись рядом с ним, Мадди ответила:

– Нет, его тут нет. Он уехал в Италию на лето. Ты знаешь, мы с ним месяца три назад повздорили и с тех пор так и не поговорили ни разу.

– Ох, бедняжка! – вздохнула Кейт. – Слушай, я хочу удариться в сумасшедший флирт! Да, а как этот твой Саша? Уж он-то точно здесь?

Мадди пожала плечами.

– Не сомневаюсь, что Николь его пригласила, но я его еще не видела.

Она жестом показала на молодого человека и сказала:

– Вот, познакомьтесь. Кейт, это Хассан Калил. Помнишь, я тебе о нем рассказывала? Это он в тот день спас Шехерезаду и ее малышей, когда Иветта чуть не погубила их, выставив меня за дверь.

Кейт кивнула и с явным интересом посмотрела на молодого араба. Он был удивительно симпатичен со своей оливковой кожей и большими карими глазами. Черноволосый, смуглый и гибкий, весь, как натянутая струна, чуть-чуть пониже ее английских приятелей, этот юноша показался Кейт чрезвычайно интересным.

– Привет, Хассан. Рада знакомству. Я слышала, Мадди переложила на тебя заботу о Шехерезаде и ее потомстве.

Она засмеялась.

– Да, – он улыбнулся в ответ, обнажив жемчужно-белые зубы, контрастировавшие с темным цветом лица. – Мне они тоже очень нравятся, я их по-настоящему полюбил.

– Сожалею, но мне нужно побыть с гостями, – сказала Мадди. – Вы побудете немного вдвоем, хорошо?

Кейт хитро улыбнулась подруге.

– Мадди, дорогая, иди, куда тебе надо. Я уверена, мы с Хассаном не пропадем.

Проводив Мадди взглядом, она повернулась к своему новому знакомому.

– Она выглядит не очень счастливой, ты не находишь?

– Да. Я спрашивал, что случилось, но она мне не сказала. Возможно, это опять как-то связано с Николь, ее сводной сестрой.

– Да, я слышала про нее. Где эта самая страшная ведьма Запада?

– Вон та блондинка в черном платье, рядом с отцом Мадлен.

Кейт посмотрела в том направлении, куда указал Хассан, и вынуждена была признать:

– Да, она чертовски привлекательная девушка.

– Зато эта милашка доставляет бедной Мадлен уйму неприятностей, – тихо заметил Хассан.

– Да, да, слышала. А что ты делаешь в Лондоне? – поинтересовалась Кейт.

– Я только что закончил второй курс юридического факультета Лондонского университета.

– Значит, ты хочешь стать адвокатом?

Хассан отрицательно покачал головой.

– Нет, просто мой отец желает, чтобы я получил образование в Лондоне, ну я и решил, что для будущего мне будет полезнее всего изучать юриспруденцию.

– Понятно.

Кейт смотрела на Хассана со все возрастающим интересом. В нем привлекала, оказывается, не только красота, но и властная манера разговаривать, и Кейт все сильнее хотелось поближе узнать молодого араба. Она спросила:

– А что ты будешь делать после учебы?

– У моего отца обширные деловые связи, так что я, скорее всего, буду работать в одной из его европейских компаний. – Хассан пожал плечами, а когда заговорил вновь, казалось, что даже тембр его голоса переменился и стал нежнее. – Честно говоря, страсть моей жизни – лошади. У моего отца три конюшни со скаковыми лошадьми, и я собираюсь заняться этой стороной его бизнеса.

Глаза Кейт засияли.

– Ой, я обожаю лошадей. У меня с детства есть мечта стать первой женщиной, которая выиграет Приз Наций. Я уже раз двадцать смотрела эти соревнования.

Она весело рассмеялась, а Хассан, улыбнувшись, спросил:

– А ты ездишь верхом?

– Когда была помоложе, ездила регулярно. У моих родителей дома, в Хэмпшире, есть небольшая конюшня, но я редко выезжала в те дни далеко. Да, собственно, в Лондоне это и невозможно. Я не люблю манежи и ипподром, мне нравится ездить на природе, за городом.

– Может, ты позволишь мне пригласить тебя на ферму моего отца в Ньюмаркет. У нас есть несколько прекрасных лошадей как раз для таких прогулок, и как-нибудь на уик-энде мы могли бы их посмотреть.

– Да, пожалуй… как-нибудь. Спасибо за предложение.

Кейт потянулась за другим бокалом шампанского, пригубила и почувствовала, как ее настроение резко улучшается. Конечно, Хассан – не Джулиан, но, пожалуй, сегодня он может помочь ей провести вечер интересно. И тут же образ Джулиана, лежащего в объятиях прекрасной обольстительной Верены на залитом солнцем пляже, возник перед ее глазами. Кейт сделала большой глоток вина и наклонилась поближе к Хассану.

– Итак, – обворожительно улыбаясь, сказала она, – расскажи мне побольше о своих скаковых лошадях.

Спустя несколько часов Кейт и Хассан уже были среди танцующих, медленно кружась под звуки музыки. Вечер близился к концу, а Кейт чувствовала, что опять жутко напилась.

– Может, пойдем ко мне, выпьем по чашечке кофе? – предложил Хассан. – Я живу в соседнем доме.

– Замечательно, – сказала Кейт.

Они пожелали Мадди спокойной ночи.

– Ну, ну! Взбодрись, дорогая! Все не может быть настолько плохо!

– Может… – вздохнула Мадди, которая по-прежнему выглядела печальной и расстроенной.

– Я вот что тебе скажу. Позвони мне как-нибудь, и мы все подробно обсудим. Расскажешь мне тогда обо всех своих горестях, может, и легче станет, договорились?

Мадди кивнула.

– Спасибо, Кейт. Как ты доберешься домой?

– О, Хассан мне поймает такси. Правда, Хассан?

– Конечно. Спокойной ночи, Мадлен. Спасибо за прекрасный вечер.

Хассан поцеловал ее в щеку, и они с Кейт ушли.

Спускаясь по ступенькам и стараясь не шататься, Кейт нашла в себе силы произнести:

– Я думаю, что должна поддержать Мадди…

– Да, ей нужен хороший товарищ. А вот и мой дом, – Хассан открыл дверь и помог Кейт войти.

– Ничего у тебя домик, – пьяно хихикнула девушка. – Наверняка твой отец в свое время праздновал здесь свои победы на скачках.

Хозяин дома молча провел гостью к софе и усадил ее.

– Может, немного бренди?

– Прекрасно.

Хассан наполнил два стакана и поставил тяжелый хрустальный сосуд на столик перед девушкой, а сам сел рядом с ней на софу, сохраняя при этом пристойное расстояние.

Кейт в этот момент усиленно пыталась сосредоточиться, соображая, хочет она переспать с ним или нет. Он все-таки очень мило весь вечер за ней ухаживал и вообще понравился ей.

Снова перед глазами встало видение – Джулиан и Верена на пляже. И вдруг Кейт до отчаяния захотелось, чтобы и ее кто-то желал, любил. И тогда она слегка склонилась к Хассану и, дотронувшись до его ладони рукой, тихо сказала, глядя ему в глаза:

– Спасибо тебе за прекрасный вечер.

– Ну, что ты. Я сам получил огромное удовольствие.

Кейт медленно откинулась навзничь, и тогда Хасан склонился над ней, обнял и поцеловал в губы…

Глава 19

– Итак, в наказание за то, что ты натворила, мы решили, что ты не поедешь в Америку с Николь и не будешь отдыхать с нами в Тоскане. Поскольку ты должна теперь Николь почти четыреста фунтов за испорченное платье, то с первого дня каникул пойдешь работать, чтобы вернуть долг. Иветта договорилась, что тебя возьмут помощницей в театральную костюмерную.

Мадди кивнула, почти с облегчением, подумав, что ей не придется жить почти шесть недель в Америке под одной крышей с Николь.

– Надеюсь, что это научит тебя хоть немного сдерживать свой отвратительный характер. Честное слово, Мадди, как я в тебе разочаровался.

Кристофер вздохнул.

– Ты сама лишила себя возможности побывать в Нью-Йорке. Какой стыд! А пока нас не будет, за тобой присмотрит Глэдис.

Мадди посмотрела на отца.

– Я могу уйти?

– Да.

Не говоря больше ни слова, она покинула гостиную и пошла к себе наверх, бросилась на кровать и закрыла глаза.

С каждым часом, проведенным в этом доме, ей казалось, что она опускается в ад. Вечер в честь их совершеннолетия прошел очень удачно, но прошла почти неделя с того дня. На празднике Мадди с трудом удавалось сдержать себя, она улыбалась и болтала с гостями, делая вид, что ей весело, но на самом деле сердце ее разрывалось от горя. И совсем не потому, что Николь совершила такой чудовищный поступок, хуже всего было то, что отец смотрел на нее с горьким разочарованием.

Мадди снова и снова пыталась обдумать свое положение, пытаясь понять, можно ли как-нибудь объяснить отцу происшедшее, и понимала, что это совершенно безнадежная идея. Николь очень умело погубила ее, раз рушила всю ее жизнь, и выхода теперь нет.

– Ты победила, – стиснув зубы, шептала девушка, а перед глазами стояло сияющее довольное лицо Николь. Что еще предпримет ее

сводная сестра? Мадди оставалось только благодарить судьбу за то, что шесть недель они будут вдалеке друг от друга.

Ей совершенно точно было известно, что Николь будет продолжать свою войну.

Через несколько дней Мадди с облегчением вздохнула и помахала вслед такси рукой. Иветта, Кристофер и Николь уехали на летний отдых в Тоскану и Нью-Йорк. Машина скрылась в направлении аэропорта Хитроу. Мадди впервые за последнее время почувствовала себя легко, повернулась и пошла домой. Всю неделю до отъезда она избегала встречи с Николь и проводила время с Хассаном, Шехерезадой и котятами.

Когда однажды Хассан спросил Мадди о Кейт, она только улыбнулась. Было совершенно очевидно, что эти двое очень заинтересовались друг другом, а у Хассана появились серьезные намерения в отношении ее подруги. В один из уик-эндов он возил Кейт в Ньюмаркет на конюшню своего отца посмотреть на скаковых лошадей. Мадди оставалось только надеяться, что Хассан не станет для Кейт очередным увлечением на время, пока нет Джулиана. В конце концов, это было не ее дело, поэтому она и не придавала этому особого значения. Жизнь продолжалась.

Кристофер назвал работу Мадди на время каникул наказанием, но сама она с нетерпением и радостью ожидала первого рабочего дня, вернее, вечера. После короткой поездки в метро до Ковент Гарден Мадди подошла к служебному входу в театр. Швейцар вызвал главного костюмера, а пока его не было, она стояла в углу, вдыхая удивительный запах кулис, грима и чего-то волнующего, что, казалось, пропитывало весь театр и наполняло все его потайные уголки. Мимо нее через служебный вход, торопясь и весело болтая, проходили балерины. Она увидела, как к подъезду доставили огромный букет цветов для звезды, занятой в сегодняшней вечерней постановке. У Мадди даже озноб пробежал по спине, когда она подумала, что однажды и ей вот так же могут принести цветы.

– А-а, Мадлен, здравствуй, здравствуй! Добро пожаловать! – К ней подошел худощавый мужчина средних лет с бесцветными волосами, в цветной рубашке и узких кожаных штанах.

– Привет! – застенчиво поздоровалась она.

Он взял Мадди за руку и стремительно повел через множество вращающихся дверей по запутанному лабиринту коридоров, непрерывно болтая и ловко увертываясь от многочисленных препятствий, встречавшихся на пути.

– Меня зовут Ральфи. Я заведую гардеробом. Если ты, дорогуша, будешь волынить, то именно я буду шлепать тебя по заднице сильнее всех, но, уверен, что до этого не дойдет, хотя… Правда же, твоя мачеха просто ангел во плоти? Наши ее просто обожают. Нас тут десять человек, а все костюмы висят в костюмерной, где ты их и найдешь каждый вечер и будешь оттуда брать. А ты не похожа на Антонию, свою мать, правда, милочка? Я как-то раз одевал ее на «Спящую красавицу»…

Мадди кивнула, улыбнулась и в эту минуту они вошли в большой лифт, который доставил их в огромную, похожую на пещеру, комнату, где ряд за рядом тянулись многочисленные вешалки со множеством нарядов. Ральфи повел девушку в комнату поменьше, где два молодых человека старательно гладили наряды для предстоящего спектакля. Комнату наполняло гудение работающих сушилок и стиральных машин.

– Ребята, это Мадлен Винсент. Она будет у нас работать шесть недель. Ее мама – Антония Грэхем, а мачеха – наша дорогая Иветта.

Явно заинтересовавшись, оба молодых человека повернулись и с любопытством посмотрели на Мадди.

– Значит, так. Начнешь с кордебалета. Их тридцать, и вы впятером будете готовить для них костюмы. Ким! Ким, куда ты запропастилась, душа моя? – громко закричал Ральфи.

В комнату вошла полная седая женщина с огромной кипой одежды в руках. На шее у нее висело несколько пар колготок, отчего сама она имела вид уличной торговки.

– Ким у нас заведует нарядами для кордебалета. Она покажет все ходы и выходы. Не горюй, «Баядерка» еще не самый трудный спектакль, девочкам не приходится переодеваться слишком быстро. Благодари Бога, у тебя счастливая звезда, вот если бы ты попала на «Лебединое озеро»! Сорок белых пачек, знаешь такие юбочки? Конечно, знаешь! Это просто кошмар, дорогуша! Настоящий кошмар!

– Привет, Мадлен! – Ким доброжелательно улыбнулась оглохшей от такого словесного извержения девушке. – Возьми вот это и пойдем

к девочкам в уборные, там ты и узнаешь все, что нужно.

Оставшийся час до представления прошел в страшной суматохе. Мадди пришлось носиться вслед за Ким вниз и вверх на лифте, курсируя между уборными и костюмерной и выполняя массу всевозможных поручений. Она отыскивала запропастившиеся колготки и металась в поисках нитки с иголкой, чтобы заштопать порвавшийся костюм. А после того, как, наконец, подняли занавес, Мадди вместе с другими начала готовить партию костюмов к очередному выходу артистов. Вся одежда для спектакля была удивительно красочной, сверкала фантастическим разнообразием расцветок, придававшим одеяниям экзотически восточный вид. Мадди нашивала золотые ленты, сверкающую мишуру, разглаживала шаровары и украшала стеклянными драгоценностями турецкие тюрбаны, отчего те начинали сверкать в свете ламп ярче, чем настоящие бриллианты. Затем, когда девушки из кордебалета вбежали в свои уборные, чтобы приготовиться ко второму выходу и переодеться, для Мадди наступили десять совершенно безумных минут. Она помогала прикрепленным к ней балеринам снять один наряд и облачиться в другой. В самый последний момент выяснилось, что одна из танцовщиц потеряла где-то серьгу, и Мадди сбилась с ног, пытаясь отыскать пропажу. И все же… все же. Несмотря на волнение и усталость, когда после первого акта опустился занавес, и музыка затихла, а потом ее заглушила буря аплодисментов, Мадди почувствовала, что вся дрожит от возбуждения и радости. Было удивительно сознавать, что и она тоже причастна к этому великому таинству.

После окончания балета прошло еще много времени, пока у танцоров собрали костюмы и отнесли наверх в костюмерную. Там их проверили, не пропуская ни одного мельчайшего пятна и разрыва, и развесили в строгом порядке на длинном ряду вешалок. Тридцать пар колготок забросили в стиральную машину, а стеклянные драгоценности положили в пронумерованные ящички. Только после этого Мадди смогла перевести дух.

Выходя через служебный вход, она посмотрела на часы. Половина двенадцатого, на улице, ожидая артистов, стояли любители автографов. Там же Мадди вдруг увидела Сашу, который стоял, прислонившись к стене театрального здания. Заметив, что она его

узнала, он улыбнулся, и девушка, ободренная его улыбкой, осмелилась с ним заговорить впервые за много дней.

– Привет! Приходил посмотреть спектакль?

– Да… – немного помедлив, кивнул Саша.

– Ждешь кого-то?

– Да.

– А! А я работаю тут костюмером. Устроилась на летние каникулы.

– Должно быть, это интересно.

Мадди кивнула, чувствуя, что он не хочет поддерживать разговор.

– Ладно, я, пожалуй, пойду, а то пропущу последний поезд метро.

– Да. Пока, Мадди.

– До встречи, Саша.

Она уже отошла от театра, как вдруг услышала за спиной его голос:

– Мадди, послушай!

– Да? – девушка обернулась, и ее поразило выражение боли, промелькнувшее в его глазах.

– Нет, ничего. Будь осторожна по пути домой.

– Хорошо, ладно.

С трудом скрыв разочарование, Мадди пошла по направлению к переполненной станции метро. На мгновение ей показалось, что Саша, наконец, решился нарушить отчужденность, которая возникла между ними после той злополучной ночи. Ей вспомнилось щемящее чувство неудовлетворенного желания, ее разочарование и обида за то, что он ее отверг. Расстроившись от этих воспоминаний, Мадди села на скамейку и стала ожидать свой поезд.

Ее огорчало и страшно возмущало, что все заработанные деньги ей придется отдавать Николь, но последующие недели работы в театре доставили огромное наслаждение. Девушки из кордебалета, многие из которых сами недавно закончили то же училище, где теперь училась она, стали ее подругами и помогли окунуться в счастливую суматоху закулисной жизни. Ральфи оказался величайшим любителем сплетен, и от него Мадди скоро узнала множество интересных фактов из жизни артистов и их взаимоотношениях. Ральфи помогал одеваться и гримироваться недавно появившейся звезде балета, молодому

русскому танцору Игорю Станиславову, которого специалисты называли вторым Барышниковым.

Однажды в августе, отработав в костюмерной почти месяц, Мадди после спектакля шла к выходу, как вдруг ее остановил Стэн, театральный швейцар.

– Мисс, мисс! Не могли бы вы отнести эти цветы в гримерную Игоря? Мы их только что получили…

– Ну, конечно, Стэн, – она взяла огромный букет белых лилий, подумав о том, что балет, наверное, одна из немногих профессий, где считается совершенно естественным для мужчины получать цветы в подарок, и пошла в уборную звезды.

Подойдя к двери, Мадди постучалась, но ответа не последовало. Она постучала еще раз. Снова тишина. Тогда, решив, что Игорь, возможно, принимает душ, девушка осторожно приоткрыла дверь. Уборная артиста была пуста. Мадди тихонько вошла, поставила цветы на туалетный столик, заваленный различными мазями и тюбиками с препаратами для нанесения грима, и повернулась, чтобы уйти.

Вдруг она услышала легкий шорох в соседней комнате и, бросив взгляд на висящее у входа зеркало, заметила отражение Игоря, сидевшего спиной к двери в какой-то странной позе. Мадди заглянула в комнату, где был артист:

– Извините, мистер Станиславов, но…

В следующее мгновение она замерла в замешательстве, потому что при ее появлении Игорь резко отскочил в сторону, а девушка увидела, что он страстно целовал… юношу, и она узнала этого молодого человека.

В немом молчании, с остановившимся сердцем Мадди смотрела на Сашу, лицо которого было густо измазано помадой Игоря, наконец, она пролепетала:

– Я… я… вам передали цветы через служебный вход. Извините, что побеспокоила.

Она стремительно выскочила из гримерной и побежала к выходу.

На следующий вечер Мадди постаралась после спектакля уйти из театра пораньше. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Предыдущую ночь и весь день она пыталась осмыслить то, чему стала невольным свидетелем в гримерной Игоря.

– Мадлен, мы можем поговорить? – на плечо ей легла Сашина рука, но девушка стряхнула ее и пошла дальше сквозь толпу охотников за автографами.

– Ну, пожалуйста, Мадлен, пожалуйста!

Саша спешил за ней по улице, не отставая.

– Уходи, Саша. Нам не о чем говорить!

– Есть. Ты расстроена и огорчена, и в этом моя вина.

Он шагал рядом с ней, пока она, не останавливаясь, прокладывала себе путь в толпе прохожих, заполнивших вечернюю Сент Мартинз Лейн.

– Прости, что я не смог раньше объяснить тебе, почему нам невозможно…

– Саша! Ну, в самом деле! Зачем реанимировать прошлое? Теперь я все понимаю, спасибо.

– Мадлен, мне очень жаль, что все так получилось. Я очень тосковал по тебе последние месяцы. Разве я не могу сделать попытки к примирению?

Она почувствовала в его голосе отчаяние и остановилась.

– Почему, Саша? Почему все так? Ты хоть представляешь, каково мне было, когда ты в ту ночь ушел и оставил меня одну. И потом, если ты все-таки предпочитаешь мужчин, зачем зашел так далеко? Ведь ты, черт бы тебя побрал, догадывался, как я к тебе относилась!

Мадди сглотнула комок, подступивший к горлу, чувствуя, что ее отчаяние становится все сильнее оттого, что сейчас, стоя радом с ним, она вновь ощутила, как дрожит ее тело от возбуждения и желания.

– Ну, пожалуйста, Мадди, давай зайдем куда-нибудь, выпьем немного и поговорим, хорошо?

Она взглянула на него и неохотно кивнула. И даже сейчас, когда она знала правду о Саше, ее волновала мысль о том, что она проведет с ним хотя бы час.

Они повернули назад по Сент Мартинз Лейн и зашли в небольшой бар. Мадди села за столик в темном углу, а Саша пошел заказывать напитки. Вскоре он вернулся с бутылкой красного вина и двумя бокалами. Он налил вино и подал один бокал ей. Девушка сделала большой глоток и молча посмотрела на него.

– Что я могу сделать, чтобы оправдаться перед тобой? Я хотел набраться смелости, сказать тебе… открыть всю правду, но… Я очень

виноват.

– Саша, – Мадди сделала еще глоток, – а ты, действительно… ну, голубой?

Он вздохнул и пожал плечами.

– Да. Раньше у меня были связи и с мужчинами, и с женщинами, но с тех пор, как встретил Игоря, я, наконец, узнал, кто я и что я. Мадлен, пойми, в ту ночь я очень легко мог бы сделать то, чего ты хотела. Я тоже очень желал этого, я хотел тебя. Но ты мой самый лучший друг. Ты мне очень дорога, и я знаю, что у тебя должен быть кто-то лучше меня. А в ту ночь я сделал грубую ошибку. Пожалуйста, прости меня.

Саша протянул к ней руку через стол и накрыл ладонь девушки, но та резко отдернула руку.

– А ты представляешь, через что мне пришлось пройти, что я испытала? Ты так жестоко отверг меня!

– Я знаю, знаю. Но, Мадлен, ты такая прекрасная, такая красивая девушка…

– Не лги, Саша! Я некрасивая. Это Николь красавица.

– Господи, Мадлен, как ты неправа! Она, конечно, привлекательна, но у нее недобрая душа. Она холодна, я бы даже сказал, жестока, а ты теплая и нежная. Душа у тебя прекрасная. Я бы с удовольствием танцевал с тобой и сказал Сержу, что в следующем году хочу быть твоим партнером.

– Он уже предлагал мне, но я отказалась, – задумчиво сказала Мадди. – А Николь знает о твоих… наклонностях?

– Нет, никто не знает.

– Она любит тебя.

Саша пожал плечами.

– Николь не знает, что такое любить. Она думает только о себе. Но это, в общем, неважно. А сейчас, Мадлен, когда ты знаешь правду, пожалуйста, давай начнем все сначала.

Мадди растерянно потерла лоб.

– Я, право, не знаю, Саша. Я все еще испытываю к тебе…

– Со временем это пройдет, увидишь. И потом, мне кажется, тебе сейчас необходим друг. Жизнь трудная штука, не так ли?

Мадди, помедлив, кивнула.

– Да. Николь очень старается, чтобы сделать ее невыносимой.

– Ты, конечно, знаешь, почему?

– Нет, не совсем. Полагаю, потому, что она злобная, мстительная, отвратительная сука, которая…

Саша громко расхохотался.

– О'кей! Может, и так, но главная причина, почему она так себя ведет, заключается в том, что она боится тебя.

– Николь? Боится меня? Что за шутки!?

– Это не шутки, Мадлен. Я видел, как она следит за тобой, когда ты танцуешь. Она знает, что ты танцуешь лучше нее, или, по крайней мере, будешь очень скоро танцевать лучше. Она очень умна. Николь хорошо знает твои слабости и играет на этом. А ты, Мадлен, позволила ей в последние месяцы взять над тобой верх. Твой танец стал хуже, а это как раз то, что ей нужно.

Мадди поникла головой.

– Знаю. Серж это тоже говорил.

– Так вот, я надеюсь, когда начнутся занятия, ты сможешь собраться и обязательно победишь.

– Саша! Если бы ты знал, что она вытворяла последнее время, что она со мной сделала. Ей даже удалось поссорить нас с отцом. Это, наверное, было самое жуткое время в моей жизни. Все пошло кувырком, и ты, между прочим, тоже этому способствовал.

Последние слова девушка произнесла с нескрываемой обидой.

Саша, глядя на нее, улыбнулся.

– Мне очень стыдно, Мадлен. Пожалуйста, прости меня. Может, сейчас я все-таки мог бы хоть немного помочь тебе. Я буду твоим другом и союзником, если позволишь. А вдвоем, я думаю, мы справимся с Николь. Ну как? Согласна?

Слушая его, Мадди сознавала, что уже простила. В конце концов, он прав. Ей действительно нужен человек, который был бы на ее стороне. Она, наконец, сказала:

– О'кей.

Лицо Саши прояснилось.

– Отлично! А теперь настраивайся на работу. В следующем году в это время мы с тобой будем артистами самой лучшей в мире балетной труппы.

– Может быть…

– Не сомневайся, Мадлен, – серьезно сказал Саша. – Это совершенно точно.

Когда в последний вечер своей работы Мадлен собрала наряды балерин и отнесла их в костюмерную, ее уже ждали: Ральфи стоял с огромным букетом цветов в окружении тех, с кем она работала шесть недель в театре. Ральфи подал ей цветы.

– Спасибо за все, дорогая. Спасибо за то, что ты была такой замечательной помощницей. Нам не терпится поскорее увидеть тебя в будущем году, но уже в новом качестве. Мы уверены, что этот букет первый, но далеко не последний в твоей творческой жизни.

Глаза Мадди наполнились слезами, она поцеловала всех на прощание, чувствуя, какими дорогими стали для нее эти люди, и в последний раз вошла в лифт. Когда двери лифта открылись, она помедлила и направилась к служебному входу, ведущему за кулисы. Перед тяжелыми створками Мадди постояла в нерешительности, потом толкнула их и шагнула вперед. Со всех сторон ее окружила густая непроницаемая тьма. Кулисы и задняя часть сцены были пусты. Пуста была и огромная сцена, куда она прошла сквозь лабиринт декораций, всех этих дворцов, замков, лесов, созданных на холсте. Сцена тоже была погружена во мрак, однако занавес был поднят, и здесь было чуть-чуть светлее от огоньков, освещавших в зрительном зале входные двери. От этого еле заметного мерцания на сцене возникли причудливые тени.

С букетом в руках Мадди подошла к краю сцены и замерла, пораженная и восхищенная открывшимся пространством.

Внезапно зрительный зал наполнился громом оваций. Зрители отчаянно хлопали, что-то восхищенно ей кричали, а Мадди смотрела, как к ее ногам падают букеты роз. Она снова и снова приседала, кланялась восхищенной публике, а рядом стоял Саша и улыбался…

– Мисс! Мисс, мы сейчас выключаем свет.

– Ох, простите!

Опомнившись, Мадди покраснела и, повернувшись, увидела швейцара Стэна.

Бросив на сцену прощальный взгляд, она медленно пошла за кулисы, а за спиной осталась темная и пустынная бездна зрительного зала.

Глава 20

Кейт проснулась и с наслаждением потянулась, всем телом ощущая приятное тепло постели. Она открыла глаза, резко вскочила и, подбежав к подоконнику, уселась на него. За окном на Фицджонз Авеню деревья были покрыты золотистым нарядом, предвещая наступление осени… и возвращение Джулиана.

Кейт облокотилась на подоконник и задумалась. Как ни старалась она не думать о том, что сегодня он прилетает в Лондон, но все напрасно. Джулиан за лето не прислал ей ни строчки, ни разу не позвонил! Как она ненавидела себя в эту минуту за то, что по-прежнему ждет его и помнит о нем.

Но ведь у нее сейчас есть Хассан.

Несомненно, ему удалось развеять ее тоску. Благодаря Хассану лето, которое, как она думала, будет невыносимо скучным, оказалось удивительно интересным и приятным.

Кроме того, Хассан – удивительный поклонник. С того вечера, когда они встретились у Мадди на дне рождения, он посылал ей цветы, приглашал в рестораны и буквально осыпал подарками. Несколько раз они ездили в Париж и Флоренцию, а жаркие дни проводили, катаясь верхом на прекрасных лошадях его фермы в Ньюмаркете. А какой он великолепный любовник! Никаких сомнений, Хассан просто без ума от нее.

И Кейт он тоже нравился. Очень.

Но это не Джулиан. И как она ни пыталась забыть об этом, у нее ничего не получалось.

Кейт не рассказывала Хассану о своих отношениях с Джулианом. Ее новый друг ничего об этом не знал. Она испытывала от этого чувство вины.

– Но Джулиан ни разу не позвонил. Совершенно очевидно, что между ними все кончено, – подумала Кейт.

Она встала и направился в душ, а потом, натягивая легкий свитер и джинсы «Левайс», с облегчением подумала, что сегодня на целый день уйдет из дома. Дело в том, что за последний год изменился весь уклад их жизни. Отец проводил дома еще меньше времени, чем раньше, а на лице матери все чаще появлялось выражение тревоги.

Кейт время от времени спрашивала ее, не случилось ли чего, но мать отрицательно качала головой. Как-то Кейт попалась статья в «Дейли Мейл», где говорилось, что в корпорации ее отца не все обстоит благополучно. Поскольку газета, поместившая эту заметку, давно конкурировала с ежедневной газетой, принадлежавшей Джонсону, Кейт раньше не обратила бы на нее внимания, об отце периодически писали всякую ерунду. Но сейчас она подумала, что, возможно, в статье есть доля правды.

На прошлой неделе Кейт не удержалась и сказала отцу об этом. В ответ он громко расхохотался, ущипнул ее за щеку и сказал, что его дочери не следует быть такой легковерной, как все другие обыватели.

– А на этих писак я подам в суд, и мои адвокаты за такие статейки повесят их за яйца.

Кейт вздохнула. Сегодня она пойдет к Хассану, а потом они посетят аукцион, где выберут хорошую племенную кобылу для фермы. По крайней мере, Кейт надеялась, что сможет забыть о предстоящем возвращении Джулиана. Девушка тщательно расчесала волосы, нанесла на лицо немного грима, подкрасила губы и направилась в столовую завтракать.

В это время Хассан завтракал в оранжерее своего дома в Челси. Он обдумывал детали предстоящего семестра в университете, но поймал себя на том, что совершенно не может сосредоточиться. Это продолжалось с тех самых пор, как он встретил Кейт.

Она его совершенно очаровала. Когда он просыпался, первой его мыслью была мысль о ней, ее глазах, замечательной улыбке.

До приезда Кейт оставалось часа полтора, а он уже с ума сходил от нетерпения и желания увидеть ее.

Недавно Кейт сказала ему, что хочет купить собственную квартиру, и этот разговор расстроил Хассана. Она хотела независимости, и эта ее непреклонная решимость быть самостоятельной пугала его. Он хотел быть ее будущим, частью ее планов. Несколько раз Хассан просил Кейт переехать к нему. Натаниэль Джонсон, может быть, и богат, но Хассан знал, что его отец сможет купить или дать ему в сотни раз больше. Его предложение рассмешило Кейт, она заявила, что слишком молода, чтобы принимать такое серьезное решение.

Хассан тогда чуть с ума не сошел. Он не привык, чтобы отказывались от его предложений. Однако ему придется быть очень терпеливым. Молодой араб понял это. Он решил через неделю слетать в Джидду к отцу и сказать, что у него есть невеста. Конечно, отец сначала будет против. Он предпочел бы, чтобы женой Хассана стала девушка из богатой арабской семьи. Но мать Хассана – француженка, поэтому можно с уверенностью сказать, что слишком долго противиться выбору сына отец не будет. Когда, наконец, отец даст свое благословение, Хассан будет просить руки Кейт.

Все это в будущем, а пока он с радостью думал о предстоящем дне. Они с Кейт поедут на торги под предлогом того, что нужно купить лошадь для его конюшни в Ньюмаркете. Но Кейт пока не знает, что лошадь будет принадлежать ей. Этот экстравагантный подарок должен помочь в достижении его целей.

Улыбнувшись при мысли о том, как Кейт будет рада, Хассан положил на блюдце остатки копченой рыбы и поставил под стол, где на него преданно смотрели в томительном ожидании три пары изумрудных глаз.

Домой Кейт вернулась в приподнятом настроении. Им с Хассаном удалось приобрести на аукционе замечательную молодую кобылу.

– Есть новости? – с надеждой спросила девушка мать, хлопотавшую на кухне.

– Нет.

– А! Ну, ладно, ничего…

Кейт поднялась наверх и сразу почувствовала, что настроение испортилось. Она с досадой подумала, что все-таки следовало принять приглашение Хассана пообедать вместе. Ее остановило то, что в ее отсутствие может позвонить Джулиан.

– О, Боже! – застонала девушка, раздеваясь, – да забудь же о нем! Забудь!

Она встала под душ, стараясь подчиниться своей команде. Хассан предложил съездить посмотреть купленную лошадь. Кейт ничего определенного не сказала, потому что…

– Нет! Дальше так продолжаться не может! Джулиан не хочет иметь с тобой никаких отношений! Он не станет ломать свою жизнь из-за тебя!

Кейт провела бессонную ночь, тупо уставившись на молчащий телефон. Когда он зазвонил, девушка торопливо схватила трубку и не смогла скрыть разочарования, услышав голос Хассана.

– С тобой все в порядке, дорогая?

– Я прекрасно себя чувствую! – рявкнула она в трубку, испытывая чувство неловкости, что накричала на него. – Я просто очень устала за день, только и всего.

– Тогда ложись пораньше, любимая. Я больше не буду тебя беспокоить. Я хотел узнать, решила ты что-нибудь насчет уик-энда?

Кейт помолчала секунду.

– Да. Я согласна. Это будет просто замечательно. Поедем в пятницу вечером.

– Я заеду за тобой в шесть часов. В дороге мы сможем где-нибудь перекусить. Господи, дорогая, как я рад, что мы поедем вместе, если бы ты знала. У меня есть для тебя сюрприз.

Голос Хассана звенел от счастья, и Кейт стало стыдно.

– Я с нетерпением буду ждать.

– И я, моя дорогая. До встречи в пятницу.

– До встречи.

Кейт положила трубку и легла в постель, с улыбкой думая о том, какой подарок он приготовил ей на этот раз.

Она поняла, что родители Хассана были настолько состоятельными людьми, что по сравнению с ними даже ее отец выглядел нищим.

Кейт вспомнила, как год назад в разговоре с Мадди она описывала мужчину, за которого хотела бы выйти замуж. Он должен быть богатым, сказочно богатым, и любить ее без памяти. Да, теперь Кейт могла сказать, что Хассан именно такой. Лучше его не найти.

Но, к сожалению, он не Джулиан.

Глава 21

Возвратившись в сентябре в балетное училище, Мадди со страстью и огромной энергией ушла в работу. Она занималась на пределе душевных и физических сил, с удовольствием замечая, что ее тело вновь приобрело прежнюю легкость и гибкость в танце. А значит, ее самоотречение дало плоды. К вечеру она чувствовала себя обычно такой измотанной, что едва хватало сил дойти до дома, как следует отмыться в ванной и равнодушно проглотить то, что Глэдис поставит на стол. К девяти Мадди, как правило, уже была в постели и беспробудно спала до пяти без сновидений и грез.

Она стала удивительно равнодушно воспринимать холодные язвительные реплики Николь в свой адрес. И та, удивленная такой реакцией Мадди, была еще более сражена тем, что Серж предложил Мадди стать партнершей Саши. После этого Мадди, чувствуя, что ее техника стала улучшаться от занятия к занятию, совсем перестала обращать внимание на слова Николь.

В конце концов, потеряв надежду вывести соперницу из равновесия, Николь стала ее игнорировать, и между девушками установилось нечто вроде нейтралитета.

Но одно по-прежнему больно ранило Мадди – холодность отца. Она пыталась успокоить себя, что он когда-нибудь поймет, кем на самом деле является его приемная дочь. А пока Кристофер был слишком занят своей новой жизнью, и Мадди его редко видела.

Быстро пролетели осенний и весенний семестры. Когда в мае начался летний, среди студентов все сильнее стали заметны признаки волнения. Все понимали, что их будущее решится в течение ближайших полутора-двух месяцев.

Лишь несколько студентов будут приглашены в труппу Королевского Национального балета, а всем остальным придется надеяться на то, что они получат работу в менее знаменитых театрах и труппах Британии или Европы. В худшем случае придется идти на биржу и ждать, пока появится место в одном из музыкальных театров Вест Энда.

Кто будет в числе немногих счастливчиков, можно было предварительно определить по списку участников выпускного

концерта, поэтому составление программы было предметом особой заботы администрации.

Примерно в середине мая директор училища, мадам Папен, пригласила для обсуждения этого важного вопроса Сержа и художественного руководителя балетной труппы Антона Шанелля.

После непродолжительной дискуссии Серж сказал:

– Показательные выступления и выпускной концерт на этом курсе будет готовить Дэвид Браэрлей.

Мадам Папен кивнула.

– Он не намного старше студентов, но, мне думается, что его необходимо поощрить. У него удивительный талант хореографа.

– Мы позволим ему подобрать кандидатуры на ведущие партии? – спросил Антон Шанелль.

– Очевидно, он сможет и сам решить этот вопрос, но я думаю, что Серж должен ему помочь. Серж работал с этим курсом на протяжении двух лет. Так вы говорите, что среди студенток есть две потенциальные звезды? – обратилась к Сержу мадам Папен.

– Да. Это Николь Делиз и Мадлен Винсент.

Антон довольно хмыкнул.

– Ничего удивительного. У обеих такие талантливые родители, хотя, конечно, я согласен, что талант очень редко передается по наследству. Да, кстати, они теперь еще и сводные сестры ко всему прочему.

– Да, – подтвердил Серж. – Пусть Дэвид Браэрлей пойдет и присмотрится. Эти девушки очень разные. У Николь просто удивительная техника и мощь, да, да, именно сила и мощь, в то время как Мадлен воздушна, легка и замечательно музыкальна. В последние несколько месяцев она значительно прибавила в мастерстве. Единственная проблема заключается в том, что они обе танцевали в паре с Сашей Лобовым. Вы знаете, что это лучший танцор училища. Джон Сайкс тоже хорош, ничего не скажу, но лучше всего с Мадлен и Николь танцует именно Саша.

– Ну, что ж, как вы и сказали, нам самим нужно посмотреть. На следующей неделе в среду мы придем на дневное занятие, – сказал Антон.

– Отлично. Я не буду ничего говорить студентам. Напряжение и так настолько велико, что того и гляди у кого-нибудь перед занятиями

может случиться нервный срыв.

На этом обсуждение закончилось.

В следующую среду Мадди отрабатывала с Сашей трудную поддержку. В этот момент в балетную студию вошли мадам Папен, Антон Шанелль и какой-то молодой человек. Среди студентов пронесся взволнованный шепот. Мадди, которая в этот момент парила над головой Саши, потеряла равновесие и непременно упала бы, но партнер подхватил ее и плавно поставил на ноги.

Серж вышел вперед и посмотрел на студентов, которые с удивлением рассматривали вошедших. Он понимал, что у его учеников сейчас душа ушла в пятки, улыбнулся про себя и пошел навстречу гостям.

– Мадам Папен, Антон, здравствуйте! Добрый день, Дэвид, – сказал Серж и повернулся к студентам.

– Дорогие друзья! Перед вами уважаемые мадам Папен и Антон Шанелль. Позвольте вам также представить Дэвида Браэрлея, которому поручено готовить выпускной концерт и спектакль.

– Пожалуйста, продолжайте занятия, – сказала мадам Папен. Словно желая продемонстрировать свою по-девичьи стройную фигуру, она прошла перед студентами и села напротив них. Дэвид и Антон последовали за ней, словно два пажа.

– О'кей, ребята, давайте продолжать. Мадди, попробуй эту поддержку еще раз, – сказал Серж.

Мадди кивнула, от всей души желая, чтобы несчастная доля начинать первой выпала кому-нибудь другому. Саша ободряюще подмигнул ей, и тогда она легко, едва касаясь пола, подбежала к нему, и партнер, подхватив ее на руки, легко, словно пушинку, оторвал от пола. Спустя секунду она уже взмыла у него над головой и замерла, будто паря над землей в свободном полете.

– Хорошо, хорошо. А теперь давайте с самого начала, последовательно выполняйте упражнения с выходом в поддержку.

Серж отошел в угол и сел рядом с Дэвидом Браэрлеем, а Мадди и Саша отошли в угол и остановились, ожидая, когда аккомпаниатор сядет за рояль.

– Спокойно, малышка, – прошептал Саша, как только раздались первые аккорды.

Пятиминутная композиция прошла превосходно, и когда в конце Мадди замерла, она чувствовала удивительный восторг и упоение от прекрасно выполненной работы. Она знала, что танцевала очень хорошо. Краем глаза она смотрела на посетителей и увидела, что им тоже очень понравилось.

– Очень хорошо, – улыбнулся Серж. – А теперь, Николь, пожалуйста, повторите с Сашей то же самое упражнение.

Мадди вернулась к остальным, а Николь живо вскочила на ноги и, очаровательно улыбаясь, выбежала на середину зала.

– Привет, мадам Папен, привет, Антон. Как поживаете?

– Спасибо, дорогая, хорошо, – кивнула мадам Папен.

– Начинайте, пожалуйста, – сказал Серж, в его голосе послышалось раздражение.

Но Николь и ухом не повела.

Все время, пока ее сводная сестра и Саша танцевали, Мадди не смотрела в их сторону. Но вот музыка смолкла, и девушка услышала голос Сержа:

– Хорошо. Теперь весь класс, пожалуйста. Танцуем элемент, который я вам показывал в прошлую среду.

Конец занятий для Мадди прошел, как в тумане. Вызывали танцевать и других девушек, высокое начальство многозначительно перешептывалось и усиленно делало какие-то пометки.

Перед самым звонком мадам Папен встала и громко сказала, довольно улыбаясь:

– Спасибо, девочки и мальчики. Я поражена тем, что увидела. Хорошая работа, Серж.

Серж благодарно кивнул и обратился к студентам:

– Со следующей недели Дэвид будет проводить специальные занятия, на которых вы будете репетировать выпускной спектакль. Сегодня он получил некоторое представление о ваших возможностях. А теперь, пожалуйста, реверанс.

Группа выполнила традиционные поклоны и закончила аплодисментами своему хореографу. Затем, собрав свои вещи, студенты направились к выходу, оставив гостей с Сержем.

– Насчет Саши Лобова нет никаких сомнений. Это талантливый юноша, – заметил Антон.

– Должен сказать, что он замечательно танцевал с Мадлен Винсент, – добавил Дэвид.

– Вы так считаете? – мадам Папен окинула взглядом присутствующих. – Мне этот юноша больше понравился с Николь Дели́з.

– Нужно согласиться, что обе девушки великолепны, – сказал Антон. – Однако, к несчастью, у нас только один Саша. Та из девочек, которая танцует с ним, получает перед другой большое преимущество. Дэвид, вы должны с Сержем решить эту проблему, мы вам доверяем. Занимайтесь со студентами, а через три недели мы посмотрим, какого успеха вы добились. Тогда и решим все окончательно.

Остальные согласно закивали, но Дэвид уже знал, какое решение он примет.

– Добрый день. Меня зовут Дэвид, я ваш хореограф. У меня приготовлена для работы прекрасная музыка. Уверен, что все знают Второй фортепьянный концерт Рахманинова. Во всяком случае, вы слышали его как музыкальное сопровождение к известному фильму. Главную идею этой картины мы и возьмем за основу нашего балета. Рахманинов писал этот концерт в состоянии гипноза, поэтому я хочу, чтобы наш спектакль был похож на гипнотическое видение. Сегодня я хочу еще раз посмотреть вас. Прошу понять, что мой хореографический стиль, возможно, кого-то удовлетворит больше, кого-то меньше, но не расстраивайтесь, если сегодня у вас будет не совсем та роль, на которую вы рассчитывали. Итак, Саша, я хочу, чтобы ты разучивал роль Лоуренса, Мадлен – роль Кристины, женщины, которую он встретил и которой увлекся. Николь, ты будешь танцевать жену Лоуренса, а Джон будет мужем Кристины. Ее подругу Саманту танцует Джейн.

Мадди едва сдержалась, чтобы не обнять Дэвида Браэрлея. Она бросила ликующий взгляд на Сашу и увидела, как тот поднял большой палец. Наконец-то тяжелая работа, все беды и огорчения были вознаграждены. Она получила главную женскую роль, а Саша будет ее партнером. Николь оказалась посрамленной! Мадди бросила взгляд в сторону своего врага и увидела, что Николь беззаботно болтает с Джоном, словно ей нет никакого дела до того, что происходит в зале.

Последующие два часа были наполнены интереснейшей работой. Дэвид проявил незаурядный талант хореографа. Он предложил

студентам множество замысловатых па, трудных поддержек, разучивая которые, Мадди вымоталась донельзя. И все же мягкость и лиричность движений в сочетании с великолепной музыкой очень понравились Мадди. Ей даже показалось, что ее танец стал более зрелым и грамотным технически.

– Прекрасно! Думаю, что мы сегодня неплохо поработали. Для пяти главных действующих лиц назначаю репетицию на четверг, после занятий. Будем работать над вторым актом наших гипнотических видений, так что жду вас в половине пятого. Спасибо.

Дэвид закончил занятие, и Мадди, словно на крыльях, сияя от счастья, помчалась в раздевалку. У дверей ее догнал Саша, такой же окрыленный и счастливый.

– Я горжусь тобой, Мадди, – он сгреб ее в объятия и закружил по комнате. В это время мимо них прошла Николь.

– Так, запомни, – прошептал он. – Не обращай на нее никакого внимания.

Мадди радостно кивнула и побежала переодеваться.

Вечером, вытирая после душа волосы, Мадди услышала, что в ее дверь кто-то стучит.

– Войдите!

Вошла Николь.

– В чем дело? – холодно спросила Мадди.

Николь безмятежно улыбнулась в ответ.

– Я пришла, чтобы засвидетельствовать мое почтение новой звезде. Похоже, что ради такого успеха действительно стоит переспать с лучшим танцором училища, а если повезет, то и еще кое с кем. И приятно, и полезно.

– К твоему сведению, Николь, Саша… – Мадди прикусила язык. Она не имеет права выдавать чужую тайну. Лучше вообще не пререкаться, и она равнодушно ответила:

– Да, Николь, если у девушки нет мамы прима-балерины, ей приходится использовать то, чего нет у других, чтобы пробиться. Я имею в виду физические или внешние данные, способности, талант, наконец.

Мадди сладко улыбалась сводной сестре, с удовольствием замечая, что ее язвительность и равнодушие, кажется, все сильнее

раздражают Николь. Наконец выдержка ее совсем оставила, и она злобно процедила:

– Подожди, Мадлен Винсент. Радуйся пока моему поражению и своему триумфу. Все равно это долго не продлится. Я позабочусь об этом, не беспокойся.

– Правда? А что ты сделаешь на этот раз? Отравишь меня за день до спектакля? Подпилишь декорации? Благодарю тебя за поздравления, а сейчас прошу тебя удалиться. Я чертовски устала и хочу спать.

Николь сдерживалась из последних сил.

– Сладких тебе снов, дорогая сестричка. Наслаждайся ими, пока можешь.

Хлопнула дверь, и Мадди стала опять вытирать волосы, твердо решив не позволить ей все испортить. Однако лицо Николь, искаженное ненавистью, снова и снова вставало перед глазами. Несомненно, Николь может далеко зайти в своем желании испортить ей жизнь.

Мадди старалась не думать об этих угрозах, но у нее ничего не получалось.

Глава 22

Однажды утром Кейт вдруг подумала, что ее отношения с Хассаном длятся уже почти десять месяцев. Некоторое время она вообще не вспоминала о Джулиане.

– Кажется, я выздоравливаю, – она засмеялась и соскочила с кровати.

Первые несколько недель после того, как Джулиан вернулся в страну, были для Кейт сплошным кошмаром. Она чуть не заболела. Прошло почти два месяца, а Джулиан так и не дал о себе знать. Ей стало ясно, что у них, действительно, все кончено. Колонки светской хроники были полны сплетен о Джулиане и Верене, которые вновь были вместе. Чтобы случайно не столкнуться с ними, Кейт перестала ходить на вечеринки, куда ее постоянно приглашали школьные подруги. Она практически все время проводила с Хассаном. В Ньюмаркете, куда они обычно ездили на уик-энд, Кейт очень любила бывать. Лошадь, которую подарил Хассан, назвали Екатериной Великой в честь Кейт. Свой первый выход на публику Екатерина совершила в апреле, когда она участвовала в скачках для дебютантов и принесла своей гордой хозяйке тысячу фунтов.

Но Кейт не была уверена в своих чувствах к Хассану. Одно она знала совершенно точно – если бы его не было рядом, ей, возможно, не удалось бы пережить последние месяцы.

На прошлой неделе Хассан пригласил ее поехать летом на Антибы. Он сказал, что его родители давно хотят с ней познакомиться. А потом они могли бы отдохнуть еще где-нибудь. Подумав, Кейт согласилась, и они остановили свой выбор на Сейшельских островах, где решено было остановиться в роскошном отеле. Правда, предстоящие месяцы обещали быть дьявольски напряженными. Кейт должна сдать три выпускных экзамена, а она практически не начинала готовиться к ним.

Хассан заканчивал учебу в университете. В конце концов, впереди их ждали шесть недель у моря, солнце и масса развлечений.

В середине мая Кейт просматривала какую-то газету и вдруг на одной из фотографий увидела Джулиана. В заметке говорилось:

«В последнее время ходят слухи о том, что в отношениях между мисс Вереной Сорсей Уэлльской и виконтом Форбсом появились признаки разлада. Мисс Сорсей Уэлльская недавно посетила известный ночной клуб вместе с лордом Эндрю Греем. Многие полагают, что они более чем друзья. Видимо, ее отношения с виконтом Форбсом окончательно прерваны».

Кейт несколько мгновений разглядывала фото и пожала плечами. Личная жизнь Джулиана Форбса уже не имела для нее значения.

Еще через две недели, когда она выходила из дома, чтобы отправиться с Хассаном на обед, зазвонил телефон. Кейт сняла трубку.

– Алло!

– Это Джулиан. Кейт, я хочу тебя видеть.

Глава 23

– Мисс Винсент, мистер Лобов, на сцену, пожалуйста!

Мадди посмотрела на себя в зеркало, медленно встала, открыла дверь гримерной и пошла по коридору. Толкнула скрипучую дверь, которая вела за кулисы, и подошла к сцене. Приглушенный гул зрительного зала слышался сильнее, и у нее взволнованно забилось сердце при мысли о том, что всего в нескольких метрах от нее за толстым занавесом из красного бархата сотни людей ждут ее выхода.

Вокруг ее талии обвились Сашины руки, и она почувствовала его губы на своей щеке.

– Сегодня мы начинаем наше путешествие в историю, Мадлен, – прошептал он ей на ухо, а затем взял ее за руку, и они вдвоем вышли на середину огромной сцены. Замерли в исходной позиции, и девушка, взглянув на Сашу, улыбнулась. Стих шум зрительного зала. Послышались первые аккорды печальной музыки…

Занавес поднялся.

Кристофер сжал руку Иветты, с восторгом глядя на свою дочь. Она, казалось, безраздельно царила на сцене. Его глаза наполнились слезами, перехватило дыхание, словно его покойная жена стояла перед ним. Легкостью движений, воздушностью Мадди была похожа на свою мать. Издалека, в сценическом гриме, она выглядела, как Антония. Кристофер мысленно вернулся в тот день, когда увидел Антонию танцующей.

Из-за кулис на Мадди смотрела Николь Дели́з, которая готовилась к выходу и изнемогала от ненависти к этой выскочке. Эта стройная девушка украла у нее и роль, и партнера. Николь ей этого никогда не простит…

Спектакль окончился, упал занавес, и зал разразился громом аплодисментов и восторженных криков. Зрители устроили Мадди и Саше настоящую овацию, молодым артистам пришлось раз шесть выходить на сцену. К ногам Мадди сыпались букеты цветов. Затем на сцену вышла мадам Папен, ведя за руку Дэвида Браэрлея, и аплодисменты вспыхнули с новой силой.

Когда Мадди, наконец, убежала со сцены, она испытывала огромное облегчение. Всю последнюю неделю девушка практически

не спала и ничего не ела от волнения. Нервное напряжение возрастало еще и потому, что ей приходилось остерегаться грязных выпадов со стороны Николь. Мадди опасалась, что ей могут насыпать стекла в пуанты или запрут в доме в Челси, а Николь будет танцевать ее партию. От страха и волнения Мадди была совершенно измотана. Она спустилась со сцены, и ноги ее подкосились. Она непременно упала бы, если бы стоявший за кулисами Серж не подхватил ее.

– Осторожней, малышка. Садись вот сюда.

Он усадил ее на стул и оттеснил толпу зрителей, которые хотели поздравить юную дебютантку.

– Спасибо! – глаза Мадди наполнились слезами.

Серж присел перед ней на корточки, взял ее руки в свои и улыбнулся.

– Простите меня, я…

– Мадлен, не стесняйся, поплачь. Эмоциональность украшает настоящих артистов. Ты была прекрасна. Нам с Дэвидом пришлось повоевать, чтобы доверить тебе главную партию. Спасибо тебе, что ты меня не подвела. Смотреть на вас с Сашей было наслаждением.

– Уж это точно, – раздался в полумраке знакомый голос.

– Папа! – Мадди вскочила и бросилась в объятия отца.

– Привет, Кристофер! – Серж кивнул и молча удалился, оставив их наедине.

– Я хотел сказать, Мадди, если бы мама увидела тебя сегодня, она гордилась бы тобой. Ты просто волшебно танцевала.

– Спасибо. – Девушка посмотрела отцу в глаза, и все недоразумения, все, что отравляло их отношения в течение последних полутора лет, наконец, исчезло.

– Мы начнем все сначала, правда, папа? – прошептала она.

– Конечно. Все забыто. Тебя ждут люди в гримерной. – Кристофер подал ей платок. – Вытри глаза и поприветствуй своих поклонников. Встретимся позже, в баре. Да, кстати! Тебя приняли в труппу Королевского Национального балета. Только не говори никому, что это я тебе сказал.

– Ой, правда? А Николь?

– Да, и ее тоже… Так что скоро мы устроим грандиозную семейную вечеринку и отметим это событие. Мы с Иветтой просто с ума сходим от радости.

Мадди постаралась не выдать своих чувств. В конце концов, глупо было надеяться, что Николь не примут в труппу.

– Позже увидимся, – Кристофер махнул рукой, и девушка вошла в свою гримерную. Она попала в объятия поджидавших ее Дэвида Браэрлея, мадам Папен и Антона Шанелля.

– Замечательно, дорогая! – мадам Папен поцеловала ее, а Антон Шанелль протянул Мадди руку и, широко улыбаясь, произнес:

– Мадлен, разрешите мне официально пригласить вас на работу в балетную труппу Королевского Национального балета. Пройдет некоторое время, прежде чем вы вновь войдете в эту гримерную. Как вы знаете, у нас все начинают с кордебалета. Но после сегодняшнего спектакля я убежден, что вы в скором времени станете одной из ведущих солисток.

– Спасибо, сэр.

Дэвид Браэрлей обнял Мадди за плечи, не скрывая своей радости.

– Здорово! Ты принесешь нам славу.

– Ну, а теперь, – Антон подошел к дверям, – переодевайтесь. Увидимся в театральном баре. Там вас ждут журналисты, которые хотят взять интервью у вас с Сашей.

Все трое вышли, оставив Мадди одну в гримерной. Она немного посидела в тишине и стала переодеваться.

Николь едва удалось скрыть свой гнев, пока она сидела в углу театрального бара, в то время как толпа поклонников, окружив Сашу и Мадди, выражала им свое восхищение. Среди завсегдатаев и посетителей, поздравляющих дебютантов, были фотографы и журналисты, театральные критики, директора прославленных компаний и балетных трупп. Даже ее мать обняла Мадди за плечи и весело смеялась чему-то вместе с Антоном Шанеллем.

– Сука! – задыхаясь, прошипела Николь. Несмотря на то, что ее роль была одной из заглавных, она прекрасно понимала, что сегодня Мадди ее обошла и в мастерстве, и в артистизме.

Единственное, что ее как-то успокаивало, – была мысль о том, что с той минуты, когда они поступят в труппу, им придется все начинать с начала. Они начнут с кордебалета, и она надеялась, что ей удастся всем доказать, что именно она, а не Мадлен Винсент является настоящей звездой.

Николь бросила взгляд на Сашу. Он разговаривал с Дэвидом Браэрлеем и с нежностью поглядывал на Мадди. Дрожь желания пробежала по телу Николь. Она с самой первой минуты, как увидела его, мечтала о нем. А он упорно предпочитал выскочку Мадлен. Но она все сделает, на все пойдет, чтобы Саша принадлежал ей.

Глава 24

– Приз Уильяма Элдона за лучшее музыкальное произведение присуждается… – ректор Гилдхоллской школы музыки и драматического искусства сделал многозначительную паузу и закончил, – …Себастиану Лангу!

Публика, собравшаяся в театре «Форчун», разразилась аплодисментами, пока Себастиан шел к сцене. Он пожал руки членам жюри, взял конверт с чеком на пятьсот фунтов стерлингов и подошел к микрофону.

– Спасибо, леди и джентльмены. Я счастлив так, что трудно передать словами. Это для меня большая честь. Хотелось бы поблагодарить Гая де Соуза, который помог с аранжировкой моей работы.

Себастиан чувствовал себя в состоянии легкой эйфории, хотелось осмыслить только что произошедшее в его жизни событие.

– Я надеюсь, что очень скоро вернусь в Вест Энд с профессиональной записью. Спасибо.

Себастиан вернулся на свое место, а в зрительном зале зажглись огни, публика качала обсуждать закончившуюся церемонию.

Гай хлопнул друга по спине.

– Классно, старик. Я знал, что ты добьешься своего.

– Будем надеяться, что из этого что-нибудь получится. Прошлогодний победитель до сих пор сидит на пособии по безработице, а его конкурент, получивший второй приз, пишет песни для новой оперы Ллойда Вебера.

– Ну, ну… не будь таким пессимистом. Уверен, что тебя обязательно пригласит какой-нибудь продюсер. Тебе нужно расслабиться. Сегодня твой вечер, Себастиан.

Они вышли из зрительного зала и направились в маленький бар.

– Да, кстати, – склонившись к товарищу, прошептал Гай, – завтра у меня собеседование с ребятами из одной фирмы грамзаписи. Так что сплюнь и постучи по дереву.

– Ладно, ладно… – Себастиан знал, как хочется Гаю записаться в профессиональной студии. Они увидели ректора, который делал им знаки.

– Себастиан! Пробирайся сюда! Кое-кто хочет с тобой познакомиться.

– Потом увидимся, – подмигнул Гай и отошел в сторону.

Несколько часов Себастиан провел в обществе разных театральных импресарио и их заместителей. Каждый из них уверял его, что он необыкновенно талантлив, и впереди его ждет блестящее будущее. Но несмотря на все похвалы, ни один из этих людей не пообещал ему, что в ближайшее время свяжется с ним и осуществит постановку его мюзикла на своей сцене. Вместо этого ему пришлось выслушать надгробное слово этому жанру. Все наперебой жаловались, что в последнее время многие мюзиклы пришлось снять из-за падения зрительского интереса. В наши дни ни у кого, за исключением, может быть, Камерона, Эндрю и Джаспера Конрада, нет денег на новые постановки. Словом, полный застой.

Около двенадцати ночи Себастиан вышел из театра. Настроение было отвратительное.

Он медленно шел по улице в направлении Трафальгарской площади, где надеялся сесть в автобус, и думал о том, в каком положении оказался. Напрасно он надеялся, что ему что-нибудь предложат сегодня. На это, пожалуй, рассчитывать не приходилось. Всю последнюю неделю, работая дни и ночи напролет над конкурсным проектом, он мечтал об отдыхе. Завтра и послезавтра можно будет побездельничать, а потом… Теперь придется забыть консерваторию и студенческие пирушки. Его окружает суровый мир, и надеяться ему не на кого.

– Ладно, старина, взбодрись, – сказал себе Себастиан, – у тебя же первый приз. Рано беспокоиться.

Успокаивая себя, он ни на минуту не забывал о том, что его профессия требует немедленных действий, и долго ждать нельзя. Такой шанс, как сегодня, выпадает в жизни нечасто. Он опасался, что завтра появятся другие дела и заботы, и те импресарио, которые его сегодня так расхваливали, через день забудут о нем. Тогда он пропал, как многие другие до него.

Себастиан заторопился на автобус. Ладно, по крайней мере, следующие несколько недель он сможет как следует поработать над новой партитурой. У него появилась одна идея, которую стоило обмозговать во всех деталях.

Внезапно Себастиан понял и еще одну причину своего мрачного настроения. Он не жалел, что у него нет семьи, но сегодня как-то особенно остро это почувствовал. Как замечательно иметь отца и мать, которых можно было бы поблагодарить, стоя у микрофона.

Мадди и Кристофер были для него самыми близкими людьми, почти его семьей. Он решил позвонить Мадди, чтобы наконец прервать молчание, которое тянулось так долго.

А будущее… Себастиан молил Господа, чтобы хоть один человек из сидевших сегодня в зрительном зале пригласил его на работу.

Глава 25

– Кейт, почему ты передумала? Я ничего не понимаю, – Хассан метался по гостиной, как тигр в клетке. – Все уже готово, меньше чем через месяц мы улетаем из Англии, и вдруг ты говоришь, что не хочешь ехать.

Кейт, волнуясь, сжала руки.

– Послушай, Хассан, я очень сожалею, но…

Она пожала плечами и умолкла. Нет, у нее просто не хватит смелости сказать ему правду.

– Пожалуйста, Кейт, скажи мне! Ты последнее время не похожа на себя. Отменяешь свидания, а когда приходишь, ведешь себя так, будто находишься за тридевять земель. Ты даже свою лошадь не навещаешь целый месяц.

На лице Хассана застыло выражение беспомощной растерянности и боли. Он подошел к дивану, на котором сидела девушка, опустился рядом с ней и, взяв ее за руку, заглянул в глаза.

– Я что-то сделал не так?

– Нет, Хассан. Ничего. Я только… ну, в общем, мне кажется, что наши отношения теперь изменились.

Он недоуменно уставился на нее.

– В каком смысле?

– Я не знаю, трудно объяснить. Ну, просто такое чувство, что все не так, как раньше.

– Послушай, – мягко сказал он, словно успокаивая капризного ребенка, – у нас было трудное время, экзамены. Нам необходимо как следует отдохнуть.

Кейт отняла руку и встала.

– Нет, Хассан. Наверное, нам нужно немного побыть вдали друг от друга. Прости меня, пожалуйста, но было бы хуже, если бы я поехала с тобой в том состоянии, в котором сейчас нахожусь. Но тебе следует ехать, как ты и собирался.

– Кейт, может, есть другая причина? Другой мужчина? – Хассан говорил так тихо, что она едва могла слышать.

Ну вот, наконец! Кейт посмотрела в его глаза, не зная, как поступить. Но в следующую секунду ее смелость угасла.

– Никого у меня нет. Просто нужно перевести дыхание. Поезжай, повидайся с семьей, а я останусь здесь. Так мы проверим свои чувства.

– Не надо, Кейт. Мои чувства останутся неизменными. Я… – Хассан проглотил комок, подступивший к горлу. – Думаю, тебе лучше уйти. Ты, очевидно, уже приняла решение, так что не о чем больше говорить.

Девушка виновато кивнула и пошла к двери.

– Честное слово, мне очень жаль, – безнадежно пробормотала она. – Прощай, Хассан.

Он кивнул, боясь заговорить, не доверяя своей выдержке. По лестнице простучали ее каблучки, хлопнула входная дверь, затем все стихло. Хассан встал, подошел к окну и смотрел, как Кейт торопливо вышла на улицу, пошла по тротуару и, наконец, скрылась за углом.

– Прощай, любимая, – прошептал он. Затем подошел к бару и налил себе большой стакан виски.

Кейт он больше не нужен.

А всего месяц назад он позвонил отцу и сказал, что собирается познакомить его со своей будущей женой. На отдыхе на Сейшельских островах Хассан хотел сделать ей предложение.

Но она ушла.

В эту секунду Хассан больше всего хотел только одного – забиться в глубокую темную нору и никогда не выходить на свет. Он и не знал, что можно испытывать такую боль.

Он всегда получал все, чего хотел. Но на свете есть то, чего не купить за деньги, – любовь Кейт.

Глава 26

Мадди и Кристофер сидели на кухне и пили чай.

– Ты все понимаешь, правда, папа?

Кристофер кивнул.

– Конечно, понимаю. Тебе девятнадцать. Начинается взрослая жизнь.

– Я все равно буду приходить сюда, чтобы повидаться с тобой, – Мадди улыбнулась, стараясь скрыть дрожь. Вид у отца был несчастный. – Ты тоже сможешь приходить ко мне пообедать, поговорить.

– И все-таки мне не нравится твоя идея.

– Но я и не буду одна! Со мной Шехерезада. Ты же знаешь, мне всегда нравилось одиночество. И потом, не так уж много времени я буду проводить дома. Занятия, репетиции, спектакли… Так что я буду приходить только ночевать. Почему бы тебе не зайти на чай в следующее воскресенье? Я к тому времени устроюсь.

– С удовольствием, девочка.

– Замечательно. В общем, договорились. Папа, мне надо бежать. Хочу выбрать шторы. Так что скоро увидимся.

Мадди вошла в свою комнату и удовлетворенно посмотрела вокруг. Все ее нехитрое имущество было упаковано в коробки, теперь его нужно перенести в маленький грузовичок.

Мадди получила в Национальном балете чек с жалованием за первый месяц работы и стала заниматься поисками квартиры. Конечно, ничего грандиозного она себе позволить не могла, да это и не было для нее важно. Необходимо было как можно скорее уехать из этого дома. После нескольких дней поисков Мадди нашла маленькую квартирку со спальней в большом доме рядом с Фулхэм Пакс Роуд. Мадди знала, что сможет превратить ее в уютное жилище. Квартира находилась на первом этаже, напротив двери в кухню был небольшой сад. Значит, Шехерезада сможет бывать на свежем воздухе.

Мадди зашла к Хассану сказать, что, наконец, сможет забрать своих кошек. Она застала его в ужасном настроении. А когда он узнал, что и кошек забирают, то так расстроился, что ей ничего не оставалось, как взять Шехерезаду, а ему оставить двух котят. Причина его

подавленного настроения выяснилась после того, как Мадди спросила об отношениях с Кейт.

– Все кончено, и я не хочу об этом говорить, – пожал плечами Хассан. – На следующей неделе я улетаю к родителям. Может, уехать отсюда – это как раз то, что мне нужно.

Через три дня Мадди и Шехерезада переехали в новый дом. Девушка закрыла дверь за грузчиками и окинула взглядом свою комнату. Она еще долго не могла поверить в реальность случившегося, а поверив, облегченно вздохнула. Вот и началась новая жизнь. Уборку квартиры было решено оставить на потом. Она займется этим через час-другой после занятий.

Мадди достала кофе, кружку, чайник и, напевая какой-то мотивчик, ждала, когда закипит вода. Что и говорить, за последнее время произошло столько приятных событий, что она едва могла этому поверить. Балерина в труппе Королевского Национального – не студентка балетного училища. Спектаклей пока не было, но время до отказа заполняли репетиции, тренаж и другие занятия. Когда Мадди пришла на первую примерку, ее, словно блудную дочь, встретил Ральфи и все старые знакомые.

Впервые за долгое время Мадди почувствовала, что ее любят и ей рады.

Николь после триумфа Мадди сникла. Мадди и Саша получили много хвалебных отзывов в «Дансинг Таймс» и «Гардиан». Газеты упомянули имя Николь среди других дебютантов, но и только! Все самые высокие оценки были отданы Мадди и ее партнеру, которых называли молодыми звездами.

Саша, конечно, сразу был принят в труппу как солист. Мадди даже пожалела, что не родилась мужчиной. В балете всегда существует спрос на хороших танцоров, и поэтому талантливые юноши делают карьеру легче, чем девушки.

Через двадцать минут, выпив чаю, Мадди посмотрела на часы и убедилась, что пора идти на занятия.

В дверях балетной студии, где полным ходом шли занятия, появилась голова Антона Шанелля. Художественный руководитель

труппы дождался, пока артисты закончат репетировать адажио, и сказал:

– Саша! Ты не мог бы зайти ко мне после репетиции на несколько минут?

Саша кивнул, и до конца репетиции тревога не покидала его. Зачем он мог понадобиться Антону?

– Вот такая ситуация, – вздохнул Антон. – Конечно, мы будем подавать апелляцию, но проблема в том, что твоя студенческая виза действительна еще в течение пяти недель, не больше. Формально после этого ты окажешься вне закона. Как говорят в Британии, «овестейер», человек, злоупотребляющий гостеприимством. А это, в свою очередь, означает, что служба иммиграции имеет полное право прислать тебе уведомление о немедленной депортации за пределы страны.

Саша с побледневшим лицом сидел перед руководителем труппы. Наконец, с трудом выговаривая слова, он спросил:

– Это означает, что мне немедленно придется возвратиться в Россию?

– Тебя вряд ли вышлют из страны, но, должен сказать, эти ребята в службе иммиграции – жуткие бюрократы, поэтому кто его знает.

Саша почувствовал, что по спине пробежали мурашки. Мысль о том, что придется возвратиться в страну, где ему и его близким пришлось пережить столько горя и унижений, казалась непереносимой. Он растерянно спросил:

– Антон, пожалуйста, объясни еще раз, почему иммиграционные власти аннулировали разрешение на работу, которое они мне дали?

– Ты знаешь, они приводили мне какие-то совершенно нелепые доводы. Сказали, что, получив работу в труппе, ты займешь место, которое могло бы достаться гражданину Британии. Думаю, что это связано с новой жесткой политикой правительства по проблемам иммиграции, которая вызвана растущей безработицей. Там есть еще какие-то ограничения и квоты по линии ЕЭС. Если мы не сможем заполнить наши квоты британскими танцорами, необходимо будет обратиться в Европейское Сообщество. И только потом, когда мы докажем, что использовали все возможности, чтобы найти кого-нибудь в Британии или Европе, мы сможем предложить это место тебе. Сам

видишь, насколько это смехотворные отговорки. По причинам, известным только им, эти чинуши из иммиграционных властей уперлись, как бараны.

– Ну, и что можно сделать? – Саша был в полном отчаянии.

– Во-первых, мы попытаемся найти члена парламента, который мог бы за тебя заступиться. Потом постараемся организовать кампанию в прессе в твою защиту и, конечно, пошлем запрос властям. Но ведь все это может растянуться на месяцы. По закону практически через пять недель ты можешь оказаться в полной зависимости от этих чиновников. Ты будешь просто вне закона. Хотя мы в Национальном хорошо знаем твои возможности, но ты, к несчастью, пока еще не Нуриев и не Барышников.

Антон в сердцах бросил ручку на стол.

– Что же мне делать? – спросил юноша, ощущая, что в полном смысле слова повис над бездной.

– Пока тебе остается только одно – продолжай работать, как работал, и надейся, что через пять недель все как-нибудь образуется.

– Господи, Боже мой! – Саша запустил пятерню в свои густые волосы и с мольбой посмотрел на Антона. – Я не могу туда вернуться. Они убили моего отца, мать умерла от горя. Ни в Большой, ни в Кировский меня не возьмут, потому что у меня совсем другая школа. У меня там нет будущего, вообще ничего нет, неужели это непонятно!

Антон смотрел на сидящего перед ним юношу и чувствовал жуткое отчаяние от собственного бессилия. Ему слишком хорошо было известно тупое равнодушие чиновников в их «демократической» и «свободной» стране.

– Послушай, Саша, я и руководство труппы сделаем все, что сможем. Нам очень не хотелось бы терять тебя. Должен тебя предупредить, что мы можем проиграть в этой борьбе с властями.

И вдруг ему в голову пришла мысль. Конечно, как руководитель Королевского Национального балета он не должен был говорить то, что собирался. Но, с другой стороны, в этой совершенно нелепой ситуации стоило попробовать все варианты.

– Саша, у тебя есть подружка?

Несмотря на отчаяние, Саша чуть не рассмеялся. Только что ему сказали, что на карту поставлено его будущее, и этот же человек интересуется, как у него обстоят дела с сексом.

– Нет, нет.

– Жаль…

– Почему?

– Да потому, что по закону, когда кто-то сочетается браком с британским гражданином или гражданкой, у него появляются такие права, которых не было раньше. Автоматически. – Антон старался подбирать слова как можно тщательнее. – Это я так, к слову.

Он взглянул на часы и встал из-за стола.

– Боюсь, мне пора бежать на репетицию в театр. Постарайся не волноваться. Сделаем все, что сможем.

Антон улыбнулся юноше.

– Как только у меня будут какие-нибудь новости, я, конечно, дам тебе знать.

Саша тоже встал, понимая, что беседа закончена.

– Да, спасибо…

Покинув кабинет художественного директора, молодой человек почувствовал себя хуже некуда. Он задыхался, испытывая страшную слабость, и решил, не задерживаясь в театре, выйти на воздух. В мужской раздевалке Саша быстро собрал свои вещи и пошел к выходу…

Он шел по многолюдной улице, и сердце его разрывалось от жалости к самому себе и ощущения собственной беспомощности. Конечно, Антон постарается сделать все возможное, чтобы помочь ему, но, в конце концов, это была его жизнь и его будущее, именно его судьбой играли эти люди.

Он не мог ничего предпринять, ему оставалось только ждать. Ждать, пока…

Стоп! Саша остановился, вспоминая, как директор Национального балета спрашивал его о подружке. Хотя нет, идея слишком нелепая. Юноша пошел дальше, стараясь выбросить из головы эту мысль, но она вновь настойчиво лезла в голову. И почему, собственно, нелепая? Если уж он оказался перед выбором – женитьба на англичанке, пожалуй, – меньшее из двух зол.

Увидев на пути кафе, он решил зайти туда, выпить кофе и как следует все обдумать.

Саша сел за неприбранный столик, сделал глоток ароматного кофе и подумал, что в России даже вот такая дешевая забегаловка казалась

бы верхом роскоши.

Мысль о женитьбе становилась все более навязчивой и казалась все более стоящей. Но на ком жениться? Конечно, денег у него нет. Его будущая жена должна быть одной из знакомых девушек. Итак, кому сделать предложение?

Мадди?

Саша был уверен, что если он объяснит ситуацию, она обязательно поможет. Но будет ли это честно по отношению к ней? Нет… Мадди была его единственным преданным другом, а теперь еще и его партнершей. Ему вовсе не хотелось впутывать ее в эту историю.

Кто же еще у него остался, чтобы разыграть эту комедию со свадьбой?

Внезапно его осенило, и он широко улыбнулся. Ему было хорошо известно, что уж эта девушка влюблена в него по уши. Выйдя за него замуж, она будет уверена, что жестоко отомстила Мадди за то, что лишилась партнера. Ведь эта особа уверена, что Мадди украла у нее партнера. Саша отдавал себе отчет, что для этой девицы возможность отомстить Мадлен будет значительным стимулом, чтобы стать его женой. А ему больше ничего и не требуется.

Однако придется использовать все свое обаяние.

Саша сжал руку в кулак, разжал ее и посмотрел на раскрытую ладонь. А затем, мрачно улыбнувшись, сказал:

– Ну, иди ко мне, моя рыбка.

Глава 27

– Николь, это было как… как вспышка молнии, но с той минуты, когда я впервые тебя увидел, я знал, что нам суждено быть вместе.

Они сидели в полупустом ресторанчике за углом Опера Хаус. Саша взял девушку за руку и нежно ей улыбнулся.

– Я хочу попросить тебя об одной вещи. Ты не догадываешься, что это такое? Знаешь, о чем?

Николь знала. Когда Саша достал из кармана маленькую коробочку, сердце ее радостно забилось. После неудачи на выпускном спектакле, когда ей дали второстепенную роль, Николь совсем уже было поверила, что Мадди одержала над ней верх в личной жизни и в профессии. Все ее попытки дискредитировать Мадди позорно провалились. Сводная сестрица оказалась стойкой особой. Николь, в конце концов, совершенно растерялась и не знала, что можно еще сделать. Недели три назад ее неожиданно остановил Саша и предложил немного прогуляться. Они выпили в каком-то ресторанчике, в последующие встречи ходили обедать в дорогие рестораны. Примерно через неделю Николь и Саша провели восхитительную ночь в люксе «Рассел Отеля» среди цветов и шампанского. Это было так романтично. Ну и что из того, что он оказался не таким пылким любовником, как она ожидала? Николь была абсолютно уверена, что некоторые его проблемы были вызваны волнением, и со временем все непременно наладится. Словом, Николь влюбилась по уши. И вот Саша, протягивая ей маленькую коробочку, сказал то, что она и хотела услышать больше всего на свете.

– Дорогая Николь, пожалуйста, выходи за меня замуж.

Стоило большого труда не сказать «да» в то же мгновение. В последний миг Николь почувствовала, что должна хоть из приличия немного потянуть время.

– Я… О, Саша, все так быстро… неожиданно. Ты уверен, что хочешь этого?

– Абсолютно. Я никогда в своей жизни ничего так сильно не желал.

Николь посмотрела на юношу, но на его красивом лице и в его глазах она не прочитала ничего, кроме безграничной любви и

нежности. Девушка кокетливо опустила глаза, понимая, что сегодня день ее триумфа.

– А как же Мадди? Ты же в последнем семестре едва со мной разговаривал, и я уже думала, что вы с ней…

Саша улыбнулся и пожал плечами.

– Мы всегда были хорошими друзьями, только и всего. Но я никогда не любил ее так, как тебя.

В эту секунду Николь пожалела, что этот разговор не слышит Мадлен Винсент. Она возразила:

– Но ведь Мадди твоя партнерша, Саша. И я уверена, что очень скоро тебе придется об этом вспомнить. Никому не дано ломать традиции, которые существуют в нашем театре. Опера Хаус уважает иерархию, знаешь?

– Еще ничего окончательно не определилось, кто чей партнер, пока неизвестно. Николь, дорогая, пожалуйста, скажи, что согласна стать моей женой.

– Право, я не знаю. Разве только ты пообещаешь поговорить с Антоном, чтобы я танцевала с тобой. А то это будет странно, если ты женишься на мне, а партнершей будет Мадди.

– Ну, конечно, родная! Как только будет подходящий момент, я поговорю с Антоном.

Николь еще раз взглянула на сидящего перед ней молодого человека и торжествующе улыбнулась.

– Ну, что ж, Саша, я согласна. Я выйду за тебя замуж.

– Ах, ангел мой, я так счастлив, так счастлив.

Саша склонился к девушке и поцеловал ее в губы, очень нежно, так, что у нее чуть не закружилась голова от восторга. Затем он открыл коробочку, достал изящное кольцо, на котором в оправе из сапфиров сиял красивый алмаз, и надел его на палец Николь. Она воскликнула:

– Ах, Саша! Подожди хотя бы, пока я скажу маме! Она непременно устроит роскошную помолвку, а на Рождество мы повенчаемся и…

– Нет! – чуть не зарычал он от ярости.

Николь недоуменно посмотрела на Сашу, силясь понять, в чем причина такой неожиданной реакции будущего мужа, но тот быстро овладел собой.

– Я хочу сказать, что не смогу ждать до Рождества. Мы должны пожениться немедленно. Не нравятся мне все эти официальные церемонии. Николь, послушай, ведь это будет так романтично, когда мы вдвоем отправимся в мэрию и совершим там все формальности. А потом мы расскажем всем о нашей свадьбе, и ты сможешь, если хочешь, устроить большой прием по этому случаю.

Саша схватил руку Николь и, нежно поглаживая ее ладонь, умоляюще произнес:

– Я больше ни минуты не могу прожить без тебя.

Мечты Николь о том, чтобы Мадди была уничтожена, увидев ее роскошное, прекрасно подготовленное венчание с дорогим платьем и кучей гостей, рассеивались как дым. Но, с другой стороны, то, что предлагает Саша, выглядит куда интереснее и романтичнее. В конце концов, ее мать вышла замуж за Кристофера после стремительного романа. Зато можно представить себе, какое лицо будет у этой выскочки Мадди, когда она услышит обо всем. От удовольствия Николь чуть не хихикнула, но сдержалась и улыбнулась, пожав плечами.

– Ладно. Сделаем так, как ты хочешь.

Саша сделал знак официанту и попросил счет. Расплатившись, он сказал, глядя на Николь счастливыми глазами:

– Ты знаешь, дорогая, сегодня самый замечательный день в моей жизни.

– И в моей тоже. Может, поедем в какой-нибудь отель и отметим наш день? – с надеждой спросила девушка.

– Мне кажется, мы должны подождать, пока не поженимся официально, разве не так? В конце концов, таков обычай, – сказал Саша, умело разыгрывая смущение.

– Я и не думала, что ты такой романтик! Только давай обвенчаемся поскорее.

Саша оставил на столике несколько банкнот на чай и помог Николь встать, в то время как та продолжала увлеченно щебетать:

– Конечно, нам придется найти какое-нибудь жилье, раз уж мы поженимся, но я уверена, мама нам поможет. Мне надо подыскать к такому событию подходящее платье. И еще необходимо снять что-нибудь особенное, чтобы провести брачную ночь, а медовый месяц…

Саша кивал, улыбался, было видно, что он действительно безмерно счастлив. Когда рядом с ними остановилось такси, молодой человек посадил Николь в машину.

– Спокойной ночи, дорогая.

Он поцеловал ее в обе щеки, но Николь сама притянула его к себе и поцеловала в губы.

– Увидимся завтра, сладких тебе снов.

Саша смотрел вслед автомашине до тех пор, пока она не повернула на Сент Мартинз Лейн. И едва такси скрылось за поворотом, он издал ликующий победный вопль.

Николь в прекрасном настроении сидела на заднем сиденье такси, вновь и вновь возвращаясь в мыслях к своей замечательной тайне. Несомненно, раз они станут мужем и женой, им и на сцене придется быть партнерами. Это совершенно естественно.

Не говоря уже о том, что, несмотря на ее любовь к Саше, их союз прекрасно утолит ее жажду мести.

Глава 28

Кейт чувствовала вину перед Хассаном за то, что, простившись с ним около месяца назад, больше о нем ни разу не вспомнила. В ее жизнь вновь вошел Джулиан, и у нее не хватало времени, чтобы думать о ком-то еще. В самом начале она пыталась как-то сопротивляться его желанию и попыткам извиниться перед ней. В тот вечер, когда они впервые встретились, она поклялась, что никогда больше не позволит ему затащить ее к себе. Но все ее добрые намерения рухнули в тот момент, когда она после долгой разлуки увидела его.

И вот уже шесть недель она вновь безнадежно, безумно любила его, мечтая, чтобы это не кончалось никогда.

– Через две недели мне придется отправиться в путешествие на яхте, – Джулиан сказал это так неожиданно, что Кейт потребовалось около минуты, чтобы осознать всю важность его слов. Они лежали в постели, отдыхая после страстных объятий. Они предавались любви почти целый день. Пустая бутылка из-под шампанского, стоявшая у кровати, напоминала о том, что Кейт за день до свидания сдала последний выпускной экзамен.

Девушка повернулась и посмотрела в лицо Джулиана. Он лежал, закинув руку за голову, бездумно глядя в потолок, и она подумала, что еще никогда он не казался ей таким красивым. От дурного предчувствия сжалось сердце, и Кейт, стараясь не показать, как ей больно, произнесла:

– О! Как замечательно! Пришли мне открытку, ладно?

– Пожалуйста, Кейт, не надо так!

– Как «так»? В прошлом году твоя подружка провела с тобой все лето. Чем, интересно, я не подхожу?

– Послушай, Кейт, Верена была исключением. Обычно я никого не могу с собой взять. Дело в том, что моя мама знает Верену много лет и…

– Она почти что член вашей семьи, – закончила за него Кейт, презрительно скривив губы. – Честное слово, Джулиан, это просто ужас какой-то! Несколько недель назад я отказалась поехать отдыхать

в Южную Францию на все лето, а теперь ты мне заявляешь, что уезжаешь и бросаешь меня совсем одну. Выходит, на самом деле ничего не изменилось, да? Мне навсегда закрыт доступ в вашу драгоценную семью, не так ли?

Девушка села на кровати, собираясь вставать.

– Я не могу позволить, чтобы и это лето прошло, как прошлое.

– Подожди, иди сюда, – Джулиан схватил ее за руку, притянул к себе и стал нежно и страстно целовать. – Боже мой, Кейт, ты удивительно красива. Я никак не могу насытиться тобой.

– Нет! – она отчаянно дернулась. – Пойми же, Джулиан! Я до смерти устала быть тайной любовницей. Ну, объясни мне, пожалуйста, что именно делает меня такой неподходящей для вашего блестящего общества?

Кейт стала метаться по комнате, собирая разбросанную повсюду одежду, не переставая при этом говорить.

– Ну, понятно! У меня не голубая кровь, я не из старинного и знатного английского рода, и герба у меня нет. Правда, есть отец, который сумел к своему имени добавить кое-какое золотишко, и это имя, между прочим, очень уважают в деловом мире! О'кей, его газета имеет слегка социалистическую ориентацию, а он не самый большой поклонник монархии… Да где же мои трусики!

Кейт стала раздраженно рыться в постели.

– Ну, иди же сюда, глупышка! – Джулиан сделал попытку вновь затащить подругу на ложе любви. Но девушка яростно вырвалась, и он, откинувшись на подушки, тяжело вздохнул:

– Ну, ладно, ладно. Я очень сожалею, поверь. А что, если мы где-нибудь скроемся, когда я вернусь назад?

Кейт повернулась к нему.

– А почему мы должны, как ты выражаешься, скрываться?

– Господи, Кейт! Ты что же, действительно хочешь, чтобы за тобой охотилась пресса? Чтобы эти люди следили за каждым твоим шагом? Я делаю это ради твоей безопасности и спокойствия. Кстати, моя мать прекрасно знает, что я с тобой встречаюсь.

– Так почему же мне нельзя поехать с тобой?

– Послушай, девочка, ты дочь известного газетного магната, который владеет одной из самых известных бульварных газет в

Англии. А лето – это время, когда каждая семья хочет отдохнуть, расслабиться, побыть вдали от пристального внимания прессы.

– Так ты полагаешь, что я здесь оказалась по заданию моего отца? Что он послал меня шпионить за родственником королевы? Пресвятая Богородица! Так вот оно что! Наконец-то я поняла!

Кейт достала из-под кровати туфли и решительно встала.

– Все, я ухожу. Найдешь мои трусики, можешь их повесить на спинку кровати как боевой трофей и доказательство твоей неотразимости. Прощай, Джулиан!

– Пожалуйста, Кейт, подожди! – Джулиан торопливо вскочил с кровати, но девушка уже подошла к двери. – Да погоди же!

Слишком поздно. Дверь захлопнулась прямо перед его носом, и по лестнице, совсем как когда-то, торопливо простучали ее каблучки.

– Проклятье! – он в ярости ударил кулаком по двери и, не одеваясь, пошел в гостиную и сел на диван. Затем он отыскал пачку «Мальборо» и закурил.

Уже не в первый раз Джулиан проклинал свою родословную. То, что было просто для других людей, для него оборачивалось огромными сложностями. Когда он был еще подростком, ему приходилось каждый свой шаг сверять с общественным мнением. Уже в то время он понимал, что его социальный статус дает слишком мало выгод, но создает массу неудобств.

Он безумно влюбился в Кейт. Но когда он сказал матери о том, что ему нравится одна девушка, та посоветовала ему несколько месяцев не афишировать свою новую привязанность. Нужно посмотреть, что из этого получится.

Матери не нравилась его репутация повесы и плейбоя, хотя, по правде говоря, это было далеко от истины. Он был нормальным, здоровым юношей, которому недавно исполнилось двадцать два года.

Его отношения с Кейт были совсем другими, их никак нельзя было назвать легким увлечением. Когда ее не было рядом, ему никак не удавалось выбросить ее из головы и не думать о ней. Как только Джулиан представлял ее гибкое податливое тело, трепещущее у него в руках, его, словно разряд электричества, пронизывало желание. От этого можно было с ума сойти!

Он понимал, почему Кейт была так возмущена, но он ничего не мог поделать. Джулиан потушил сигарету, вздохнул и пошел в ванную.

Ему вовсе не хотелось обижать свою подругу, но, как всегда, спросить совета было не у кого, поэтому и вышло то, что вышло. Настроение было прескверным, было жалко и Кейт, и себя, но ничего нельзя было придумать и изменить.

Глава 29

Мадди как раз собиралась идти на свою первую репетицию в Королевском Национальном балете, когда позвонили в дверь. Она пошла открывать, на пороге в прекрасном костюме кремового цвета, улыбаясь до ушей, стояла Николь.

– Что тебе нужно?

– Можно войти, Мадди?

– Зачем?

– У меня есть кое-какие новости, и я хочу, чтобы ты первая их узнала.

– Тебе придется поторопиться. Через час я должна быть на репетиции «Сильфиды».

– Я знаю, Саша уже в театре. Он поспешил туда прямо с нашего свидания.

– Вот как?

Николь без приглашения вошла, отстранив хозяйку, и оказалась в гостиной.

– А тут уютно.

– Николь, право же, я тороплюсь. Пожалуйста, выкладывай, ради чего ты пришла сюда, и уходи.

– Ладно, ладно. – Николь снова обворожительно улыбнулась. – Знаешь, я подумала, что именно ты должна первой узнать, что сегодня в десять утра я стала миссис Лобовой.

Николь вытянула руку и помахала кистью, демонстрируя безымянный палец.

– Нравится мое колечко?

Мадди почувствовала легкое головокружение.

– Извини, что?

– Мадлен, не будь такой тупой. Повторяю, сегодня утром мы с Сашей расписались в регистрационном офисе Челси.

Мадди почувствовала, что у нее подгибаются колени, и ей пришлось сесть, чтобы не упасть.

– Я… Я ничего не понимаю. Я не знала об этом.

– Никто не знал. Это тот случай, который можно назвать стремительным романом, ну, как у моей матери с твоим отцом.

Сестричка, дорогая, скажи, что ты счастлива, как и я!

Выражение триумфа на лице Николь глубоко ранило Мадди. Скорее от растерянности, чем желая досадить сводной сестре, Мадди проговорила:

– Но, Николь, я совершенно точно знаю, что… а, впрочем, неважно, – она мотнула головой.

– Что ты знаешь? Что Саша любит тебя? Нет, он мне сказал, что это не так. И потом, зачем ему жениться на мне, если бы он любил именно тебя?

– Нет, Николь, я знаю, что Саша меня не любит, – слабым голосом ответила Мадди.

– Тогда что ты такое знаешь о моем муже? Скажи!

Мадди молчала.

– Ну же, Мадди! Не стесняйся. Ведь мы же сестры…

Конечно, Мадди понимала, что Николь ее провоцирует и хочет разозлить. От этого слова сами собой сорвались с губ.

– Знаешь, мне случайно пришлось узнать, что Саша – гомосексуалист. У него была связь с Игорем Станиславовым. Я видела, как они целовались…

– Ты, сука! Расскажи все это кому-нибудь другому или придумай что-нибудь получше! Ты потеряла его, вот и бесишься теперь!

– Нет, Николь, правда. Пожалуйста, поверь мне, – настаивала Мадди. – Я рассказала об этом только ради тебя самой.

– Ты сама не соображаешь, что несешь! Саша уже столько раз занимался со мной любовью, и это было замечательно. То, что тебе не удалось с ним переспать, еще не значит, что он…

– Ну, хватит, Николь! – резко оборвала ее Мадди. Затем она сделала глубокий вдох и попыталась говорить спокойно. – Я не могу сказать, что мне понятны мотивы Сашиного поступка. Может быть, я просто вообразила все это, увидев их целующимися.

Она пожала плечами.

– В общем, я искренне желаю тебе добра и большого счастья. А теперь, Николь, оставь меня, пожалуйста.

– Мне нужно собрать вещи. Мы с Сашей решили провести уик-энд в прелестном маленьком отеле за городом.

Николь пошла к дверям, но возле выхода оглянулась.

– Честное слово, я думала, что ты сможешь придумать что-нибудь более оригинальное, чем эта чушь о гомиках. По-видимому, я тебя переоценила.

Она открыла дверь.

– Ах, да, кстати! Если ты думаешь, что теперь, когда Саша стал моим мужем, я позволю тебе быть его партнершей, ты глубоко заблуждаешься. Прощай, Мадлен.

И дверь захлопнулась.

Мадди несколько секунд сидела в полной тишине, а потом схватила сумку и в смятении выбежала из квартиры.

Глава 30

В июне Джулиан улетел в Грецию, а Кейт приготовилась коротать лето в одиночестве. Она жалела, что у нее не хватило решимости сказать, что если он уедет без нее, но между ними все кончено. Кейт не смогла настоять на своем, и они пошли на компромисс. Джулиан уезжает до конца августа, а потом они поедут куда-нибудь вместе. Джулиан обещал, что больше не будет никаких отговорок. Кейт очень боялась его потерять, поэтому ей не оставалось ничего другого, как согласиться.

Теперь, по крайней мере, у нее появились новые заботы, что помогло ей не думать о нем каждую минуту. Отец наконец-то согласился купить ей квартиру. Она провела остаток июня, подыскивая подходящее жилье. Кейт вдоль и поперек исходила зеленые улочки в Кенсингтоне и Челси, пока, наконец, не нашла то, о чем мечтала. Квартира находилась на Кенсингтон Черч Стрит, в ней было две спальни, светлая гостиная с большим окном, выходившим на улицу, обсаженную деревьями. Достоинством квартиры было то, что она располагалась на втором этаже. Одним словом, отец уплатил наличными, и в начале августа Кейт перебралась в свой дом. Она обнаружила, что ей безумно нравится бродить по многочисленным антикварным магазинчикам или сосредоточенно изучать образцы штор и гардинного полотна.

Неожиданно для себя Кейт очень удачно сдала выпускные экзамены, и отец на радостях пообещал, что купит ей в подарок автомобиль. Она остановила свой выбор на белом «Пежо-205» с откидным верхом и через некоторое время уже запарковала машину под окнами своей квартиры.

Наконец-то Кейт обладала атрибутами состоятельной леди, к чему она так стремилась последние годы.

И все же она была расстроена и чувствовала себя ужасно одинокой, тоскливо считая дни, оставшиеся до возвращения Джулиана.

У Кейт не было ни малейшего желания ходить на вечеринки, поэтому она каждый вечер оставалась дома и предавалась мечтам о Джулиане. Однажды вечером, когда тишина в квартире стала особенно

нестерпимой, она села в машину и отправилась навестить своих родителей.

Мать открыла ей дверь, и Кейт готова была поклясться, что она только что плакала. Глаза у нее были влажными и красными, все лицо в пятнах.

– Привет, мамочка, – Кейт расцеловала ее. – Мне стало так скучно, что я решила приехать к тебе поболтать. У тебя все в порядке? Вид у тебя какой-то удрученный.

– Нет, все хорошо. Просто немного устала. Входи, входи. Какой приятный сюрприз!

Кейт вошла с матерью на кухню.

– Ты голодна?

– Нет.

– Ты хорошо питаешься, Кейт? Ты ужасно похудела.

– Спасибо, мамочка. Я прекрасно себя чувствую. А ты выглядишь прямо больной. Ты точно в порядке?

– Да, да. Все хорошо, – мать кивнула.

– А где папа?

– Пошел на какую-то деловую встречу или еще куда-то, – миссис Джонсон говорила слабым тихим голосом.

– А, понятно, развлечься, да?

– Ну, не знаю. Он страшно огорчится, что ты приезжала, когда его не было дома. Ему так хотелось с тобой встретиться.

– О! Что-то случилось?

– Может, выпьем? Пойду принесу шерри, – вдруг нервно предложила мать.

Кейт поразилась. Ее мать очень редко пила.

– Я тоже выпью за компанию.

Она смотрела, как мать достала из буфета бутылку шерри и наполнила два бокала. Ее руки дрожали. Мать села за стол и кивнула ей:

– На здоровье!

– Да, на здоровье.

– Кейт, я должна тебе кое-что сказать.

– Говори.

– Ты помнишь статью об отце, которая появилась год назад в «Дейли Мейл»?

– Да, папа обещал крепко поддать этим ублюдкам, кажется, он так выразился, – хихикнула девушка.

– Ну, вот. Твой отец начал против них официальный процесс, но, к несчастью, отдел расследования экономических преступлений решил направить инспекцию для изучения деятельности его компаний.

– Отдел расследований экономических преступлений? – она изумленно уставилась на мать. – Что за ерунда? Папе же нечего скрывать, правда?

– Ну, конечно. Просто другие газеты тоже подняли шумиху.

– Ясно. Ну, это они все время делают.

– Пока они ничего не раскопали. Но я хотела тебя предупредить, что в следующем году нас, скорее всего, будут крепко поливать грязью.

Кейт смотрела, как мать допивает шерри.

– Это серьезно, мама?

– Я не хочу тебя пугать, Кейт. Но мы с отцом, на всякий случай, хотели тебя предупредить. Возможно, что все обойдется. В общем, пока забудем об этом, хорошо? – мать слабо улыбнулась. – Ладно, хватит об этом. Как поживает юная самостоятельная леди?

– Все в порядке. Но я очень скучаю без Джулиана.

– Ах, дорогая! Он тебе очень нравится, правда?

– Да. И к тому же у меня слишком много свободного времени, чтобы думать о нем. Пожалуй, мне стоит подыскать какую-нибудь работу.

– Отличная идея. Вот только плохо, что ты не хочешь поступать в университет. Ты получила такие высокие баллы на экзаменах. Жаль, что все это напрасно.

– Ой, нет. Мир науки меня совсем не манит.

Они болтали еще около часа, пока Кейт не решила, что ей пора возвращаться домой.

– Так ты уверена, мамочка, что проблем нет?

– Абсолютно уверена.

– Ты не будешь от меня ничего скрывать, если вдруг что-то случится? Хорошо? Я уже большая, ты же знаешь.

– Ну, конечно, любовь моя, – мать поцеловала Кейт в щеку. – Береги себя, как следует питайся.

Кейт села в машину и завела мотор. Уже выезжая на дорогу, девушка внезапно ощутила безотчетную тревогу. Ясно, что мать не

сказала ей всего. Если уж эти парни решили расследовать деятельность компаний отца, у них были на то серьезные причины.

Ночью Кейт долго не могла заснуть и ворочалась в постели, размышляя о том, что узнала. К ее стыду, больше всего ее волновало, не повредит ли эта история ее отношениям с Джулианом.

Глава 31

Через две недели после свадьбы Саша получил письмо из министерства внутренних дел. Вместе с Николь его приглашали прийти для беседы в отдел по делам иммиграции. Собственно, он этого и ожидал. Очевидно, в управлении крепко подозревают его в неискренности чувств к Николь.

Саша хорошо понимал, что, не сказав ей о своих проблемах, он должен крайне осторожно действовать, чтобы не выдать ни жене, ни чиновникам истинных мотивов женитьбы. Поэтому вечером он приехал к Николь и сказал ей, что заказал столик в ближайшем ресторане.

После обеда Саша взял Николь за руку и печально прошептал:

– Дорогая, у меня очень плохие новости.

Николь взглянула в его прекрасные карие глаза и увидела в них скорбное выражение.

– Что такое? – взволнованно спросила она.

– Сегодня утром я получил письмо. Нас приглашают в министерство внутренних дел на беседу с чиновниками из отдела иммиграции. Похоже, они не верят, что я женился на тебе по любви!

– Что ты, черт побери, имеешь в виду?

Саша горько вздохнул и после долгой драматической паузы сказал:

– Видишь ли, девочка, у меня были кое-какие проблемы с разрешением на работу. Боюсь, что они могут подумать, будто я женился на тебе, чтобы остаться здесь. Понимаешь, Николь, если они не поверят, что мы поженились по любви, меня могут выслать в Россию.

Саша вздохнул, на глаза его навернулись слезы, но он отвернулся, чтобы Николь не заметила его слабость.

– Я тебя так люблю, родная моя! Я не смогу жить с тобой в разлуке.

– Но они не посмеют так поступить с тобой!

– Ошибаешься. Если нам не удастся убедить их в том, что мы любим друг друга, меня вышлют из страны. Я так сожалею, дорогая…

– Да как вообще кто-то смеет совать свой нос в наши личные дела, в нашу частную жизнь! Когда нас вызывают? Я поставлю этих мерзавцев на место.

– Мне так жаль, что тебе придется пройти через это, Николь. Знаешь, может быть, нам будут порознь задавать вопросы, чтобы убедиться, что мы говорим одно и то же.

– Это просто возмутительно! Они сами заставят нас быть нарушителями закона.

– Послушай, я думаю, будет лучше, если мы им скажем, что живем вместе больше двух недель. Может, стоит сказать, что наши отношения длятся около года?

Николь посмотрела на Сашу, лицо которого казалось очень бледным при свете свечей, стоявших на столике. Она внезапно вспомнила, что ей сказала Мадди.

– Саша, ты действительно женился на мне по любви? Мадди сказала, что…

Он с такой болью посмотрел на нее, что Николь пожалела, что упомянула о своей сопернице.

– Ну, так что сказала Мадди?

– Да так, ничего, сожалею, что заговорила об этом.

– Как ты могла такое подумать? Ну вот, все меня подозревают, у всех, даже у моей собственной жены, которую я так люблю, есть сомнения.

– Прости меня, Саша. Я уверена, что Мадди просто ревновала. Ты только скажи мне, что говорить этим людям, и я скажу. Я не перенесу, если потеряю тебя.

Теперь Николь по-настоящему испугалась, настолько неподдельно искренними были возмущение и обида, прозвучавшие в голосе мужа.

Ночью Саша привез жену домой и, превозмогая себя, занялся с ней сексом.

Николь лежала под ним, закрыв глаза и вздыхая в экстазе от страсти, а он в это время отчаянно вызывал в воображении возбуждающие его образы, лишь бы подольше сохранить хоть какое-то подобие эрекции. Усилием воли Саша заставлял себя быть с ней нежным, но едва мог принудить себя коснуться ее тела. В конце концов, ему, кажется удалось довести ее до оргазма и удачно притвориться, что и сам он испытывает огромное наслаждение. Для

него подобные ощущения в данной ситуации были абсолютно невозможны. Николь, к счастью, ничего не заметила. Он знал, что, когда дело касалось секса, его жена была сущим ребенком.

Когда, наконец, все кончилось, она посмотрела на него, ее глаза сияли любовью и счастьем.

– Милый, мне было так хорошо. И я еще сомневалась в тебе. – Она нежно погладила его грудь. – Не беспокойся, родной. Мы покажем этим дуракам, как сильно любим друг друга, правда?

Саша кивнул:

– Да, конечно, дорогая.

Он закрыл глаза, изо всех сил стараясь скрыть омерзение, охватившее его, когда обнаженное тело Николь прильнуло к нему. Когда она уснула, Саша отодвинул ее подальше, а сам улегся на край кровати.

– Ну, удачи, дорогой! Я уверена, что все будет прекрасно! – Николь сжала руку мужа и улыбнулась ему перед тем, как войти вслед за офицером иммиграционной службы в маленький кабинет. Саша провожал их взглядом до тех пор, пока за ними не закрылась дверь, а потом беззвучно вознес молитву к небесам, заметив, что другой офицер направляется к нему.

– Пожалуйста, пройдите за мной, мистер Лобов.

Саша кивнул и встал. Войдя в маленькую пустую комнату, он в который раз мысленно напомнил себе, что его будущее висит сейчас на волоске и зависит от того, что он скажет в ближайшие двадцать минут.

Офицер улыбнулся Николь.

– Ну, что же. Думаю, это все. Должен вам сказать, что в течение двенадцати месяцев ваш муж может обратиться с просьбой о выдаче ему вида на жительство. Когда он получит этот документ, он сможет написать заявление для натурализации. Если в течение этого времени у вас возникнут подозрения, что ваш муж женился на вас для того, чтобы остаться в стране, вам следует поставить нас в известность. Если он получит вид на жительство, мы ничего с ним не сможем сделать.

Николь очаровательно улыбнулась сидящему перед ней мужчине средних лет, отлично зная, насколько она обворожительна. Нет

сомнений, этот тип ей верит, и нет смысла ломать комедию дальше. В завершение беседы она стыдливо опустила ресницы и добавила:

– Хочу вам признаться, что мы с Сашей в ближайшее время собираемся завести ребенка. Я вам очень благодарна за предупреждение, но надеюсь, что ничего такого я не замечу.

– Желаю вам огромного счастья, миссис Лобова! – офицер встал. – А теперь я должен посоветоваться со своим коллегой, который беседовал с вашим мужем. Если вы немного подождете, то через несколько минут я приведу сюда и его.

Николь кивнула, а когда офицер вышел из комнаты, облегченно вздохнула. Кажется, беседа прошла удачно. Ей удалось достойно ответить на все вопросы. Теперь оставалось надеяться, что Саша сделает то же самое.

Открылась дверь, и вошел Саша. Ее муж выглядел напряженным и усталым. Он сел рядом с Николь. Несколько секунд длилось молчание, затем Саша спросил:

– Ну, как прошел разговор?

– Отлично. А у тебя?

– Похоже, он мне не верил, но я так ответил на все вопросы, что, думаю, мы можем больше не волноваться.

Через некоторое время офицер, который расспрашивал Николь, вернулся. Саша сжал руку жены, а чиновник сел за свой стол и открыл папку.

– Итак, теперь все в порядке. Осталось последнее. Мистер Лобов, как вы знаете, женившись на мисс Дениз, вы получили право остаться в Британии на двенадцать месяцев. После беседы с вами я и мой коллега убедились, что ваши отношения абсолютно искренни. Поскольку перед этим вам отказывали в работе, то ваша внезапная женитьба все-таки кажется несколько подозрительной. Поэтому, по решению нашего руководства, вам придется ждать еще около года, и только потом вы получите право попросить вид на жительство. И если к тому времени вы с мадам Дениз будете по-прежнему вместе, мы с огромным удовольствием выдадим вам необходимые бумаги. Да и мы убедимся, что все, сказанное сегодня вами, – правда. Не так ли?

Офицер улыбнулся, а Саша спросил:

– Через сколько месяцев я получу эти документы?

Чиновник пожал плечами.

– Это будет зависеть от нашей загруженности, но, в целом, вы можете рассчитывать, что месяцев через восемнадцать вы их получите. Спасибо вам за помощь, до свидания.

Выйдя из здания министерства, Николь издала ликующий вопль и крепко обняла Сашу.

– Мы победили, дорогой! Все кончено!

Она страстно поцеловала мужа.

А он закрыл глаза и принудил себя ответить на ее поцелуй. В его голове мелькнула тревожная мысль, что ему не удастся притворяться полтора года.

Глава 32

Через два месяца после свадьбы Саша решил нанести визит Мадди.

Свадьба, конечно, стала предметом сплетен и пересудов среди артистов труппы. Но Мадди постаралась не обращать внимания на болтовню и придумала причину, чтобы не присутствовать на венчании и праздничном ужине, устроенном Иветтой. Мадди чувствовала боль и разочарование, но, наконец, решила, что пролила достаточно слез по вине Саши и Николь. Самым важным были занятия балетом, совершенствование мастерства. Ее решению не обращать ни на что внимания помогало то, что Саша занимался в другое время, поэтому на репетициях Мадди сталкивалась только с самодовольной Николь.

Саша позвонил, и Мадди открыла дверь.

– Привет, – тихо сказала девушка.

– Можно войти, Мадлен?

– Пожалуйста…

– Спасибо, – Саша прошел вслед за ней в гостиную и остановился посреди комнаты, осматривая ее с некоторой нервозностью. – Наверное, мне надо было прийти раньше, но…

– Не оправдывайся, Саша, и не чувствуй себя виноватым. Ты живешь своей жизнью, у нас свободная страна, и ты волен поступать, как знаешь.

– Это так, Мадлен, но ты мой друг. Ты, видимо, очень удивилась, когда услышала о моей женитьбе. Я должен тебе все объяснить…

– Ничего ты мне не должен. Хочешь кофе?

Саша кивнул и пошел за ней на кухню.

– Пожалуйста, Мадлен, прости меня. Мне очень жаль, что не удалось поговорить с тобой раньше, но причины были очень веские, поверь. Я не мог прийти в себя до этого дня.

Мадди вздохнула.

– Мне обидно и больно, когда я думаю, что ты солгал мне насчет того, кто ты есть на самом деле.

Мадди достала две чашки, положила в них растворимого кофе и повернулась к Саше.

– Нет, Мадлен, я не лгал. Я считаю тебя своим самым близким другом. Поклянись, что ты сохранишь в тайне то, что я тебе сейчас скажу.

Девушка передала ему чашку горячего кофе.

– Саша, я тебя умоляю, если хочешь в чем-то оправдаться, чтобы успокоить меня, не трать напрасно время…

– Ну, пожалуйста, Мадди, поверь мне. Каждое слово, сказанное мной, – правда.

– Хорошо, пойдем, сядем, и ты расскажешь свой секрет.

Они вернулись в гостиную, и Саша стал рассказывать.

Мадди ожидала услышать все, что угодно, но Сашин рассказ стал для нее полной неожиданностью. Когда он замолчал, она даже не сразу нашлась, что сказать. Наконец она спросила:

– Ты говоришь, что женился на Николь, чтобы остаться в Англии? Это так?

Он кивнул.

– Да, это была единственная возможность.

– Но ты ведь мог попросить у меня о помощи. Ты же знаешь.

– Нет, не мог. Конечно, я уверен, что ты помогла бы мне, но я не был готов к тому, чтобы обратиться к тебе. Мадлен, ты заслуживаешь лучшей участи.

– И все-таки это неправдоподобная история. Николь все равно узнает правду.

Саша рассеянно кивнул.

– Ну, конечно, со временем узнает. Но через полтора года это уже будет неважно. Я смогу остаться здесь. Мы с тобой будем танцевать вместе, и наша карьера…

– Саша, неужели ты думаешь, что Николь позволит мне быть твоей партнершей? Ведь она твоя жена, Боже мой!

– Да, но то, что она считает, не так уж важно. Интересы труппы превыше всего, эти вопросы решают другие, а не она.

Мадди изумленно уставилась на Сашу, пораженная его самоуверенностью и откровенным цинизмом.

А он, угадав ее мысли, улыбнулся:

– Мадлен, ты считаешь, что я думаю только о себе. Вспомни наш разговор, когда я впервые пришел к тебе в Хэмпстед. Я тогда сказал,

что на все готов, только бы быть уверенным, что меня не отправят в Россию. Ну, пожалуйста, постарайся меня понять.

Девушка тяжело вздохнула.

– Это я понимаю, Саша, но никак не могу смириться с тем, что ты сделал, несмотря на всю неприязнь к Николь. У меня ужасное предчувствие, что все это добром не кончится.

Саша поставил чашку и встал.

– Все будет отлично, доверься мне. Я должен идти на репетицию. Кстати, мне сорока на хвосте принесла новость, что мы будем танцевать те же самые партии, что в выпускном балете. Говорят, что балет Дэвида Браэрлея включат в репертуар. Вот так.

Саша поцеловал ее в щеку.

– До свидания, Мадлен.

Входная дверь закрылась за ним, а Мадди так и осталась сидеть, держа в руках чашку и задумчиво глядя куда-то в пространство.

За последние полчаса она окончательно избавилась от романтического чувства к Саше. Наконец-то Мадди увидела его таким, каким он был на самом деле, – самовлюбленным эгоистичным ребенком, о котором она всегда будет заботиться. Он ей нравится, но не больше.

А Николь? Мадди теперь не могла отделаться от ощущения, что эти люди стоят друг друга.

Глава 33

Пока Джулиан был за границей, Кейт получила от него несколько открыток, но он ни разу не позвонил. От обиды и разочарования она чуть не плакала. Дни проходили за днями, но от него не было ни слова.

Однажды ночью в конце августа, когда Кейт, как обычно, сидела дома в полном одиночестве, ей пришло в голову, что настало время принимать какое-то решение. Ее жизнь стала пустой и тоскливой.

Опорожнив бутылку «Шабли», она поняла, в чем дело. Видимо, понятий «обязанность», «долг», «верность» просто не существовало в словаре ее возлюбленного. Даже если бы она по-прежнему поддерживала отношения с ним после его возвращения в Англию, ей все равно пришлось мучиться от неуверенности и сомнений всякий раз, как только он покидал ее. Она считала каждую секунду, ожидая его возвращения, этому следовало положить конец. Ей пора забыть о нем и подумать о себе.

В обозримом будущем у нее не будет никаких мужчин, хватит! Может, со временем, когда утихнет боль. Труднее всего будет привыкнуть к жизни без Джулиана, придется привыкать к тому, что в будущем она будет жить без него. В конце концов, решила Кейт, ей нужно смотреть на это как на болезнь.

Необходимо подыскать работу. Решив, что займется этим на следующей неделе, Кейт стала думать, какое место могло бы ее устроить. Она составила список того, что показалось ей наиболее интересным, но, взвесив все, как следует, оставила три пункта: дизайнерские работы с интерьером, искусство и лошади.

Первые два вида деятельности требуют продолжения образования, а у нее не было ни малейшего желания возвращаться в колледж. Что до лошадей, то такую работу совершенно невозможно найти поблизости от ее дома в Кенсингтоне. Следовательно, придется думать о переезде, а это неприемлемо.

Правда заключалась в том, что Кейт совершенно не нуждалась в работе ради заработка. С детских лет она была уверена, что рано выйдет замуж, будет жить в большом доме, ухаживать за мужем и воспитывать детей.

Конечно, старомодно думать так, удел современной женщины – самой зарабатывать себе на жизнь.

Однажды утром, чувствуя себя совсем разбитой, она решила немного взбодриться, прогулявшись по антикварным лавочкам на Кенсингтон Черч Роуд. Разглядывая витрины магазинчиков, Кейт увидела объявление: *«Требуется продавец. Обращаться к хозяину»*.

– А почему бы и нет? – подумала она и открыла дверь.

Магазин был битком набит антикварной мебелью, так что ей не сразу удалось заметить седоволосого джентльмена в потертом пиджаке в клеточку, стоявшего в глубине помещения.

– Чем могу служить?

– Я увидела объявление в витрине и хотела бы поступить на работу.

– А у вас есть опыт работы с антиквариатом?

– Нет, хотя это меня очень интересует. Я почти все время провожу в этих магазинчиках.

Джентльмен понимающе кивнул.

– А в магазине вы работали?

Кейт покачала головой.

– Нет, я только в этом году окончила колледж. Правда, с отличием.

– О! Это впечатляет. И, конечно, с такими оценками думаете поступать в университет?

– Нет, я бы хотела сначала поработать. Мне кажется, что нужно делать карьеру, начиная с азов.

Кейт даже испугалась, как она заговорила разумно и правильно, словно примерная ученица.

Хозяин магазина улыбнулся.

– Так, так, понимаю. Ну, что же, это как раз то, что нам нужно. Кстати, меня зовут Беннет, а вас?

– Кейт Джонсон.

– Отлично, Кейт. Хочу сразу предупредить, платить много я не смогу, а работать придется допоздна. Кроме того, я часто уезжаю по делам из Лондона, так что ты будешь работать самостоятельно. Это тебя устраивает?

– Конечно. Я живу поблизости, так что это для меня очень удобно.

– Ну, что ж. В таком случае, ты заполнишь анкету по форме… Если только у меня есть бланк, – тут владелец магазина улыбнулся. – А

что, если мы сделаем по-другому? Я приготовлю кофе, а ты мне расскажешь о себе.

– Прекрасно! – весело согласилась Кейт.

Через час она вышла из магазина, полная радужных надежд. У нее появилась работа, пусть всего на сто фунтов в неделю, в конце концов, это неважно. Кейт, не торопясь, шля по улице, наслаждаясь ярким сентябрьским солнцем и немного жалея, что ее дом находится совсем рядом. Вдруг она увидела, что от автомобиля, стоящего около дома, отделилась знакомая фигура. Кейт тяжело вздохнула и остановилась, глядя на бегущего к ней человека. Это был Джулиан. Он вернулся.

– Нет, Джулиан! Мне очень жаль. Нет.

– Но, Кейт, пожалуйста! Я люблю тебя.

– Как ты можешь так говорить? За два месяца я от тебя получила две несчастных открытки! – Кейт так сильно вцепилась в подлокотники кресла, что ее пальцы побелели. Она не могла… не должна сдаваться.

– Послушай, Джулиан. Мне оскомину набили твои разговоры о сложных семейных отношениях и обстоятельствах. Я начинаю думать, что все это просто отговорки, чтобы снова и снова обещать мне какие-то перемены, которые произойдут после дождичка в четверг. За все это время ты ни разу не удосужился набрать мой номер.

Джулиан виновато покачал головой.

– Нет, но…

– Хватит отговорок! Я и так слишком много пережила, поверь. Нам лучше расстаться. Закончим на этом, Джулиан!

Он провел ладонью по волосам, вид у него был крайне растерянный и удрученный.

– Послушай, мне на все наплевать! Только ты мне нужна. Я заказал номер в прекрасном отеле в Париже, мы едем туда на следующий уик-энд.

– Сожалею, я занята. Возьми с собой Верену или еще кого-нибудь из своего круга, ведь они достойны королевской крови.

– Кейт, пожалуйста, послушай. Я рассказал матери про тебя, и она хочет с тобой познакомиться. Она совсем не против наших отношений.

– О! Молодец, мамочка, браво! Джулиан, ты, кажется, не понимаешь. Я почти два месяца ни слова от тебя не слышала, тебе на

это было наплевать, и вот ты явился и ждешь, чтобы я, бросив все, летела, куда ты задумал. Пожалуйста, оставь меня, уходи!

– Кейт, но ты не хочешь, чтобы я ушел. Я знаю, что ты любишь меня. – Он подошел к ней, но она отшатнулась, понимая, что если позволит прикоснуться к себе, – все пропало.

– Кончено, Джулиан! Найди себе кого-нибудь, кто смог бы тебя понять и мириться со всеми сложностями твоего аристократического быта. Я больше не могу.

– Но мне не нужна другая девушка! Мне нужна ты.

– Сожалею… Уходи.

– Ладно, – он умоляюще посмотрел на Кейт. – Позволь мне хотя бы позвонить тебе через неделю. Может, ты к тому времени передумаешь, и мы сможем…

– Не передумаю! Я не хочу, чтобы ты звонил.

Кейт встала, подошла к двери и открыла ее. Джулиан медленно последовал за ней к выходу.

– Значит, прощай?

– Да.

Втянув голову в плечи, он пошел прочь, а Кейт отвернулась, чтобы не выдать своего состояния. Внезапно Джулиан повернулся к ней.

– Ответь на последний вопрос. Можешь ли ты прямо сказать, что больше меня не любишь?

Кейт посмотрела на него и выдержала его пристальный взгляд.

– Да, Джулиан, не люблю.

И захлопнула перед ним дверь.

Глава 34

«Мисс Мадлен Винсент и мистер Саша Лобов танцуют знаменитое па-де-де Синей Птицы из балета «Спящая красавица». Эта молодая пара быстро выдвигается на первые роли в Королевском Национальном балете. В этой балетной труппе, как и в постановке «Синей птицы», мы имеем дело с семейной династией. Иветта Дениз, танцующая заглавную партию, – теща мистера Лобова и приемная мать мисс Винсент, а Николь Дениз, дочь Иветты и законная жена мистера Лобова, занята в роли Феи Сирени. Удивляетесь? Бутылку шампанского любому, кто сможет разгадать, какие отношения существуют между мистером Лобовым и мисс Винсент.»

Николь швырнула на пол «Мейл он Санди», открыла холодильник, достала початую бутылку вина и налила полный стакан. Сделав глоток, она прислонилась к окну и тала смотреть на чистый, безукоризненно аккуратный садик перед домом.

Саша где-то пропадал, хотя было воскресенье, единственный день недели, когда они могли быть только вдвоем в их прекрасной квартирке в Холланд Парке. Эту квартиру им подарила Иветта, однако после венчания они с Сашей провели вместе от силы дня три. Хуже всего было то, что в воскресные дни Саша обычно вставал очень рано, уходил еще на рассвете и зачастую не возвращался до глубокой ночи. Николь однажды дождалась его прихода и устроила сцену, требуя объяснения, но Саша вместо ответа выразительно пожал плечами, состроил презрительную мину и ушел в свободную спальню, хлопнув дверью. Остаток ночи Николь провела, терзаясь догадками, где ее муж проводит все свое время.

Впрочем, ей не приходилось долго искать ответа на этот вопрос. Она подозревала, что он ходит к Мадди, и именно Мадди виновата в том, что происходит у них с Сашей.

Вот и сейчас, стоило об этом подумать, Николь охватила бешеная ярость. Она налила еще бокал вина и пошла в гостиную. Усевшись на диван, Николь снова предалась мрачным размышлениям.

Когда Саша просил ее руки, он обещал, что она станет и его партнершей, поскольку они теперь супруги. И что же? Два месяца назад он пришел домой и спокойно объявил, что он и Мадди получили

главные партии в балете Дэвида Браэрлея. Для Николь слабым утешением было знать, что она и ее соперница считаются потенциальными солистками и смогут ими стать в ближайшем будущем. Мадди сейчас уже была партнершей Саши, и этого было достаточно. Партнером Николь стал способный, но далеко не блестящий Джон. Узнав о такой вопиющей несправедливости, Николь рвала и метала, однако Саша все так же хладнокровно заявил, что это решение принимал не он, поэтому ей лучше пойти и поговорить с Антоном. Николь так и сделала, но это ничего не дало.

Впрочем, у нее не было сомнений, что Саша сам мог попросить дирекцию, чтобы партнершей была его жена, и все могло бы быть совсем по-другому.

С недавних пор у Николь появились серьезные сомнения относительно мотивов, заставивших Сашу жениться на ней. Когда они переехали в новую квартиру, он объявил, что предпочитает спать один, и в тот же день перебрался в свободную комнату. Ни ее раздражение, ни униженные просьбы не заставили его изменить свое решение. И вот уже почти месяц они не занимались любовью. Она все чаще вспоминала слова Мадди, сказанные о Саше. А что, если он действительно использовал ее, чтобы остаться? Может, Мадди сказала правду, и ее муж – «голубой»? Однако Николь вспомнила, каким воплощением мужественности он был на сцене, и подумала об армии поклонниц, осаждающих его гримерную, и решительно отбросила эти сомнения. Все это чистейшая ерунда.

Это Мадди украла у нее мужа.

Николь взяла газету и стала рассматривать фото с изображением Саши и Мадлен. Ее муж смотрел в глаза партнерши с выражением, которое и назвать нельзя было иначе, как любовь. Они вместе проводили много времени на репетициях и спектаклях, их партнерство становилось, в конце концов, фундаментом для того, чтобы они стали новыми Нуриевым и Фонтейн. А Николь в это время будет сидеть дома в одиночество или танцевать какие-то дурацкие сольные партии. Ей было ясно, что очень скоро Мадди и Саша станут ведущими солистами в труппе Королевского Национального, и это еще крепче сцементирует их любовную связь.

А она останется с носом, лишится мужа и сцены. Нет, это нельзя терпеть дальше.

Самым скверным было то, что Николь по-прежнему безнадежно любила Сашу. Лежа в одиночестве, она не могла не думать ни о ком, кроме него, и до боли желала его. То, что он был совсем рядом, делало ситуацию еще более драматичной. Однажды Николь не выдержала, среди ночи пришла в его комнату и легла рядом с ним. Но едва она попробовала поцеловать мужа и сделала попытку прикоснуться к нему, как Саша оттолкнул ее со столь очевидным отвращением, что она больше никогда не пыталась этого делать. Последние несколько недель Николь ломала голову, как ей вернуть мужа, и с этой целью перепробовала всевозможные способы. Нижнее белье, алкоголь, пища – ничего не помогало. Она сделала попытку поговорить с ним, надеясь, что сможет стать ему ближе, – снова неудачно. Они были мужем и женой, жили под одной крышей, но Николь чувствовала и понимала, что они с Сашей абсолютно чужие друг другу. Их свадьба, их семья – все оказалось фальшивкой, подделкой.

Николь приходила к выводу, что ей следовало бросить все и подать на развод. Но так она перед всем миром признает свое поражение. Ее гордость не позволяет так поступить, особенно, если окажется, что ее подозрения верны, и Саша от нее направляется в объятия Мадди.

Николь взглянула на улицу. По пустынному тротуару шла парочка юных влюбленных. Они шли, тесно прижавшись друг к другу, взявшись за руки, и она почувствовала, как у нее от обиды защипало в глазах. Все могло бы быть так и у них с Сашей, если бы не эта сука Мадди! Может быть, это и не Сашина вина. Это Мадди соблазняет его, чтобы унизить свою соперницу.

Николь в ярости швырнула пустой бокал в камин, и по комнате разлетелись сотни стеклянных брызг.

Так, хватит бездействовать! Она пыталась сделать все, что могла, а теперь пора составить новый план. Во-первых, нужно узнать, насколько основательны ее подозрения. В следующий раз, когда Саша уйдет из дому, она пойдет за ним и выследит его.

– Если только я права, даже Господь не поможет тебе, Мадлен Винсент, – сквозь зубы процедила Николь и пошла за новым бокалом.

Глава 35

Мадди посмотрела на часики. Было воскресное утро, половина одиннадцатого. Саша и Игорь должны прийти ровно в одиннадцать. Обычно она была не против того, чтобы они использовали ее квартиру как место для свиданий, но сегодня ей очень хотелось побыть одной. Она жутко устала и хотела только одного – отдохнуть.

Зазвонил телефон, и Мадди торопливо сняла трубку.

– Алло, Мадлен. Это Игорь. Ты знаешь, я сильно простудился и не приду сегодня. Пожалуйста, извинись за меня перед Сашей. Я должен оставаться в постели.

– Конечно, я передам. Выздоравливай. Пока!

Мадди повесила трубку, радуясь, что сегодня ей не придется на целый день уходить из дома. Она хотела позвонить Саше, но он, должно быть, уже вышел. Ладно, в конце концов, они могут выпить кофе и посмотреть старый черно-белый кинофильм. Снова зазвонил телефон.

– Алло, прекрасная незнакомка. Это Себастиан.

– Ах, боже мой! Откуда ты? Не видела тебя уже целую вечность. Как ты?

– Все отлично, спасибо.

– Я слышала о твоей награде, поздравляю.

– И я тебя поздравляю. Я заметил, что твои фото стали появляться в газетах с пугающей регулярностью. Похоже, я говорю с восходящей звездой балета?

– Да, – Мадди улыбнулась. – Наверно, мы с Сашей в новом сезоне получим первые главные роли. Поговаривают о «Лебедином озере».

– О, Господи! Ужас для любой балерины. Эти кошмарные тридцать два фуэте…

– Ну и что? Зато какая возможность проявить себя! Я всю жизнь мечтала танцевать Одетту-Одилию.

– Я помню. Мадди, нам нужно обязательно встретиться. Не будешь против, если я тебя приглашу пообедать как-нибудь вечером на следующей неделе?

– Скорее всего, это было бы возможно после «Спящей красавицы».

– Ну, конечно. Я закажу столик в «Де Ами ду Вин» часов на одиннадцать и расскажу тебе свои новости. Нам о многом нужно поговорить.

– О'кей, Себастиан, это будет здорово! Встретимся у служебного входа…

В это время позвонили в дверь.

– … Мне надо открыть, Себастиан. Наверно, Саша пришел.

– Увидимся в среду.

– Пока!

Мадди повесила трубку и пошла открывать дверь.

Гнев охватил Николь, когда со своего наблюдательного пункта она увидела, что Саша подошел к дому, где на первом этаже была квартира Мадлен Винсент. На глазах у нее появились жгучие слезы ярости и ревности. Не было смысла идти за ним в дом. Она выпьет эту чашу до дна, но получит полную информацию о муже.

Дрожа от холода, Николь почти час стояла, глядя на дом напротив.

Наконец, когда от холода совсем онемели ноги, она решила уйти. Что и говорить, она давно подозревала, что у Саши роман на стороне, но правда оказалась слишком горькой.

Кроме того, Мадди и Саша получат главные роли в «Лебедином озере». Невозможно представить, но Саша получил роль Зигфрида, а Мадди будет танцевать Одетту – это мечта любой начинающей балерины.

В груди Николь разгорались месть и безумная ярость. Дальше так продолжаться не может!

Мадлен Винсент украла у нее и роль, и мужа, и партнера.

Глава 36

Розы появились у дверей на следующий день после того, как Кейт сказала Джулиану, что все кончено. Сначала это была красная роза с прикрепленной запиской: *«Одна роза за один день разлуки. Я люблю тебя. Дж.»*.

Кейт выбросила цветок и записку в мусорное ведро, но на следующий день принесли две розы с запиской: *«Две розы за два дня разлуки. Я люблю тебя. Дж.»*.

Вскоре она стала получать за неделю больше сотни цветов. Тогда Кейт стала передавать розы в местную больницу. Она была уверена, что Джулиан долго не выдержит.

И ошиблась.

Через три месяца эти роскошные цветы стали для нее причиной головной боли. Сладким нежным ароматом пропитался воздух в ее квартире и вся одежда. Однако Кейт держалась – без слов бросала телефонную трубку, когда звонил Джулиан, и старалась сосредоточиться на своей работе. Она с увлечением глотала книги, из которых могла почерпнуть что-то новое о тонкостях антикварного дела. Буквально запоем прочитала «Путеводитель по античности» Миллера и другие книги. Чтобы занять себя на выходные, она ходила на аукционы вместе с Уильямом Беннетом и смотрела, как Уильям делает покупки.

А розы всё продолжали приносить.

К началу сентября Кейт поняла, что ее решимости хватит ненадолго. Конечно, Джулиан любит ее, если совершает все эти безумства. Ведь это обходится ему недешево.

Однажды в субботу она нежилась в ванной, наслаждаясь бездельем и покоем. В прихожей раздался звонок.

Кейт не обратила на него внимания, полагая, что это молочник пришел за деньгами. Но звонок раздался вновь.

Чертыхаясь и проклиная все на свете, она вышла из ванной и направилась в прихожую. Сняла трубку переговорного устройства и спросила:

– Да?

– Это я, Джулиан… Пожалуйста, Кейт, позволь мне войти.

– Нет.

Ее сердце забилось так, словно готово было выскочить из груди. А звонок раздавался снова и снова, буравя воздух, раздирая барабанные перепонки. В отчаянии Кейт бросилась в спальню, упала на кровать и накрыла голову подушкой, чтобы не слышать этого назойливого звона. Через некоторое время она отбросила подушку – звонки прекратились. Она облегченно вздохнула, и в это мгновение раздался стук в дверь. Она накинула халат и на негнущихся ногах пошла открывать. За дверью стоял он.

– Привет. Твои соседи снизу впустили меня. Господи, как ты хорошо выглядишь!

– Нет, не хорошо. Уходи, Джулиан! – Она попыталась захлопнуть дверь, но ей это не удалось.

– Пожалуйста, подожди, Кейт. По крайней мере, дай мне войти и выслушай.

– О'кей, входи, но только на пару минут. Я собираюсь уходить.

– Ну да? – улыбнулся Джулиан. – Ты всегда гуляешь в купальном халате?

Кейт, ничего не сказав в ответ, повернулась и пошла в гостиную. Джулиан последовал за ней.

– Ну, выкладывай, что ты хотел сказать, и уходи.

– Ты получала цветы?

– Да…

– Они тебе понравились?

– Местный госпиталь выражает тебе благодарность.

– Я люблю тебя, Кейт. Не могу тебя забыть, и если ты все еще не хочешь меня простить, мне придется прибегнуть к еще более решительным действиям.

– Можно поинтересоваться, к каким именно? – холодно осведомилась Кейт, чувствуя, что силы ее на исходе.

– Я буду присылать в два раза больше роз, найму бродячих музыкантов, и они каждую ночь будут петь серенады, а потом…

– Я хочу, чтобы ты оставил меня в покое.

– Итак, ты хочешь сказать, что больше меня не любишь? Так это понимать?

Кейт устало опустилась на диван.

– Да, именно так.

– Я тебе не верю!

– Это твое право.

Джулиан без приглашения сел в кресло.

– О'кей, полагаю, что мне ничего не остается, как выложить козырную карту. Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Кейт изумленно уставилась на него.

– Не будь смешным, Джулиан. Ты творил все эти сумасбродства и романтические глупости, но не лгал.

– Я и сейчас не лгу. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Кейт внимательно посмотрела ему в глаза, и Джулиан ответил ей таким же внимательным, серьезным взглядом. Тогда она, совершенно растерявшись, нарушила молчание, не желая сдаваться и пытаясь сохранить неприступную холодность.

– Ах, вот как?!

– Ну, с одной стороны, торговцы цветами смогут отдохнуть, а с другой…

– Уходи, Джулиан! Ты играешь в очень жестокую игру, я этого больше не хочу.

Не слушая ее, он встал, опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

– Это не игра, Кейт. Я не прошу тебя отвечать сейчас, но очень хочу, чтобы ты стала моей женой. Я заказал номер в парижском отеле, куда мы не поехали в прошлый раз. Мы поедем туда на этот уик-энд. Хорошо? Прошу тебя, дай мне шанс доказать, что я не такой подлец и негодяй, как ты думаешь. Пожалуйста, Кейт!

– Полагаю, нам надо отправиться туда на разных самолетах, чтобы, не дай Бог, пресса чего-нибудь не учуяла. А там ты просидишь весь уик-энд за зашторенными окнами, чтобы никто не заметил меня рядом.

Кейт саркастически улыбнулась.

– Да нет же, нет! Если хочешь, можешь кричать об этом на всех углах. Больше не будет тайных свиданий, – горячо заверил Джулиан. – Я сам хочу, чтобы все знали. Ну так что, да?

Слезы застлали ее глаза. Девушка закрыла лицо и шепотом ответила:

– Мне так тебя не хватало, Джулиан…

Тогда он встал с колен и заключил ее в объятия. Нежно целуя ее мокрые от слез глаза, он выдохнул:

– Я тоже скучал по тебе, любимая… Очень…

Глава 37

– Себастиан! – Мадди обняла красивого молодого человека, поджидавшего ее у служебного входа.

Нежно прижав девушку к груди и отступив на шаг, он восхищенно взглянул на нее.

– Как ты выросла за то время, что я тебя не видел!

– Принимаю твои слова как комплимент при условии, что ты не будешь болтать о моих веснушках, – засмеялась Мадди и подала руку Себастиану. – Веди меня ужинать, я умираю с голоду.

Они вышли и направились к ближайшему ресторану. Себастиан вновь украдкой взглянул на девушку. Он просто не верил своим глазам и удивлялся, как она изменилась с момента их последней встречи. Ее лицо слегка округлилось, утратив угловатость черт, характерную для девочки-подростка. Голубые глаза Мадди не сияли детским восторгом, а загадочно мерцали, и временами в их глубине загоралось синее чувственное пламя пробудившейся женственности. Волосы ее стали длиннее и лежали вокруг лица, словно светлое пушистое облако.

Сидя в ресторанчике и глядя на официанта, зажигающего свечи на их столике, Мадди думала о том, как хорошо снова видеть Себастиана. Только сейчас, глядя на него, она впервые поняла, почему Кейт безумно влюбилась в него. Несомненно, ее друг детства чрезвычайно красивый молодой человек!

– Прежде, чем начнем пировать, я хочу сказать, что очень сожалею. Я вела себя ужасно глупо последний раз, – Мадди густо покраснела. – Все было просто ужасно, а я во всем обвинила тебя. Ты на все лето уехал в Италию, и мы так и не объяснились. Прости меня, пожалуйста.

Себастиан улыбнулся.

– Извинения принимаются. Помнится, я и сам вел себя не очень тактично. Жаль, что мы так долго не виделись. Давай забудем об этом. Как замечательно, что я снова тебя вижу, Мадди!

– Я тоже очень рада. Расскажи мне про Италию, как ты получил там приз.

Себастиан рассказал, как он занимался в Италии с одним известным музыкантом, о престижной награде, которую присудили за

его мюзикл. Мадди, слушая его, внезапно поймала себя на мысли, что ей, оказывается, его страшно не хватало.

– Я был так поражен, когда мне присудили первую премию… Еще вина?

Мадди кивнула. Он наполнил ее бокал, подошел официант.

– Там было пять соискателей, и все, по-моему, гораздо талантливее меня. Собственно, этот конкурс скорее напоминал смотрины. Там присутствовало много известных композиторов, даже Ллойд Уэббер, ты хорошо знаешь его. Он подошел ко мне и поздравил с наградой, но чертовы продюсеры… – Себастиан тяжело вздохнул. – Все смотрели, хвалили, однако за последние несколько месяцев не было ни одного предложения. Телефон молчал, как надгробие. Похоже, его вообще надо выбросить за ненадобностью.

Себастиан поковырял вилкой в тарелке.

– Ну, сколько тут времени прошло! Я уверена, что у тебя все наладится.

– Может быть, – он пожал плечами. – Только, видишь ли, милая Мадлен, проблема в том, что никто не может питаться воздухом. Я уже два месяца не плачу за жилье, и меня запросто могут выставить на улицу, а у меня сейчас за душой ни гроша. Нужны деньги, чтобы послать письмо, позвонить по телефону или угостить кого-нибудь обедом.

– Но так не будет продолжаться вечно, Себастиан. Я уверена в этом. Что-нибудь изменится, я знаю твердо.

– Возможно… Но до чего глупое положение, когда, получив первый приз, хвалебные отзывы, прекрасные рецензии в прессе, я ем печеную картошку с бобами, которая стала моим единственным блюдом. Самое плохое в этой истории то, что мне предложили место в филармоническом оркестре. Я несколько недель водил их за нос, потому что я не очень хочу работать пианистом в оркестре. Но и деньги тоже очень нужны, а дирижер не будет долго держать место вакантным.

– Все-таки, Себастиан, ты не должен делать того, чего не хочешь. Ведь это совершенно бессмысленно, даже если очень нужны деньги. Старайся достичь того, о чем мечтаешь, и я уверена, что-то изменится. Да, кстати, – Мадди улыбнулась, – за этот обед плачу я.

Он изумленно поднял брови.

– Предоставь это мне. В конце концов, это я тебя пригласил.

– Не валяй дурака. Из нас двоих работаю только я.

– Ладно, а то я уже хотел идти мыть посуду в подсобное помещение. Ну, раз ты уверена, что…

– Абсолютно, – прервала его Мадди, – как и в том, что ты пригласишь меня к себе и приготовишь печеную картошку. Вот так.

– Ха! Решено! А теперь расскажи о себе.

Они просидели до закрытия ресторана. Когда официанты стали составлять стулья и, зевая, убирать зал, Мадди и Себастиан вышли на улицу.

– Должен сказать, что у меня уже целую вечность не было такого замечательного вечера, – задумчиво сказал молодой человек и привлек девушку к себе. – Знаешь, я очень скучал. Мне тебя ужасно не хватало все это время, хотя ты и упрямая, характер у тебя дрянной, и все такое…

Мадди подняла на него глаза, чувствуя, как внезапно сильно забилось сердце и перехватило дыхание. Глядя в его красивое лицо, она, замирая от восторга, прошептала:

– Мне тоже тебя не хватало. Давай встретимся в следующее воскресенье у меня, договорились?

– Приду обязательно.

Тогда Мадди слегка отстранилась, на клочке бумаги написала адрес и дала его Себастиану. Затем она оглянулась в поисках такси. Увидев приближающуюся машину, девушка остановила ее и повернулась к спутнику.

– Спокойной ночи, Себастиан. Спасибо за прекрасный вечер.

– Думаю, что я должен быть благодарен тебе и твоей чековой книжке, – молодой человек помог ей сесть в такси и закрыл дверцу.

– До воскресенья.

– До встречи.

Себастиан проводил взглядом машину и медленно пошел к Трафальгарской площади. Он стоял на остановке в пестрой толпе запоздавших гуляк, среди смазливых юнцов, алкоголиков, девиц определенной профессии и думал о том, что с этой ночи его отношения с Мадди совершенно изменились.

Она уже не маленькая девочка. Нескладный подросток, угловатая подруга его детства превратилась в прекрасную молодую женщину.

Она может обеспечить свою жизнь и добиться большого успеха.

Сейчас Себастиан гордился ею. Ему очень захотелось стать частью ее жизни. Очень важной частью.

Глава 38

– Мадлен, после занятий нас просят зайти к Антону, – сказал, улыбаясь, Саша, когда артисты труппы собрались к девяти утра в балетной студии. Мадди улыбнулась в ответ. Она знала, что сегодня их день. – Мы дадим вам возможность попробовать себя в «Лебедином озере» в роли Зигфрида и Одетты. Что вы на это скажете? – спросил Антон, выдержав многозначительную паузу после того, как молодые танцоры вошли в его кабинет.

– Это прекрасная возможность. Большое спасибо, Антон, – сказал Саша.

– Мадлен, а ты готова к этому?

– Думаю, что да, – ответила девушка, с трудом удерживаясь, чтобы не перемахнуть через стол и не задушить Антона в объятиях.

– Хорошо, хорошо… Я организую репетиции. Предстоит тяжелая работа, но, думаю, вы докажете, что можете с этим справиться. Подстраховывать будут Николь с Джоном. Они, на мой взгляд, неплохо вас заменят в случае чего. Начинаем на следующей неделе, так что у вас будет почти полтора месяца, чтобы как следует отрепетировать партии. А сейчас идите домой и хорошенько отдохните. На следующей неделе предстоит большая работа.

Антон улыбнулся на прощание.

Саша и Мадлен, выйдя в коридор, закружились в безумном танце.

– Мы добились этого, Мадлен! – Саша поцеловал ее сияющее лицо. – Ну, а теперь я должен идти домой и повидать Николь. Не сомневаюсь, что она не испытает особого счастья, когда я сообщу ей эту новость. Увидимся в понедельник. Желаю хорошо повеселиться.

– Спасибо, – Мадди поспешила в душевую. Через несколько минут она уже бежала по улице, собираясь сделать кое-какие покупки. Себастиан придет к ужину, и ей пришло в голову купить по этому случаю бутылку шампанского. Да, сегодня, по правде говоря, было что отметить!

Супермаркет, в который Мадди забежала по пути, был битком набит покупателями. Девушка быстро наполнила продуктами две большие сумки, расплатилась и побежала домой. Входя в квартиру, она чувствовала радостное возбуждение от предстоящей встречи. Мадди

прошла на кухню, поставила покупки на стол и стала их разбирать, чтобы приготовить праздничный ужин. Шампанское она поставила в холодильник, нарезала лук, грибы и чеснок и добавила их к мясу, залив небольшим количеством бульона. Включив печь и поставив туда блюдо с мясом, девушка направилась в спальню, размышляя, какой выбрать наряд. Задача оказалась не из легких. Проведя возле своего шкафа полчаса, Мадди так ничего и не придумала.

– Ну же, Мадди, это ведь Себастиан. Он тебя видел и в худших нарядах, – сказала она своему отражению в зеркале и опять стала перебирать одежду.

За несколько встреч в течение последних четырех недель в душе у Мадди созрело новое, более глубокое чувство к Себастиану. Ее переполняло ожидание новых встреч. Простившись с ним, она начинала считать дни до нового уик-энда, когда можно будет его снова увидеть.

– Зачем я мучаюсь! – ругала себя Мадди, стаскивая через голову очередное платье и швыряя его на заваленную одеждой кровать. – Все равно он по-прежнему считает меня ребенком.

Наконец она остановилась на коротенькой юбочке, подчеркивающей, по ее мнению, единственное, что заслуживало внимания, – ее длинные стройные ноги. К юбке она подобрала красивую обтягивающую блузку. Затем слегка подкрасила губы, наложила немного косметики, в этот момент раздался звонок в дверь.

– Ч-ч-черт! – Мадди сгребла валявшуюся на кровати одежду, швырнула в шкаф и пошла открывать.

– Привет! – Себастиан шагнул навстречу и достал бутылку вина. – Вот, дешевое, веселящее, зато от сердца.

– Я тоже кое-что купила специально для нас, чтобы выпить по достойному поводу.

Себастиан удивленно приподнял бровь.

– Празднуем?

– Да, – Мадди подошла к холодильнику и достала шампанское. – Открой, пожалуйста.

Молодой человек взял бутылку и озабоченно нахмурил брови.

– Тэк-с, дай-ка я попробую отгадать, какой у нас сегодня повод…

Он медленно разворачивал золотистую фольгу.

– … Шехерезада снова ждет детей?

Девушка улыбнулась и отрицательно покачала головой.

– Нет.

– Николь Дениз решила оставить карьеру танцовщицы, стала миссионеркой и улетает в Ботсвану.

Мадди хихикнула:

– Нет.

– Э-э-э… – Себастиан задумчиво поскреб подбородок. – Пожалуй, я слишком тороплюсь принимать решения. Дай подумать… Может, эти ребята в Королевском Национальном настолько посходили с ума, что предложили тебе партию Одетты-Одилии в «Лебедином озере»?

– Да! – взвизгнула Мадди, и пробка от шампанского, издав восхитительный хлопок, взлетела в воздух.

Себастиан налил искрящуюся золотом жидкость в два высоких бокала и передал один девушке.

– Это превосходная новость! Я тобой восхищаюсь! Прими мои поздравления.

– Спасибо.

– Ну что же, я хочу выпить за новую солистку Королевского Национального балета. Пусть твоя карьера будет долгой и успешной. Пьем!

– Пьем!

Себастиан поставил бокал.

– Нет, серьезно, Мадди, мне не хотелось бы быть сентиментальным, но я смотрю на тебя и вспоминаю, как ты была еще маленькой девочкой. Ты так мило выглядела в своем платьишке и панталончиках. Кто бы мог подумать, да?

Мадди шутливо хлопнула его по спине.

– Ну, а ты как? Есть новости на этой неделе? – спросила она, направляясь к плите, чтобы проверить, не готово ли мясо.

– Никаких. Самая волнующая новость – я вчера получил пособие по безработице.

– А твоя мать? Она же должна помочь?

– Нет, Мадди. Я не могу просить ее помощи, если столько лет без нее существовал. Но что-то я должен предпринять, иначе просто загнусь. На этой неделе наш ужин – первая нормальная еда, между прочим.

Мадди нахмурилась.

– Ты явно сгущаешь краски.

– Я это и сам знаю. Это неотъемлемая часть моего шарма. Ладно, хватит говорить о моем нудном житье. Мы сегодня отмечаем твой успех. Расскажи лучше о своем разговоре с Антоном.

Через двадцать минут Мадди поставила на стол блюдо с мясом.

– Это будут три суровых месяца, – сказала она, приглашая Себастиана к столу и усаживаясь сама. Себастиан не заставил себя долго упрашивать.

– М-м-м, как вкусно, Мадди, – похвалил он. – Слушай, мне жутко интересно, как твоя ведьма-сестричка отреагирует, когда узнает эту новость.

– Ее поставили моим дублером. Ей это, конечно, не понравится, да и мне не улыбается иметь за спиной такую стерву. Теперь я должна быть предельно внимательна, чтобы случайно не поскользнуться на банановой кожуре. И это не шутки.

– Да, знаю, – махнул рукой Себастиан. – А ты вообще забудь о ней. В конце концов, она просто неприятный эпизод на твоем пути к славе и успеху. Давай еще выпьем!

Час спустя Мадди чувствовала себя немного пьяной и очень счастливой. Они сидели на диване, слушали музыку и разговаривали о Кристофере.

– Мадди, – внезапно сказал Себастиан, – я не хочу показаться неблагодарной скотиной, но скажи мне, не думаешь ли ты, что твой отец обязан своей карьерой Иветте?

– Возможно. Но ты должен все равно признать, что мой папа талантлив. Он заслужил такой шанс. А если ему и помогли немного, то что из того? Ты бы видел его, Себастиан! Он так счастлив! Что бы я ни испытывала к Иветте, она оказалась хорошим другом для него.

– Удивительно, как может любовь изменить человека, правда, Мадди? – тихо сказал Себастиан.

– Да, – девушка внимательно посмотрела на него.

В воздухе внезапно повисла напряженная тишина. Себастиан первым нарушил молчание. Перехватив взгляд Мадди, он, запинаясь, произнес:

– Знаешь, я не очень хорошо умею это… Словом, можно я тебя поцелую? Ты не будешь против?

Мадди покраснела и покачала головой.

– Нет.

– Вот и хорошо, потому что я все равно хотел это сделать.

Он приблизил свое лицо к лицу девушки, и она закрыла глаза, чувствуя, как его губы прикоснулись к ее губам.

Через пять минут они словно воспарили в небеса и оторвались друг от друга, когда стало не хватать воздуха. Мадди внезапно застеснялась, чувствуя незнакомое раньше смущение, и прижалась к плечу Себастиана. До нее, словно сквозь туман, донесся его шепот:

– Ты хоть представляешь себе, сколько времени я хотел это сделать?

– Знаю. С той минуты, как увидел меня в платьице и панталонах, правда?

– Нет, не тогда, – он рассмеялся и обнял девушку, взъерошив ей волосы. – Здорово все-таки, правда?

Миновали еще два часа. Мадди и Себастиан беспрерывно ласкали друг друга, целовались, наслаждаясь новыми ощущениями удивительной близости.

Внезапно юноша посмотрел на часы.

– Ого, уже половина третьего. Похоже, метро закрыто.

– Конечно. Если хочешь, можешь остаться у меня.

– Спасибо. А то, право же, не улыбается шагать несколько миль пешком.

Мадди отодвинулась от него.

– Себастиан, знаешь что? Давай не будем торопиться.

– Ну, конечно, не будем, родная, – улыбнулся он.

– Спасибо… Ты не обижайся, просто… Ну, у меня не очень удачный опыт и…

– С Сашей в ту ночь после рождественского бала?

Мадди изумленно уставилась на него.

– Да. А откуда ты знаешь?

– Видишь ли, любовь моя, когда я зашел к тебе на следующий день, у тебя был такой вид… Печальное зрелище, доложу я тебе. Кроме того, второстепенные, но очень красноречивые детали, вроде одежды, разбросанной по комнате, двух чашек с остывшим кофе, дивана, над которым словно ураган прошел…

– Хватит, – помрачнев, сказала она.

– Прости, я больше не буду смеяться…

– Послушай, Себастиан, тебе совсем нет необходимости ложиться в этой комнате. Надеюсь, ты дашь слово, что не…

Его пальцы прикоснулись к ее губам.

– Конечно, даю слово…

Когда Мадди проснулась утром, она обнаружила, что лежит, удобно устроившись, рядом с мускулистым и горячим мужским телом. У нее появилось незнакомое прежде, волнующее чувство защищенности и собственной слабости.

В следующую секунду по ее телу пробежала дрожь возбуждения. Себастиан слегка пошевелился. У нее появилось безотчетное желание сбросить с себя всю одежду, включая майку и трусики, и прижаться обнаженным телом к нему. Его рука лежала у нее на бедре, она чувствовала тепло его ладони, и это прикосновение было тоже незнакомым и удивительно приятным. Мадди повернулась к спящему молодому мужчине и, склонившись над ним, нежно поцеловала в губы. Себастиан, не открывая глаз, ответил на ее поцелуй, и в следующую минуту Мадди почувствовала, как его рука легла ей на спину и скользнула под майку. Мадди вздрогнула от пронзившего ее острого желания.

– Себастиан, я хочу тебя, – прошептала она, закрыв глаза, и услышала его полусонный голос.

– Ты уверена, Мадди?

– Да.

Тогда он снова поцеловал девушку, и она, все сильнее прижимаясь к нему, почувствовала, как напряглось его тело от нарастающего желания.

– Ты знаешь, что мы не сможем… то есть, что если… у нас может получиться ребенок, – запинаясь, тихо сказал Себастиан.

Мадди закрыла ему рот поцелуем, не желая думать о таких технических деталях. Рука Себастиана шарила по ее телу, по спине, ягодицам и, наконец, когда она уже стонала от нетерпения, его ладони легли на упругие и нежные полушария ее грудей. Девушка торопливо стянула с себя майку и легла на спину, сквозь дымку желания замечая, как голова мужчины склонилась над ее грудью.

Что-то удивительно возбуждающее было в том, как взрослый, сильный мужчина, словно дитя, прильнул губами к ее соскам. В это время его рука скользнула по ее животу вниз, к ее тонким

полупрозрачным трусикам, затем проникла в них, и его ладонь легла на лобок девушки. Мадди застонала от наслаждения, когда почувствовала, как внутрь ее нежно и бережно проник палец Себастиана. Мужчина принялся ласкать самые интимные части девичьего тела. От острого наслаждения она судорожно изогнулась всем телом, широко раздвинув ноги, словно целиком стараясь раскрыться навстречу этому восхитительному чувству. И затем, едва не теряя сознания, она ощутила, как ее трусики, подчиняясь руке Себастиана, поползли вниз…

Потом, когда Мадди лежала, наслаждаясь покоем, Себастиан целовал ее лицо и тихо говорил:

– Как ты прекрасна, девочка моя, как ты прекрасна…

У нее на глазах появились слезы, и она, не скрывая их, уткнулась ему в плечо, наслаждаясь своей беззащитностью.

Впервые в жизни Мадди чувствовала себя красивой.

Глава 39

«Виконт Форбс наслаждается поцелуем черноволосой красавицы мисс Катарины Джонсон во время тайного свидания в Риджент Парке. Эту пару последние три месяца всюду видят неразлучной. Мисс Джонсон – дочь крупного издателя и газетного магната Натаниэля Джонсона, чьи компании сейчас испытывают определенные затруднения. Дела империи Джонсона и ее финансовое положение расследует управление по финансовым преступлениям. Как известно, следствие началось после сенсационных разоблачений в нашей газете. Доклад отдела экономических преступлений будет готов к середине апреля. Тем не менее, мисс Джонсон, работающая продавцом антиквариата, неразлучна с виконтом Форбсом. Их друзья заявляют, что виконт и его подруга без памяти любят друг друга.»

Кейт прочитала статью и нахмурилась. Ей она совсем не понравилась, особенно в той части, где речь шла об отце. Оставалось надеяться, что эта заметка не попадется на глаза Джулиану.

Через три недели, на Пасху, они собирались лететь на Антигуа, чтобы Кейт познакомилась с матерью Джулиана и ее окружением. До Пасхи еще почти месяц, но уже сейчас Кейт просыпалась в холодном поту каждую ночь. Что, если его мать возненавидит ее? А вдруг внезапно появится роскошная блондинка, и Джулиан увлечется ею? А что, если Кейт выберет не ту вилку за обедом? А что, если…?

Тревожное чувство неуверенности и робости охватывало ее, как только она думала о предстоящем визите, хотя, если откровенно, Джулиан был очень доброжелателен и старался поддерживать ее.

Кейт была поражена тем, как стал трезвонить телефон через несколько дней после того, как они с Джулианом впервые появились на публике.

Девушки из школы, даже те, с которыми Кейт никогда не была дружна, стали ей названивать, желая возобновить знакомство, и наперебой приглашали их с Джулианом на вечеринки и благотворительные балы.

Прежняя Кейт жутко обрадовалась бы такому повороту, но теперь она прекрасно понимала, что интересна им постольку-поскольку, а на

самом деле им нужен только Джулиан. И все-таки приятно было ходить на вечера, чувствуя рядом надежное плечо Джулиана.

Кейт молила Бога, чтобы ее возлюбленный повторил предложение выйти за него замуж. Ей казалось, что только в этом случае она станет чувствовать себя увереннее и сможет поверить в реальность их отношений.

Накануне их отъезда на Антигуа Кейт взяла на работе выходной, чтобы без спешки сделать кое-какие покупки. Свой поход она решила начать с «Харвей Николс».

Кейт оделась и вышла на улицу, однако на выходе из здания ее осветила молния фотовспышки. Девушка от неожиданности подскочила, а в следующую секунду услышала, как неизвестный фотограф крикнул: «Спасибо, Кейт!». Он быстро вскочил в автомобиль и рванул с места.

Кейт пожала плечами и открыла дверцу своей машины. Ей было ясно, что следующие несколько недель будут последними, когда она будет частным лицом, прежде чем присоединится к самой известной семье в мире.

Глава 40

Мадди никогда не чувствовала себя более счастливой. Ее жизнь шла по очень напряженному графику, но она наслаждалась ею.

Репетиции «Лебединого озера» проходили успешно, и Антон не скрывал удовлетворения по поводу того, каких успехов достигли они с Сашей. Вечером она возвращалась домой, где ее ожидал Себастиан, и они проводили вместе все ночи напролет, смотрели телевизор или занимались любовью. Затем Мадди удовлетворенно засыпала в его объятиях.

Однажды она рассказала Себастиану о Саше и своей неудавшейся любви, а также о том, что ее партнер, несмотря на мужественную внешность, является гомосексуалистом. Она ожидала, что Себастиан будет потрясен, но он понимающе кивнул:

– Выходит, я был прав.

– В чем? – спросила девушка, удивленная таким легкомысленным отношением к этой новости.

– В том, что я видел его прежде. В тот день, когда я увидел его у тебя дома, я понял, что где-то встречал его. За несколько недель до этого бала он был на вечеринке у одного «голубого» преподавателя из Гилдхолла. Вот поэтому я и беспокоился, когда понял, что ты им увлеклась. Мне не хотелось, чтобы ты огорчилась, узнав то, что знал я. Похоже, его дражайшая половина не имеет понятия о пристрастиях мужа?

Мадди пожала плечами.

– Да кто это знает? Мы с ней совсем не общаемся. Я разрешала Саше встречаться с Игорем у меня, пока Игорь не заключил контракт с балетом «Нью-Йорк Сити». Саша сказал, что если он будет приходить сюда, это не будет выглядеть так подозрительно.

– А почему он не разведется, раз добился руки Николь и всего, чего хотел?

– Он не может. Иммиграционная служба проверяет, не фиктивный ли это брак. Если это так, то Сашу могут выслать в Россию. Поэтому ему и приходится ждать, когда он получит вид на жительство.

– Одним словом, Николь получила по заслугам, – хмыкнув, резюмировал Себастиан. – Ты знаешь, мне даже жаль эту несчастную

интриганку.

– Не растрачивай попусту свою жалость, – с чувством сказала Мадди.

За две недели до премьеры «Лебединого озера» Мадди вернулась домой и застала Себастиана таким счастливым, что он чуть не плясал от радости.

– Господи, где тебя носило? Я просто сгораю от нетерпения рассказать тебе свои новости! – Он подскочил к ней, схватил в объятия и восторженно закружил по комнате.

– Мадди! Мадди! Это случилось! Свершилось!

– Поставь меня на пол и скажи, что случилось, – улыбнулась она.

– Я потратил половину пособия по безработице и купил бутылку шампанского. Надеюсь, мне больше не придется иметь дело с грязной посудой и другой домашней работой. Бери стакан!

– Пожалуйста, Себастиан, рассказывай! Не люблю, когда ты говоришь намеками!

– Ладно, слушай! Пошел я сегодня к себе на квартиру. Сижу, читаю извещение о том, что мой телефон скоро отключат за неуплату, как вдруг раздался звонок. Звонит секретарь из «Конрад Продакшн» и говорит, что меня вызывает мистер Джой Трефьюзис. Я спокойно сижу, словно секретарь самого известного импресарио звонит мне каждый день, а потом говорю, что готов его выслушать. Ну вот, Джой говорит, что случайно слышал в Гилдхолле мою музыку, и ему мой мюзикл понравился. Джой направил запись Джасперу Конраду, и он тоже остался доволен. Джаспер предложил Джою пригласить меня на ленч, чтобы поговорить о делах. Если все будет нормально, меня пригласят в Нью-Йорк, чтобы повидать самого Джаспера Конрада. Он сейчас занят своей последней постановкой, премьера которой состоится на Бродвее в следующем месяце. Джой предложил мне подумать… В этот момент сукины дети на телефонной станции нас разъединили. Так что мне, пожалуй, стоит позвонить Джою и сказать, что я буду рад увидеться с ним.

Себастиан перевел дыхание.

– Мадди, ну разве это не здорово?

– Конечно! Я тебе не раз говорила, что нельзя терять надежду. Так когда ты встречаешься с Джоем Трефьюзисом?

– Он пригласил меня на ленч в конце недели. Правда, могут быть не очень хорошие новости для тебя, моя девочка.

– А что такое?

– Джой сказал, что, возможно, в конце месяца мне придется лететь в Нью-Йорк. А это значит, что я могу пропустить твою премьеру.

Мадди пожала плечами.

– Ну, это неважно. Конечно, я бы хотела, чтобы ты был здесь, но тебе выпал отличный шанс, и не нужно им жертвовать ради меня. В конце концов, это не последняя моя премьера.

Кажется, ей все-таки удалось скрыть разочарование. Себастиан обнял Мадди и воскликнул:

– Я так тебя люблю!

Впервые за время их знакомства он произнес эти слова. Девушка внимательно посмотрела ему в глаза:

– Это правда, Себастиан?

Ответом были его сияющие глаза и нежные слова:

– Да, любимая, да!

Глава 41

За неделю до премьеры «Лебединого озера» Николь стала приводить в исполнение свой план. Детально изучив роль, она теперь знала, что делать. Она взяла на заметку всех рабочих сцены, и ей удалось выбрать из них наиболее подходящего кандидата, который мог бы помочь ей. Его звали Джим Стюард. Николь пригласила этого парня выпить в местной пивнушке. Когда они сели за один из отдаленных столиков, она стала покупать ему пинту за пинтой. Вскоре парень изрядно набрался и дошел до нужной кондиции. Тогда Николь посвятила его в свой план.

Тот вначале решительно отказался и отчаянно замотал головой. По его мнению, это было делом опасным. Он считал, что если кто-нибудь узнает о том, что они задумали, его выгонят из театра, или того хуже. Николь возразила, что нет необходимости сообщать всем об этом. Когда она показала ему тысячу фунтов, парень стал сговорчивее.

– Это же просто генеральная репетиция, вполне естественно, что могут быть проблемы и с техникой.

Джим пожал плечами.

– Ладно, сделаю. Только чтобы никому никакого вреда! Эта сцена с озером и так очень опасна.

– Ничего такого и не будет. Просто я хочу сорвать генеральную репетицию.

– Зачем?

– Послушай, я тебе плачу тысячу фунтов, чтобы ты сорвал репетицию, а не для того, чтобы задавал вопросы, – резко бросила Николь. – Так ты возьмешься за это дело или нет?

– Даже не знаю. Все-таки рискованно. Лодка, в которой героиня будет находиться, снабжена системой электронного контроля и…

– Но ты же сказал, что отвечаешь за пуск и остановку этой штуковины.

– Да, но, может, прибавишь еще сотен пять?

Николь заплатила ему пятьсот фунтов и пообещала отдать оставшуюся тысячу после того, как Стюарт сделает все, что ей нужно.

В тот вечер она вернулась домой, впервые за много месяцев чувствуя себя почти счастливой. Если все получится, Мадди выйдет из

строя на несколько недель, и тогда у нее появится шанс показать свою власть над мужем и продемонстрировать, что ОНА может сделать.

Это будет для Мадди хорошим уроком. Она должна знать, что нельзя безнаказанно отбивать чужого мужа. И раз Мадди погрязла в таких грязных делишках, то и Николь вынуждена использовать подобные методы.

За два часа до начала генеральной репетиции Мадди приехала в Опера Хаус, чтобы как можно больше времени уделить подготовке. Себастиан за день до этого улетел в Нью-Йорк, без него квартира стала ужасно пустой.

– Удачи, мисс, – напутствовал ее старый швейцар Стэн.

– Спасибо, – улыбнулась Мадди и пошла в артистическую уборную, которую она помнила еще по своему выпускному спектаклю. Когда она увидела висевший перед зеркалом головной убор с перьями, ее охватила робость. Рядом висел блестящий белоснежный наряд Одетты, королевы лебедей, и черное одеяние ее соперницы. Предстояла всего лишь генеральная репетиция, но перед ее началом за кулисами царила такая атмосфера, какая бывает перед настоящим спектаклем. В зале уже собрались зрители, которые с нетерпением ожидали начала репетиции.

Мадди переоделась и пошла на сцену, приготовленную для первого акта.

Оформители и художник по декорациям превзошли самих себя. От сцены с озером зал должен просто замереть от восторга. Будет эпизод, когда Мадди, поднявшись на пуантах, встанет в лодке, имеющей форму большого лебедя, и медленно поплывет через всю сцену, словно по озеру. Использование световых эффектов создавало ощущение, что лодка действительно плывет по мерцающей в лунном свете воде. Вся эта красота тяжело далась стоявшей в лодке балерине. К тому же на вчерашней репетиции возникли кое-какие проблемы с механизмом. На полпути лодка стала резко раскачиваться, и Мадди чуть не выпала из нее. Оформитель обещал все исправить и устранить неполадки. Мадди оставалось только молиться, чтобы это больше не повторилось.

Она вышла на сцену, с замиранием сердца чувствуя, что наступает минута, о которой она мечтала всю жизнь.

Загорелись огни, и Мадди прошептала:

– Мама, мамочка, ты будешь сейчас со мной?

Она постояла минут десять и вернулась в уборную, где ее уже ждал костюмер, который должен был помочь ей превратиться в королеву лебедей.

Прошел еще час. Мадди слышала, как начали настраивать инструменты, до нее доносился гул зрительских голосов. Это была еще не премьера, но сотни людей сегодня увидят, как она исполнит одну из самых известных ролей классического репертуара.

У выхода на сцену стоял Саша и нервно теребил кружевной воротник рубашки.

– Никогда так не нервничал, – простонал он. – С утра поджилки трясутся.

– У меня тоже. Только не забывай, что самый важный день у нас завтра. Сегодня только репетиция. Думай так, и тебе будет легче.

– Ты права, – Саша сделал несколько движений, разминаясь. – Завтра мы должны завоевать публику и критиков.

Раздались звуки прекрасной увертюры. Саша торопливо поцеловал Мадди.

– Успокойся, – прошептала Мадди про себя. – Выйдешь на сцену, и все забудешь.

Снова возникла мысль о матери. Полилась музыка, и Мадди легко, как настоящий лебедь, выплыла на сцену.

Николь сидела в ложе осветителя и в волнении потирала руки. Сердце гулко билось в груди. Если все пойдет по плану, то последний акт вместо Мадди будет танцевать она.

Еще никогда Мадди не танцевала так хорошо. Они с Сашей были прекрасной парой, и теперь стало ясно, что недели изнурительных тренировок и репетиций дали замечательные результаты. После первого акта Мадди побежала переодеваться. В уборной ее ожидал Антон.

– Восхитительно, Мадди! Если ты и завтра будешь танцевать так же, тебя назовут новой Надеждой Павловой, – он поцеловал девушку и пошел к выходу. – Зайдите ко мне с Сашей. Нет, дорогая моя, все просто великолепно!

Мадди вернулась к выходу на сцену в состоянии эйфории. Ее волнение куда-то улетучилось, и сложнейшую часть балета с тридцатью двумя фуэте она выполнила с такой легкостью, что зрительный зал разразился аплодисментами.

Мадди с помощью костюмеров сменила черный наряд Одилии на белоснежное одеяние Одетты и вернулась на сцену. Ей помогли забраться в лодку-лебедь.

– Спасибо, – прошептала она, занимая место в лодке, а потом встала на пуанты и подняла руки над головой.

Лебедь начал свое медленное движение.

Николь затаила дыхание…

Мадди, без видимых усилий балансируя в лодке, плыла в тумане, окутавшем сцену, и действительно казалась сказочной принцессой, явившейся из заколдованной страны. Вдруг лодка резко остановилась и накренилась. Мадди, потеряв равновесие, упала прямо на сцену. В следующее мгновение лодка, обрывая все крепления, рухнула передней частью на спину девушки.

Публика в зале охнула от ужаса. Занавес упал.

Глава 42

Работники сцены и артисты, занятые в спектакле, бросились к лодке. Впятером ее удалось поднять.

– Что с ней? – Антон бросился к распростертому телу Мадди, опустился перед ней на колени и воскликнул в отчаянии:

– О, Боже!

Ресницы Мадди затрепетали, она открыла глаза, полные муки, и вновь закрыла.

– Врача! Пит! – громко позвал Антон режиссера сцены. – Объяви, что спектакль будет продолжен. Отыщите Николь. Она, должно быть, в ложе осветителей.

– И Джона тоже найдите!

Антон повернулся и увидел мертвенно-бледное лицо Саши.

– Антон, извини, но я не могу танцевать последний акт с Николь. Я хочу поехать в больницу с Мадлен.

Режиссер кивнул.

– Понимаю. Пусть Джон танцует последний акт. Будем надеяться, что Мадди ничего не сломала.

Они одновременно взглянули на неподвижное тело девушки, которая лежала в неестественной позе, и в ту же секунду поняли, что это пустые надежды.

Через несколько минут появилась машина скорой помощи и отвезла Сашу и Мадди в ближайшую больницу. Мадди так и не приходила в себя, и Саша всякий раз вздрагивал, когда врач делал ей укол.

Мадди срочно отправили на обследование, а Саша остался в приемной, чтобы детально рассказать о том, что произошло. На нем был костюм Зигфрида и грим, но он совсем забыл об этом. Посетители, находившиеся в приемном покое, изумленно рассматривали его странный наряд.

Его беспрерывное хождение по комнате было прервано появлением Кристофера. Саша увидел белое, словно обсыпанное мукой, лицо отца Мадди и бросился к нему.

– Здравствуй, Саша. Мне позвонили из театра. Что произошло?

Они сели, и юноша стал рассказывать дрожащим голосом.

– Господи! – Кристофер взволнованно провел рукой по волосам. – Как же они могли быть такими беспечными! Если только у Мадди будут серьезные травмы, клянусь, эти люди ответят мне головой. Врач что-нибудь сказал?

Саша покачал головой.

– Нет. Бедная Мадди! Завтрашнего вечера она ждала долгие годы.

– Будем надеяться на лучшее. Может, это просто контузия и болевой шок.

Саша с облегчением подумал, что Кристофер, к счастью, не был в театре в ту роковую минуту, не видел изломанного, распластанного тела своей дочери, и у него еще сохранялась надежда. А впрочем, и у Саши в подсознании тоже жила надежда, что им вскоре разрешат забрать Мадди домой.

Прошел час, другой, а Кристофер и Саша все сидели в приемной и пили кофе чашку за чашкой. Они разговаривали о генеральной репетиции, обо всем, лишь бы только не думать, что в нескольких метрах от них лежит Мадди, беспомощная и неподвижная.

Через несколько часов в дверях приемного покоя появился врач. Он подошел к сидевшим на диване Кристоферу и Саше и пригласил их следовать за ним. Они прошли по коридору, выкрашенному зеленой краской, и оказались в кабинете доктора. Он указал на стоявшие у стола кресла.

– Садитесь, пожалуйста. Я доктор Мэтьюз, дежурный врач в Гай Хоспитл.

– Что с моей дочерью, как она? – нетерпеливо спросил Кристофер.

– Она по-прежнему без сознания. Мы сделали несколько проб, взяли анализы, однако пока не можем сказать, какие повреждения у вашей дочери.

– Она получила серьезные травмы, доктор? – спросил Саша.

– Да, похоже. Особенно в области поясницы, но пока мисс Винсент находится в бессознательном состоянии, я не могу сказать ничего определенного.

– Но вы же можете сказать, опасно это или нет? – настаивал Кристофер.

Доктор терпеливо, словно перед ним был капризный ребенок, ответил:

– Я понимаю вашу тревогу, но, к сожалению, не могу вас пока обнадежить. Мы сделали рентген и обнаружили серьезные повреждения поясницы, однако ничего определенного, ничего…

– Боже, – тихо сказал Кристофер.

– Сможет ли она танцевать? – Саша с угасающей надеждой смотрел на доктора.

Доктор Мэтьюз отрицательно покачал головой.

– Нет, так много обещать я, конечно, не могу. Мы подвергнем мисс Винсент курсу интенсивного лечения и вскоре, несомненно, добьемся улучшения ее состояния, но, конечно, не настолько, чтобы она смогла завтра выйти на сцену. И еще, джентльмены, вы, вероятно, хотите остаться здесь, но, честное слово, от этого будет мало пользы. Смерть вашей дочери не угрожает, хотя ее состояние и вызывает определенную тревогу. Общее состояние девушки стабильно, так Что я советовал бы вам поехать домой. Как только появятся какие-нибудь новости, мы дадим вам знать.

В это время прозвучал сигнал вызова врача, и доктор Мэтьюз поднялся. – Извините, джентльмены, – он снял трубку внутренней телефонной связи. Кристофер повернулся к Саше.

– Я остаюсь, а тебе нужно ехать домой. У тебя завтра важный день.

– Может, отменят спектакль?

– Нет. К сожалению, шоу должно продолжаться. Видимо, вместо Мадди будет танцевать Николь?

– Да.

– Тогда, я уверен, что завтра рано утром тебя вызовут на репетицию. Поезжай домой, Саша. Ты больше ничем не можешь помочь.

Саша неохотно кивнул, а доктор, закончив говорить по телефону, снова повернулся к ним.

– Извините еще раз, джентльмены. У нас катастрофически не хватает врачей.

– Могу я видеть дочь? – спросил Кристофер.

– Может быть, несколько позже, после того, как мы закончим все анализы. Так вы решили остаться, мистер Винсент?

– Да.

– Отлично. Тогда я скажу, чтобы вам приготовили комнату. Вы сможете ожидать там.

Доктор вышел из комнаты. Саша тоже поднялся с кресла и попросил Кристофера:

– Пожалуйста, если будут какие-нибудь новости, позвони мне.

– Ну, конечно. Спасибо за все. Возьми мой плащ, а то ты будешь выглядеть немного странно на улице в таком наряде.

Саша надел плащ. Он вышел из больницы и поймал такси. Мысль о том, что он приедет домой и увидит самодовольное лицо Николь, чуть не заставила его повернуть в больницу. Но Кристофер прав, перед завтрашним днем нужно как следует выспаться.

Саша приехал домой и увидел, что Николь сидит на диване в гостиной. На столике перед ней стоит уже наполовину опорожненная бутылка бренди. Как только Саша вошел в комнату, Николь, слегка пошатываясь, бросилась ему навстречу.

– Ну, как она? Что случилось? В театре ходят слухи, что она может умереть.

Он поразился выражению панического страха на ее лице.

– Нет, Николь, она не умерла.

Совершенно неожиданно для него жена разразилась слезами и рухнула на диван.

– Слава Богу, слава Богу! Я так боялась! – восклицала она.

Саша подумал, что, наверное, слишком строго судил Николь. Может быть, у нее есть сердце.

– Но она все еще без Сознания. Предполагают, что у нее может быть сломан позвоночник.

– О, Боже… – Николь начала бить нервная дрожь.

Саша сел на диван рядом с ней и попытался успокоить.

– Ничего, не волнуйся, Николь. Может, все будет нормально, хотя доктор и выглядел обеспокоенным. Что поделаешь, остается только надеяться.

Она слегка отстранилась от мужа, плеснула себе еще бренди и залпом выпила.

– Если она останется калекой, я этого себе никогда не прощу, – пробормотала она.

Саша оцепенел от ужасного предчувствия.

– Извини, Николь. Что ты сказала?

Николь подняла на него глаза, затуманенные алкоголем, и, слегка запинаясь, сказала:

– Я говорю, что завтра ужасно будет танцевать вместо Мадлен.

– Николь, почему ты сказала, что никогда себе не простишь? Ты не имеешь никакого отношения к этой истории?

На ее глазах снова появились слезы.

– Ах, Саша! Я совсем не ожидала ничего подобного. Просто хотела не дать ей завтра танцевать на премьере. Я думала, что лодка качнется, она упадет и получит несколько синяков, – ее голос задрожал и прервался.

Саша в ужасе отшатнулся. Мелькнула спасительная мысль, что она пьяна, и это пьяный бред.

– Николь, пожалуйста! Неужели это твоих рук дело?

Она закрыла лицо и в отчаянии выкрикнула:

– Да! Да! А хочешь знать, почему? Хочешь? – она неуверенно встала. – Потому что она украла мою роль! – ее голос задрожал от ненависти, она вытянула указательный палец. – И тебя она тоже у меня украла! Не думай, что я не знаю, что ты спал с ней. Однажды в воскресенье я шла за тобой до самой ее квартиры. Все это время, пока ты оставлял меня одну в постели, когда отказывался даже прикоснуться ко мне, ты спал с этой шлюхой!

Она стояла совсем рядом, и он в ярости, не имея сил сдерживаться, схватил ее и с омерзением встряхнул.

– Ты, глупая корова! Сука! – почти теряя рассудок и не контролируя себя, закричал Саша. – Да я даже не прикоснулся к Мадлен Винсент!

– Прекрати! Прекрати! – Николь по-настоящему испугалась, а он продолжал трясти ее. Казалось, еще немного, и он начнет ее избивать.

– Ты знаешь, почему я к ней не прикоснулся? Хочешь знать, почему тебя не трогал? – Саша отпустил ее, и Николь рухнула на пол. Он сел возле нее и взял за плечи. – Я «голубой». Да, да, Николь! Твой муж – гомосексуалист. Мне даже мысль о сексе с женщинами противна. Я женился на тебе только потому, что иммиграционные власти вышвырнули бы меня из страны. Я тебя никогда не любил. Разве это возможно? Ты просто злая, отвратительная дрянь, которую я использовал в своих целях. Мадлен разрешила нам с Игорем

встречаться у нее дома. И вот она, мой самый верный друг, оказалась в больнице из-за твоей чудовищной ненависти. Будь ты проклята!

Слезы показались у него на глазах. Он посмотрел на застывшую в ужасе Николь, сел на диван и закрыл лицо руками. Из его груди вырвались хриплые сдавленные стоны.

– О, Боже! Это все моя вина. Мадлен говорила, что все закончится большой трагедией. Мне следовало ее послушать.

Все время, пока он говорил, Николь следила за ним полными ужаса, широко открытыми глазами. Наконец еле слышным свистящим шепотом она произнесла:

– Саша, скажи, что ты все это придумал. Ты лжешь, чтобы выгородить Мадди. Я хорошо знаю, что ты к ней неравнодушен.

Саша медленно покачал головой.

– Нет, Николь. Забудь о своей неприязни к Мадлен, и ты увидишь, что я говорю правду. – Он тяжело вздохнул. – Я виноват в случившемся так же, как и ты. Я не поверил ей, когда она сказала, что ты ни перед чем не остановишься. Мне следовало ее послушать.

– Так ты говоришь, что женился на мне, чтобы не быть высланным из страны? – медленно проговорила Николь.

– Да…

– Я люблю тебя, Саша. Я думала… думала, что если бы не Мадди, у нас могло бы все получиться… у нас был бы шанс.

Саша посмотрел на нее с грустью.

– Ты же совсем не умеешь любить, Николь. У тебя, кажется, с головой не все в порядке.

– Не больше, чем у тебя, – все так же тихо бросила в ответ Николь.

– Завтра у тебя будет шанс, которого ты так ждала. Пока Мадлен лежит без сознания на больничной койке, ты будешь торжествовать.

Саша пожалел, что не смог проявить характер и не отказался танцевать с ней. Завтрашняя премьера слишком нужна ему. Это ведь и его шанс. Им с Николь отныне придется вместе нести тяжесть содеянного.

– Мне кажется, – медленно и четко выговаривая слова, сказал Саша, – я должен пойти в полицию и рассказать о том, что ты натворила.

Николь впервые за вечер посмотрела ему в лицо, и вдруг он увидел, что опьянение жены словно рукой сняло. Вместо растерянности и страха в ее глазах сверкала неприкрытая злоба. Когда же она заговорила, ее голос прерывался от душившей ее ненависти.

– Дорогой муженек, если ты принял такое решение, то, пожалуй, и мне следует пойти к иммиграционным властям и сказать им, что я согласилась заключить с тобой фиктивный брак. Я абсолютно уверена, что им будет интересно узнать о твоих маленьких шалостях с Игорем. Возможно, они решат, что лучше всего посадить тебя в самолет и отправить в Москву первым же рейсом.

Она остановилась, желая оценить, какой эффект произвели ее слова, а затем добавила:

– Так что нам лучше договориться. Я останусь твоей женой, пока ты будешь хранить мою тайну. Завтра у нас очень важный день. Я знаю, что ты мечтаешь об успехе не меньше меня. Так что нет смысла разрушать карьеру и будущее ради того, что все равно уже не поправишь.

Воцарилось молчание, и они некоторое время с ненавистью смотрели друг на друга. Саша понимал, что оказался в тупике, и положение его совершенно безвыходное. Ему следовало бы проявить твердость характера и заявить администрации и руководству Королевского Национального, что Николь умышленно подвергла опасности жизнь Мадди. Он в то же время почти наяву слышал аплодисменты, которыми его завтра наградит публика. Но всего этого не будет, если Николь сделает заявление иммиграционным властям.

Даже ради бедной Мадди ему не под силу отказаться от будущего, он не может заплатить такую высокую цену.

Саша медленно кивнул.

– Пусть так и будет. А сейчас я иду спать, у нас завтра будет тяжелый день.

У двери он остановился и повернулся к ней.

– Не думай, Николь, что с этим покончено. Вина за то, что мы сделали, будет преследовать нас до конца наших дней. Какие же мы дряни! В конце концов, мы уничтожим друг друга.

Саша вышел, оставив Николь в одиночестве.

Глава 43

Вокруг Мадди клубилась непроглядная темнота, прерываемая какими-то странными видениями. Они роились, теснились, наползая одно на другое, смешиваясь в одну причудливую картину. Мадди решила положить этому конец. Очень медленно, с огромным трудом, она открыла глаза, чувствуя свинцовую тяжесть век. Она чувствовала себя смертельно усталой.

Кристофер увидел, что ее глаза открылись, и бережно взял ее за руку.

– Мадди, привет, дорогая моя.

Она не поняла, почему отец сидит здесь, рядом с ее кроватью.

– Что ты тут делаешь, папа? – спросила девушка и попыталась сесть, но обнаружила, что тело не подчиняется ей. До нее издалека донесся голос отца:

– Не надо шевелиться, родная. Это лекарство сделало тебя такой сонной.

Кристофер увидел, как на лице дочери промелькнуло выражение панического ужаса.

– Какое лекарство? Где я? Папа, мне приснился ужасный сон, будто я танцевала Одетту, и во время сцены с озером… – В эту секунду Мадди, наконец, заметила осунувшееся лицо отца и подняла руку, чтобы прикоснуться к нему. У ее запястья была прикреплена пластмассовая ампула. Увидев ее, девушка вдруг все вспомнила. Слезы застлали ее глаза.

– О, Боже, – прошептала она, – значит, все это правда? Это случилось на самом деле? Я в госпитале?

Кристофер кивнул.

– Сколько времени я здесь нахожусь?

– Несколько дней.

– Значит… – мысли Мадди путались, ей никак не удавалось сосредоточиться. – Выходит, я пропустила премьеру… О, папа, я пропустила свою премьеру!

Кристофер взял со столика, стоявшего возле кровати, платок и вытер дочери глаза.

– Не волнуйся, девочка, и не думай об этом, – ободряюще улыбнулся он, – у тебя еще будут премьеры.

– Она… Николь танцевала Одетту-Одилию?

Кристофер кивнул:

– Да.

Почувствовав, как сжалось сердце, Мадди еле слышно спросила:

– Когда меня выпишут?

Кристофер положил ей руку на плечо.

– Давай пока порадуемся тому, что ты, наконец, пришла в себя. Ты очень сильно ушиблась.

– Да, я помню. Но я так ненавижу больницы.

– Пожалуйста, доченька, лежи спокойно, – он заметил, как на ее лице появилось выражение беспокойства, а потом смертельного ужаса. Она снова сделала попытку пошевелиться.

– Папа! – испуганно пролепетала она. – Я совсем не чувствую ног.

Глава 44

История была из разряда тех, что очень нравятся газетам. Удар судьбы сразил юную балерину в начале карьеры. Ее заменила другая девушка, еще более хорошенькая, в самый последний момент. Сашу и Николь вызывали много раз. При их появлении зал буквально содрогался от оваций. А когда прессе стало известно, что Зигфрид и Одетта совсем недавно стали мужем и женой, фантастическая развязка этой драмы оказалась полностью завершенной.

На другое утро после их триумфа телефон в комнате Николь звонил не переставая. Их умоляли дать интервью, просили фотографии для газет, звали на телевидение. Саша и Николь бесчисленное количество раз позировали перед фотографами, влюбленно глядя друг на друга. В душе они прекрасно сознавали лживость и лицемерие своих поступков, но ни на минуту не забывали о том, что такая возможность появляется один раз в жизни. Вся эта шумиха должна была скрепить их партнерство и добавить остроту и романтический ореол их имиджу. После интервью, статей, рецензий, фото зритель валом повалит на новых Фонтейн и Нуриева.

О Мадди газеты сообщили очень кратко и скупо, вскользь информируя читателей, что она по-прежнему в больнице. В конце концов, тиражи газет увеличивались благодаря истории счастливой любви двух звезд, Саши и Николь, и отклики на их выступления были более чем восторженными.

Через два дня после премьеры они сидели на кухне и завтракали в полном молчании, просматривая газетные рецензии.

Внезапно зазвонил телефон. Саша подошел к аппарату.

– Саша, это Кристофер.

– Как она?

– Она очнулась.

Саша облегченно вздохнул:

– Хвала Господу!

– Врачи закончили обследование… – голос Кристофера задрожал. – Боюсь, что новости плохие.

– Скажи, что такое?

– У Мадди отказали ноги. Отнялась нижняя часть тела.

– Я… О, Боже! Это навсегда?

– Они не знают точно. Сначала все решили, что сильный ушиб и шок вызвали паралич. Рентген показал, что у нее раздроблены позвонки.

Даже через мембрану трубки Саша слышал безысходное горе в голосе отца Мадди.

– Могу я видеть ее?

– Лучше подождать несколько дней. Она ужасно страдала и с трудом успокоилась. Врачи делают все возможное, чтобы поддерживать ее в этом состоянии духа. Говорят, что если не наступит улучшение, Мадди придется отправить в Сток Мандевилль для специальной операции спинного мозга.

– Позвони, пожалуйста, как только я смогу ее увидеть, ладно?

– Конечно. Прими мои поздравления. Иветта рассказала, что вы произвели настоящую сенсацию. Пожалуйста, извинись за меня перед Николь. Передай ей, что я ее люблю и жалею, что меня не было с вами. – Кристофер вздохнул. – Думаю, раз уж суждено было кому-то выиграть от этого несчастья с Мадди, то, по крайней мере, хорошо, что это Николь, а не кто-то другой. Ну, до свидания, Саша.

Саша держал трубку, чувствуя, что не в силах пошевелиться. Его била дрожь, на лбу выступили капли пота. Наконец он повесил трубку и вернулся на кухню.

– Читал отзывы в «Обсервер»? – Николь взяла гренки. – Они пишут, что моя Одетта «юная и привлекательная», а исполнение «внушительное и зрелое».

В это мгновение она увидела выражение лица Саши.

– Что случилось?

– Звонил Кристофер. Он передает тебе свои поздравления, сожалеет, что не смог быть на премьере и насладиться нашим триумфом. Ах, да! Еще он сказал, что его дочь пришла в себя, у нее парализована нижняя часть тела.

Саша несколько мгновений смотрел на изменившееся лицо Николь, а потом резко развернулся и вышел из комнаты.

Утром Себастиан приехал из аэропорта в отель в возбужденном состоянии. Нью-Йорк был прекрасен, но времени на город не оставалось, так как оно было расписано буквально по минутам. За счет

«Джаспер Конрад Продакшн» для него сняли прекрасный номер в отеле в Сентрал Парк Хаус. После обустройства он отправился на встречу с Джаспером Конрадом в черном сверкающем лимузине.

За ленчем, больше похожем на обед для королевских особ, Джаспер рассказал о своих планах, он мечтал о постановке мюзикла, созданного Себастианом.

– Предстоит большая работа. Необходимо доработать сюжет и либретто, но основа есть. Думаю, сначала нам следует выпустить пластинку. У вас есть одна песня, которая может войти в список хитов.

– Не сомневаюсь, что речь идет о песне «Это любовь»?

– Да. Уверен, что в Британии она станет хитом.

Беседа продолжалась, и Джаспер сказал, что хотел бы заключить контракт с Себастианом на следующей неделе. Себастиан доработает несколько песен и некоторые музыкальные композиции, а после возвращения в Лондон они встретятся через некоторое время. Пока с ним будет поддерживать контакт Джой Трефьюзис.

Мысли Себастиана перескакивали с одного предмета на другой, когда он прилетел в Лондон и стоял возле транспортера с багажом, ожидая, когда появится его дорожная сумка. Почему всегда кажется, что твои вещи находятся в самом конце? Юноша нетерпеливо посматривал на часы. Как хочется скорее обнять Мадди, прижать ее к своей груди, рассказать новости. Конечно, ей тоже есть, что рассказать.

Себастиан попытался дозвониться ей на следующее утро после премьеры, на другой день и на другое утро, но никто не подходил к телефону. Он предположил, что Мадди просто отключила телефон, чтобы ее не беспокоили и она имела возможность хоть немного поспать. Он просто умирал от желания увидеть ее.

Наконец прибыл и его багаж. Себастиан взял сумку и пошел через зал ожидания в третий терминал. Они ни о чем не договаривались заранее, но его огорчило, что Мадди не было среди встречавших.

Он купил пару воскресных газет, чтобы почитать, пока будет добираться до Лондона в метро, и пошел к выходу из аэровокзала. На его счастье, там уже стоял поезд. Себастиан вошел в вагон, сел на свободное сиденье и, развернув «Обсервер», сразу отыскал раздел театральной хроники.

Несколько минут он смотрел, не веря своим глазам, на фотографию Саши и Николь, они были сняты в сцене из «Лебединого

озера». Затем стал лихорадочно перелистывать газету в поисках другой информации. Разыскав рецензию на премьерную постановку, Себастиан буквально впился в нее глазами. В следующее мгновение ему показалось, что он теряет сознание.

– Мадди в больнице! Тяжело ранена после падения на генеральной репетиции. Боже! – застонал он. – Только бы все обошлось.

Уже через час Себастиан был в приемном покое огромного госпиталя, пытаясь выяснить, где лежит Мадди.

– Нет, в палатах стационара ее нет, – оторвавшись от экрана компьютера, сказала женщина в регистратуре. – Сейчас посмотрим в интенсивной терапии… А! Вот – Мадлен Винсент…

– Интенсивная терапия? – прошептал Себастиан.

– Ой, нет, минутку, – санитарка нажала кнопку на клавиатуре. – Сегодня утром ее перевели в хирургический госпиталь Сток Мандевилль.

– Как туда добраться? – спросил он нетерпеливо.

Регистраторша ответила, что нужно сесть в поезд на станции Марилбон, за час он доедет. Себастиан покинул больницу и остановил на улице первое попавшееся такси.

Спустя два часа он уже был в Сток Мандевилль и снова называл имя Мадди в регистратуре. Через минуту его пригласили пройти в отделение спинномозговых травм. Нужное отделение удалось найти довольно быстро. Подойдя к сидевшей за столом дежурной сестре, молодой человек в который раз за утро сказал, что ищет Мадлен Винсент.

Он почувствовал, что ему на плечо легла чья-то теплая ладонь, и, резко обернувшись, увидел посеревшее лицо Кристофера, который слабо улыбался ему.

– Здравствуй, Себастиан.

– Как она? Что с ней произошло? Я только что прилетел из Нью-Йорка. Я даже не знал, что…

– Мадди сейчас спит. У нее было довольно трудное путешествие сюда. Пойдем выпьем где-нибудь по чашечке кофе.

Кристофер повел его по длинному коридору в маленькую комнату для посетителей и, нащупав в кармане десятипенсовую монету,

подошел к автомату с кофе.

– Давай, бери. Я только этим и жил последние дни. Меня уже воротит от этого напитка.

– Ты был с Мадди все это время? – спросил Себастиан, наливая кофе ему и себе.

– Да, почти. Приехал через час после того, как ее направили в госпиталь. Пока она была без сознания, я просто не мог ее оставить, но, слава Богу, вчера она пришла в себя. Тогда ее решили перевезти сюда.

Кристофер отпил кофе и сел на неудобный пластмассовый стул.

– Что же случилось?

Кристофер в деталях рассказал о случившемся. Себастиан молча пил кофе и никак не мог поверить в реальность происходившего.

– Иисусе! Ведь Мадди рассказывала мне, как замечательно была организована сцена с озером. По ее словам, была использована новейшая техника, но… – Тут он подозрительно посмотрел на Кристофера. – А ты абсолютно уверен, что это несчастный случай? Просто несчастный случай?

– Конечно! А что же еще? Лодка резко остановилась и от толчка перевернулась. Проводилось специальное расследование.

– Сейчас, когда Мадди очнулась, сколько времени понадобится, чтобы определить, насколько тяжелые у нее повреждения?

Кристофер тяжело вздохнул.

– Она не чувствует своих ног.

– О, Боже! А что говорят доктора? Может быть, это остаточные явления?

– Они пока сами не знают. Поэтому ее и перевели сюда. Кажется, у нее поврежден позвоночник, но по этому поводу врачи говорят, что надо подождать. Возможно, все еще наладится. Есть предположение, что это связано с сильным ушибом.

– Мадди, должно быть, ужасно расстроена.

– Благодарение Богу, она находится под воздействием успокаивающих средств и наркотических препаратов. Так что ей пока трудно все это осознать. Ей сразу же дали снотворное, как только привезли сюда.

Себастиан встал и принялся шагать из угла в угол.

– Боже мой, Кристофер! Для любого человека это ужасно, а ведь Мадди – балерина! В этом вся ее жизнь, она танцевала с раннего детства. Что, если Мадди никогда не сможет больше танцевать?

– Послушай, Себастиан, эти три дня я задаю себе этот вопрос. Снова и снова. Это ничего не даст и не приведет ни к чему. Ни к чему хорошему.

– Извини, но она так мечтала танцевать Одетту. Я не могу поверить в то, что произошло. Какая жестокая нелепость! Проклятье! – Себастиан резко сел, обхватив голову руками.

Кристофер склонился к нему и, успокаивая, похлопал по плечу.

– Ладно, ладно! Нам нужно надеяться на лучшее хотя бы ради Мадлен. Она мне как-то сказала, что вы… ну, это…

– … Любим друг друга. Да, пожалуй, это более подходящая тема, – сказал Себастиан и посмотрел на отца Мадди. – Ей понадобится наша поддержка. Мы обязаны помочь ей пройти через эти испытания.

– Да, ты прав, извини.

– Всю дорогу из Нью-Йорка в самолете я мечтал, как увижу Мадди, услышу ее рассказ о премьере. Послушай, ее можно увидеть?

– Не думаю, что врачи позволят ее навестить. Сходи пока куда-нибудь, перекуси, успокойся и возвращайся попозже. Мадди, видимо, к тому времени проснется, и ты себя лучше сможешь держать в руках. Мы ни в коем случае не должны показывать ей ни малейших признаков тревоги, тем более паники.

Себастиан согласно кивнул.

– Да, ты прав, – он поднялся со стула. – Вижу, что Николь без особого труда заменила Мадди. О них с Сашей были отличные отзывы в «Обсервере».

Кристофер улыбнулся:

– Да, это единственная хорошая новость за все это время. По крайней мере, хорошо, что счастье все-таки улыбнулось именно ей, а не кому-то другому. Несчастье Мадди принесло удачу другому члену нашей семьи. Спасибо и на этом. Уверен, что Мадди тоже так считает.

Себастиан кивнул, удивляясь, что Кристофер, видимо, совершенно не представляет, какими были на самом деле отношения между Мадди и Николь.

– Ладно, скоро увидимся. – Себастиан махнул рукой и пошел на улицу, решив все-таки позавтракать.

Кристофер остался сидеть, пытаясь сосредоточиться и как следует поразмыслить над тем, что ему только что неожиданно открылось. Он был слишком занят своими чувствами к Иветте и только кивнул, когда месяц назад Мадди упомянула о своих отношениях с Себастианом. Только сейчас ему стало ясно, какую чудовищную шутку сыграла с ним судьба, когда его дочь и Себастиан так полюбили друг друга. Он даже подумал, что стоило подробнее рассказать Мадди, как умерла ее мать. Это означало углубиться в такие воспоминания, которые лучше было бы забыть. То, что он говорил дочери об Антонии, об их взаимной любви, сейчас уже нравилось самому Кристоферу и казалось ему правдой.

Что же будет, если Мадди когда-нибудь узнает правду? Нельзя этого допустить. Это просто невозможно!

Глава 45

– Ты счастлива, дорогая?

Комната отдыха для почетных гостей в аэропорте Антигуа была практически пустой, если не считать Кейт и Джулиана.

– Да, очень.

– Я говорил тебе, что мы прекрасно проведем время, не так ли? Нечего было так беспокоиться. – Джулиан сжал руку Кейт. – Моя мать просто обожает тебя, я знаю. Она в восторге от того, что мы приехали.

В комнату вошел работник аэропорта и объявил, что их самолет практически готов, и уже начинается посадка. Услышав это, Кейт и Джулиан прошли в самолет. Усевшись в кресло, Кейт вдруг почувствовала, что с трудом верит в свое возвращение в Англию, да еще с одним из самых блистательных холостяков страны.

Когда самолет оторвался от земли, она подумала о перемене в ее жизни, которая произойдет, когда они приземлятся.

– Мама сказала, что отсюда нужно улететь до официального объявления о помолвке. Это, конечно, простая формальность, но королева должна дать разрешение на женитьбу. Мама говорит, что уже обсуждала этот вопрос, и не видит никаких затруднений. Тем не менее, это дает нам возможность все как следует организовать. Как только газетчики об этом узнают, они возьмут тебя в настоящую осаду. Но зато эта формальность дает нам возможность составить планы на будущее. Думаю, мы будем венчаться в часовне Святого Георга в Виндзоре на Рождество. На следующей неделе сходим и посмотрим.

Кейт кивнула, в который раз отказываясь поверить в реальность того, что с ней происходило.

– Я хочу сказать своим родителям.

– Ну, конечно. Когда моя мать вернется, она пригласит их на коктейль в Кенсингтонский дворец. Я так счастлив, дорогая, – Джулиан склонился к Кейт и нежно поцеловал ее. – Нужно как следует отдохнуть. После того, как мы поженимся, нам уже не удастся вот так спокойно отдыхать. По крайней мере, сегодня в Хитроу нас еще не будут встречать орды фоторепортеров.

Они поели, и Джулиан задремал. Кейт не могла спать. По-прежнему ее терзало предчувствие чего-то недосказанного, что может

помешать и разрушить их счастье.

Наконец, через шесть часов колеса воздушного лайнера коснулись бетонной полосы в Хитроу.

Кейт увидела, как к ним между рядами кресел идет пилот. Летчик наклонился к Джулиану и тихо сказал:

– Сэр, могу я попросить вас пройти со мной?

– Ну, конечно. Подожди минутку, – Джулиан подмигнул Кейт, пошел за пилотом и скрылся за шторой, отделявшей служебные помещения от пассажирского салона. Девушка почувствовала, что ее сердце взволнованно забилось, а руки задрожали. Джулиан не появлялся. Самолет тем временем остановился.

– Послушай, дорогая, – ее возлюбленный выглядел озабоченным, когда, наконец, сел в свое кресло. – Боюсь, что мне придется оставить тебя одну проходить досмотр. Видишь ли, мне сказали, что нас ожидает толпа репортеров и фотографов. Нам лучше порознь выйти из аэропорта.

Сердце Кейт встрепенулось.

– Но почему, Джулиан. Я не знаю, откуда они свалились на нашу голову, но…

– Это в последний раз, дорогая, обещаю тебе. Мне было сказано, чтобы я воздержался от контактов с прессой, вот и все. Я позвоню тебе вечером.

– Но что я скажу им? Я…

В это время подошел стюард.

– Сэр, следуйте за мной, пожалуйста.

Джулиан встал, собрал свой багаж и, склонившись к Кейт, нежно поцеловал ее.

– Не беспокойся. Репортерам вообще ничего не говори. И помни, что бы ни случилось, я люблю тебя.

Он улыбнулся Кейт и пошел за членом экипажа.

Через десять минут Кейт, нервничая, направилась к паспортному контролю, чувствуя себя так, словно ее отдавали на съедение стае волков. Она не могла понять, почему Джулиан оставил ее одну на растерзание газетчикам.

Ее чемодан выплыл на резиновой ленте выдачи багажа одним из первых. Девушка взяла его и подошла к двери, чтобы пройти таможенный контроль. У двери, отделявшей таможню от зала

ожидания, она увидела какого-то мужчину, резко перегнувшегося через барьер и указывающего на нее.

– Вот она! – вопил он.

В то же мгновение ее ослепил блеск фотовспышек, и Кейт окружила толпа репортеров, которые набросились на нее с вопросами, словно стая хищников.

– Мне нечего сказать, комментариев не будет, – говорила Кейт, пытаясь прорваться к выходу, но газетчикам все же удалось задержать ее.

– Мисс Джонсон, как вы чувствуете себя после того, что произошло?

– Я ничего вам не скажу.

– Вы когда-нибудь догадывались, что дела настолько плохи, как это стало известно теперь?

– Не будет комментариев…

– Когда вы в последний раз разговаривали с отцом?

Кейт не могла понять, почему никто не упоминает имени Джулиана, а прицепились к ее отцу. В этом было что-то странное и пугающее. Она хотела спросить их о причине такого внимания, но понимала, что лучше этого не делать. Кейт медленно пробивалась к выходу.

– Комментариев не будет! Пожалуйста, дайте мне пройти.

Наконец ей удалось пробиться через толпу. Она отчаянно замахала рукой в надежде, что хоть один из таксомоторов подъедет к ней, и она будет спасена. К счастью, один из шоферов заметил ее знаки и подкатил прямо к ней. Он вышел из машины и помог ей забросить вещи в багажник.

– Пропустите, пропустите, пожалуйста, – водитель грубо растолкал пишущую братию, и Кейт смогла пробраться к автомобилю и сесть на заднее сиденье. Затем таксист захлопнул дверцу и бросился к своему месту. Такси помчалось в город.

– Порядок, мисс. Удачно вырвал вас из их лап.

Машина набрала скорость, и Кейт, наконец-то, смогла облегченно вздохнуть и откинуться на спинку сиденья.

– Спасибо вам, что спасли меня, – поблагодарила она.

– Нет проблем! Что это они как с цепи сорвались?

– Вы мне поверите, если я скажу, что сама не знаю?

– Возможно. Кстати, мисс, куда едем?

Кейт решила, что лучше всего сейчас отправиться к родителям и выяснить, что происходит.

– Фитцджон Авеню, Хэмпстед, пожалуйста.

– А! Вы там живете? Это как раз там была стрельба сегодня утром, – произнес шофер, с интересом глядя на девушку в зеркало заднего вида.

– Какая стрельба?

– Конечно, вы, может, еще не слышали, раз были за границей… Газетный магнат Натаниэль Джонсон, слышали о таком? Его и жену нашли утром мертвыми.

Глава 46

Мадди не представляла, сколько времени провела в больнице. Она помнила, что ее везли в машине скорой помощи, но ей казалось, что это было уже целую вечность назад. Комната, куда ее перевели, была значительно уютнее первой. Мадди все время спала, спать хотелось постоянно.

Однажды утром, чувствуя себя не такой слабой, как обычно, она открыла глаза и окинула взглядом пространство вокруг. Внезапно до нее донесся чей-то удивительно знакомый голос.

– Привет, дорогая! Как дела? – Себастиан улыбнулся девушке и наклонился, чтобы ее поцеловать.

– Спасибо, ужасно, – простонала она. – Кажется, я тут уже целую вечность.

– Нет, всего лишь неделю.

Мадди облизнула губы, чувствуя, какие они потрескавшиеся и запекшиеся. – Я хочу пить.

– Отлично! Значит, тебе стало хоть немного лучше, – Себастиан налил из графина в стакан немного воды и поднес к ее губам.

– Может, мне лучше сесть? – спросила она, чувствуя, как по подбородку потекла вода, но Себастиан предостерегающе покачал головой.

– Нет, девочка моя, тебе строго-настрого приказано лежать.

Мадди робко и осторожно попыталась пошевелить пальцами ног, но с раздражением поняла, что ничего не получается. Тогда она попробовала приподнять голову, чтобы посмотреть на свои ноги, но и на это у нее не хватило сил. Себастиан смотрел на нее и по лицу девушки догадывался, о чем она думает. Рано или поздно она все равно узнает правду. Он бережно взял ее за руку и спросил:

– Ты хочешь знать, что с тобой случилось, правда, малышка?

– Ты думаешь? – ответила она. – Судя по моим ощущениям, мне лучше не знать и оставаться в счастливом неведении.

– Тебе стало лучше, дорогая. Скоро ты поправишься, – успокаивающим тоном сказал он.

– Да? Значит, на следующей неделе я уже смогу танцевать в «Лебедином озере»?

– Ну, не совсем, но… – Себастиан не представлял, как ей объяснить то, что случилось. Любому человеку трудно сказать, что понадобится целый год, прежде чем он сможет ходить, да и то с костылями. А ведь это предстояло объяснить девушке, у которой вся жизнь зависела от возможности танцевать и легко управлять своим телом. И все-таки он должен ей сказать.

– Ты упала с лодки и очень сильно ушиблась. К этому добавилось то, что часть конструкции упала на тебя. Тебя привезли в отделение хирургии спинного мозга, кажется, это так называется. Дело в том, что у тебя поврежден позвоночник, но при интенсивной терапии все скоро наладится.

Мадди внимательно посмотрела ему в глаза.

– Слушай, а почему ты говоришь, будто это очень хорошие новости?

– Ну, видишь ли, врачи сказали нам, что ты снова будешь ходить. Конечно, нужно время, покой, затем…

Себастиан увидел взгляд Мадди и осекся.

– Что значит «снова будешь ходить»? О, Господи, Себастиан! И это ты выдаешь за хорошую новость? Лучше скажи, когда я снова буду танцевать.

– Милая, но это же бывает по-разному, – тщательно подбирая слова, начал он, в отчаянии понимая, что все не так, а слова не те… Глаза девушки наполнились слезами.

– Ты пытаешься мне сказать, что я, возможно, не смогу больше заниматься балетом, так ведь? – прошептала она.

Вместо ответа Себастиан взял ее ладонь и слегка сжал.

– Нет, дорогая. Просто я хочу сказать, что за эти несколько дней были такие минуты, когда мы с твоим папой ожидали самого худшего…

– Ты советуешь мне благодарить счастливую звезду, что я вообще осталась жива, да?

– Я говорю о том, что ты должна принимать каждый день таким, какой он есть, и надеяться.

Мадди отвернулась от него и тихо, пытаясь сдержать крик, произнесла, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Пожалуйста, уйди и оставь меня одну.

– Мадди, не прогоняй меня. Я…

– Уйди. Ну, пожалуйста, Себастиан.

– Ладно. Скоро придет твой отец…

От ее ледяного тона у него холодок прошел по спине.

– Я никого не хочу видеть.

– Не говори так, пожалуйста…

– Буду. Буду говорить.

Себастиан встал, чувствуя себя совершенно потерянным из-за того, что не сумел найти нужные слова. Надо будет попросить врача поговорить с ней, а пока нет смысла оставаться здесь и дальше ее расстраивать.

– Ты уверена, что с тобой все будет в порядке?

– Абсолютно.

Мадди слышала, как он вышел из комнаты, как в коридоре прозвучали его шаги. И все стихло. Она вздрогнула, чувствуя, как отчаяние леденит ей кровь и сжимает сердце, словно обручем.

На кой черт ей знать, будет она ходить или нет? Это совсем неважно. Если она не сможет танцевать, ей незачем жить.

Глава 47

Как Кейт прожила неделю после смерти своих родителей, она не поняла. В тот день, приехав домой, она увидела, что часть улицы оцеплена полицейскими.

Какой-то констебль провел мертвенно бледную Кейт в кабинет ее отца и, усадив в кресло, сказал:

– Наберитесь мужества, мисс Джонсон. Сейчас к вам подойдет детектив Уилкинс.

Кейт кивнула, непослушными пальцами достала из сумочки сигарету и попыталась закурить, но руки так дрожали, что ничего не вышло. Тогда констебль достал свою зажигалку и поднес огонек к кончику ее сигареты. В этот момент в комнату вошел лысеющий мужчина и протянул девушке руку.

– Я инспектор Уилкинс. Понимаю, насколько ужасно вы себя чувствуете. Мы звонили в Хитроу и просили сообщить пилоту, что вам было бы лучше незаметно покинуть аэропорт. Видимо, нашу телеграмму не успели передать.

Кейт с горечью подумала, что она дошла, просто в самолете был человек, который больше нее нуждался в защите от скандала.

– Я… – Кейт сглотнула комок в горле, пытаясь найти мужество заговорить. – Я понимаю, что мои родители мертвы. Но что произошло?

– Пока эксперты не провели исследований, нет анализов найденных улик, трудно утверждать со всей определенностью, но, к сожалению, я должен сказать, что все свидетельствует о самоубийстве. Мы полагаем, что ваш отец сначала убил вашу мать, а затем выстрелил в себя.

– Это невозможно! – закричала она. – Мой отец никогда бы не поднял руку на мать или на самого себя. Это неправда. Вы так говорите, потому что у вас нет никаких улик, и вы ничего не можете сделать.

Кейт попыталась встать, но ноги подкосились, и она снова села.

– Я понимаю, мисс Джонсон, как вам горько все это слышать, но, поверьте мне, если ваших родителей убили, мы обязательно найдем

преступников. Вы знали, что деятельность вашего отца расследовала комиссия по экономическим преступлениям?

– Да, знала. Но не понимаю, какое это имеет отношение к убийству моих родителей.

– Результаты расследования должны быть опубликованы сегодня, – детектив пристально смотрел на девушку, стараясь увидеть ее реакцию. Но она сидела совершенно растерянная, практически парализованная случившимся.

– Ну и что?

– Может быть, в этой связи…

– Да вы же не знаете точно, самоубийство это или нет! – вырвалось у Кейт. – У моего отца было много врагов, потому что он был на вершине успеха.

– А вы знаете, что империя вашего отца находилась на грани банкротства?

– А вам откуда это известно? Или вы посвящены в деловые тайны моего отца?

Детектив печально посмотрел на девушку.

– Мисс Джонсон, к несчастью, в деловые тайны вашего отца с завтрашнего дня будет посвящена вся Британия.

Глаза Кейт наполнились слезами, а лицо покраснело от гнева.

– Они наверняка ошибаются! Компании моего отца стоят миллионы, а если бы возникли проблемы, я уверена, он сказал бы мне об этом.

Она достала из сумочки салфетку и вытерла слезы.

– Сожалею, мисс Джонсон, однако нам бы хотелось, чтобы вы ответили на несколько важных вопросов. Отец говорил вам когда-нибудь о затруднениях на работе?

– Нет, никогда.

– А мать?

Кейт уже хотела отрицательно покачать головой, но вдруг вспомнила тот вечер, когда приехала навестить свою мать. Теперь не было сомнений, что тогда мать была чем-то страшно расстроена.

– Мама упоминала о том, что собираются проводить расследование, но она сказала, что мне не о чем беспокоиться.

– А вам не показалось, что отец был как-то особенно обеспокоен в последние месяцы? Я имею в виду, у вас не было такого чувства, будто

его что-то беспокоит?

Кейт попыталась вспомнить, когда она виделась с отцом в последний раз, но так и не смогла припомнить ничего определенного. Последние месяцы, когда она изредка заезжала в родительский дом, отец отсутствовал.

– Я давно не видела его, – растерянно пробормотала Кейт. Ей пришло в голову, что всего несколько часов назад она с такой радостью и нетерпением ждала встречи с родителями, мечтая рассказать им, что она обручена… У нее на глазах снова показались слезы.

– Думаю, что на сегодня достаточно. Боюсь, что мне придется попросить вас выполнить еще одну ужасную формальность. Необходимо провести опознание ваших родителей.

Детектив участливо посмотрел на девушку и мягко сказал:

– Будет лучше, если мы покончим с этим как можно скорее. Есть у вас кто-нибудь, кому я могу позвонить от вашего имени? Может, вам станет легче, если рядом будет кто-нибудь из родственников?

Кейт печально покачала головой.

– Кроме родителей у меня никого нет.

В морге, когда подняли простыни, и Кейт увидела белые безжизненные лица матери и отца, ей показалось, что она не выдержит и потеряет сознание. В это невозможно было поверить, но там, в этой холодной комнате, неподвижные и равнодушные ко всему, действительно лежали ее родители.

– Может быть, констебль проводит вас домой? – тихо спросил детектив.

Кейт кивнула:

– Да, пожалуйста.

– Раз у вас нет родственников, может, я позвоню кому-нибудь из друзей, чтобы побыли с вами?

Девушка подумала о Джулиане. Он ей поможет, поддержит ее в трудную минуту. Она ему позвонит, когда приедет домой.

– Не беспокойтесь, пожалуйста. Я сама.

– Я свяжусь с вами в ближайшие дни. Необходимо задать вам несколько дополнительных вопросов. Я вам советую переехать на другую квартиру. Сейчас газетчики буквально осаждают ваш дом.

– Куда едем, мисс Джонсон? – спросил констебль, когда они вышли на улицу и сели в машину. Кейт все же решила вернуться к себе

на квартиру, по крайней мере, на время. Она позвонит Джулиану, а он придумает, где ей устроиться, пока все успокоится.

Как и предсказывал детектив, возле ее дома стояла огромная толпа журналистов. Полисмен взял ее вещи, и с его помощью девушка прорвалась в свою квартиру, не обращая внимания на град вопросов, обрушившихся на нее. Вздохнув с облегчением, она вошла в дом, задернула шторы и упала на диван. Затем она дотянулась до телефона и набрала номер Джулиана. В следующую минуту Кейт вскрикнула от отчаяния, услышав голос автоответчика. Она оставила сообщение с просьбой срочно позвонить ей. Он наверняка уже слышал о том, что произошло. Может быть, он уже на пути к ней. Боже, как ей сейчас нужна его поддержка.

Кейт долго сидела в сумерках, вслушиваясь в тишину. Несколько раз ей хотелось позвонить матери, чтобы сказать, что она знает, как теперь поступить, но в следующую секунду девушка вспоминала, что у нее больше нет матери, и никогда уже она не услышит ее милый голос. Кейт душили рыдания, ужасно болела голова.

– Успокойся, ты должна держать себя в руках, – снова и снова твердила она себе. На ватных ногах, покачиваясь, девушка подошла к бару и налила себе большой стакан бренди, выпила его и сморщилась. У нее просто шок, вот и все… это пройдет.

Через два часа Кейт позвонила Джулиану, потом еще четыре раза, но всякий раз в трубке слышался голос автоответчика. Ей надо было услышать хоть чей-нибудь голос, поговорить с кем-нибудь. Она позвонила Мадди, но снова безрезультатно.

Девушка посмотрела на часы. Они показывали еще время Антигуа, и она переставила их на местное время. Затем она включила телевизор, чтобы отвлечься, пока позвонит Джулиан. Загорелся экран, и на нем появились лица отца и матери. Вскрикнув, Кейт выключила телевизор.

В десять часов она все еще сидела совершенно одна в полной темноте. Бутылка с бренди была почти пуста, по щекам девушки катились слезы.

– Мама, папа, как же вы могли оставить меня одну, зачем вы так со мной поступили? – всхлипывала она. Вскоре незаметно Кейт уснула. Неизвестно, сколько времени она спала, но проснулась от того, что у нее болело все тело. Кейт встала, умылась холодной водой и

снова подошла к телефону, чтобы позвонить Джулиану. Теперь-то он, конечно, дома!

Услышав металлический голос автоответчика, она повесила трубку. Ей было абсолютно непонятно, где он может быть, почему не звонит и не приезжает.

А может… Нет, конечно, нет! Джулиан ее любит. Что бы ни случилось с ее родителями, это не имеет ни малейшего отношения к их будущему.

Однако, через четыре дня следствие подтвердило, что отец действительно сначала выстрелил в мать, а затем убил себя. Был опубликован отчет комиссии по расследованию деятельности ее отца. Газеты были переполнены историями падения империи Джонсона и рассказывали о его подпольном бизнесе. Прочитав их и безрезультатно прождав еще несколько дней, Кейт поняла, что Джулиана она никогда больше не увидит.

Глава 48

Саша быстро шел через Хэмпстед Хиз, опасливо посматривая по сторонам. Он знал, что рискует каждый раз, когда приходит сюда. Стоило кому-нибудь узнать его и рассказать газетчикам, и его тайна будет раскрыта, а карьера в Британии обречена на провал. Николь расскажет властям, что их брак был фиктивным, и тогда он сразу окажется в самолете, направляющемся в Россию.

Сегодня его привело сюда неудовлетворенное желание. Жаль, что Игорь еще не вернулся из Нью-Йорка, в последнее время Саше стало не хватать его. Он получал удовольствие от новых знакомств, от того, что к его плоти прикасается чужая плоть. Было что-то возбуждающее в том, что ради наслаждения ему приходилось считаться с опасностью и риском быть застигнутым.

Через пять минут к нему подошел чрезвычайно привлекательный юный блондин. Они обменялись взглядами и, не говоря ни слова, направились в мужской туалет.

Еще через сорок минут Саша шел по Хиз Стрит, пытаясь поймать такси, чтобы проехать в Ковент Гарден. Двадцать минут изнурительной активности, которую он только что проявил, смогут, как он надеялся, обеспечить ему удовлетворительное состояние духа хотя бы на неделю.

Конечно, были и другие причины, из-за которых ему приходилось скрывать свои тайные наклонности. За последний год, как он слышал, в Нью-Йорке от СПИДа умерли трое его друзей. А сейчас ходили слухи, что СПИД, словно лесной пожар, распространяется среди сексуальных меньшинств здесь, в Англии, хотя он пока не слышал, чтобы кто-то из его друзей заболел. Конечно, он играл со своей жизнью в русскую рулетку, но об этом думать не хотелось.

Сев в такси, Саша стал думать о предстоящем спектакле, в котором они с Николь должны танцевать сегодня вечером.

После спектакля Николь сидела в своей артистической гримерной, обновляя грим на лице. Она посмотрела на свое отражение в зеркале и вздохнула.

У нее было все, о чем она мечтала и чего желала последние два года, – лучшая артистическая уборная в театре, блестящая

многообещающая карьера и прекрасный талантливый партнер по сцене.

И все же она чувствовала себя глубоко несчастной. Радость от сценического успеха была омрачена тем, что она в глубине души прекрасно знала, кому должны были достаться эти похвалы. Чувство огромной вины, впервые появившееся в тот ужасный день, когда Мадди отвезли в больницу, не исчезало. Оно еще сильнее мучило ее после памятного разговора с Сашей, когда он рассказал ей о прогнозах докторов относительно Мадди.

После шестинедельного пребывания в больнице Мадди, казалось, должна была встать на ноги. Но она все еще находилась в кровати и лишь иногда пересаживалась в инвалидную коляску. Не говоря о ее танцевальном будущем, врачи вообще ни в чем не были уверены.

Для Мадди карьера балерины теперь была закрыта. Именно Николь разрушила ее, и Саша получал странное болезненное удовольствие от того, что во всех подробностях описывал бедственное состояние Мадди. Он рассказывал жене, что Мадди почти не разговаривает, поэтому врачи опасаются за ее душевное здоровье, хотя в общем она начала немного поправляться.

А тут еще Иветта! Она уже несколько раз спрашивала у дочери, когда та собирается навестить Мадди, но Николь все время находила какие-то жалкие отговорки, понимая, что не вынесет вида сводной сестры, сидящей в инвалидной коляске.

Отношения с Сашей тоже не улучшались. Николь изо всех сил старалась не думать о нем, презирать его и не переставала испытывать физическое влечение, хотя он большую часть времени игнорировал ее, а если и говорил с ней, то на его лице присутствовало неприязненное выражение. Николь была уверена, что у него есть любовники. Саша постоянно куда-то исчезал, и она очень страдала от того, что ее воображение подбрасывало ей бесстыдные картины его любовных утех.

Николь чувствовала, что стала некрасивой, потеряла свою привлекательность. А ей сейчас нужен был кто-то, кто подошел бы, обнял и сказал ей, что она по-прежнему прекрасна.

Когда Николь уже подходила к служебному входу, ее окликнул Стэн и передал записку.

– Спасибо, – машинально сказала она, взяла конверт с посланием и вышла на улицу к ожидавшим ее любителям автографов.

В такси по дороге домой она вспомнила про конверт и достала сложенный вдвое листок. После первого же взгляда на бумагу у нее перехватило дыхание, а сердце часто забилось. В записке говорилось:

«Дорогая мисс Дениз! Как вы, может быть, знаете, меня недавно уволили из Королевского Оперного театра из-за несчастного случая, который произошел с Мадлен Винсент. Я думаю, имеет смысл поговорить о том, что я имею право на компенсацию за потерянное место. Зная, какого успеха вы достигли после этой истории с Мадлен Винсент, я понимаю, что вам со мной не очень хочется встречаться, да и мне не хотелось бы доставлять вам какие-то затруднения. Это понимание, как и мое молчание, стоит денег. Считаю, что двести фунтов в месяц – не очень высокая цена за ваше спокойствие. Об остальном поговорим позже. С нетерпением жду первого взноса на мой счет в банке».

Подписи не было. Вместо этого Николь нашла в конверте расчетный счет банка, куда следовало перевести указанную сумму. От гнева и отчаяния она вздрогнула. Это был шантаж, но она ничего не могла поделать.

Ей было ясно, что все могло быть еще хуже. Этот негодяй просил не так уж много, даже если ей и придется платить ему до самой смерти.

Но цена, которую Николь приходится платить за успех, оказалась непомерно высокой. В последнее время она все чаще начинала думать, что все, чего она добилась, не стоит ее нравственных страданий.

Глава 49

Себастиан бросил окурок в кофейную чашку, стоявшую на крышке фортепиано, и убрал волосы с лица. Зевнув, он бросил взгляд на часы. До того, как он пойдет в больницу к Мадди, осталось два часа, но вначале нужно повидать Кристофера.

Себастиан ночи напролет просиживал над мюзиклом, чтобы компенсировать время, которое ему приходилось проводить в больнице у Мадди или в дороге. В июле должен приехать в Лондон Джаспер Конрад, и ему нужно дать послушать переработанные песни. Работа была напряженная. Себастиан понимал, что до завершения этого произведения ему нужно скрыться от всех на два-три месяца. Но времени не было.

Он быстро умылся, надел свежую рубашку, положил в тарелку немного еды для Шехерезады, которая подозрительно посмотрела на него и понюхала пищу. Вскоре после несчастного случая с Мадди Себастиан согласился с Кристофером, что ему следует перебраться на квартиру Мадди. Необходимо было ухаживать за Шехерезадой, которая затосковала без хозяйки.

– Что будешь пить? – спросил Кристофер, когда Себастиан вошел в маленькую пивную рядом с госпиталем.

– Чего-нибудь покрепче.

– Отлично.

Отец Мадди направился в бар, а Себастиан сел на уютную обитую бархатом банкетку и стал ждать. Они часто заходили сюда последнее время.

– Ну вот, – Кристофер поставил на обшарпанный пластиковый стол два бокала. – За тебя!

– За тебя, – эхом отозвался Себастиан и сделал глоток горького густого пива.

– Сегодня утром я видел лечащего врача Мадди. Он говорит, что нет смысла дольше держать ее в больнице. Ему кажется, что ей пойдет на пользу смена обстановки. Он предложил направить ее в санаторий, но мне кажется, что ей лучше остаться у нас с Иветтой. Мы бы могли переоборудовать столовую, там рядом есть туалет, и Иветта говорит,

что можно встроить еще и душ, так что Мадди будет удобно. А если Мадди не сможет быстро научиться пользоваться костылями, то мы сделаем лифт.

– Гм-гм, – Себастиан понимал, что ему сейчас надо тщательно подбирать слова и быть максимально деликатным. – Пойми меня правильно, Кристофер. Я не думаю, что Мадди имеет что-нибудь против Иветты, но хорошо ли будет привезти ее в дом, где живет одна из лучших балерин последнего десятилетия? Ведь дочь Иветты заняла сейчас место Мадлен. Конечно, ей нужно регулярно проходить курс лечения в Сток Мандевилль, а путь туда из вашего дома неблизкий.

– Я тебя понимаю, но не хочу, чтобы Мадди лежала в больнице или в другом казенном учреждении, – ответил Кристофер. – Думаю, что она должна жить в домашней обстановке.

Себастиан кивнул.

– Согласен, но у меня есть предложение. Один мой друг-музыкант владеет уютным коттеджем неподалеку, в районе Монкс Рисборо. Там жила парализованная мать моего знакомого, поэтому дом оборудован для перемещения кресла-коляски. Друг предлагал мне снять этот дом на любой срок. Места нам хватит, я смогу поставить там рояль, работать и ухаживать за Мадди. Кроме того, оттуда до госпиталя всего двадцать минут езды.

Кристофер помолчал, обдумывая это предложение.

– Вообще говоря, звучит неплохо. Но, Себастиан, ты уверен, что сможешь ухаживать за Мадди? Дело ведь не только в том, что ей нужна чисто физическая помощь, у нее к тому же ужасная депрессия, она так угнетена к подавлена. Я знаю, что ты скоро должен сдавать в «Конрад Корпорейшн» свой мюзикл…

– Я люблю Мадди. И я хочу быть с ней.

– Но тут есть еще проблема. У тебя нет машины.

– Куплю.

– Ну, что ж, – Кристофер потер подбородок, – если моей дочери нравится эта идея, я уверен, мы с Иветтой поможем вам деньгами. Конечно, я буду навещать вас как можно чаще.

– Ну, это естественно. – Себастиан поставил бокал на стол. – Я надеюсь, что ты не будешь думать, будто я собираюсь украсть у тебя Мадди.

– Ладно, ладно. Давай-ка лучше посмотрим, что на этот счет скажет сама Мадди. Хорошо?

– …Итак, девочка, выбор за тобой, – подытожил Кристофер. – Что ты думаешь по этому поводу?

Мужчины внимательно наблюдали за реакцией девушки, неподвижно сидевшей в инвалидном кресле, но лицо Мадди осталось бесстрастным. Она равнодушно посмотрела на них и отвела глаза.

– Мне все равно.

– Чего тебе больше хочется, жить со мной и Иветтой или остаться в коттедже с Себастианом?

– Я же сказала, что мне все равно, – таким же равнодушным голосом ответила девушка.

– Если мы поедем в коттедж, с нами вместе могла бы поехать и Шехерезада. Она без тебя ужасно тоскует, Мадди, – мягко сказал Себастиан.

Мертвый отсутствующий взгляд скользнул по его лицу, и он увидел, как тень улыбки промелькнула на ее губах.

Мадди, наконец, проговорила:

– Тогда я, пожалуй, поеду с Себастианом.

Глава 50

Монкс Рисборо – милая очаровательная деревенька всего в семи милях от Сток Мандевилля. Коттедж, который принадлежал другу Себастиана, располагался на земельном участке в пол-акра, в окружении прекрасных деревенских пейзажей Бакингемшира. Нижний этаж дома состоял из уютной гостиной с большим старинным камином, кабинета, в котором поставили рояль, и ванной комнаты. На первом этаже находилась спальня Мадди. Наверху были еще две комнаты и другая ванная.

– Ну, как тебе тут, девочка? – Себастиан поставил клетку с Шехерезадой на колени Мадди и покатил кресло к входной двери.

– Очень мило, – равнодушно сказала Мадди.

– Очень мило? – Себастиан открыл дверь и улыбнулся. – Святые угодники! Вот это да! Слушай, женщина, я обыскал все на свете, перерыл горы бумаги и обходил все окрестности, лишь бы найти для тебя и твоей треклятой кошки уютное жилище, а ты говоришь «очень мило»!

Еще утром он дал себе клятву, что какой бы недружелюбной и капризной ни была Мадди, он не потеряет выдержки и останется спокойным и терпеливым.

– Ну, вот и мы, – толкая перед собой кресло, он вошел в гостиную. – Дом! Милый дом! Как там говорят, дома и стены помогают, да? Хочешь увидеть свою комнату?

Мадди пожала плечами:

– Все равно…

Себастиану пришло в голову, что если она скажет еще раз то же, самое, он возьмет ее за плечи и хорошенько встряхнет. Оказалось, что выдержки у него значительно больше, чем он предполагал, потому что ответил он очень спокойно:

– Ну, как хочешь, я тебе ее все равно покажу.

Мадди пришлось осмотреть милую, уютную спальню, оклеенную веселенькими обоями. Но и тогда она ничего не сказала, говорил пока Себастиан:

– Все равно, это лучше, чем сидеть в этом дурацком госпитале. Я пока тебя ненадолго оставлю, разгружу машину, вытащу все сумки и

баулы. Я накупил кучу консервов и разных продуктов на случай снежных заносов.

Она изумленно посмотрела на него.

– Себастиан, не будь идиотом, сейчас июнь.

– Ах, милая моя, всем известно, что хороший хозяин готовит сани летом. Сейчас я вернусь. – Себастиан подмигнул девушке и вышел из комнаты.

– Ну, хочешь выйти погулять? шепотом спросила Мадди, обращаясь к пушистой мордочке, глядевшей на нее сквозь прутья клетки. Затем она расстегнула кожаные ремни и открыла дверцу. Кошка осторожно выбралась на колени хозяйки, и Мадди, поставив клетку на пол, прижала Шехерезаду к груди. – Прости меня, милая, что пришлось покинуть тебя, но теперь я вернулась, – глаза девушки наполнились слезами, но тут за дверью послышались шаги Себастиана, и она торопливо смахнула предательскую слезу.

Доктор предупреждал Себастиана, чтобы он не ждал слишком быстрого улучшения. Мадди требуется некоторое время, чтобы привыкнуть к мысли, что она никогда больше не сможет заниматься балетом.

– Это похоже на смерть близкого родственника, – сказал врач. – Мадди так привыкла к жизни в балете, что сейчас, когда ее будущее, как ей кажется, ужасно, она испытывает жестокое потрясение, а это угрожает полным расстройством нервной системы. Она думает, что больше жизнь ей ничего не сможет предложить, и впереди у нее беспросветное серое будущее. Но это обязательно пройдет.

Итак, надежда все-таки есть. Но когда прошло дней десять, Себастиан стал беспокоиться, не переоценил ли он свои силы. У него появилось и крепло ощущение, что веселая жизнерадостная девушка, которую он знал раньше, превратилась в незнакомку, только внешне напоминавшую прежнюю Мадди.

Каждое утро он на руках относил ее в ванную и помогал умыться и одеться. Но после этого она сидела там, где он ее усаживал, уставившись в пространство, пока не наступало время ехать на лечение. Себастиан ломал голову, как занять Мадди, чтобы вывести ее из заторможенного состояния. Он покупал ей книги, брал видеокассеты, предлагал поездки в Олсбери или в деревенскую

пивнушку, но она лишь пожимала плечами и говорила, что ей все равно.

Доктора говорили Себастиану, что Мадди должна разрабатывать ноги, сидя в коляске, а он обязан помочь ей в этом. Однако, всякий раз, когда Себастиан предлагал девушке заняться упражнениями, она поджимала губы и говорила, что очень устала. Самое ужасное заключалось в том, что Мадди могла приготовить себе кофе и кое-какую еду в специально оборудованной для этого кухне, но не прилагала ни малейших усилий к тому, чтобы сделать что-то для себя. Себастиан знал, что если он не даст ей еды, она просто не обратит на это внимания.

В один из дней, когда Себастиан зашел в госпиталь, чтобы забрать Мадди после процедур, врач-физиотерапевт, женщина средних лет, подошла к нему. Она сказала, что тело Мадди вполне может восстановить свои функции, ее физическое состояние это позволяет, но Мадди, похоже, сама не хочет улучшений. Себастиан сказал, что попытается с ней поговорить. Он усадил ее в машину, девушка, как обычно, молча уставилась в окно, и его решимость сразу пропала.

Была еще одна проблема. Себастиан думал, что коттедж, где они жили, будет для него идеальным местом, и ему удастся, наконец, заняться работой, однако все его время было занято заботами о Мадди. Когда же она находилась в больнице, он садился за рояль, но его голова была так занята мыслями о Мадди, что он начинал путать ноты.

Единственное, что вызывало ее эмоциональную реакцию, была ее чертова кошка. Себастиан приходил в бешенство при одном виде проклятого животного. Он испытывал настоящие муки от безразличного отношения Мадди. Пусть бы она пела, орала, бушевала, – все, что угодно, только не это мертвое выражение глаз, не этот безжизненный взгляд с утра до вечера.

Ему с огромным трудом удавалось сдерживать себя. Было совершенно ясно, если в ближайшее время не наступит улучшение, то он вынужден будет признать, что проиграл, и предложит Кристоферу найти для Мадди более профессиональную помощь. Возможно, он был слишком наивен, думая, что ей нужна его любовь. Она стала совсем чужой.

Однажды утром, когда прошло уже недели три их пребывания в Монкс Рисборо, Себастиан готовил на кухне завтрак, а Мадди была в ванной, завершая утренний туалет. Шехерезада крутилась возле его ног, выпрашивая следующую порцию еды.

– Нет, кошляндия! Я уже дал тебе целую тарелку «Вискас». Не ври, что голодна.

Он поставил стакан с молоком для Мадди на кухонный стол и отвернулся, чтобы намазать булку маслом. Когда он повернулся к столу, то обнаружил, что мерзкая скотина уже залезла мордой в стакан с молоком.

– Брысь! – Себастиан сердито замахнулся на кошку и случайно опрокинул стакан. – Ах, чтоб тебя… Проваливай отсюда! Брысь!

Он легонько поддал Шехерезаде ботинком и опустился на колени, чтобы вытереть молоко, пролившееся на пол. В это мгновение до него донесся свистящий шепот Мадди.

– Как ты смеешь!

Себастиан поднял голову и увидел разъяренное лицо Мадди. Она побелела от ярости, однако он этого сначала не заметил.

– Привет, завтрак почти готов. Вот только Шехерезада…

– Я сказала, как ты посмел!

– Что ты имеешь в виду? – Себастиан почувствовал ее раздражение, поэтому сам заговорил как можно спокойнее.

– Если ты еще хоть раз, слышишь, хоть раз, прикоснешься к моей кошке, я… – Девушка так сжала руки, что у нее побелели пальцы.

– Мадди! Ради всего святого! Да я же до нее едва дотронулся! Она залезла в твое молоко, а я…

– Впредь оставь ее в покое. Она моя. Как ты смел? Как ты только посмел!?

И тут Себастиан не выдержал.

– Мадди, может, ты не заметила, хотя не представляю, как ты умудрилась не обратить на это внимания, но я кормлю твою проклятую кошку вот уже два месяца. Я снял этот дом потому, что надеялся тебе помочь, и я с тех пор делаю все, что в моих силах, чтобы как-то поддержать тебя, вернуть к жизни. Господи! Я же не хочу и не жду никакой благодарности. Она мне не нужна, потому что я люблю тебя и делаю все это только из любви к тебе. Но ты же не сказала мне за три недели ни одного слова, кроме этого упрека за то, что я выгнал твою

поганую кошку. Все-таки, это немного не то, а? Я понимаю, тебе сейчас жизнь опостылела, но, Господи! Я же старался сделать все, что можно.

Себастиан вытер лоб, смахнул волосы с лица и печально сказал:

– Видимо, ты не хочешь, чтобы я был рядом, и все, что я делаю, тебе не нравится, все плохо. Давай позвоним Кристоферу, попросим его приехать и забрать тебя. Он отвезет тебя в Лондон, раз тебе так плохо со мной.

Себастиан взглянул в лицо Мадди, но она опять сидела с отсутствующим выражением. Помолчав немного, он вздохнул.

– Все, я сдаюсь, проиграл. Завтрак готов, если я тебе нужен, я буду в кабинете. Извини, пожалуйста.

С этими словами Себастиан ушел к себе и закрыл дверь. Он сел за рояль, и комната наполнилась громкими отрывистыми звуками.

Прошло два часа после этой сцены, но Себастиан так и не записал ни одной ноты. Его душила обида, но он ругал себя за то, что накричал на Мадди. Проведя в полном бездействии столько времени, безучастно глядя на веселый пейзаж за окном, он снова и снова спрашивал себя, во что может вылиться его несдержанность. Наконец он не выдержал, решив послать к черту свою гордость и пойти узнать, как чувствует себя Мадди.

Было ясно, что он потерпел поражение. Теперь остается только позвонить Кристоферу и попросить, чтобы тот приехал в ближайший уик-энд и забрал Мадди.

Прошло еще полчаса. Себастиан больше не мог выдержать ужасной тишины, воцарившейся в доме. Он встал и направился к двери, но, открыв ее, с удивлением обнаружил Мадди. Сейчас она казалась более спокойной, хотя и была все так же бледна.

– С тобой все в порядке? Я как раз собирался пойти к тебе.

Она молча кивнула, и он сказал:

– Послушай, мне очень жаль, что я накричал на тебя. Я был неправ…

– Нет, Себастиан, пожалуйста, не извиняйся. Это я виновата. Я вышла из себя и, честное слово, сожалею.

Мадди избегала смотреть на него, и тогда Себастиан склонился к ней и взял ее руки в свои.

– Не надо, родная. Все это так ужасно.

– Все равно, это не извиняет меня. Ты так заботливо ко мне относишься с того дня, а я настолько ушла в свои страдания, что удивительно, как ты терпел это столько времени. Я же знаю, что у тебя дел по горло, а тут еще я. Это настоящая обуза. Я позвоню папе, попрошу его приехать и забрать меня в Лондон. Ты был просто удивительно заботлив, Себастиан, и будет нечестно…

– Дорогая моя, ты не обуза для меня. Я рвал на себе волосы, что ты стала так далека, и мне никак не удавалось помочь тебе. Мадди, пожалуйста, не уезжай в Лондон. Я люблю тебя и хочу быть с тобой!

– Ты очень добр, Себастиан, но я сейчас совсем не та, что была раньше, и сомневаюсь, что когда-нибудь стану прежней. Ты же не хочешь возиться с инвалидом, который во всем зависит от тебя.

Себастиан попытался заглянуть ей в глаза.

– Мадди, – попросил он, – пожалуйста, посмотри на меня.

Но она сжала руки и покачала головой.

– Ну, пожалуйста!

Он встал перед ней на колени и осторожно приподнял ее голову за подбородок.

– Девочка, я люблю тебя, и мне все равно, в кресле ты или в инвалидной коляске. Твое состояние не будет длиться вечно. Самое главное, это любишь ты меня или нет.

– Но я же ничего не могу тебе предложить, Себастиан, – дрожащим голосом сказала Мадди. – Я калека, у меня нет будущего. Ты достоин лучшей участи.

Он улыбнулся.

– Может, ты и не обратила внимания, но я влюбился в тебя задолго до того, как стали говорить, что ты талантливая балерина. Я люблю тебя, потому что ты – это ты.

И тогда Мадди посмотрела на него сквозь пелену слез, застилавших ей глаза, и вдруг громко разрыдалась.

– О, Господи! Себастиан! – выкрикивала она, содрогаясь всем телом. – Как я буду жить, если мне нельзя танцевать!

Вместо ответа он поднял ее на руки и, прижимая к себе, словно маленького ребенка, стал ходить по комнате, не зная, что ей сказать. Постепенно рыдания девушки стали тише, она успокоилась. Тогда он

сел в кресло, все так же бережно и нежно держа ее в объятиях. Мадди прижалась к его груди и, всхлипывая, пробормотала:

– Обними меня, Себастиан, пожалуйста, обними!

– Я здесь, родная, здесь. Я от тебя никуда не уйду, – прошептал он, а девушка говорила и говорила, словно желая выговориться за все долгие недели своего молчания.

– Я просыпалась каждое утро, лежала и думала, зачем мне вставать. Все, чего я могу ожидать, это новая боль и разочарования от невозможности сделать что-то. Я чувствую себя жалкой развалиной.

– Уверяю тебя, ты на нее совсем не похожа, – нежно сказал Себастиан, взъерошив ей волосы. – Тебе же говорили врачи, что кресло-каталка – только на время. Я убежден, как только ты начнешь заниматься, очень скоро встанешь на ноги.

– А зачем? Чтобы все время помнить, чего я лишилась?

– Значит, ты хочешь провести остаток своей жизни в инвалидном кресле, которое на самом деле тебе не нужно, и даже не будешь пытаться исправить положение?

Мадди грустно посмотрела на него, не зная, как объяснить, что она чувствует, и, наконец, сказала:

– Балет – моя жизнь. Сейчас мне кажется, что она окончена.

– Дорогая, мне понятно, о чем ты говоришь, но разве для тебя все кончилось?

– А ради чего мне жить? Что мне осталось?

– Ну, во-первых, ты осталась жива, и это уже важно. Если ты постараешься, то очень скоро дело пойдет на поправку, и ты станешь ходить, пусть сначала и на костылях. Не вижу причин, почему бы тебе не вернуться к полноценной нормальной жизни. Наконец, у тебя есть я!

Себастиан замолчал, а Мадди посмотрела на него и, положив ему голову на плечо, робко спросила:

– Я, кажется, излишне упиваюсь своими страданиями, да?

– Ну, в общем-то, это понятно, но, по-моему, ты излишне увлеклась.

– Да, ты прав. Мне действительно надо взяться за себя. Если бы еще знать, ради чего. Я сейчас ни о чем не могу думать, кроме того, что у меня в будущем одна пустота. Но все же обещаю попытаться. Многим людям бывает еще хуже, чем мне.

Себастиан улыбнулся и поцеловал ее.

– Правильно. Сейчас я отнесу тебя в кресло, ты поедешь в ванную и приведешь себя в порядок. А потом, для начала, вернешься на кухню и поможешь мне приготовить ленч.

– Я люблю тебя, Себастиан. Прости, что я так надоедала.

– Надеюсь, что когда-нибудь сумею простить тебя, – он встал с кресла и понес девушку в инвалидную коляску. – А вообще, давай просто надеяться на лучшее. Ладно?

Наконец-то и Мадди улыбнулась.

– Ладно, давай.

Себастиан пошел на кухню, взял из холодильника сыр, помидоры и стал их резать. Он знал, что сделан самый важный шаг, однако путь к выздоровлению Мадди будет еще долгим и тернистым, а борьба за ее будущее только начинается.

К несчастью, у нее исчезла цель в жизни, и Себастиан знал, что отдал бы все, лишь бы отыскать эту нить, которая поможет его любимой вернуть интерес к окружающему миру.

Глава 51

Утром Кейт проснулась с чувством, будто ей снился кошмарный сон, длинный и удушающий, но стоит ей открыть глаза и отдернуть шторы, как кошмар развеется, словно дым…

К несчастью, это чувство оказалось ложным. Дела не только не улучшились, кажется, стали еще хуже.

В средствах массовой информации набирала силу буря разоблачений, вызванная расследованием деловой активности ее отца. Кейт искренне жалела, что не предвидится никакой катастрофы, которая могла бы стереть назойливую прессу с лица земли. Все время девушка чувствовала себя, как загнанный кролик в окружении своры собак.

После утомительных и изматывающих нервы похорон, во время которых все смотрели на нее, как на врага нации, Кейт хотела было вернуться на работу в антикварный магазин. Однако газетчики взяли ее в такой оборот, что мистер Беннет, хозяин магазина, предложил ей переждать это суровое время и выйти на работу через месяц-другой, когда все уляжется. Однако недели шли за неделями, а шумиха вокруг нее не утихала.

Каждое утро, разворачивая газеты, Кейт, как и все ее сограждане, видела новые разоблачения финансовых махинаций ее отца. Оказывается, десятки миллионов фунтов стерлингов были незаконно изъяты им из оборота компаний и нелегально размещены за границей. Две недели назад компанию отца официально объявили банкротом, и армия кредиторов бросилась спасать свои деньги. Родительский дом на Фитцджон Авеню был продан с молотка, все банковские счета отца арестованы, а Кейт пришлось выдержать многочасовые допросы, на которых кредиторы отца и многочисленные акционеры пытались выяснить, знает ли она хоть что-нибудь о местонахождении пропавших денег. Ей приходили по почте послания, полные ненависти и угроз, разоренные бизнесмены обрушивали проклятия на ее голову.

В довершение всего она не услышала ни слова от Джулиана с той минуты, как он покинул ее в самолете.

Кейт не удивилась этому. Ей было ясно, что член королевской фамилии вряд ли свяжет себя узами брака с дочерью преступника-

самоубийцы, запятнавшего себя таким громким скандалом.

Сказать, что ей было плохо, значило не сказать ничего. Три самых дорогих для нее человека бросили ее и оставили одну перед лицом ужасной враждебной жизни.

Дни Кейт были наполнены отчаянием. Лучшим выходом было покинуть Британию и подождать, пока все стихнет, но для этого нужны деньги, а ее счет в банке был тоже арестован в тот день, когда деловую империю отца признали неплатежеспособной. В итоге у Кейт осталось несколько сот фунтов, которые она успела вовремя взять из банка.

Большую часть суток она проводила в своей квартире, безуспешно пытаясь отвлечься от того, что происходило за стенами дома, или пытаясь найти выход из создавшейся ситуации. Чаще всего, утомленная бесплодными размышлениями, девушка находила забвение в вине. Доктор прописал ей валиум и снотворное, и она, принимая лекарства в неограниченном количестве, проводила дни в бессознательном состоянии.

Кейт не могла сказать, сколько она еще так выдержит. Просыпаясь среди ночи, девушка часто думала о том, что самоубийство было бы лучшим выходом, но ей также было ясно, что ничего у нее не получится. Чтобы лишить себя жизни, требовалось мужество, которого у нее не было…

Тишину пустой квартиры нарушил телефонный звонок, но Кейт давно уже не поднимала трубку. Ей теперь звонили только журналисты или кредиторы отца, желавшие задать вопросы, на которые у нее не было ответа.

Включился автоответчик.

– Кейт, привет, это Мадди. Я… о, черт! Тебя нет дома, а я терпеть не могу автоответчики… Я хотела…

Кейт, услышав голос подруги, стремглав бросилась к телефону.

– Привет, Мадди. Я дома.

– Кейт, как ты?

– Бывало и лучше, – тихо ответила она.

– Кейт, мне очень жаль, что я не могла с тобой связаться раньше, но у меня были проблемы. Я позвонила, чтобы сказать, что… Мне очень жаль, что все так получилось.

– Спасибо. – У Кейт перехватило дыхание, и голос ее дрогнул. – Мадди, ты не представляешь, как приятно слышать голос друга.

– Как ты со всем этим справляешься?

– Если сказать по правде, то никак. Спряталась в квартире и тихонько схожу с ума. Ты не поверишь, какими ужасными выдались последние недели. Я пыталась тебе дозвониться, но никто не отвечал.

– Меня с марта не было дома. А ты что… не слышала об этой истории?

– Нет. Что за история?

– Я должна была танцевать Одетту в Королевской опере, но накануне премьеры на генеральной репетиции на меня рухнула одна штуковина, и я два месяца пролежала в больнице. Я еще сейчас лечусь в Сток Мандевилле и учусь заново ходить.

– О, Господи, Мадди! Прости меня! – воскликнула Кейт. – Меня, наверное, не было в Англии, когда все произошло. Похоже, нам крепко не везет последнее время.

– Да уж, – голос Мадди прервался. – Я бы очень хотела тебя увидеть, но, к сожалению, не могу добраться до Лондона на поезде. Может, ты могла бы приехать повидаться со мной?

– Господи, Мадди! Да я под любым предлогом готова удрать из своей тюрьмы, которую кто-то называет квартирой. Твое предложение для меня просто манна небесная. Когда можно приехать?

– Можешь в этот уик-энд?

– Конечно. А как туда добраться? Мне сейчас даже горючего для машины не продадут.

Мадди объяснила подруге, куда ехать, и та напоследок спросила:

– А ты одна или с отцом?

– Со мной Себастиан.

– Да, понимаю, – кивнула Кейт. – Ну, что же, поплачем друг у друга на груди и будем весь выходной жаловаться на жизнь. И то неплохо. Жду, очень жду этого уик-энда.

Впервые за много недель Кейт почувствовала себя немного лучше. Вырваться из Лондона, из этого опостылевшего города, чтобы увидеть лучшую подругу, – в данной ситуации ничего не могло быть лучше.

Глава 52

В пятницу утром Кейт проснулась очень рано в отличном, насколько это было возможно, настроении. Она приняла душ, оделась и быстро уложила вещи в маленькую сумку, намереваясь выехать часов в десять, чтобы успеть в Монкс Рисборо к ленчу. Выходя из комнаты, она обратила внимание на груду писем, адресованных ей и лежащих на столике в фойе, но махнула рукой и оставила их там, где они лежали. Письма имели официальный и неприветливый вид, а Кейт не хотелось, чтобы плохие новости испортили ей настроение. Сегодня оно у нее впервые за много дней было приподнятым и даже радостным, и на сердце тоже было легко.

А когда она оставила позади Лондон и выехала на загородную дорогу, выглянуло солнце. Кейт включила радио и стала насвистывать в такт мелодии, которую передавала какая-то станция. Она чувствовала себя счастливой.

– Себастиан! Она приехала! – из гостиной раздался голос Мадди, и молодой человек поспешил к ней из кабинета. Поцеловав девушку в макушку, он легонько подтолкнул ее кресло по направлению к двери и сказал:

– Вот и хорошо. Иди-ка сама открой.

Мадди была совершенно не готова к тому, что увидела, настолько осунувшейся, бледной и болезненной казалась Кейт. Но и Кейт отшатнулась при виде подруги, беспомощно сидящей в кресле-каталке.

– Здравствуй, Кейт.

– Мадди! – Кейт бросилась к подруге и прижалась к ней. Когда девушки вошли в гостиную, Себастиан увидел на глазах у них слезы.

– Кейт, как хорошо, что ты приехала! – Себастиан тепло расцеловал старую знакомую. – Рад тебя видеть!

– Я вам тоже рада! Не могу выразить, как у вас тут хорошо. – Она улыбнулась. – Какая тут идиллия! Знаете, я купила по дороге шампанское, чтобы поблагодарить за приглашение и заодно отметить нашу встречу. Давайте выпьем за то, что мы, наконец, встретились после пережитого кошмара.

Кейт передала Себастиану свои покупки. Он воскликнул:

– Отличная идея! Неплохая добавка к кулинарному шедевру, который я приготовил для ленча. Поставлю бутылку в холодильник, пусть охладится. Извините.

Себастиан вышел, а Кейт села на диван, ее глаза улыбались.

– Он еще и готовит! Неплохо ты его обучила. Слушай, конечно, нельзя вот так в лоб спрашивать, но все-таки, вы двое… вдвоем… ну, это самое…

Мадди кивнула.

– Конечно.

– И сколько месяцев вы вместе?

– Почти шесть.

– Ты счастлива?

Глаза Мадди засияли.

– Да. Себастиан просто чудо. После этой трагедии я была в таком шоке, так подавлена, просто ужас. Ему было очень тяжело со мной, но он такой терпеливый, такой деликатный. А сейчас я с его помощью чувствую, что снова начинаю жить. Честно говоря, если бы не он, не знаю, как бы я со всем этим справилась.

– Ну, и когда же ты снова сможешь почесать ногой за ухом? – Раньше, чем Мадди заговорила, по ее потухшему взгляду Кейт поняла, какой будет ответ.

– Боюсь, что никогда. Я повредила позвоночник, так что, если повезет, у меня останется легкая хромота. Танцевать я уже не смогу, это точно.

– Ой, Мадди, прости, пожалуйста. Как же это случилось?

Мадди рассказала о том, что произошло в тот ужасный день. Когда она закончила, Кейт заметила:

– Ты все-таки держишься молодцом и кажешься довольно спокойной.

– Было совсем по-другому, смею тебя уверить. Да и сейчас еще бывает, что тело мне не повинуется, хочется волком выть и послать все к чертовой матери.

– Но ты получила хоть какую-то компенсацию? В конце концов, это же вина администрации.

– Да, они мне дали щедрые отступные, если я не обращусь в суд. Себастиан говорит, что мне следовало бы все-таки подать в суд и пустить этих сукиных детей по миру. Ты же знаешь, Себастиан на

редкость деликатный. – Мадди улыбнулась и пожала плечами. – Честно говоря, Кейт, мне совсем не хочется иметь дело с судом. Эти несколько тысяч все равно не вернут мне здоровья.

– Ну, знаешь ли, должна сказать, я согласна с Себастианом, – сердито сказала Кейт. – Тебе следовало взыскать с них все, до последнего пенни. Это твое право, знаешь ли, деньги всегда пригодятся. Я это только сейчас начинаю понимать.

Мадди накрыла ладонью руку подруги и спросила:

– Кейт, ты можешь говорить о том, что с тобой случилось? Не хочу быть любопытной, но…

– Нет, все нормально. Говоря по правде, я и сама хотела выплакаться кому-нибудь. Боюсь только, если я заведусь, то не скоро остановлюсь, буду говорить и говорить…

– Так, леди, ленч на столе в кухне. – Себастиан просунул голову в дверь и пригласил их к столу.

– Ладно, потом расскажу, – сказала Кейт, вставая. – Не хочу тебе портить аппетит.

И обе девушки отправились в кухню.

Они сидели за столом, ели, пили шампанское и болтали. Себастиан рассказал гостье, что работает над своими песнями из мюзикла. Если все пойдет по плану, то примерно через год на полках магазинов появится его первый альбом.

После ленча он повернулся к Мадди.

– Так, милая леди, вам пора спать. Тихий час.

– Ой, Себастиан, может, не сегодня? Все-таки это особый случай, не так часто у нас бывают гости.

– Приказы доктора не обсуждаются! – не терпящим возражений голосом заявил Себастиан и встал, чтобы выкатить кресло Мадди из-за стола.

– Ну, ты видишь, что мне приходится терпеть! Это же настоящий деспот!

Не слушая ее шутливого возмущения, молодой человек помог Мадди перебраться в ее комнату, а Кейт начала убирать со стола. Вдруг она почувствовала, как пуста стала ее жизнь. Какие бы трудности ни испытывала Мадди, рядом с ней был человек, который ее обожал. Вся атмосфера этого маленького коттеджа была наполнена такой любовью, которая давно исчезла из ее жизни.

Себастиан вернулся на кухню и стал помогать Кейт убирать. Закончив, он сказал:

– Я приготовлю кофе, и мы выпьем его в нашем маленьком дворике.

– Может, не надо? – с сомнением в голосе спросила Кейт. – У тебя и так много работы, не буду тебя отвлекать. Я могу и сама чем-нибудь заняться.

– Не говори глупостей, – заулыбался он. – Я использую любую возможность, чтобы удрать от этого ящика с черно-белыми клавишами.

Они сидели, наслаждаясь тихим теплым днем и вкусным крепким кофе.

– У Мадди, похоже, отличное настроение, – заметила Кейт.

– Да, ты знаешь, у нее были и черные дни, и дни получше, но сейчас дело идет на поправку, особенно последние четыре недели.

– А что в будущем? У нее есть какие-нибудь планы?

Себастиан огорченно покачал головой.

– Нет, никаких. Принимаем каждый день таким, каков он есть. Стараемся сосредоточиться на том, чтобы как можно скорее поправиться. Но, уверен, очень скоро она начнет задумываться над своим будущим, и это меня чертовски беспокоит. Ты же знаешь, что у нее с детства была одна страсть. Мне очень жаль, но как я ни ломал голову, ничего не могу придумать, что предложить ей взамен.

– Может, она могла бы преподавать?

– Возможно, – Себастиан пожал плечами, – но она еще слишком слаба. Да и потом, не знаю, как отразится на ее душевном состоянии вид балерин, выполняющих те же самые движения, которые давались ей с такой легкостью.

– Мадди говорила, что балетная администрация выплатила ей большую компенсацию за отказ от судебного разбирательства. Может, ей стоит открыть свое дело, заняться бизнесом?

– Рано пока еще говорить об этом, Кейт. Для начала я хочу, чтобы она научилась ходить, восстановила силу и ловкость, а там посмотрим. Да, кстати, – глаза Себастиана озорно заблестели, – специально для тебя сообщаю, что есть одна цель, ради которой ей стоит постараться.

– А что такое? Какая цель?

– Я собираюсь повести Мадди под венец на Рождество, – улыбнулся он.

Кейт всплеснула руками и воскликнула:

– Себастиан, отличная новость. Вы просто созданы друг для друга.

– Это точно! Но, Кейт, никому ни слова, договорились? И тогда, обещаю тебе, нам понадобятся твои услуги в качестве подруги невесты.

Себастиан сделал жест рукой, словно отметал все, о чем они говорили до сих пор, и, серьезно посмотрев на Кейт, сказал:

– Ладно, хватит о Мадди. Как ты поживаешь? Выглядишь ты очень измотанной.

Кейт сцепила пальцы, не имея сил ответить сразу. Наконец, она проговорила:

– Все это просто ужасно, Себастиан.

– Могу себе представить. Ты не догадывалась, каково истинное положение дел отца?

– Не имела ни малейшего представления.

– Все это, должно быть, стало для тебя ужасным потрясением. А есть хоть кто-нибудь, кто поддержал тебя в эти месяцы?

Кейт печально покачала головой.

– К сожалению, никого рядом не оказалось. Я собиралась замуж, но мой будущий супруг исчез в тот момент, когда разразился этот скандал. Мне кажется, что именно это ранило меня больнее всего.

– Бедная Кейт, – Себастиан сочувственно положил руку на ладонь девушки.

– Ну, что теперь говорить о том, что могло быть, но не сбылось. Бывали дни, когда я думала, что не выдержу, но теперь я уверена… – Кейт вздохнула, словно собираясь нырнуть. – Я молю Бога, чтобы это скорее кончилось. Кажется, есть признаки. Во всяком случае, уже почти неделю возле моего дома нет ни одного репортера. Надеюсь, что они нашли себе другую жертву. Теперь они в основном публикуют интервью с кредиторами, но даже эти люди начинают понимать, что у меня нет спрятанных миллионов.

Они немного посидели в тишине, потом Кейт вновь заговорила.

– Мадди не одинока, по крайней мере, в том, что касается будущего. Мне бы тоже хотелось начать все заново где-нибудь далеко

от Лондона, но для этого нужны деньги, а у меня их сейчас нет. Недавно мне пришлось отказаться от работы из-за того, что вокруг магазина шныряли толпы репортеров. Ладно, что-нибудь придумаю.

Себастиан посмотрел на Кейт так, словно видел в первый раз. В ее облике было что-то новое. Не скрывая симпатии и восхищения, он произнес:

– Ты знаешь, Кейт, если ты опустился на самое дно, значит, тонуть больше некуда, глубже не опустишься. Думаю, самое худшее у тебя позади. По-моему, ты поправляешься. Во всяком случае, ты сейчас говорила о своих делах так, словно медаль получила.

Кейт улыбнулась и, пожав плечами, сказала:

– Может быть, мой отец обманщик и вор, так пишут, но я обнаружила, что по крайней мере, мне остались в наследство его мужество и энергия. Ты верно сказал, я все потеряла. Мне терять больше нечего.

В субботу, перекусив в местном пабе, Кейт, Мадди и Себастиан вернулись домой, и Мадди погрузилась в полуденный сон.

– Не будем мешать ей. Пойдем в кабинет, и ты мне сыграешь что-нибудь из своего мюзикла, – попросила Кейт.

– Господи, конечно.

Себастиан встал и сделал ей знак следовать за ним.

– Сейчас как раз время, когда я обычно работаю. Мадди с детских лет засыпает под звуки рояля.

Они вошли в кабинет, и молодой человек сел за инструмент. Но не успел он начать, как Кейт спросила:

– А как называется это произведение?

– У него не было названия. Я долго ломал голову над этим вопросом, пока, наконец, в прошлый четверг нужное слово само собой пришло ко мне. Я назову свой мюзикл «Зачарованная».

– Классное название. О чем он?

– О девушке, полюбившей женатого мужчину. Они довольно быстро расстались, но девушка не может забыть любимого. Она пытается заставить его полюбить себя вновь, однако ничего не выходит. Тогда она идет к доброй колдунье и просит околдовать этого парня и заставить его ответить ей взаимностью. К несчастью, вскоре этот малый заболел, и она винит во всем себя. Конец я тебе

рассказывать не буду, – Себастиан внезапно смутился. – Ты сами должна посмотреть. Женщинам, думаю, должно понравиться. Я сыграю тебе увертюру.

Кейт закрыла глаза и откинулась на спинку кресла, слушая, как пальцы музыканта вызывают к жизни замечательные волшебные звуки. Внезапно музыка прервалась.

– Это еще не совсем закончено и звучать будет по-иному, когда я сделаю аранжировку. Я сейчас как раз работаю над ней.

– Слушай, я просто очарована, – засмеялась Кейт. – Сыграй еще, хорошо? Может, споешь пару песен?

– Ладно уж, не часто у меня появляется слушатель, перед которым можно похвастаться, – улыбнулся Себастиан. – Предупреждаю, у меня жуткий голос.

Еще через полчаса дверь в комнату открылась, и на коляске въехала Мадди.

– Привет, дорогая. Зачем ты встала? Ты же знаешь, доктора сказали, что…

– К свиньям докторов! Я не могу спать. Кроме того, я себя отлично чувствую, – отмахнулась Мадди.

– Боишься, что пропустишь что-нибудь интересное, да? – улыбнулся Себастиан, а Кейт сказала:

– Я тут слушаю шедевр Себастиана. Звучит великолепно.

Молодой человек махнул рукой.

– Было бы еще лучше, если бы ты не слышала моего хриплого голоса. Я тебе вот что скажу, – внезапно обратился он к Мадди. – Почему бы тебе не спеть для Кейт «Это любовь», помнишь?

Мадди покраснела и отчаянно замотала головой:

– Нет, нет, нет! Я не хочу!

– Ну, пожалуйста, Мадди! – стала упрашивать Кейт подругу. – Не будь такой ломакой!

– Ну, давай, малышка, – подбодрил ее Себастиан, – мелодию ты знаешь, ты уже пела эту песню, помнишь?

– Ну, ладно, – неохотно согласилась Мадди, – сами потом жалеть будете. Передай мне текст, Себастиан.

– Значит так, восемь тактов вступления, и ты начинаешь. – Себастиан взял первые аккорды, и девушка приготовилась петь.

Спустя четыре минуты последние звуки мелодии растворились в тишине дома, и Кейт, словно окаменев, сидела, не в силах вымолвить ни слова, едва веря тому, что только что услышала. Она изумленно, в немом восхищении смотрела на Мадди, и, наконец, воскликнула:

– О, Господи! Это же чудесно, Мадди. Я и не представляла, что ты так умеешь петь. Себастиан, какой у нее прекрасный голос, правда?

Себастиан кивнул, внимательно глядя на Мадди, которая тоже казалась очень взволнованной.

– Да, Кейт, голос у нее уникальный, но даже не пытайся ей об этом говорить.

– Но, Мадди, почему? Разве можно зарывать в землю такой талант? У тебя же прекрасный, удивительный голос!

– Да, и очень естественный, – высказал свое мнение Себастиан. – Требуется только открывать рот.

– Все, хватит! – резко прервала их Мадди. Лицо ее стало мрачнее тучи. – Понимаю, что это попытка убедить бедного инвалида в том, что у него есть и другие возможности. Ладно, все. Это не пройдет! И мне такая помощь не нужна, хватит. Спасибо. Я буду у себя в комнате.

Со слезами на глазах она резко развернула свое кресло и, оттолкнув Кейт, пытавшуюся ей помочь, стремительно поехала к двери.

– Но, Мадди, постой! – воскликнула подруга.

– Оставь меня в покое!

Себастиан и Кейт молча смотрели, как она покинула кабинет, и вскоре услышали стук закрывающейся двери. После недолгого молчания Себастиан вздохнул:

– Ну, видишь теперь, что Мадди не совсем в порядке, и не все у нее так хорошо, как она об этом говорит. Главное, до чего же глупо. У нее предубеждение против собственного голоса. Она сразу кидается в атаку, стоит мне только предположить, что у нее есть и другой талант, не только балетный. Честное слово, я ничего не понимаю.

Он сокрушенно махнул рукой. Кейт согласилась.

– Я тоже не понимаю. Даже мне ясно, что у нее исключительный голос.

– Да. Но Мадди сейчас чрезвычайно ранима и беззащитна. Я понимаю, почему она думает, что мы просто пытаемся подбодрить ее.

– Ну, вот что, – решительно сказала Кейт, направляясь к двери. – Я поговорю с ней и сумею вбить ей в голову, что она должна сохранять хоть крупицу разума. Да как она только посмела подумать, что я лгу.

– Молюсь за тебя, – Себастиан остался в кабинете, с любопытством ожидая, что из этого получится.

Кейт постучала в дверь комнаты Мадди и, не ожидая ответа, вошла. Ее подруга неподвижно сидела в кресле-каталке, и шторы окна были по-прежнему опущены. Кейт подошла и села на кровать.

– Во имя всего святого, ты не скажешь мне, что это значит? Я за всю свою жизнь не видела такой бурной реакции на свои слова.

– Но ведь это правда, не так ли? Это же Себастиан попросил тебя сказать мне, что я владею прекрасным голосом, чтобы поддержать меня. Он меня все время просит, чтобы я пела.

– Мадди, ты, возможно, удивишься, если узнаешь, что последние двадцать минут, как и предыдущие двадцать четыре часа, мы с Себастианом потратили совершенно впустую, потому что разговаривали не о тебе, а о моих проблемах.

Мадди покраснела и растерянно взглянула на Кейт.

– О, Господи! Я, кажется, опять занялась только собой и своими проблемами, а у тебя ведь и своих забот хватает. Мне очень жаль, Кейт! Прости меня, пожалуйста.

– Ладно, только с одним условием.

– Да?

– Ты мне должна верить, когда я говорю, что у тебя прекрасный голос. Используй это, Мадди. Это же настоящее свинство, не использовать такой дар судьбы.

Мадди тяжело вздохнула.

– О'кей. В любом случае не стоит об этом говорить, так как у меня вряд ли появится шанс использовать этот «дар судьбы».

Кейт пожала плечами.

– Как знать!

– Понимаешь, Кейт, мне сейчас очень стыдно, что мы так и не поговорили о тебе.

– Не беспокойся. Себастиан прекрасно исполнил роль исповедника. Отличный он у тебя парень, положись на него, – с чувством сказала Кейт.

Мадди согласно кивнула.

– Я знаю. Себастиан говорил, что ты должна была выйти замуж. Кто он?

– Джулиан.

Мадди изумленно посмотрела на нее.

– Ого! Я и понятия не имела.

– Об этом много писали. Но ты, видимо, в это время была слишком занята своей карьерой, чтобы читать газеты.

– Это точно. Я их до недавних пор вообще не читала и стала раскрывать только сейчас, когда появилось много свободного времени. Но мне казалось, что все это было сто лет назад. Что у вас случилось?

Кейт рассказала о том, как развивались отношения у них с Джулианом, и в заключение добавила:

– Мы были женихом и невестой, а потом он испарился с борта самолета быстрее молнии. Тебе ведь не надо объяснять, почему?

– Конечно. – Мадди состроила гримаску и презрительно скривила губы. – Разве можно впутывать в такой скандал члена нашей драгоценной королевской семьи? Но как это жестоко и грязно! Ты же, наверное, надеялась, что он, по крайней мере, свяжется с тобой.

– Ну, а ты как считаешь? – вздохнула Кейт. – Знаешь, их могущество просто ужасно. В прессе не было ни слова о наших отношениях с Джулианом, а ведь газетчики рыли во всех направлениях на сто метров в глубину. Готова поспорить, что им просто приказали заткнуться.

– Ладно, Кейт, – улыбнулась Мадди, – теперь, похоже, худшего не случится.

– Наверно. Так и Себастиан сказал. Мне просто больше нечего терять.

Кейт вспомнила эти слова, когда в воскресенье вечером вернулась домой и припарковала машину около дома. Себастиан и Мадди сказали, чтобы она приезжала, как только захочет их увидеть, и поэтому настроение у нее было приподнятое. Приятно было думать, что у нее сохранились близкие друзья, у которых можно отогреться душой в трудную минуту.

Кейт открыла дверь в холл, забрала письма, на которые не обратила внимания в пятницу, и вставила ключ в замочную скважину, надеясь обрести желанный покой после долгой поездки. Однако ключ

в замке не поворачивался. Девушка попробовала еще раз – опять неудача. Только теперь она заметила, что ключ вообще не подходит к этому замку. Затаив дыхание, Кейт наклонилась и примялась рассматривать замок. Затем она взглянула вниз и увидела свежие стружки и опилки.

Внезапно похолодев, чувствуя предательскую слабость в руках, девушка еще раз попыталась вставить ключ в замочную скважину. Потерпев неудачу, она стала отчаянно пинать дверь и колотить по ней руками.

Спустя некоторое время в соседней квартире послышались шаги, и на площадку выглянула соседка Кейт.

– Зря вы так стараетесь, в субботу приходили какие-то люди и поменяли замки.

– Кто приходил?

– Не знаю. Сказали, что у них есть постановление суда о выселении. Я думала, что вы знаете. – Соседка пожала плечами, и дверь захлопнулась.

Кейт, окаменев от горя, без сил опустилась на пол. Да нет же, нет! Они не имеют права выселить ее, не поставив в известность. Она стала лихорадочно рыться в сумочке в поисках письма или повестки, разрывая конверты и отбрасывая в сторону счета из банков, циркуляры и предписания. Но в последнем конверте лежало то, что было страшнее всего в эту минуту. Это было извещение из суда, в котором сообщалось, что квартира, как собственность Натаниэля Джонсона, чье имущество подлежит конфискации, опечатана, а ее хозяйка подлежит выселению.

– О, Господи! – тихо вскрикнула Кейт и, закрыв лицо руками, заплакала от бессилия. Если бы в свое время отец записал квартиру на ее имя! Но она вспомнила, отец говорил ей, что получит налоговые льготы, если квартира будет «для служебного пользования». Тогда Кейт не обратила внимания на его слова. В конце концов, любой бизнесмен пытается платить поменьше налогов.

И вот теперь она стала бездомной, на ней вся ее одежда, и никакой собственности, если не считать стоящего возле дома автомобиля.

Кейт попыталась обдумать все как следует, спокойно и, насколько это возможно в ее положении, хладнокровно. Утром нужно будет позвонить адвокату, чтобы ей позволили зайти в квартиру и забрать

вещи. Сейчас звонить бесполезно, вряд ли кто-нибудь будет в офисе вечером в воскресенье.

Девушка проверила свою наличность. В кошельке оказалось двадцать четыре фунта и семьдесят три пенса. Ее чековая книжка и кредитная карточка были надежно упрятаны в ящике стола по другую сторону двери.

Взять деньги нет никакой возможности. Новая экономическая политика Кейт состояла теперь в том, чтобы воздерживаться от ненужных трат и брать с собой денег ровно столько, сколько нужно.

Немного подумав, Кейт решила, что ей нужно сейчас выпить. Ближайшая пивная находилась на Кенсингтон Черч Стрит, в ней было накурено и многолюдно. Кейт вошла и заказала двойную порцию водки. Взяв бокал, она села в углу, сделала пару глотков и сразу же почувствовала, что напряжение куда-то схлынуло, и ей стало чуть-чуть легче. Сегодня у нее, похоже, нет другого выхода, как позвонить Мадди и спросить, не найдется ли в доме места, чтобы переночевать.

За соседним столиком сидела, удобно расположившись, группа молодых людей со своими подружками. Они пили, курили, смеялись и были совершенно счастливы. На вид они были примерно ее возраста. Их веселые, довольные физиономии так резко контрастировали с ее мрачным лицом, что Кейт почти физически ощутила, как вокруг нее возникает стена отчуждения. Из-за их веселья ее беда казалась еще безысходнее. Она встала и подошла к бару, чтобы заказать новую порцию. Ясно, какой эффект на совершенно пустой желудок произведет еще одна порция водки, но больше испытывать эту мучительную боль Кейт не хотела. Она решительно поднесла стакан к губам.

Через час она потратила свои последние деньги на шестую порцию двойной водки. Вместо того, чтобы уменьшить сердечную боль, спиртное произвело совершенно другой эффект. Все эмоции, которые Кейт так долго старалась сдерживать, вдруг выплеснулись на волю.

– Мама, папа, как же вы могли так поступить со мной? – в отчаянии шептала девушка. Теперь она дошла до самого дна. Рядом с ней не было никого. Никому она сейчас не нужна, бездомная, без гроша в кармане. Не обращая больше внимания на посетителей,

обезумевшая от горя, Кейт зарыдала так, как может плакать только пьяная женщина, – горько, взахлеб.

Вдруг кто-то тронул ее за плечо.

– Прошу прощения, у тебя все в порядке?

Голос был знакомый, но кому он принадлежал, Кейт не могла вспомнить. Она подняла глаза и увидела молодого человека.

– Кейт! Вот так дела! Что случилось?

Улыбнувшись сквозь слезы, застилавшие глаза, еще не очень хорошо понимая, как он тут очутился, девушка с трудом произнесла:

– Привет, Хассан…

Глава 53

Хассан сидел за столом и удивлялся, как стечение обстоятельств привело его в этот бар, да еще за один столик с Кейт. Вообще он очень редко бывал в подобных заведениях, но сегодня университетские друзья отмечали встречу после долгой разлуки. Надо же было такому случиться, что и Кейт оказалась тут.

– Ты ужасно выглядишь, – сказал он. – Может, отвезти тебя домой?

– Конечно, отвези меня на набережную к остальным бродягам и бездомным.

Хассан с изумлением посмотрел на девушку, словно перед ним сидела душевнобольная.

– Слушай, тебе не очень хорошо. Пожалуйста, разреши отвезти тебя домой.

– Я же только что сказала, что у меня больше нет дома. Меня, как это… выселили, – она хихикнула, – или переселили…

– Но ты же можешь остановиться у кого-нибудь.

– Да… Вот я и собираюсь ехать в Рисборо к Мадди…

– Кейт, не дури. Ты не сможешь вести машину в таком состоянии.

– Ого! Еще как смогу! – она сделала попытку встать, но ее нога подогнулись, и девушка рухнула на стул.

– А, ч-ч-черт, ужасно плохо себя чувствую! – со стоном произнесла она, помотав головой.

– Ладно, ладно. Давай отсюда выбираться. Поговорим, когда доставим тебя домой.

– Прекрати говорить о доме! Тебе же сказано, что у меня больше нет дома!

– Хорошо, поедем со мной, – Хассан встал и попытался поднять Кейт со стула, но та упрямо заявила:

– Я не езжу к незнакомым мужчинам.

– Хватит, Кейт. Я хочу тебе помочь. Тебе нельзя здесь оставаться. Тебя же вышвырнут вон.

Наконец ему удалось вытащить девушку из-за стола. Поддерживая, он почти понес ее к двери. На воздухе она немного

протрезвела, но в следующую минуту почувствовала ужасную слабость и тошноту.

– И-и-извини меня, я сейчас…

Хассан понял, что это означает. Он подвел Кейт к стене и держал ее, пока она содрогалась от рвоты. Затем он подал Кейт платок и стал передвигаться вместе с ней к краю тротуара. Появилось такси. Хассан махнул рукой, усадил девушку на заднее сиденье и сел рядом. Кейт, видимо, плохо понимала, что с ней происходит. Как только машина двинулась с места, она заснула на плече своего спутника.

Возле дома Хассан расплатился с шофером и понес Кейт наверх. Он открыл комнату для гостей и уложил спящую девушку на кровать. Затем снял с нее пальто, накрыл одеялом, выключил свет и вышел из комнаты.

Глядя на бледное заплаканное лицо с потеками черной туши на щеках, Хассан чувствовал, что сердце его разрывается от жалости к этой девушке. Он налил себе виски, прошел в гостиную, лег в глубокое кресло и задумался.

Глава 54

Когда Кейт проснулась, оказалось, что она не помнит, где находится. Голова кружилась, перед глазами плыли зеленовато-желтые круги, но в целом ее состояние оказалось лучше, чем можно было ожидать. Она встала с кровати, подошла к окну и отдернула занавески. В комнату хлынули потоки солнечного света.

– Вот черт! – Кейт почувствовала, что ей не устоять, и села на кровать. В памяти стали всплывать отдельные эпизоды вчерашней ночи, и девушка сделала новую попытку определить, где она находится. Она посмотрела вокруг и почувствовала, что на нее кто-то смотрит. В следующую секунду стало ясно, что это ее собственное отражение в зеркале. Кейт засмеялась, увидев себя, – ну и вид! Волосы стоят дыбом, а лицо, словно у индейца, в боевой раскраске, все перемазано косметикой.

Она посмотрела на часики и удивленно присвистнула – было уже больше двенадцати! Надо звонить судебным исполнителям и всем, связанным с этим делом, чтобы попросить разрешения забрать свои вещи из опечатанной квартиры. Шатаясь, Кейт пошла в ванную, а еще через несколько минут она стала такой, какой была вчера днем. Она обулась, взяла пальто и открыла дверь, намереваясь уйти. В соседней комнате стоял Хассан и улыбался.

– Доброе утро, вернее, добрый день. Мне показалось, что кто-то шевелится.

Кейт залилась краской.

– Хассан, я тебе очень благодарна, что ты дал мне переночевать, и очень сожалею, что напилась вчера, как… Ну, словом, мне нужно идти, предстоит переделать миллион дел.

– Да? Куда именно ты собираешься? Помнится, вчера ночью ты говорила, что осталась бездомной.

– Мне нужно позвонить судебному исполнителю, попасть в свою квартиру и…

– А почему бы тебе не позвонить прямо отсюда? – спокойно сказал Хассан.

Кейт вынуждена была признать, что в этом есть резон. У нее был выбор – звонить из его квартиры или из телефона-автомата, где ей

потребуются деньги, а денег как раз нет.

– Ладно, – неохотно согласилась она, – если ты не против.

– Конечно, не против. Позволь предложить тебе – перед тем, как побежишь делать миллион дел, прими, пожалуйста, ванну и брось что-нибудь себе в желудок. Вчера ты была не совсем здорова, знаешь ли.

Кейт ничего не сказала, только еще больше покраснела.

– Послушай, – сказал Хассан, словно не замечая ее смущения, – звони в гостиной, а я приготовлю тебе ванну и что-нибудь соображу поесть, идет?

Кейт кивнула и тихо прошептала:

– Спасибо.

Она чувствовала, как ее гордость куда-то улетучилась, а может, просто тихо потонула в толстом ворсе ковра.

Переговорив с судебным исполнителем и освежившись под душем, девушка присоединилась к Хассану, который ждал ее в оранжерее.

Он подвинул ей стул и сказал:

– Садись и ешь. Может быть, ты все-таки расскажешь, что все это значит?

Кейт кивнула и села. Стол перед ней был уставлен фруктами, салатами, гренками. Она взяла яблоко, разрезала его на четыре части и начала есть.

– Предлагая тебе поесть, я имел в виду нечто более существенное, – Хассан взял кусок поджаренного хлеба, намазал его маслом и подал девушке. – Возьми это. Ты очень похудела за то время, что я тебя не видел.

Он немного помолчал, украдкой глядя, как она ест, а потом сказал:

– Видимо, это из-за истории с твоим отцом?

– Да. Надеюсь, нет необходимости пересказывать тебе все детали. Уверена, что ты, как и все в нашей стране, знаешь об этом столько, сколько и я, благодаря нашей пронырливой прессе.

– Да. Меня, правда, несколько месяцев не было в Англии, но я, конечно, слышал о том, что случилось. Мне искренне жаль, Кейт. Пожалуйста, прими мои соболезнования.

Кейт вздохнула.

– Это были не лучшие месяцы в моей жизни. Я должна извиниться перед тобой за прошлую ночь и за свое поведение. Но меня окончательно выбила из колеи эта история с моим выселением. Квартира, видишь ли, была записана на имя отца.

– Неужели они даже не дали тебе времени собраться?

– Нет, – девушка горько улыбнулась. – Квартира была записана как служебное помещение. Мне объяснил судебный исполнитель, что отцовская корпорация передана опекунскому совету, а я официально не принадлежу к этой компании, поэтому они вообще не были обязаны предупреждать меня. Мне сказали, что я должна благодарить их за то, что они по доброте душевной дают мне на сборы двадцать четыре часа. Только, к несчастью, меня в этот момент дома не оказалось.

– Ясно, – вздохнул Хассан, – а твои личные вещи?

– Судебный исполнитель согласился встретиться со мной сегодня, чтобы я могла взять одежду и другие личные вещи. Он хочет присутствовать при этом, чтобы убедиться, что я не сопру чужую зубную щетку или деревянную ложку.

– А что потом?

Кейт налила себе чашку чая и, помолчав, ответила:

– Не знаю. Первое, что придется сделать, это продать машину. Слава Богу, она записана на мое имя. Это даст мне средства. Затем, я полагаю, мне нужно будет подыскать жилье.

– Где же ты будешь жить все это время?

– Может быть, у Мадди.

– Но тебе ведь надо быть в Лондоне, чтобы искать квартиру.

– А что, у меня есть выбор?

– Ты могла бы остаться здесь, – предложил Хассан.

– Это очень любезно с твоей стороны, – ответила Кейт, – но я…

– Через два дня я улетаю в Америку. Мы купили недавно в Кентукки конный завод. Меня не будет в Англии примерно месяц. Так что этот дом совершенно свободен.

Первым побуждением Кейт было отказаться, но у нее возникла мысль, что нужно быть идиоткой, чтобы отказаться от крыши над головой на ближайшие несколько недель. А если Хассана здесь все равно не будет… Она внимательно посмотрела на него.

– Я… Мне… Хассан, скажи, почему ты так добр ко мне после того, как я с тобой так поступила?

Хассан улыбнулся в ответ и ответил, не задумываясь:

– Это все быльем поросло. Столько воды утекло уже под Лондонским мостом. Ты мой старый друг, и тебе нужна помощь, вот и все объяснение, Кейт.

Она кивнула.

– О'кей. Я очень тебе благодарна, что у меня будет крыша над головой. А к тому времени, когда ты вернешься, я обязательно что-нибудь себе подыщу. За квартиру я тебе, конечно, заплачу.

– Ну, конечно, – согласился Хассан, пряча улыбку, – как захочешь и сколько сможешь.

Кейт посмотрела на часы.

– Мне нужно идти на встречу с судебным исполнителем, спасибо тебе за все.

– Хочешь, пойдем вместе?

– Нет, не беспокойся. Все будет нормально.

Хассан встал из-за стола и помог подняться девушке.

– О'кей, увидимся вечером. Если меня не будет дома, когда ты вернешься, откроет Бриджит. Позже я дам тебе ключи от входной двери. Они где-то валяются.

С этими словами Хассан вышел из оранжереи.

Он закрылся в кабинете и начал перебирать факсы, совершенно не замечая, что там сообщалось. Мысли его снова и снова возвращались к Кейт.

От осознания, что она находится с ним под одной крышей, он пришел в полное смятение. Хассан измучился, он не мог забыть Кейт, не имея возможности быть с ней рядом. Увидев в газете фотографию, где она была снята с виконтом Форбсом, Хассан думал, что возненавидит ее за ложь. Ведь она говорила ему, что у нее никого нет. Однако он не смог ее забыть. Теперь, возможно, у него появился шанс вернуть Кейт. У нее были тяжелые времена, ей пришлось много пережить за это время. Она и так была достаточно наказана за то, что причинила ему страдания. А сейчас судьба дает ему шанс помочь Кейт.

Кейт будет принадлежать ему. И раз уж она вернулась, Хассан знал, что не даст ей уйти.

Глава 55

– Доброе утро, дорогая. Как спалось, хорошо?

Себастиан поцеловал Мадди.

– Нет, не особенно, – вздохнула она. – Невозможно удобно устроиться. От лекарств больше вреда, чем пользы.

– Ну, ничего. Можешь сегодня днем выспаться. В качестве специального лекарства я тебе приготовил блины. Помню, ты их все время таскала с кухни, когда мы были детьми.

Себастиан улыбнулся, а Мадди важно закивала головой.

– М-да, мистер, ваше кулинарное мастерство никогда не перестанет меня удивлять. Пожалуй, я не буду торопиться с выздоровлением, чтобы не пришлось самой готовить.

– Мне, дорогуша, просто нравится носить передник с оборочками, – засмеялся Себастиан и поставил перед девушкой тарелку аппетитных блинов. – Надеюсь, что увижу чистую посуду.

– Ты меня кормишь на убой, – застонала Мадди. – Я скоро стану толстой, как бочка, а мышцы затянутся жиром. Я, между прочим, привыкла к суровой диете и изнурительным тренировкам.

– Можно ходить в местный бассейн. Давай завтра и пойдем.

Мадди решительно замотала головой.

– Нет, спасибо.

– А почему нет?

Ее лицо сразу помрачнело, и она зябко повела плечами.

– Да потому, что я буду стесняться. И вообще, давай поговорим о чем-нибудь другом.

Себастиан вздохнул, не первый раз спрашивая себя, перестанет ли когда-нибудь Мадди смущаться при упоминании о своем теле. Врач сказал ему, что, соблюдая некоторую осторожность, они могли бы заниматься любовью, однако Мадди решительно отвергала его ухаживания, и они спали порознь. Себастиан, конечно, понимал ее проблемы и не настаивал. Поэтому и сейчас он быстро переменил тему разговора.

– Мадди, можно попросить тебя об одном одолжении?

– Каком? – она подозрительно посмотрела на него.

– Ты же знаешь, что недели через две у меня встреча с Джаспером Конрадом?

– Ну…

– Я принес студийный магнитофон и синтезатор. Мне их дал Джой Трефьюзис, так что я теперь смогу записать песни на пленку и показать Джасперу. Я бы хотел, чтобы ты помогла мне при записи.

– Перематывать пленку и включать музыку?

– Да нет, глупышка. Я бы хотел, чтобы ты спела несколько песен. Большую часть композиции будет исполнять Тина. Было бы замечательно, если бы Джаспер мог послушать, как они звучат.

Мадди с сомнением покачала головой и решительно сказала:

– Себастиан, ты опять за старое? Ты же знаешь, как я к этому отношусь!

– Ну, Мадди, при чем тут ты! Я прошу об одолжении, и если ты откажешься, это будет с твоей стороны просто неблагодарно, особенно после того, как я приготовил на завтрак такие роскошные блины.

– Кажется, ты скоро займешься шантажом, – Мадди погрозила пальцем.

– Боюсь, что да. Послушай, я у тебя в долгу не останусь, ну, пожалуйста, Мадди.

Девушка все еще сомневалась и задумчиво ковыряла вилкой в тарелке.

– Ну, я не знаю. Дай подумать. Между прочим, мои блины стынут. Замолчи и давай завтракать.

Себастиан сидел в кабинете, колдуя над аппаратурой. В дверях появилась Мадди. Она улыбнулась и сказала:

– О'кей, ты победил. Когда начинать?

В течение трех дней Себастиан с восхищением видел, как Мадди постепенно избавляется от робости, а ее голос приобретает удивительную силу и уверенность. С каждой минутой он все больше убеждался, что именно в пении заключается ее будущее. И хотя Мадди не показывала виду, но она в эти дни казалась веселее, чем обычно. Она насвистывала теперь даже в ванной комнате. Когда Себастиан хвалил ее, она не просила его замолчать, а только улыбалась.

В конце недели Себастиан съездил в Лондон и привез недостающее оборудование для домашней студии. Весь уик-энд они

провели в студии, записывая шесть композиций, которые должен был прослушать Джаспер.

Часы тренировки дали свои результаты. Пение Мадди было просто восхитительным. Себастиан, слушая в ее исполнении «Это любовь», не раз ловил себя на том, что у него наворачиваются слезы.

Поздним воскресным вечером запись была закончена. Себастиан сходил за бутылкой вина, налил два бокала и, усевшись рядом с Мадди, включил записанную ими музыку.

– Ну? – спросил он, когда затихли последние аккорды. – Что ты на это скажешь? Годится для Бродвея?

– Себастиан, песни звучат прекрасно. Ты такой талантливый! Джасперу наверняка понравится.

Он опустился перед ней на колени и, улыбаясь, заглянул в глаза.

– Это твой голос сделал их особенными, любимая моя.

– Честно говоря, даже не верится, что это мой голос, – улыбнулась девушка.

– Ну, теперь понимаешь, почему я все время говорю о твоем голосе?

Мадди упрямо пожала плечами.

– Может быть… Просто удивительно, что может делать современная техника.

– Снова ты за свое! – Себастиан картинно поднял руки, выражая глубочайшее возмущение. – Мне до чертиков надоело твоя лицемерная скромность.

Выразив таким образом свое негодование, он наклонился к девушке и благодарно поцеловал ее.

– Спасибо, родная. Ты это сделала для меня. И я уверен, в скором будущем ты будешь делать это ради себя самой.

– Может быть… – улыбнулась Мадди, чувствуя впервые за долгое время, как забрезжил маленький лучик надежды. – Может быть…

Глава 56

Себастиан стремительно миновал Флит Стрит и свернул на Сохо Сквер. В руке у него был кейс с нотами «Зачарованной» и кассетами с записанными песнями. Пройдя через продуваемый сквозняками холл большого здания в викторианском стиле, он поднялся в лифте на третий этаж, подошел к массивной двери с табличкой «Джаспер Конрад Продакшн» и, сделав глубокий вдох, нажал на кнопку внутренней телефонной связи.

– Себастиан Ланг. У меня назначена встреча с Джаспером Конрадом.

В ту же секунду раздался сигнал зуммера, и дверь отворилась. Себастиан вошел в роскошную просторную приемную, стены которой были оклеены плакатами с изображением грандиозных мюзиклов, поставленных «Конрад Корпорейшнз» на Бродвее. Среди этой роскоши он не сразу заметил очаровательную блондинку-секретаршу, обратившуюся к нему с приветствием.

– Доброе утро, мистер Ланг. Я немедленно сообщу мистеру Конраду, что вы пришли. Пожалуйста, присаживайтесь. Не желаете чашечку кофе?

Себастиан отказался и, сев в удобное кресло, стал листать номер «Сцены». Ему хотелось сосредоточиться на том, что он читал, но как он ни старался, в голову ничего не лезло.

Наконец через десять минут, ослепительно улыбаясь, в комнату вошел сам Джаспер Конрад.

– Себастиан! Чертовски рад тебя видеть! Как дела?

Они пожали друг другу руки.

– Все хорошо.

– А-а! Это приятно слышать! Пойдем в офис. Я хочу послушать твою запись, прежде чем мы займемся другими делами.

Громадный рабочий кабинет Джаспера был меблирован дорогой кожаной мебелью, на стенах сверкали металлом полки, заставленные дисками, пленками и видеокассетами.

– Присаживайся, – Джаспер указал на диван. – Выпьешь?

– Нет, спасибо, – Себастиан сел, положил на кофейный столик свой кейс и достал пленку и ноты.

– Отлично! – Джаспер взял кассету, подошел к музыкальному центру, стоявшему на одном из металлических стеллажей, и вставил пленку. Себастиан затаил дыхание, а владелец студии тем временем нажал кнопку «воспроизведение».

– Начнем… – Джаспер сел за стол, а в мощных колонках раздались первые аккорды…

Через полчаса музыка стихла.

Джаспер медленно встал, подошел к музыкальному центру, выключил его и, обернувшись, задумчиво посмотрел на молодого человека.

– Думаю, нам лучше пойти на ленч, – произнес он, и сердце Себастиана замерло от предчувствия победы.

– Обсудим, когда начнем записывать альбом и каких размеров театр нам понадобится для постановки мюзикла, – Джаспер широко улыбнулся и положил руку на плечо Себастиана. – Просто фантастика! Великолепно! И где это тебе удалось отыскать девочку с таким феноменальным голосом? Какой голос! Она сможет записывать альбом с нами?

Джаспер пригласил Себастиана на ленч в «Джерри Клаб», маленький ресторанчик на первом этаже здания. Немного расслабившись, Себастиан принял приглашение владельца фирмы и согласился выпить шампанского.

– О'кей, пора строить планы. Я хочу, чтобы альбом вышел в следующем году, в июне. Сейчас октябрь. Если мы начнем записывать в марте, то у нас остается пять месяцев. Сейчас начнем рекламную кампанию, а перед началом основной записи я хочу выпустить сингл с песней «Это любовь». Скажу тебе прямо, Себастиан, все лучшие мюзиклы обязаны своим успехом тому, что синглы и альбомы с песнями расходились массовыми тиражами, – Джаспер внимательно посмотрел на Себастиана. – Эта вещь может получиться классной, очень классной. Отличные песни, необычный сюжет. Все, что нам нужно, это несколько звезд для участия в постановке. И еще я хочу видеть эту девушку, которая помогала тебе делать запись. Как ее зовут? Я ее знаю?

Себастиан покачал головой.

– Нет. Она хорошо известна, но в другой области искусства. Ее зовут Мадлен Винсент. Она была балериной в труппе Королевского Национального балета в Ковент Гарден.

– Значит, она член «Эквити»[5], у нее есть опыт работы на сцене?

– О, да!

– А почему она больше не танцует?

Себастиан пытался тщательно подбирать слова. Собственно говоря, большой проблемы нет, раз выход альбома – дело решенное. А если до премьеры мюзикла пройдет целый год, то можно уверенно сказать, что она успеет восстановить свое здоровье.

– С ней произошел несчастный случай, и травма положила конец ее танцевальной карьере. Так бывает часто, что маленькая проблема становится большой преградой для танцоров.

– Ну, это бывает. Если только она не калека, мы сделаем с ней то, что Ллойд Веббер и Райс сделали с Элейн Пейдж. До того, как Пейдж сыграла Еву Перон в «Эвите», ее тоже никто не знал. После Рождества я попрошу тебя познакомить меня с этой… Мадлен Винсент. Она симпатичная?

– Очень. По крайней мере, я так считаю.

– Ага, вот даже как? – Джаспер подмигнул, и Себастиан почувствовал, что краснеет.

– Да, если быть правдивым, я и писал партию главной героини Тины, имея в виду голос мисс Винсент.

– Ну, ну. У каждого композитора должна быть своя муза. Она его вдохновляет, – ухмыльнувшись, резюмировал Джаспер и, посерьезнев, сказал:

– Ладно, теперь поговорим о деле.

Себастиан вел автомобиль по ночной дороге, как всегда в пятницу загруженной транспортом. Из колонок автомагнитолы лилась музыка «Очарованной», и он снова и снова ставил кассету, чувствуя удивительную радость после беседы с Конрадом. Причина его восторженного состояния заключалась не только в том, что мюзикл, который он написал, принят к постановке, но и в том, что сегодня он, наконец, возвращается домой с прекрасным подарком для женщины, которую любит. Сегодня он может предложить ей не только собственную работу, но и будущее, такое же блистательное, как и то, от которого ей пришлось отказаться.

Себастиан затормозил возле местного магазинчика и купил бутылку шампанского.

Ему пришло в голову, что сегодня как раз подходящий вечер, чтобы сказать все.

Мадди сидела в кресле в гостиной и читала книгу, когда Себастиан вернулся домой.

– Привет, дорогая. Все в порядке.

Девушка заметила его блестящие радостные глаза и вздохнула с облегчением. Она догадалась, что новости хорошие.

– Да, кстати, Бетти привезла меня из больницы. Она уехала всего минут десять назад. Ну, рассказывай, – нетерпеливо потребовала Мадди. – Я ни о чем больше думать не могу. Понравилась Джасперу запись?

– Понравилась! Еще бы! Он просто обалдел.

Быстрым движением Себастиан подхватил девушку на руки и закружился по комнате. Затем остановился, поцеловал ее и ликующе провозгласил:

– Но моя музыка – не единственное, детка, что ему понравилось.

Он усадил Мадди на диван и опустился перед ней на колени.

– Джаспер Конрад хочет, чтобы ты исполняла роль Тины.

– Я?! О… Себастиан, – на мгновение Мадди забыла о металлическом устройстве, находящемся всего в полуметре от нее, и поверила, что все это может сбыться. Затем ее лицо помрачнело.

– А ты сказал ему о моих проблемах?

Себастиан кивнул.

– Да, я сказал, что ты получила травму во время репетиции.

– Нет, ты сказал, что я передвигаюсь в инвалидном кресле? – настаивала Мадди.

– Нет, не сказал. Но он и не собирается встречаться с тобой до Рождества, а твой врач говорит, что к тому времени ты уже сможешь ходить с палочкой. А мюзикл вообще пойдет в Вест Энде только через год. У нас еще есть уйма времени. Дорогая моя, разве это не здорово?

– Ты так думаешь? – с сомнением покачала головой Мадди, и Себастиан, увидев отчаяние в ее глазах, с жаром добавил:

– Мадди, девочка моя, я понимаю, что это очень непросто, но с моей помощью ты справишься.

– Ты так думаешь? – снова переспросила она.

Себастиан пожал плечами и склонился к ней.

– Да, я так думаю. – Он встал. – Выпьем шампанского. Сегодня у нас есть повод для праздника.

Мадди смотрела прямо перед собой, и ее мысли были в полном смятении.

– Ты опять сомневаешься, – укоризненно сказал Себастиан, вернувшись с бокалами. – Я по глазам вижу.

Мадди улыбнулась, ведь в конце концов нечестно портить ему день триумфа.

– Извини, – сказала она, взяв бокал с шампанским.

– Ах, да! – внезапно сказал он, не обратив внимания на ее извинения. – Есть еще одна вещь, которую я хочу тебе сказать, вернее, попросить.

– Что такое?

– Ну… я думаю, захочешь ли ты прогуляться со мной в ближайшее время.

– Куда? – девушка изумленно взглянула на него.

– Недалеко, к ближайшей церкви, – Себастиан улыбнулся.

Мадди еще больше растерялась, и тогда он опустился рядом с ней на диван.

– Какая ты недогадливая, Мадди. Я спрашиваю тебя: хочешь быть моей женой?

– О, Господи! – выдохнула она.

– Очаровательно! Это все, что ты мне скажешь?

Мадди улыбнулась.

– Извини. Но для одного дня слишком много.

– И все же?

Девушка молча смотрела на Себастиана.

– Ну, пожалуйста, Мадди! Ты пугаешь меня, скажи хоть что-нибудь!

– Если ты уверен, что я смогу ходить, то в тот день, когда мне удастся без чьей-либо помощи пройти по комнате, вот по этой самой комнате, я скажу тебе «да» и соглашусь выйти за тебя замуж, – отчетливо сказала она.

– Мое предложение послужит для тебя дополнительным стимулом, да?

– Да.

Себастиан поцеловал ее в губы.

– Ладно, договорились. Только ты должна знать, что я буду отвозить тебя на лечебную физкультуру рано утром и забирать поздним вечером, ясно?

– Могу себе представить, – простонала Мадди. – У тебя замашки римского рабовладельца.

– А как ты думала? – хмыкнул Себастиан. – У меня двойной интерес.

Глава 57

Кристофер сидел в своем кабинете за новеньким белым роялем, который недавно подарила ему Иветта в день рождения. Он медленно, осторожно опустил пальцы на клавиши, с наслаждением чувствуя, как прекрасно инструмент отзывается на малейшее прикосновение.

Но настроение у него было скверное. Может быть, потому, что недавно ему перевалило за сорок. Это именно тот возраст, когда, по мнению людей, пора оглянуться на прожитые годы, подвести некоторые итоги и сделать надлежащие выводы.

Он чувствовал, что в свои сорок три года не добился и сотой доли того, о чем мечтал и на что надеялся в молодости. Когда-то он собирался написать большую симфонию или балет, но ничего из этого не получилось. Самое большое, что ему удалось, это стать музыкантом в хорошем оркестре. Хотя, строго говоря, если бы не его жена… Во многом благодаря ей он получил эту работу.

Несомненно, они с Иветтой счастливы. Ему с ней так же хорошо, как в свое время с Антонией, пока… Кристофер резко встал, отгоняя воспоминания. Не стоит об этом думать! Это давно запрятано, похоронено на самом дне души, и он не хочет возвращения старых страданий. Пусть прошлое останется прошлым.

Засунув руки в карманы, Кристофер подошел к окну и стал смотреть на улицу. Он не должен жаловаться на судьбу. У него красивая жена, замечательный уютный дом и, наконец, после стольких лет, никаких финансовых затруднений.

Однако, с другой стороны, ему ничего не удалось добиться самому. Он сам ничего не создал, здесь ему ничего не принадлежит. И хотя друзья Иветты относятся к нему с величайшим уважением, он хотел бы его заслужить и оправдать.

Когда-то в молодости у него был талант. Сохранилась ли хоть крупица его после стольких долгих лет!

Кристофер унесся мыслями в те дни, когда они с Томом, отцом Себастиана, учились в музыкальном училище и думали, что весь мир создан только для них.

Он вновь прикоснулся к клавишам и взял несколько аккордов. Полилась медленная плавная мелодия, которую он так хорошо помнил.

Ее партитура давно хранилась у него среди старых нот. Сейчас ему внезапно захотелось сыграть ее. Кристофер подошел к книжному шкафу, на полках которого лежали коробки с записями, кассеты и папки, и стал листать старые страницы нотной бумаги. Ему пришлось перерыть практически все содержимое шкафа. Когда он уже собирался прекратить поиски, большой конверт внезапно выпал из старого альбома.

Кристофер достал пожелтевшие листы, но в этот момент крохотный листочек упал на пол. Он наклонился, чтобы поднять его. Это было старое письмо, и Кристофер сразу узнал его. Он даже застонал, настолько острыми и болезненными были нахлынувшие воспоминания, затем торопливо сунул письмо в конверт.

Подойдя к роялю, Кристофер поставил ноты на пюпитр и стал играть…

Через час он бережно сложил ноты и уставился в пространство.

– О, дорогой, превосходно! Ты это недавно написал?

Кристофер чуть не подпрыгнул от неожиданности и оглянулся. В дверях стояла Иветта. Он покачал головой.

– Нет, это я нашел среди старых бумаг.

– Ну, ну… Я стою уже полчаса, мне так и хочется танцевать под эту музыку.

– Спасибо, дорогая, но…

– У тебя есть еще?

– Да, целая симфония.

Иветта направилась к нему и, оживленно жестикулируя красивыми руками, заговорила:

– Тогда сыграй мне все остальное.

Кристофер вздохнул.

– Иветта, это очень приятно, но…

– Никаких «но»! – прервала она. – Ты все время принижаешь свой талант, однако на этот раз я этого не допущу. Пожалуйста, дорогой, сыграй все остальное.

Он понимал, что сейчас настал момент, когда нужно сказать жене правду, но так приятно было видеть неподдельное восхищение в ее глазах, что Кристофер не нашел в себе сил признаться. В конце концов, кто от этого пострадает?

Он кивнул:

– Хорошо.

Иветта села в кресло и закрыла глаза.

– Я готова.

И Кристофер заиграл.

Через неделю Иветта вбежала в кабинет Кристофера.

– Дорогой, у меня замечательные новости!

Он не мог сдержать улыбки, видя детский восторг жены.

– Успокойся, милая, и расскажи.

– Обещай, что не будешь на меня сердиться?

– Ну, посмотрим.

– Нет, ты сначала поклянись. Я это сделала для тебя.

– Ну, ладно, Иветта, прошу тебя, рассказывай.

– Ты помнишь, что мне безумно понравилась музыка, которую ты играл на прошлой неделе?

– Помню.

– Я же знала, что ты бы все равно не стал с этим ничего делать, поэтому в прошлый понедельник сама взяла партитуру на репетицию. После репетиции я попросила Антона послушать твою симфонию. Не думай, пожалуйста, я даже не говорила, кто композитор.

У Кристофера сжалось сердце, он тяжело опустился на стул, а Иветта, не замечая его реакции, захлебываясь от восторга, продолжала:

– Итак, Антон прослушал десять минут, потом стал бегать по комнате и просить пианиста сыграть еще. Послушав, он спросил меня, можно ли взять партитуру с собой. Я разрешила взять фотокопии. Он спросил меня, кто автор. Я промолчала. А сегодня Антон сказал, что прослушал симфонию целиком и хочет использовать эту музыку для своего нового балета. Дорогой, разве это не замечательно! Только подумай, ты все эти годы ничего с ней не делал, а теперь, оказывается, что у тебя будет премьера, да еще в Королевском Оперном.

– Иветта, ты сказала, что это моя работа?

– Да. Я не могла больше хранить этот секрет. Ты ведь не против, дорогой, да?

Кристофер смущенно потер лоб.

– Нет, я… Послушай, Иветта, дело в том, что…

– Ты талантливый композитор, слишком скромный во вред себе. Я этого больше терпеть не намерена. Хватит зарывать талант в землю.

Иветта обняла его и нежно поцеловала в макушку.

– Вот, теперь все, кто удивлялся, что я вышла замуж за тебя, увидят, почему я это сделала. Я так горжусь тобой. Приглашаю тебя на праздничный обед. Куда пойдем?

Кристофер слабо покачал головой.

– Решай сама, дорогая.

– Позвоню куда-нибудь и закажу столик.

Помахав рукой, она направилась к двери, но он окликнул ее:

– Дорогая…

Иветта остановилась в дверном проеме.

– Да?

Кристофер увидел, каким счастьем и гордостью светятся ее глаза. И снова промолчал, силы оставили его.

– Нет, ничего. Спасибо тебе.

Она послала ему воздушный поцелуй и, улыбаясь, вышла из комнаты.

Он тяжело вздохнул и опустил голову на руки. У него больше не будет шанса сказать ей правду. Он должен был признаться, но оказался слаб.

С другой стороны, разве не ему принадлежит эта партитура? Чрезвычайно сомнительно, чтобы кто-то сумел доказать обратное.

В глубине души Кристофера не покидало чувство, что его мучения только начинаются.

Глава 58

Николь редко нервничала перед спектаклем, но сегодня, надевая балетную пачку для первого акта «Спящей красавицы», в которой ей предстояло танцевать партию Авроры, она почувствовала предательский страх, сжавший ей сердце.

Сегодня был тот вечер, когда они с Сашей действительно выходили навстречу славе и признанию. В этот вечер должна была состояться премьера спектакля, на которой будут присутствовать члены королевской фамилии. После окончания спектакля Николь и остальные члены труппы будут представлены Ее Высочеству принцессе Маргарет, попечительнице Королевского Национального балета. А после этого в «Клариджe» состоится благотворительный обед, весь сбор от которого пойдет в Фонд спасения детей.

– Мисс Дениз и мистер Лобов, на сцену, пожалуйста.

Николь еще раз проверила пуанты и поспешила на сцену.

– Удачи! – пробормотала она. Саша скользнул по ней взглядом и перешел на другую сторону сцены. В который раз Николь подумала о том, что сейчас их герои будут поражать зрителей силой своей любви, и вряд ли кто-нибудь поверит, что за пределами сцены они с Сашей едва разговаривают.

Огни в зрительном зале погасли, зазвучала увертюра. Слезы жалости к себе выступили на глазах Николь. Как бы она хотела, чтобы ее жизнь была похожа на жизнь Авроры, прекрасной заколдованной принцессы. Где этот принц, который преодолеет все преграды, чтобы разбудить ее своим поцелуем? Ведь у нее до сих пор не было настоящей любви…

Через два часа к ногам Николь и Саши дождем посыпались цветы. После бесчисленных вызовов на поклон Николь сбежала со сцены, заваленной букетами, с радостной, счастливой улыбкой. Однако на самом деле никакого удовольствия по поводу многочисленных зрительских восторгов она не испытывала, и настроение было совершенно подавленным.

За кулисами ее ждал Антон Шанелль. Он расцеловал ее в обе щеки и воскликнул:

– Это триумф, дорогая моя! Полный успех! Вы сегодня были просто восхитительны.

– Спасибо, Антон.

Ни на кого не глядя, Николь пошла в свою артистическую уборную и приказала гримеру никого к ней не пускать. Перед встречей с королевской семьей ей хотелось немного побыть одной.

Она села в кресло перед зеркалом и посмотрела на свое лицо, покрытое густым слоем грима.

Во время второго акта, когда они с Сашей танцевали па-де-де, он нежно подхватил ее на руки и так ласково коснулся ее тела, что она чуть не застонала от желания. Николь понимала, что так долго продолжаться не может. Для нее было настоящей мукой любить его, работать с ним, дни и ночи желать его и знать, что он ее презирает, ненавидит, и ничего поправить нельзя.

Костюмер Николь постучал в дверь.

– Мисс Дели́з, члены королевской семьи идут за кулисы.

Николь пожимала руку принцессе Маргарет, а вокруг них суетились многочисленные фотографы и всякая пишущая братия. В группе высоких гостей она увидела чрезвычайно красивого молодого человека. Он подошел к ней, и Николь, очаровательно улыбаясь, подала ему руку.

– Вы прекрасно танцевали, мисс Дели́з.

– Спасибо, – ответила она и в ту же секунду вспомнила, что молодой красавец – виконт Форбс.

– Вы будете сегодня на обеде? – спросил он.

– Да.

– В таком случае мы еще увидимся.

Виконт подошел к другим артистам, а она была поражена, что ей приятно его прикосновение.

Оказавшись в артистической уборной, Николь смыла грим и распустила волосы. Настроение улучшилось. Она с удовольствием подумала, что все-таки не зря купила новое вечернее платье, в нем сегодня она будет выглядеть просто обворожительно.

Еще через десять минут Николь последний раз взглянула на себя в зеркало. Что ж, неплохо! Повесив сумку через плечо, она направилась к выходу.

Слишком долго ей пришлось быть под Сашиным влиянием. Настало время снова стать свободной.

Глава 59

Мадди и Себастиан вместе встретили Рождество. Их навестила Кейт. На Святках приезжали Кристофер и Иветта. Гостей поразили успехи, которых добилась Мадди, передвигавшаяся по дому в кресле на колесиках, но уже достаточно окрепшая для того, чтобы самостоятельно стоять, опираясь на палку.

Кристофера обрадовало не столько улучшение ее физического состояния, сколько то, как озорно блестели ее глаза и как заразительно, словно в старое доброе время, она смеялась.

– Не знаю, Себастиан, как тебе это удалось, но ты, определенно, совершил чудо. Мадди опять стала сама собой. Похоже, моя дочь приняла решение выздороветь, и, должен признать, теперь я твердо верю, что ей это удастся.

– Любовь – это самое сильное лекарство, – улыбаясь, ответил Себастиан, а Кейт, которая гостила у них, добавила:

– Надо признать, Себастиан, ты стал замечательной сиделкой.

– Спасибо, Кейт.

Себастиан сгорал от желания рассказать им о том, как они с Мадди записали партию Тины из его мюзикла, и что из всего этого получилось, но она взяла с него клятву молчать до тех пор, пока все окончательно не решится.

Мадди отметила, что отец выглядит необычно бодрым и оживленным. После ленча, когда они уселись перед камином, Кристофер, наконец, все объяснил.

– Антон решил ставить балет на мою музыку весной.

Мадди восхищенно захлопала в ладоши и обняла отца.

– Ой, папочка, не могу поверить! Поздравляю! Я так горжусь тобой. Надо же, мой отец – известный композитор. Я знала, что так будет, после стольких лет ты это заслужил.

– Сказать по правде, это только благодаря Иветте. У меня никогда не хватило бы смелости отдать партитуру Антону.

Кристофер с любовью посмотрел на жену.

– Мадлен права, дорогой. Ты это заслужил. Я только передала эти ноты в надежные руки, – улыбнулась Иветта.

Мадди с некоторых пор обнаружила, что совсем по-иному воспринимает Иветту. Теперь, когда она жила одна и была свободна от придирок и диких выходок Николь, ей стало заметно, с какой нежностью Иветта относится к ее отцу, как много делает, чтобы создать ему уют и покой.

– Я решила, что балет Кристофера станет моей лебединой песней, – сказала Иветта. – Мне уже сорок, и я не хочу закончить свою карьеру в качестве старой няни из «Ромео и Джульетты». Пусть люди запомнят меня Авророй или Жизелью.

– Я пытаюсь ее отговорить, но, честно говоря, понимаю, почему она хочет так поступить, – вздохнул Кристофер. – Наверное, лучше уйти в зените славы, хотя и выглядишь при этом, как юная девушка.

Иветта покраснела, как будто в самом деле была молоденькой дебютанткой. – Спасибо, дорогой, но, думаю, мне пора на отдых. Ты сказал Мадди о наших планах на будущее?

– Нет, только собирался. После того, как мой балет «Симфония для двоих» пройдет в Королевском Оперном, мы с Иветтой хотим отправиться в Европу, во Францию. Иветта наполовину француженка, и ей давно хочется побывать в родных местах. Правда, дорогая?

– Да. Знаешь, Мадди, мы с твоим отцом хотим купить дом где-нибудь на юге Франции и думаем сделать его нашей постоянной базой. Если балет будет иметь успех, твой отец, несомненно, получит новые предложения и будет много работать, а для творческой работы во Франции условия более подходящие, чем в Челси. И потом, – Иветта пожала плечами, – мне до смерти надоел английский климат, моим старым костям нужно много тепла и солнечного света.

– Да уж, надо согреть свои старые кости, – хмыкнул Кристофер. – Что ты об этом думаешь, Мадди?

– Думаю, что это отличная идея, – она подмигнула Себастиану. – Не хотел бы и ты отдохнуть во Франции, дорогой?

– Да! – вспомнил отец. – Ты знаешь, Сашу и Николь пригласили на гастроли в Америку вместе с труппой Нью-йоркского балета.

Мадди постаралась не показать, насколько больно ей слышать об этом, но ее реакция не осталась незамеченной, Кристофер растерянно посмотрел по сторонам, словно извиняясь за собственную неосторожность, а Себастиан постарался спасти положение.

– А я приглашаю всех остальных звезд на нашу кухню. Там как раз необходимо помыть посуду.

Он встал, за ним поднялась и Кейт.

– Я тоже помогу.

Следом вышел и Кристофер, а Мадди с Иветтой остались у камина вдвоем.

– Николь и Саша передавали вам с Себастианом привет и наилучшие пожелания. – Иветта немного нервно передернула плечами. Она по-прежнему чувствовала себя стесненно, общаясь с дочерью мужа. – Я очень сожалею, что Николь не смогла приехать, но она в настоящий момент очень занята. Саша говорил, что постарается улучить минутку и увидеться с тобой перед отъездом в Нью-Йорк.

– Передай им мой привет, – сказала Мадди. Наступила долгая пауза, во время которой обе лихорадочно думали, о чем бы еще поговорить. Неожиданно Мадди нарушила молчание.

– Спасибо тебе за папу и за все, что ты для него делаешь. Он, право же, заслужил эту любовь.

– Да, – голос Иветты дрогнул, – я его очень люблю. Ты ведь знаешь это, правда, Мадди?

– Да, знаю.

И обе женщины улыбнулись друг другу, понимая, что долгому периоду отчужденности отныне пришел конец.

Глава 60

Аплодисменты еще звучали, когда Николь побежала в свою гримерную, на ходу снимая серебряную корону Авроры. Усевшись перед зеркалом, она принялась торопливо снимать грим и наносить холодный крем, чтобы вернуть коже естественный цвет и свежесть.

– Торопитесь, мисс Делѝз? – спросил гример.

– Да.

– Наверное, что-то интересное предстоит?

– Да, – звезда балета явно не была расположена к откровенности.

Через пятнадцать минут она уже сидела в такси, направлявшемся к квартире Джулиана.

В ресторане, куда Джулиан пригласил Николь пообедать, они провели весь вечер, разговаривая о всяких пустяках. Точно так же, как и после премьеры «Спящей красавицы», на другой день ей принесли огромный букет белых роз, среди которых она нашла карточку с буквами «Дж.». Перед началом второго отделения он ей позвонил и спросил, не может ли она встретиться с ним после спектакля. Николь согласилась, и в тот же вечер они побывали в маленьком баре на одной из узких улочек недалеко от Ковент Гарден.

Сегодня, усаживаясь в такси, Николь точно не знала, что она испытывает к виконту, – вожделение или любовь, но давно уже у нее не было такого волнения при мысли, что предстоит провести вечер с мужчиной у него на квартире. Чувство неполноценности, появившееся с тех пор, как она вышла замуж за Сашу, исчезло в последние два месяца без следа, после того, как Джулиан осыпал ее комплиментами и цветами. Теперь Николь снова чувствовала себя прекрасной и соблазнительной.

Если этим вечером Джулиан предложит ей остаться, она согласится.

Они не говорили о том, что Николь замужняя женщина, как и о том, что он близкий родственник королевы и уже имел связи с женщинами, о которых писали газеты. Взаимная симпатия сделала их отношения настолько увлекательными, что за долгие часы свиданий они забывали практически обо всем.

Сегодня, Николь это знала, будет ее последняя встреча с Джулианом, по крайней мере, перед тем, как они с Сашей уедут в Нью-Йорк.

Такси остановилось перед домом, где была квартира Джулиана. Николь расплатилась с шофером, подошла к двери и нажала кнопку звонка.

– Заходи, – раздался в динамике голос виконта, и у нее по спине прокатилась волна возбуждения.

Он ждал ее у двери, и когда она вошла, поцеловал в щеку.

– Ты, как всегда, прекрасна, – улыбнулся Джулиан. – Входи.

Он ввел ее в роскошную гостиную с маленьким столиком, стоящим в центре.

– Шампанское?

– Да, с удовольствием.

Джулиан взял из ведерка со льдом бутылку, открыл ее и наполнил золотистой жидкостью два высоких бокала. Николь взяла бокал, хозяин поднял свой.

– За счастье!

– Да, за счастье.

Они пригубили вино, а затем некоторое время сидели в молчании, почти физически ощущая, как вокруг них сгущается возбуждающая атмосфера ожидания.

– Ты голодна? – спросил Джулиан.

– Да, пожалуй, я бы что-нибудь съела.

– Должен признаться, что я сегодня отослал кухарку. Однако она приготовила ужин, так что, если ты немного подождешь, я подогрею его.

Николь села в предложенное кресло и снова пригубила шампанское. Давно ее не пытался соблазнить мужчина, и от этого она чувствовала легкое возбуждение, а нервы ее были напряжены до предела.

Затем они опять сидели, поедая прекрасное жаркое, и разговаривали, как всегда, обо всем и ни о чем.

– Когда вы уезжаете в Нью-Йорк?

– В конце недели.

– Я буду скучать без тебя.

Николь не ответила. Она буквально ослабела от желания при виде сидящего перед ней красивого мужчины.

– Может, еще мяса?

– Нет, спасибо, я уже наелась.

– Вина?

– Пожалуй, да, – Николь встала и направилась к широкому низкому дивану.

– Что будешь пить, бренди или что-то другое?

– Лучше бренди.

Джулиан подошел к дивану, неся в руках два больших высоких стакана, и сел рядом с ней.

– Слава Богу, что теперь до самого Нью-Йорка у меня нет спектаклей, – вздохнув, сказала Николь. – Сезон был таким трудным. И как приятно, что теперь можно выпить и не опасаться, что завтра это отразится на танце.

– Я снимаю шляпу перед танцорами, – несколько высокопарно сказал Джулиан. – Такая преданность своему делу, такое самоотречение и дисциплина.

– Да, – согласилась Николь, тем временем думая о том, сколько еще времени ей придется поддерживать светский разговор. Когда же, наконец, виконт обнимет ее и начнет целовать?

– Ваши тела прекрасны, как у античных богинь, – внезапно охрипшим голосом произнес он и прикоснулся к бедру Николь.

Месяцы сексуальной неудовлетворенности привели к тому, что она совершенно застыла от напряжения и возбуждения, желая только одного, чтобы он не остановился на этом, а пошел дальше. Джулиан тем временем взял у нее стакан и переставил на кофейный столик рядом с диваном.

– Мне кажется, ты самая сексуальная женщина из всех, кого я знал, – пробормотал он. – Я каждую ночь мечтаю о том, как буду обладать тобой и что буду делать в постели с твоим восхитительным телом.

Молодая женщина почувствовала, как мужская ладонь скользнула на внутреннюю поверхность ее бедра, а другая его рука медленно и осторожно накрыла ее левую грудь.

– Ты не против того, что я мечтаю о тебе, Николь?

Не в силах ответить, она только мотнула головой и в следующее мгновение почувствовала губы Джулиана на своих губах. Его руки сжали мягкие холмы ее грудей, и Николь чуть не застонала от желания и нетерпения. Мужчина мягко толкнул ее, опрокидывая на диван, и принялся лихорадочно расстегивать платье. Он так торопился, что две пуговицы с легким сухим щелчком отлетели куда-то в сторону, зато Джулиан мог теперь беспрепятственно просунуть свою ладонь под легкую ткань бюстгальтера и нащупать упругие точки сосков Николь.

– О, Боже, я хочу тебя, хочу тебя! – застонал он. – Я хочу увидеть тебя обнаженной.

Николь оттолкнула его и стремительно вскочила. Ее глаза лихорадочно, с вызовом, загорелись. Она молча посмотрела на Джулиана, а затем медленно сбросила платье, которое с легким шуршанием упало на пол, и осталась в своем легком белье.

Джулиан вожделенно и восхищенно смотрел на прекрасную женскую фигуру.

А Николь, соблазнительно улыбаясь, повернулась к нему спиной, давая возможность насладиться видом своих крутых ягодиц, и стала расстегивать пояс. После этого она медленно сняла один чулок, затем другой и повернулась к виконту лицом.

– Еще? – тихо спросила она.

– Да, – хриплым шепотом ответил Джулиан.

Николь потянулась руками себе за спину и расстегнула бюстгальтер. Легкая ткань упала на пол, открывая маленькие прекрасной формы груди. Джулиан в нетерпении бросился, чтобы прикоснуться к ним, но Николь снова оттолкнула его.

– Ты же сказал, что хочешь увидеть меня обнаженной!

– Да! О, да!

И тогда она медленно засунула большие пальцы под резинку крохотного шелкового треугольника, прикрывавшего холмик внизу ее живота, и стала сдвигать ткань дюйм за дюймом вниз. Наконец невесомая завеса упала к ее ступням, она переступила через них и выпрямилась.

– Ты этого хотел? – улыбаясь, спросила она.

Не тратя времени на слова, Джулиан бросился к ней, повалил на пол и стал покрывать ее тело и лицо страстными поцелуями. Сквозь его учащенное дыхание Николь услышала шелест расстегиваемой

«молнии» и в следующее мгновение почувствовала, как к ее коже прикоснулась его горячая тугая плоть.

– Извини, я не могу больше ждать, – пробормотал Джулиан и раздвинул ее ноги, а уже в следующее мгновение резко и властно вошел в нее. Николь закрыла глаза, позволяя ему делать все, что угодно, и уже через несколько секунд его ритмичные сильные движения стали доставлять ей огромное наслаждение, такое, какого она еще никогда не испытывала. Она громко застонала, вскрикнула, и вдруг неожиданно все ее тело свело сладкой судорогой, и Николь потеряла представление о том, где находится, и что с ней происходит. Словно откуда-то издалека до нее донеслись ликующие крики мужчины, и она много позже догадалась, что это кричит Джулиан. И вдруг все кончилось…

Джулиан замер на ней, тяжело дыша, и Николь, возвращаясь из полубессознательного состояния, провела ладонью по его спине, удивляясь, какой он мокрый от пота.

– Что ты со мной делаешь? – услышала она его шепот. – Мой самоконтроль… прости, я больше не мог сдерживаться.

– Ничего, – Николь нежно прикоснулась к его шелковистым волосам. – У нас еще вся ночь впереди.

Когда она в девять часов утра ушла от Джулиана, у нее было прекрасное настроение. Всю ночь они занимались любовью, и теперь Николь впервые за долгое время чувствовала себя усталой, но удовлетворенной.

Он умолял ее не уходить. Но когда она на прощание поцеловала его, ей было ясно, что Джулиан выполнил свое предназначение. Он помог ей снова почувствовать себя женщиной, подарив ей такую ночь, такие наслаждения, которые они никогда не забудут.

Будущего у них нет. Они получили друг от друга то, что хотели. И если сейчас все закончится, они переживут это спокойно.

Когда Николь ехала на такси домой, ее мысли были заняты предстоящей поездкой в Нью-Йорк и ее будущим. Будущим, в котором Джулиану не было места.

Глава 61

В январе Кейт продала свой «Пежо-205». Она открыла счет в банке, хотя и боялась, что кредиторы могут проверить ее банковский счет и поинтересоваться, откуда у нее деньги. Но все-таки поместила туда почти всю сумму. Затем она занялась поисками подходящего жилья.

Это оказалось дьявольски трудной задачей. После роскошного огромного дома Хассана, в котором она жила, любая квартира казалась ей тесной и темной. Кейт могла позволить себе платить за квартиру не более семидесяти фунтов в неделю.

Потратив на поиски несколько дней и убедившись, что они безрезультатны, она возвращалась домой в ужасном состоянии. Ей трудно было представить, что это происходит наяву и именно с ней, ведь раньше ей никогда не приходилось думать о деньгах. Девушка только теперь поняла, что всю свою жизнь принимала как само собой разумеющееся то, о чем большинство людей могли только мечтать. Она часто вспоминала свою уютную милую квартирку, из которой ее выселили, и то, как хорошо ей там жилось.

Конечно, Кейт знала, что Хассан позволил бы ей жить у него, сколько ей заблагорассудится, но принять такой дар от него она не могла, особенно после того, как несколько месяцев назад отвергла его и солгала ему. Наконец девушка решила, что даже если ей попадется совсем ужасное жилье, все равно надо перебираться туда и начинать самостоятельную жизнь.

Кейт сняла жилье в Ноттинг Хилл. Это была маленькая комнатка, но довольно чистенькая и в довольно спокойном районе.

В середине января она сказала Бриджит, что нашла жилье, и быстро собрала свои нехитрые пожитки, которые удалось забрать со старой квартиры. Хассану она оставила записку, в которой благодарила его и сообщала свой новый адрес.

Почти неделю ей пришлось потратить, чтобы превратить свою комнату в подобие дома. Она купила массу комнатных растений, для украшения голых стен развесила на них множество плакатов и осталась довольна достигнутым результатом.

Когда начиналась депрессия, Кейт напоминала себе, что горевать у нее теперь нет причины. У нее есть крыша над головой и достаточно денег, чтобы не думать о них в ближайшие несколько месяцев. Так что хуже, чем было, уже не будет.

Она сходила к владельцу антикварного магазина, где работала раньше, но мистер Беннет сказал, что рассчитывать на работу у него она не может, так как от нее долгое время не было известий, и он нанял другую девушку.

Кейт знала, что нужно найти работу, но сделать это будет непросто, так как начинается спад производства со всеми вытекающими последствиями.

Как-то в холодный январский вечер Кейт вернулась домой после очередных поисков работы. Открыв дверь, она обнаружила на коврике конверт, а в нем свернутую в несколько раз записку.

«Дорогая Кейт,

Прошу извинить за то, что мы давно не виделись. Сегодня утром я прилетел из Кентукки. Очень рад был бы позавтракать с тобой завтра, если ты не очень занята. Пожалуйста, позвони. Если нужен автомобиль, я пришлю свой.

Хассан.»

Девушка села на кровать и задумалась, принимать или нет приглашение. Но желание хоть как-то нарушить одиночество взяло верх над гордостью, и она спустилась к телефону-автомату, чтобы позвонить Хассану. Трубку взяла Бриджит, и Кейт попросила передать Хассану, что с удовольствием с ним позавтракает, только не нужно беспокоиться о машине.

В автобусе по дороге к дому Хассана она решила, что будет держаться с ним как можно непринужденнее, чтобы он не догадался, как ей плохо.

Увидев, что Кейт подошла к дому, Хассан сам открыл дверь.

– Привет, Кейт. Я так рад, что ты приехала.

Он обнял девушку и повел в дом.

Гостиная, куда они вошли, была очень уютной, на стенах играли блики света, горел камин, и пахло сосновыми дровами.

– Шампанское? – Хассан подошел к ведерку со льдом и взял бутылку.

Кейт кивнула. Ей бросилось в глаза, как красив стал Хассан после возвращения из Кентукки. Жаркое солнце покрыло его кожу ровным бронзовым загаром, он стал более подтянутым.

– Вот, пожалуйста, – он передал ей бокал.

– Спасибо, Хассан. Я хотела бы поблагодарить тебя за то, что ты пригласил меня на ленч. – Кейт замолчала, с трудом подыскивая слова, волнуясь и все-таки понимая, что должна сказать то, что чувствует. – Знаешь, я тебе очень благодарна за помощь в последние месяцы. Я тебя считала хорошим другом, но…

– Но не больше, да? Ты это хотела сказать? – хладнокровно спросил Хассан.

Она кивнула, чувствуя себя ужасно, и попыталась объяснить. – Я только не хочу, чтобы ты меня неправильно понял…

– Я все понимаю, Кейт. Я тоже тебя считаю очень хорошим другом. Наш роман не получился, но это ведь не причина, чтобы отказываться от общения друг с другом.

– Да, это так.

– Вот и хорошо. Хватит этих выяснений. За нас! – он поднял свой бокал и отпил из него.

Кейт улыбнулась.

– Да, за нас.

По мнению Кейт, ленч удался. Шампанское было превосходное, а еды Бриджит наготовила столько, что можно было накормить целую армию. Хассан был удивительно интересным собеседником. Он с увлечением рассказывал о днях, проведенных в Кентукки.

– Американцы имеют абсолютно иную школу выездки. Им нравится, когда лошадь, так сказать, «учится в работе». Дома лошади получают минимум тренировки. Они рано начинают участвовать в скачках и продолжают обучаться на дорожке.

– А я за последние полгода вообще не видела лошадей. Мне многого из моей старой жизни жаль, но особенно лошадей.

– Не хочу забегать вперед и загадывать, но в любое время, когда захочешь, приходи в конюшню в Ньюмаркет.

Кейт забралась с ногами на диван, расслабилась, чувствуя себя сонной и сытой, с трудом сдерживая зевоту и глядя слипающимися глазами на огонь. Хассан подошел к секретеру, открыл один из ящиков, достал конверт и протянул его девушке.

– Это тебе.

– Что это?

– Открой и посмотри.

К огромному своему удивлению, Кейт обнаружила чек на восемь тысяч фунтов на свое имя.

– Но я… Что это? – она изумленно уставилась на Хассана.

– У Екатерины Великой был отличный сезон, она выиграла три гонки. Поскольку ты ее владелица, то эти призовые деньги являются твоими.

– Но я не могу взять их! За последний год я вообще не имела отношения к Екатерине Великой.

– Но твое имя есть в списке владельцев, так что это твои деньги. – Хассан пожал плечами.

У Кейт пропал весь сон. Она решительно замотала головой и протянула ему чек.

– Нет, мне всего хватает. Хассан, я не могу его взять.

Хассан взял чек.

– Ладно. Я положу эти деньги в банк на твое имя и оставлю их там. По закону они все равно твои. Я, конечно, понимаю, почему ты сейчас их не хочешь брать, но…

Он откашлялся, прочищая горло. Было заметно, что он чем-то взволнован.

– Хассан, что случилось?

– Я хочу тебя попросить. Мы с отцом только что купили конезавод во Франции. Там осталось несколько хороших кобыл, но его репутация лидера в выведении племенных животных практически утеряна из-за плохой организации производства в последние годы. Дело в том, что в этом году я просто не смогу уделить достаточно времени заводу. Мне там нужен генеральный менеджер. Вот я и подумал, что, может, ты заинтересуешься?

– Я? – Кейт испугалась, что слезы выдадут ее волнение.

Хассан кивнул.

– Да. Ты, на мой взгляд, значительно умнее, чем пытаешься казаться. Самое важное, ты любишь лошадей. Тебе придется вернуть заводу прежнюю славу и воспитать победителей за ближайшие два года. Работы, конечно, много, но я уверен, что ты умеешь работать.

– Я… – девушка замолчала, пытаясь найти нужные слова. – Я очень польщена, Хассан, но у меня абсолютно нет опыта. Можно найти много людей, у которых опыта и знаний больше, чем у меня.

– Конечно, можно найти, – вздохнул Хассан. – Только я никому из них не могу доверить это дело. Видишь ли, Кейт, у меня очень много всяких забот. Поэтому мне очень важно знать, что завод в надежных руках. Ты будешь полностью самостоятельна, в помощь я найду хороших специалистов. Ну, конечно, щедрая зарплата…

– Но…

– Если ты думаешь, что я делаю тебе предложение в память о наших прежних отношениях, то глубоко ошибаешься, – лицо Хассана стало жестким. – У меня есть золотое правило – никогда не смешивать удовольствия с бизнесом. К тебе будут относиться, как к любому другому работнику. У тебя будет работа, и если ты не будешь с ней справляться, то… Ну, не будем говорить о плохом. Как уже было сказано, я уверен, что ты справишься. Вот так-то.

Кейт почувствовала, что Хассан говорит серьезно, а он, не дожидаясь ответа, спросил:

– У тебя есть работа?

– Нет.

– Сейчас найти работу нелегко. Я тебя избавлю от лишних хлопот. Если хочешь, подумай несколько дней над моим предложением. На следующей неделе я лечу в Париж подписывать бумаги. Если заинтересуешься, можешь поехать в Париж со мной, заодно на месте все и посмотришь.

– О'кей, – девушка задумалась, – мне все-таки кажется, что это не для меня.

Когда же она вечером приехала домой и вошла в свою унылую бедную комнату, ее мысли приняли совсем другое направление. Кейт подумала, что было бы ошибкой отвергать предложение Хассана.

Что она имеет тут, в Британии? Ничего, абсолютно ничего. Ей нужно уехать из Англии, где ей пришлось столько пережить.

Через сутки Кейт позвонила Хассану и сказала, что с радостью полетит с ним в Париж.

Глава 62

– Ты готов?

– Да, – Себастиан отошел от двери.

– О'кей, пошли.

Себастиан сел на диван и затаил дыхание. Дверь медленно отворилась, и на пороге появилась Мадди, опирающаяся на костыли.

– Браво! – воскликнул он.

– Сейчас я подойду к тебе.

Мадди сжала зубы и с невероятным трудом сделала три шага по направлению к нему, опираясь на костыли, а Себастиан, заметив, как она побледнела, вскочил, чтобы помочь ей.

– Сядь! Оставь меня в покое! – сердито сказала она.

– Извини, – Себастиан сел.

Еще десять минут, еще четыре шага, и Мадди остановилась перед ним, шатаясь от усталости. Все, чего она смогла добиться в жизни, не шло ни в какое сравнение с этими семью шагами, и Себастиан почувствовал себя таким счастливым, как никогда в жизни.

– Получилось! – он поднял руку в победном жесте и нежно обнял Мадди.

– Я люблю тебя, люблю, родная моя! Ты сделала это, сделала!

– Это только начало. Мне нужно долго тренироваться, так что не очень-то радуйся, – остудила его восторги девушка. – Спасибо тебе. Сегодняшнее достижение – твоя заслуга.

– Не говори глупостей. Это не я заставил ходить твои ноги.

– Ты, ты! Ты дал мне цель, – мягко сказала она. – Честное слово, без тебя я никогда бы этого не добилась.

– Ладно, пусть это будет общей заслугой, – Себастиан поцеловал Мадди в губы и в который раз почувствовал мягкий толчок желания, от которого сжалось и учащенно забилось сердце. Ему говорили врачи, что он не должен требовать от нее физической близости до тех пор, пока Мадди сама не почувствует себя готовой к этому, пока не перестанет бояться своего тела.

Однако иногда ему было очень трудно следовать мудрому совету докторов. Себастиан и сейчас желал ее.

Когда он вновь поцеловал ее, Мадди почувствовала его возбуждение. Она испытывала в такие минуты очень сложные чувства: вину за то, что не дает Себастиану, который так добр и терпелив с ней, свою любовь и ласку, и обиду за себя, что не может немедленно ответить на его желание.

Однако Себастиан быстро взял себя в руки. Сейчас он не должен требовать от нее невозможного. Он улыбнулся.

– Давай-ка устроим себе праздник и отметим сегодняшний день.

Мадди благодарно кивнула, понимая, что он опять деликатно оберегает ее от лишней душевной боли.

– Отличная идея!

– А затем, мадам, у нас будет репетиция.

– Да, конечно.

Себастиан пошел за вином. Наполняя бокалы, он с невольной тревогой подумал, что остается меньше месяца до того, как ему придется знакомить Мадди с Джаспером. Задолго до этого дня Себастиан отослал в «Джаспер Конрад Корпорейшнз» ее фотографии, сделанные до несчастного случая, и глава корпорации позвонил ему и сказал, что одобряет кандидатуру певицы на роль Тины. С ее голосом и внешностью Мадди может записывать альбом, поэтому их встреча будет чистой формальностью.

Себастиан, конечно, понимал, что должен был предупредить Джаспера о том, что Мадди пока передвигается на костылях, но он хорошо знал, что тогда отношение к его любимой станет более чем прохладным. Однако, успокаивал он себя, для записи альбома на студии ее физический недостаток не имеет большого значения. Когда начнутся репетиции, Мадди уже сможет ходить нормально, на этот счет у него сомнений не было.

И все-таки тревога мучила его и отравляла сегодняшнюю радость. Что, если Джаспер откажется пригласить Мадди?

Нет, Себастиан Ланг этого не допустит. В конце концов, «Зачарованная» написана специально для Мадди, эта вещь дала ей цель в жизни, заставила ее сделать эти несколько шагов. Это произведение вернуло ее к жизни.

Глава 63

Николь и Саша прилетели домой из Нью-Йорка в середине февраля. Короткий сезон в Метрополитен Опера, куда они были приглашены в качестве гастролирующих звезд, имел ошеломляющий успех. Американцы сердечно встретили молодую талантливую пару, и на всех спектаклях был полный аншлаг.

Николь любила Нью-Йорк. Город казался ей возбуждающим и интригующим, а жители гостеприимными и щедрыми. Когда художественный директор пригласил их к себе и спросил, не хотят ли они заключить с компанией постоянный контракт, она сразу согласилась.

К несчастью, Саша наотрез отказался.

У них вышел грандиозный скандал по поводу этого предложения, но муж и бровью не повел.

– Мне не нравится Нью-Йорк, – сказал он. – Я не могу тут жить. Да и потом, я не могу покинуть Англию, пока не получу вид на жительство.

Вначале Николь просто локти кусала от досады, решив, что если Саша не согласится, то она ничего не сможет предпринять. Она хорошо понимала, что ее успех зависит от того, будет ли Саша ее партнером. Обдумав этот вопрос как следует, Николь пересмотрела свое решение. Ей всего двадцать лет. Другие балерины все время меняют партнеров, а она еще достаточно молода и найдет кого-нибудь, с кем достигнет столь желанной славы и известности. Ее личная жизнь тоже была несчастной. Рано или поздно это все равно скажется на их выступлениях и проявится на сцене. Стоит ли тянуть?

Единственное, что удерживало Николь от развода с Сашей, было то, что он знал ее тайну, знал ее вину перед Мадди. Взвесив все, она пришла к заключению, что если ее муж и расскажет кому-нибудь о происшествии в Королевском Оперном и ее причастности к нему, ему все равно никто не поверит, а доказательств у него никаких. После двух дней напряженных раздумий Николь все-таки решила рискнуть.

Она пошла к художественному директору Нью-йоркского балета и сказала, что согласна принять его предложение. Ей сказали, что у них в

труппе есть молодой американец, который сможет стать для нее подходящим партнером.

Их познакомили. Николь и Джерри Дюпри сразу приглянулись друг другу, а их па-де-де из балета «Жизель» очень понравилось руководству Нью-йоркской труппы. Поскольку контракт Николь с Королевским Национальным балетом заканчивался после возвращения в Лондон, она решила его не продлевать, а сразу уехать в Нью-Йорк, как только это станет возможным.

В самолете по пути в Англию Николь неожиданно почувствовала приступ тошноты.

На другой день после возвращения домой приступ повторился, однако она решила, что это обыкновенное расстройство желудка, и не стала обращать на него внимания.

На следующее утро за завтраком после очередного приступа, сопровождавшегося рвотой, Николь села напротив Саши, который уже заканчивал еду и сидел, уткнувшись в газету.

– О, Господи, как я себя плохо чувствую, – вздохнула она.

– Сходи к доктору, – Саша даже не поднял глаз.

– Благодарю за сочувствие, милый муженек, – неприязненно сказала Николь, с ненавистью глядя на него. – Если сможешь оторваться на пару минут от своей дебильной статьи, то я скажу тебе одну важную вещь.

– И что это за вещь? – Саша продолжал читать газету, и Николь сказала:

– Я решила развестись с тобой и буду работать в Нью-Йорке.

Саша внезапно побледнел и опустил газету.

– Что ты решила?

– Я не могу дальше так жить! Я хочу развестись с тобой и как можно быстрее уехать в Америку.

– Но, Николь, мы же с тобой заключили соглашение, помнишь? Будем вместе, пока не придут мои бумаги. Они ведь еще не пришли.

– Ну и что? Соглашение аннулируется. Господи, ну и дурой же я была! Неужели Ты думаешь, что хоть кто-нибудь поверит, если ты скажешь, что я подстроила несчастный случай с Мадди? – Николь захохотала. – Конечно, никто! Абсолютно никаких доказательств. Иди!

Рассказывай, если хочешь. Мне наплевать. С меня достаточно, Саша. Я немедленно подаю на развод.

– Но, Николь, еще несколько недель, и я получу эти чертовы бумаги. А если ты это сделаешь, меня могут отправить в Россию.

– Да? Ах, какая жалость! Правда, если сказать честно, я тоже думаю, что таким, как ты, у нас не место. Извини, меня, кажется, опять тошнит.

Николь побежала в ванную и успела как раз вовремя.

На другой день, не чувствуя облегчения, Николь решила сходить к своему доктору на Харлей Стрит. Сидя в приемной, она с удовольствием вспоминала, какое растерянное лицо было у Саши, когда она сообщила ему эту новость. Он очень скоро ушел, и больше она его не видела до утра.

– Мисс Дениз, входите, пожалуйста, – молоденькая девушка-ассистентка пригласила ее в кабинет и улыбнулась.

Доктор, пожилой седовласый мужчина, которого Николь знала с детских лет, подверг ее самому тщательному обследованию.

– Хорошо, оденьтесь, пожалуйста, пройдите сюда и садитесь.

Николь села и напряженно смотрела на врача, ожидая диагноза.

– Не думаю, Николь, что с вами произошло что-то особенное. Конечно, мы сделаем анализ крови и мочи, чтобы убедиться, что мой прогноз верен, но я уже сейчас с большой долей вероятности могу сказать, основываясь на данных осмотра, что вы беременны, уже недель двенадцать…

Николь ожидала услышать все, что угодно, но только не это. Видимо, потрясение так ясно отразилось на ее лице, что доктор, улыбаясь, произнес:

– Неожиданно, да? Ну, ничего. Большинство детей получаются неожиданно.

Она в это время отчаянно ругала себя, что всю жизнь не верила в непорочное зачатие. Вот Господь и наказал ее. И тут она вспомнила. При чем тут непорочное зачатие? Джулиан!

– О Боже, – вздохнула Николь.

– Вы, похоже, не очень обрадовались этой новости, – сказал доктор, укоризненно глядя на нее.

– О, я… – По правде говоря, она не знала, что нужно ответить.

– Лучше всего убедиться в том, что вы беременны. Я мог бы сделать анализы очень быстро, но, к сожалению, меня несколько дней не будет в Лондоне. Впрочем, если вы завтра после десяти позвоните, в регистратуре вам скажут результаты. А через недельку милости прошу ко мне для разговора.

– Но моя карьера… – Николь поджала губы.

– Да, да, боюсь, что на некоторое время придется отказаться от прыжков. Ну, как я и сказал, потерпите несколько дней, а в конце недели приходите ко мне для беседы.

Николь встала, чувствуя, что ноги ее не держат, и она вот-вот упадет на пол. Ее сил едва хватило, чтобы сказать:

– О'кей.

– Ну и хорошо. А теперь идите в лабораторию и сдайте кровь на анализ. До свидания, Николь.

Она попрощалась с доктором и пошла в процедурный кабинет по коридору, устланному толстым ковром. Протянув медсестре свою карточку, Николь сказала:

– Мне нужно сдать кровь на анализ.

– Очень хорошо, – улыбнулась медсестра, – проходите и садитесь. Вот сюда.

Она достала одноразовый шприц, вскрыла упаковку и закрепила резиновый жгут на руке Николь.

– Ах, если бы вы знали, какое наслаждение доставила мне ваша Жизель. Вы были в этой роли просто восхитительны. И это так романтично, что вы с мистером Лобовым любите друг друга и на сцене, и в жизни. Вы только подумайте, как это хорошо!

– Спасибо, – сквозь зубы процедила Николь.

– Значит, доктор думает, что вы беременны? Должно быть, вы с мистером Лобовым так счастливы!

– Да.

Единственным желанием Николь было дождаться, когда эта поклонница ее таланта замолчит, но та болтала без умолку.

– Вам придется на некоторое время прекратить свои выступления. Вот жалость, правда?

– Да, – если бы не резиновый жгут, Николь запустила бы в нее чем-нибудь.

– Вот и все. Ватку оставьте в туалете, а мне позвоните завтра после десяти, я вам скажу результаты.

Николь вышла из поликлиники и без всякой цели побрела по улице. Сегодня она просто не знала, куда идти. Мысль о том, чтобы возвратиться домой, была непереносима. Идя по Харлей Стрит, Николь размышляла о своем положении и думала о том, что у нее есть только один выход – от ребенка надо избавиться. Он станет ужасной помехой всем ее планам. Это совсем простенькая операция, тут даже беспокоиться не о чем. Тысячи женщин делают аборты, и это нормально.

Внезапно ей пришло в голову, что у нее под сердцем находится крохотное существо, в котором течет королевская кровь. Николь даже зажмурилась от удовольствия при мысли о том, какой громкий скандал мог бы выйти.

В какой глупой двусмысленной ситуации они оказались из-за того, что она согласилась на этот фиктивный брак. Нет! Чем скорее ей удастся уехать в Нью-Йорк, тем лучше.

Николь остановила такси и поехала к матери. Там она переночует, а утром позвонит в больницу. Если подтвердится диагноз доктора, она в ту же секунду поедет в поликлинику и сделает аборт. В любом случае на следующей неделе все будет кончено, и можно будет заняться подготовкой к разводу, а затем и переездом в Нью-Йорк.

Саша проснулся от телефонного звонка. Голова раскалывалась после бурно проведенной ночи. На Хэмпстед Хиз он вчера подцепил какого-то знакомого, с которым пил всю ночь напролет в каких-то забегаловках.

Саша подумал, что его заменит автоответчик, и повернулся на другой бок, снова провалившись в сон.

Он встал через несколько часов и пошел в туалет, думая о том, куда запропастилась его сволочная супруга. Проходя мимо телефона, Саша нажал кнопку автоответчика и стал готовить кофе. Услышав запись, он на мгновение замер, потом перемотал запись и снова начал слушать.

Ошибки не было. И все-таки он включил запись в третий раз.

– Привет, это Дейзи Кемп из «Ивнинг Стандарт». Одна малышка из больницы на Харлей Стрит сказала мне, что вы только что узнали

чертовски приятную новость. Я бы хотела знать, подтверждаете ли вы, что Николь ожидает вашего первого ребенка. Пожалуйста, позвоните по этому телефону…

Саша сел за стол и задумался. Новость поразила его своей нелепостью. Николь беременна?! Он громко расхохотался над комичностью ситуации и решил еще раз как следует все обмозговать. Возвращаясь мысленно к последним двум месяцам, он невольно вспомнил, что обратил внимание на то, что легкая, как перышко, Николь, когда он поднимал ее, показалась ему тяжелее, чем обычно. И эта постоянная тошнота последнее время…

Чем больше Саша об этом думал, тем больше убеждался, что это может оказаться правдой. Интересно, а кто счастливый отец? Он и не знал, что у Николь есть любовник.

Его губы растянулись в довольной усмешке. Не говоря уже о том, что это поможет ему удержать Николь от развода, это еще и прекрасная возможность показать ей, как весело было другим, когда она устраивала свои интриги. Пусть прочувствует свои методы. По крайней мере, год она не сможет танцевать. Может, она тогда хоть немного поймет, какую боль причинила Мадди.

Саша не сомневался, что его дражайшая половина попытается избавиться от ребенка, значит, нужно поторопиться, чтобы не опоздать.

Он записал номер телефона журналиста, снял трубку и нажал кнопку вызова.

Николь лежала в постели в своей комнате в доме матери и мучилась от привычной слабости. Как только она узнала у медсестры на Харлей Стрит, что на самом деле беременна, то в ту же секунду набрала номер одной частной клиники. Ее пригласили на консультацию завтра. Если все будет хорошо, то через день ей предстоит операция. И тогда все закончится.

– Скорей бы! – застонала она.

В эту секунду послышался взволнованный голос матери.

– Николь! Николь, дорогая! Ты в спальне?

– Да, мама, – она села, услышав легкие шаги Иветты, поднимавшейся по лестнице.

Иветта, ласково улыбаясь, вошла в комнату.

– Дорогая моя, почему ты ничего не сказала нам? – она склонилась к дочери и нежно ее обняла. – Поздравляю! Я еще подумала, что ты сегодня утром так устало выглядишь. Я должна была догадаться. Но мне все-таки очень обидно, что я узнаю об этом из газет.

– Извини, мама, о чем ты говоришь? Я ничего не понимаю!

– Нет смысла хранить дальше свой секрет. Теперь уже весь Лондон об этом знает. Вот в газете ваша фотография с Сашей, а он, кстати, радуется, как ребенок.

Николь схватила «Ивнинг Стандарт», которую принесли недавно, и стала читать статью на первой странице.

– Дорогая, как ты побледнела! С тобой все в порядке? – в голосе Иветты была серьезная озабоченность.

Но Николь, не отвечая, откинулась на подушки и без сил закрыла глаза.

– Эта слабость скоро пройдет, – донесся до нее голос матери. – Не беспокойся о своей карьере. Прошло только три месяца после того, как я родила тебя, и я вышла на сцену. Роды пройдут легко, все эти мускулы мигом вытолкнут ребенка. Господи! Я стану бабушкой!

Николь лежала, позволяя матери распространяться о прелестях и радостях материнства, слушала ее восторженные ахи и охи, а у самой сердце разрывалось от отчаяния.

Она не представляла, как Саша смог об этом узнать. Но он получил свой шанс и использовал его, прекрасно зная, что она не оставит его после того, как он на весь мир заявил о предстоящем рождении ребенка. «Их» ребенка, как он сказал в интервью. Николь болезненно скривилась. Едва ли она сможет позвонить в газету и сказать, что отец ребенка совсем другой человек, а сама она только что звонила в клинику насчет аборта. Конечно, это абсолютно невозможно. Она попалась в ловушку, причем крепко и надежно. Саша поломал ей всю жизнь.

Она не простит ему, пока будет жива, она будет мстить ему до самой смерти.

Глава 64

Себастиану удалось так организовать встречу Джаспера и Мадди в ресторане, что до появления владельца «Конрад Корпорейшнз» в зале Мадди уже сидела за столиком. Себастиан был убежден, что ей не придется вставать, но сама она страшно мучилась из-за необходимости изворачиваться и притворяться.

– Это неправильно, Себастиан. Джасперу нужно сказать правду о моем состоянии. Если мы объясним ему, что к началу репетиций я смогу нормально двигаться, уверена, он поймет.

Однако Себастиан стал с жаром возражать.

– Послушай, Мадди, какая польза от того, что ты при первой встрече произведешь на человека неблагоприятное впечатление? Если ты сможешь показать ему, что обходишься без костылей, тогда мы победили.

– Но ведь когда мы пойдем на студию звукозаписи через полтора месяца, я буду идти с их помощью или, в лучшем случае, опираясь на палку. Что мне тогда делать? Летать?

– Шесть недель – это шесть недель, – сказал Себастиан. – Как ты сама сказала, за это время твое состояние улучшится. Пожалуйста, Мадди, сделай так, как я тебе говорю. Мы же знаем, что ты сможешь записывать альбом и исполнять партию Тины. Я просто не хочу, чтобы у Джаспера была хоть малейшая причина отказать тебе.

Мадди согласилась приехать в ресторан за двадцать минут до назначенного времени. Когда такси доставило их в «Сохо», и Себастиан помог ей войти, она сказала:

– Надеюсь, что мне захочется в туалет после ухода Джаспера.

– Придется потерпеть. Кстати, советую скрестить ноги – в таких случаях это, говорят, помогает.

Себастиан сел за столик рядом с Мадди и добавил:

– Ты прекрасно выглядишь сегодня, Мадди. Уверен, что Джаспер влюбится в тебя с первого взгляда.

Девушка нервно кивнула и поерзала на стуле, усаживаясь поудобнее.

Десять минут прошли в ожидании, наконец Себастиан, увидев входящего Джаспера Конрада, сжал руку Мадди:

– Все будет замечательно. Доверься мне.

Затем он встал, и Джаспер, увидев их, помахал рукой и направился к ним.

– Хелло, мисс Винсент. Очень приятно с вами познакомиться.

Мадди улыбнулась и протянула бизнесмену руку.

– Мне тоже очень приятно.

Мужчины сели, и Джаспер пристально посмотрел на девушку, которая тут же покраснела, словно он уже знал ее секрет.

– Ваши фотографии лгут. На самом деле вы значительно красивее.

Он улыбнулся, и Мадди слегка расслабилась. Пока Джаспер внимательно изучал меню и заказывал вино, Себастиан с, гордостью поглядывал на девушку. На прошлой неделе он свозил Мадди в Олсбери к парикмахеру, ее волосы слегка завили, и теперь светлые густые локоны еще больше оттеняли голубизну ее глаз. Она позволила себе совсем немного косметики и выбрала для ресторана свое любимое бирюзовое платье. Себастиан сидел за столиком, смотрел на нее, вспоминал, каким обычным подростком она была совсем недавно, и едва мог поверить в то, что эта красивая молодая женщина рядом с ним – та самая Мадди.

Официант принес шампанское и наполнил три бокала.

– Теперь поговорим о «Зачарованной». Я уверен, что ее ожидает огромный успех. Кстати, во многом поможет этому ваш удивительный голос, мисс Винсент.

– Спасибо. Пожалуйста, зовите меня просто Мадди.

– Себастиан сказал вам, что мы хотим сделать альбом к июню? Мы надеемся выпустить «Это любовь» на сингле. Вы, конечно, хотите быть первой в списке популярных исполнителей?

– Да, я…

– Мы хотим привлечь к записи альбома молодых исполнителей. Себастиан создал современный мюзикл с современной музыкой, рассчитанный на тех, кому нет тридцати. А если такая молоденькая и красивая девушка, как вы, будет исполнять песни, то мы сразу же завоюем публику. Поскольку вы профессиональная балерина, вы знаете, как двигаться и как лучше подать себя. Это всегда помогает. Себастиан мне рассказывал, что вам пришлось бросить балет из-за травмы.

Мадди быстро взглянула на Себастиана, но тот продолжал спокойно смотреть на Джаспера.

– Сейчас, я слышал, вы чувствуете себя лучше. Мадди, мы хотим сделать из вас звезду. С вашим голосом и внешностью провала не будет. К тому времени, когда мы будем запускать мюзикл в Вест Энде, я хочу, чтобы каждый в стране знал, кто вы такая, чтобы каждая девчонка мечтала быть похожей на Мадлен Винсент. В наши дни умелая реклама и правильная постановка дела могут обеспечить большой успех. Ллойд Веббер, например, спец по этой части. Честное слово, я уверен, что с моим опытом, музыкой Себастиана и вашим голосом мы получим выигрышную комбинацию.

Говоря эти лестные слова, Джаспер даже морщился от удовольствия. Конечно, любая другая девушка, услышав такие слова от ведущего продюсера, была бы на вершине блаженства. Но Мадди только и думала о том, какое было бы лицо у Джаспера, если бы он знал, что она не может даже встать без костылей.

Во время ленча она практически не принимала участия в разговоре, только слушала, как Джаспер с Себастианом обсуждали планы работы над спектаклем, в особенности то, что касалось ее. Сердце девушки взволнованно забилось, когда она услышала, что Джаспер собирается пригласить талантливого молодого хореографа, чтобы осуществить постановку танцевальных номеров.

– По правде говоря, я бы хотел пригласить вас после ленча в мой офис. Мы бы могли послушать запись, есть там парочка композиций, которые, на мой взгляд, стоит подработать. И я бы смог, наконец, услышать, как Мадди поет живьем.

Джаспер умолк, а Мадди посмотрела на Себастиана, в глазах ее был ужас.

– Мадди получила другое предложение на это время, но я могу поехать, – сразу ответил Себастиан.

– Какая досада! Ничего, встретимся на следующей неделе. Нам, Мадди, надо о многом поговорить, а еще я не могу дождаться, когда вы споете. Конечно, нужно будет подписать контракт. У вас есть агент?

Мадди покачала головой.

– На следующей неделе она приедет, – пообещал Себастиан и наклонился к Мадди.

– Заказывай такси, когда мы уедем, и поезжай на Карлейл Сквер. Я заеду за тобой попозже, – прошептал он.

Джаспер заплатил по счету и сказал:

– Хорошо, поехали. Вы с нами, Мадди?

– Нет, я скажу швейцару, чтобы он заказал ей такси. – Себастиан повернулся к девушке. – Я бы на твоем месте подождал тут, на улице довольно прохладно.

– Совершенно верно, – согласился Джаспер. Он нагнулся через стол и пожал Мадди руку. – Было очень приятно с вами увидеться. Вы совершенно такая, какой вас описывал Себастиан. С нетерпением буду ждать следующей недели.

– Я тоже, – натянуто улыбнулась Мадди. – Спасибо за ленч.

– Всегда к вашим услугам. До свидания.

Мадди проводила их взглядом, потом подозвала официанта и попросила принести ее костыли.

Еще через пять минут к ней подошел швейцар и сказал, что такси ждет ее напротив ресторана. Девушка резко встала, схватила свои костыли и, отказавшись от помощи, пошла к выходу.

Улицы расплывались у нее перед глазами от слез, обильно струившихся по щекам. На Карлейл Сквер возле дома Иветты машина остановилась. Дверь открыла Глэдис.

– Привет, Мадди, – обрадовалась она. – Вот так сюрприз! А твой отец на репетиции с Иветтой в Оперном театре.

– Неважно. Я очень устала, Глэдис, и хочу пойти спать в свою комнату. Ты бы не могла мне помочь?

– Конечно.

Глэдис поддерживала ее, а Мадди, морщась от боли, медленно поднималась по лестнице.

– Спасибо, дальше я сама. Глэдис, когда приедет Себастиан Ланг, скажи ему, пожалуйста, что меня здесь нет.

– Хорошо, Мадди, я скажу, но…

– Мне никого сейчас не хочется видеть, – устало сказала Мадди, и Глэдис понимающе кивнула:

– Хорошо, я ему скажу.

– Спасибо, – Мадди вошла в комнату и заперла за собой дверь, потом обошла вокруг кресла и тяжело опустилась на него.

Настало время посмотреть правде в глаза.

Она калека, по крайней мере, временно. То, что пытался сделать для нее Себастиан, конечно, превосходно, но Мадди знала, что у нее нет никакой возможности избавиться от своего недостатка за такой короткий срок. В ту минуту, когда она войдет в офис Джаспера Конрада, он увидит ее физический недостаток, и все кончится. Что бы ни говорил Себастиан, скрыть это невозможно. Джаспер Конрад хочет сделать из нее звезду, но звезд на костылях не бывает.

Себастиан поступил так, потому что любил ее. Мадди это знала. Однако она понимала, что если все будет продолжаться так, как сейчас, это принесет новую боль, и она станет огромной помехой для него в будущем.

Для Себастиана это деловое сотрудничество было отличным шансом, и Мадди не хотела создавать ему дополнительных проблем.

Он был ее жизнью. Она знала, что для нее он тоже пойдет на любые жертвы. Мадди любила его так, как любят только раз в жизни. Ей никогда не найти человека, который любил бы ее так, как Себастиан. Он ради нее готов поступиться даже своим будущим.

Этого она ему не позволит. Ни за что.

Глава 65

– Почему она не хочет меня видеть? – Себастиан метался по комнате, в отчаянии взмахивая руками.

Кристофер вздохнул и пожал плечами.

– Послушай, Себастиан, я, честное слово, не знаю. Она попросила Глэдис сказать, чтобы ты больше не приходил. Может быть, все дело в ее хрупком здоровье? Я бы посоветовал дать ей время успокоиться и прийти в себя.

– Иисусе! – Себастиан запустил пятерню в волосы. Он был в полной растерянности с той минуты, как приехал на Карлейл Сквер, и Глэдис сказала ему, что Мадди не хочет его больше видеть. Он прошел мимо прислуги, взбежал наверх по лестнице и забарабанил в запертую дверь Мадди. Однако из-за двери не донеслось ни звука. Кончилось тем, что Себастиан неохотно спустился вниз и сел в кресло в гостиной. Еще через несколько минут к нему присоединился Кристофер. Попытавшись поговорить с дочерью и не добившись никакого успеха, он только и смог сказать:

– Мне очень жаль, но ты же знаешь, какой упрямой бывает иногда Мадди.

– Тогда я просто сяду и буду ждать, – решительно заявил Себастиан и скрестил руки на груди. – Все равно ей когда-нибудь придется открыть дверь.

– Послушай, мне не хочется играть роль грозного и сурового папаши, но у Мадди, очевидно, серьезные причины не видеться с тобой. Тебе лучше пойти домой. Я позвоню тебе утром, после того, как поговорю с ней.

– Должно быть, что-то ее расстроило за ленчем, – вздохнул Себастиан. – Мне бы только знать, в чем дело. Все шло прекрасно. Джаспер Конрад был от нее без ума.

– Рассказал бы ты об этом деле. Может, тогда мне удалось бы выяснить, что с ней случилось.

Кристофер вопросительно посмотрел на него, и Себастиану пришлось все рассказать о «Зачарованной» и о том, что Мадди будет петь Тину и записывать альбом.

– А, вот что, – сказал Кристофер, – так, может, в этом все и дело. Все-таки после болезни на нее обрушилось слишком много работы, а это очень тяжело для ее организма. Джаспер знает о ее проблемах, да?

Себастиан виновато отвел глаза и неопределенно кивнул:

– В каком-то смысле…

– А поточнее нельзя?

– Видишь ли, он не знает, что Мадди пока пользуется костылями. Они встречались впервые, и я не хотел, чтобы он составил превратное мнение о ней.

– А теперь он знает?

– Нет. Мадди сидела, когда Джаспер приехал в ресторан. Однако на следующей неделе у них снова назначена встреча. Нужно обработать несколько песен. Там он все и увидит.

Кристофер стал что-то понимать.

– Себастиан, а тебе не кажется, что было бы честнее рассказать твоему продюсеру о Мадди и ее болезни с самого начала. А что, если он не поверит, что она выздоровеет? Кроме того, его компания собирается потратить кучу денег на выпуск альбома, так ты говорил? Так вот в чем причина плохого настроения Мадди!

Себастиан хлопнул ладонью по подлокотнику кресла.

– Послушай, как же ты не понимаешь, что если бы я рассказал это Джасперу раньше, он не дал бы Мадди ни малейшего шанса. А так у нее впереди еще целый год. За это время она поправится, я в этом уверен.

– Это понятно. Но время, время! Ты уверен, что через год Мадди сможет исполнить главную роль в мюзикле, запишет альбом, да еще и будет участвовать в рекламной кампании?

– Конечно, уверен! Господи, Кристофер, ты же знаешь, какой была Мадди сразу после падения. У нее появилась цель, теперь ей хочется жить.

– С этим я согласен, – кивнул Кристофер. – Это, конечно, великолепная возможность для нее. Однако мне кажется, что ради Мадди ты должен все рассказать продюсеру. Я подозреваю, что Мадди просто боится получить отказ после того, как узнают о ее затруднениях.

– Наверное, ты прав. Я был не до конца честен по отношению к Мадди и Джасперу. – Себастиан вздохнул. – Но я знаю только одно –

Мадди создана для этой роли. Ты бы послушал ее пение, Кристофер. Она восхитительна!

– Я понимаю, что ты делаешь это из лучших побуждений, но сейчас надо исправить положение, – печально сказал Кристофер.

Себастиан встал и посмотрел на часы.

– Ладно. Джаспер еще у себя в офисе. Поеду к нему.

– Расскажи ему всю правду, все, как есть. Я поговорю с Мадди.

Когда Себастиан ушел, Кристофер устало поднялся по лестнице в комнату Мадди.

– Открой, пожалуйста, дорогая. Себастиан мне все рассказал о «Зачарованной» и о сегодняшнем ленче. Нам нужно поговорить.

За дверью послышался шорох, через минуту она отворилась, и Кристофер увидел бледное взволнованное лицо дочери.

– Входи, – сказала она.

Войдя в спальню вслед за ней, он сел на кровать и, дождавшись, пока Мадди сядет, сказал:

– Себастиан поехал к Джасперу Конраду, чтобы рассказать ему правду.

– Ему следовало рассказать все с самого начала. Я себя чувствовала последней обманщицей, когда сидела в ресторане и слушала, как Джаспер строит планы насчет меня. Конечно, Себастиан делает это потому, что любит меня, но… – голос девушки дрогнул, и она безнадежно махнула рукой.

Кристофер понимающе кивнул.

– Думаю, Себастиан понял, что совершил ошибку. Как ты и сказала, он делал это из лучших побуждений. Ему очень хочется, чтобы именно ты исполнила роль Тины в его мюзикле.

– Лишь бы он не потерял свой шанс у Джаспера. Такая возможность выпадает нечасто.

– Ну что же, – развел руками Кристофер, – давай подождем и посмотрим, что скажет Джаспер.

Мадди кивнула, догадываясь, что именно он скажет.

– Итак, ты говоришь, что Мадди не сможет поправиться к тому времени, когда будет премьера. По крайней мере, нет никакой гарантии, – задумчиво сказал Джаспер.

– Я говорю, что у нее есть шанс поправиться, но мы решили, что лучше прояснить ситуацию именно сейчас.

Джаспер постучал карандашом по столу, а Себастиан спросил:

– Может быть, мы смогли бы слегка оттянуть начало нашего дела, хотя бы на полгода? Это дало бы Мадди немного времени для восстановления формы.

Продюсер некоторое время молча смотрел на собеседника, а потом, скорее утверждая, чем спрашивая, произнес:

– Ты любишь эту девушку?

– Да, но это к делу не относится. Просто я уверен, что именно Мадди должна исполнять роль Тины.

– Извини меня, Себастиан, – возразил Джаспер, – но то, что ты любишь ее, имеет к делу как раз большое отношение. Ты меня обманул, а теперь просишь отсрочить осуществление наших планов на шесть месяцев. Штука в том, друг мой, что я уже арендовал для записи студию и театр, и если я поступлю так, как ты меня просишь, я потеряю кучу денег. Я уже не говорю о том, что в ее положении нельзя дать никаких гарантий. Трудно сказать, сможет ли Мадди играть главную роль в твоем мюзикле.

– Но ты же согласен, что у нее прекрасный голос.

– Конечно. Но вокруг полно девушек с прекрасными голосами, у которых нет проблем твоей подруги. За ленчем я уже говорил вам, что хочу сделать звезду из той, кто будет исполнять эту партию. От этого зависит успех постановки. Честно говоря, Себастиан, ты меня ставишь перед выбором: либо надеяться, что Мадди вовремя поправится, либо из-за отсрочки потерять свои деньги. Откровенно скажу, я не готов ни к тому, ни к другому.

Себастиан пристально смотрел на Джаспера, начиная понимать, каков будет итог разговора. Наконец он решился задать последний вопрос:

– Итак, твой ответ…

– Нет, Себастиан. В этом городишке полно продюсеров, которые послали бы тебя к черту после того, как ты себя вел подобным образом. Но я поверил в то, что твой мюзикл принесет успех. Я готов забыть о том, что произошло, и продолжать работу с другой девушкой в роли Тины. – Джаспер пожал плечами. – Короче, согласен ты или нет,

но я хотел бы узнать о твоем решении завтра до пяти часов. А теперь извини меня, пожалуйста…

Он встал и пошел к двери.

– Позвони мне до пяти, Себастиан. У твоей подружки еще будут возможности в будущем. Я уверен, что она не хочет, чтобы ты принес себя в жертву. До свидания.

В скверном настроении Себастиан пошел в ближайший бар, заказал большой бокал виски и сел за стойку.

Мадди была права по всем статьям! Господи, какой же он наивный. Любовь к ней просто ослепила его, он забыл о реальном мире, в котором все беспокоятся только о себе и о том, как заработать побольше денег. Себастиан даже поморщился, вспоминая, как жесток он был, когда дал Мадди надежду на то, что она получит роль Тины.

А теперь, черт возьми, что он должен ей сказать? Что Джаспер не хочет иметь с ней дела, и они отдадут роль Тины другой девушке? Нет, это просто невозможно!

Себастиан взял еще виски. Что для него важнее всего в жизни? Мадди. Даже его собственная карьера не так важна, не стоит она и мизинца любимой женщины. Он не допускал мысли о том, что можно жить без нее.

У него было единственное желание, чтобы Мадди, не дожидаясь полного выздоровления, вышла за него замуж.

Себастиану было ясно, что в этой ситуации нечего решать и нечего думать. В его жизни будут другие продюсеры и постановки на Вест Энде, но никогда не будет другой Мадди.

Глава 66

– Как ты мог, Саша, Как ты только посмел!

Саша сидел на кухне и держал чашку с кофе, с нескрываемым любопытством наблюдая, как Николь мечется из угла в угол, дрожа от гнева и отчаяния, ломая руки. Насладившись этим зрелищем, он молча пожал плечами, а его жена взорвалась от негодования.

– Ты ублюдок! Ты это сделал, так как знал, что иначе я могла бы избавиться от него или рассказать всему миру, что мой муж не может как следует переспать с женой и сделать ей ребенка. Я не хочу его, понимаешь, не хочу!

Голос Николь достиг самой верхней точки и стал даже вибрировать от ярости. Саша хладнокровно возразил:

– Так ты же и сейчас можешь от него избавиться. Если, конечно, готова сказать этим людям, что убила своего еще не родившегося ребенка, чтобы он не мешал твоей блестящей карьере.

Николь резко остановилась и вперила в мужа горящий ненавистью взгляд.

– Ты же меня просто ни во что не ставишь!

– Да, – все так же спокойно кивнул он.

– И все же ты готов ломать эту комедию, будто ты отец моего ребенка, жить со мной под одной крышей, и все ради того, чтобы я не ушла от тебя?

– Да. У нас есть договор. Мы останемся вместе, пока я не получу эти проклятые бумаги. Если ты сейчас подашь на развод, для меня все будет кончено. Но теперь, даже если бумаги и придут, я намерен остаться с тобой, пока не родится ребенок. После этого можешь делать все, что захочешь.

– Ах, какой заботливый «отец»! Но у тебя ведь есть и еще какая-то причина? – тихо спросила она, задыхаясь от душившего ее гнева.

– Да. Ты лишила Мадди возможности танцевать, и я подумал, что мне выдался неплохой шанс сделать то же самое для тебя. Может, ты хоть на короткое время почувствуешь, каково было ей?

Николь решительно вскинула голову:

– Я не могу больше тут оставаться. Сейчас же отправляюсь в дом моей матери.

– Куда хочешь! Мне плевать. Но будь, пожалуйста, осторожна. Я уверен, что ты бы не хотела, чтобы пресса вдруг обнаружила, что мы стали жить отдельно вскоре после того, как стало известно, что ты ждешь нашего первого ребенка.

– Надеюсь, ты уже решил, кто будет твоей новой партнершей, пока не будет меня? – язвительно спросила Николь.

– Нет еще, – Саша пожал плечами. – Мы с Антоном обсудим это завтра. Вполне возможно, что я буду партнером твоей матери в новом балете «Симфония для двоих». Кажется, это твой отчим написал специально для нее?

– Ты грязная скотина!

– Ах, Николь, ну что ты так ругаешься! Вспомни, кто сказал мне, что уезжает в Америку, где ждет новый партнер? У тебя нет никаких оснований обвинять меня в том, что я вынужден буду искать себе новую партнершу.

– Ты об этом пожалеешь, Саша! Я тебе обещаю. Я найду способ отплатить за то, что ты разрушил мою жизнь и карьеру.

– Николь, ты меня удивляешь! Для большинства женщин беременность – это самый счастливый период их жизни. Мне, к счастью, удалось удержать тебя от поступка, о котором ты жалела бы всю жизнь. Вот увидишь, я стану самым заботливым отцом в мире, – теперь он уже открыто смеялся, явно наслаждаясь ее бессилием.

Николь, лишившись на некоторое время дара речи, с яростью смотрела на него. Наконец, так и не найдя новых оскорблений и подходящих угроз, она бросилась в свою спальню и быстро собрала чемодан и сумку. Внутри у нее все клокотало от гнева. Хлопнув дверью, она сбежала по ступенькам и остановила первое попавшееся такси.

Все было кончено. Жизнь превратилась в кошмар, а рядом нет никого, кто мог бы помочь или хотя бы посочувствовать.

Всю свою жизнь, сколько Николь себя помнила, ей хотелось удовлетворить свое самое заветное желание – стать известной балериной и заменить свою мать.

Чего же она добилась? Карьера, которая закончилась, не успев начаться. Ребенок, которого она не желает. Муж, который ненавидит ее так же, как она ненавидит его.

Николь стала сомневаться в своих силах, перестала верить в себя. До сих пор она была уверена, что все у нее будет прекрасно.

Никто не любит ее, кроме матери. Если бы Иветта узнала, что Николь сделала с Мадди, скорее всего, ее материнская любовь была бы не такой горячей.

Николь с несчастным видом сидела на заднем сиденье такси и думала о том, что все ее мечты о блестящем будущем потерпели крах. Это будущее выскользнуло из рук, жизнь совсем разладилась, но винить в этом некого, кроме себя.

Глава 67

– Себастиан, ты ведешь себя как последний дурак. Что, по твоему, я буду чувствовать, если все время буду жить с мыслью, что ты ради меня пожертвовал величайшей возможностью, которая выпадает, может быть, один раз в жизни.

– Сожалею. Но я не могу работать над постановкой, если ты не будешь играть в главной роли. Это очень просто.

Мадди вздохнула. На лице Себастиана застыло упрямое выражение. Около одиннадцати вечера он приехал в дом Кристофера и Иветты после разговора с Джаспером. Сейчас было уже два часа ночи, а они все сидели в комнате Мадди и отчаянно спорили.

– Послушай, – как можно спокойнее заговорила она, – если уж кто и должен проиграть в этой истории, так это я. Но я уже давно приготовилась к тому, что как только Джаспер узнает о моих проблемах, он потеряет интерес ко мне. И я с этим согласна, Себастиан. Это реальность. Самое главное, за последние два месяца я поняла, что могу чего-то добиться не только в балете. И у меня появилась вера в себя, вот что важно! Теперь я знаю, что голос может обеспечить мое существование. У меня будут еще другие возможности.

– Но, Мадди, как ты можешь так говорить? Ты не хуже меня знаешь, что можешь работать над альбомом, а через…

– Послушай, ты меня извини, Себастиан, но мы вот уже третий час толчем воду в ступе. Я устала, – прервала его Мадди, слабо взмахнув рукой.

Он виновато взглянул на нее.

– Боже, прости, Мадди! – затем он опустился на колени перед креслом, в котором она сидела, и взял ее руки в свои. – Неужели ты не понимаешь, – сказал он, глядя ей в глаза, – что ты для меня важнее всего на свете. И я не позволю всяким нахалам так обращаться с тобой. «Зачарованная» такая же твоя, как и моя. Ты совершенно верно заметила, что будут и другие возможности. Но это твоя роль. Я писал ее для тебя. Без тебя и мне на эту вещь наплевать. Не хочу, чтобы все было напрасно.

– Пожалуйста, Себастиан! Кто говорит, что все напрасно? Я же стала передвигаться, – неожиданно Мадди зевнула. – Слушай, давай спать, а?

– О'кей, – Себастиан поцеловал ее в губы. – Тебе помочь добраться до кровати?

– Нет. Я справлюсь сама. Иди, ты тоже, наверное, утомился.

– Ты знаешь, что я люблю тебя, Мадди?

– Да, – она улыбнулась. – А теперь иди.

Когда Себастиан ушел из комнаты, Мадди медленно разделась и забралась под одеяло. Она знала, почему он поступает подобным образом, и от этого на сердце у нее стало необыкновенно тепло. Его любовь и нежность были для нее бесценным даром. Однако она понимала, что Себастиан должен принять предложение Джаспера, иначе будет сожалеть всю оставшуюся жизнь, не реализовав эту возможность.

Ну что же. Придется применить решительные меры, чтобы заставить его поступить так, как необходимо.

– Ты готова ехать домой? – Себастиан в изумлении застыл в центре комнаты, глядя на все еще лежавшую Мадди.

– Нет, – ответила она.

– Что случилось, дорогая? Ты себя плохо чувствуешь? – Себастиан сел на кровать, потрогал ее лоб.

Она раздраженно отбросила его руку.

– Я превосходно себя чувствую!

– Тогда почему ты еще в постели?

– Потому, что я с тобой не поеду. Я остаюсь здесь.

Он ошарашенно смотрел на нее.

– Но почему?

– Я буду теперь такой же упрямой, как ты. Пока ты не прекратишь валять дурака и не начнешь действовать разумно, я не двинусь с места.

Себастиан, увидев упрямо сжатые губы, стал уговаривать ее, как маленькую девочку.

– Прекрати упрямиться, Мадди, не глупи.

– Я не более глупа, чем ты.

Тогда он пустил в ход последний козырь.

– Но сюда приехала Николь. Она сейчас внизу завтракает с Иветтой. Наверное, тебе не захочется оставаться под одной крышей со своим злейшим врагом. Так?

Однако и этот аргумент не подействовал. Мадди равнодушно парировала:

– Лучше уж остаться с ней, чем видеть, как ты по собственной глупости разрушаешь свое будущее.

– Ну вот что, – решительно заявил Себастиан, – мне, конечно, очень жаль, но я отказываюсь думать по-другому.

– Я тоже, – ответила она. – И вообще, пока ты не передумаешь, я не хочу тебя видеть. Пожалуйста, уходи.

– Прекрати, Мадди. Не будь ребенком. Тебе сегодня надо ехать на лечебный массаж в больницу. Ты не должна его пропускать.

– Опять об упущенных возможностях! Пожалуйста, Себастиан, уходи!

– Да неужели ты не видишь, что я так поступаю потому, что люблю тебя! – воскликнул он.

– Неужели ты не видишь, что я так поступаю по той же причине?

– Интересно, а что ты будешь чувствовать, когда увидишь, как я работаю с другой девушкой, как она играет твою роль, записывает альбом с твоими песнями? – Себастиан решительно взмахнул рукой и рубанул воздух. – Я не позволю, чтобы ты прошла через все это.

– Это уж мои проблемы, а не твои, Себастиан. Мне решать. Мне больше не хочется дискутировать на эту тему. Я к этому просто не готова, – Мадди отвернулась и закрыла глаза.

Он окончательно убедился в том, что ему не удастся с ней договориться, и сейчас она упрямится и будет отбиваться до последнего.

– О'кей, – пожал он плечами. – Я подожду внизу, пока ты передумаешь.

– Вот и отлично. А я подожду здесь, пока передумаешь ты.

Итак, они зашли в тупик и оказались в безвыходном положении.

Себастиан пошел в гостиную и сел в кресло, приготовившись ждать хоть сутки. В комнату вошел Кристофер.

– Мадди еще не готова ехать? – спросил он.

Себастиану пришлось объяснять, что, по всей видимости, она еще не скоро будет готова. Выслушав, Кристофер сел напротив молодого

человека.

– Она хочет, чтобы ты продолжил работу над «Зачарованной», несмотря на то, что ей не придется исполнять роль Тины, так ведь?

– Да, – кивнул Себастиан, – это главная причина.

– Должен сказать, что я с ней согласен, – Кристофер немного помолчал, а затем спросил. – Послушай, я так думаю, что ты в будущем собираешься жениться на Мадди?

– Да хоть завтра, если она захочет. Однако, Кристофер, у тебя упрямая, как черт, дочь.

Кристофер помолчал, подбирая слова и рассматривая своего собеседника, и, наконец, сказал:

– Знаешь, Мадди страдала от того, что всю жизнь ей приходилось находиться рядом с отцом, который не мог добиться успеха. Мне никак не удавалось решить все финансовые проблемы, а ведь они у нее наверняка были. Мне сорок три года, а я только сейчас получил свой шанс. Так что я могу понять, почему Мадди не хочет, чтобы ты упустил свою возможность. Она не хочет повторения старой истории. Давай посмотрим, Себастиан, на это с другой стороны. Если ты хочешь на ней жениться, то тебе надо на что-то жить и содержать свою семью. У Мадди очень сильный характер, и я несказанно горд тем, как она держится сейчас. Конечно, очень тяжело получить отказ после того, что уже сделано. Но неужели ты сам не видишь, что она просто не хочет, чтобы ради нее были принесены какие-то жертвы? Это не нужно никому. Тем более ей.

Кристофер замолчал и посмотрел в окно, ожидая, что молодой человек будет ему возражать. Так и не дождавшись, он повернулся и добавил:

– Поверь мне, Себастиан, возможность вроде этой нечасто выпадает, и Мадди знает эту истину так же хорошо, как и ты.

Себастиан посмотрел на серьезное лицо Кристофера. Конечно, отец Мадди прав.

– У меня на душе тяжело от мысли, что я заставил Мадди поверить в несбыточную мечту.

– В таком случае успокой ее и сделай так, как она хочет.

Себастиан улыбнулся.

– Мы все такие упрямые, как черти.

– Вернее, как два осла. Я это знаю очень хорошо, потому что ты рос у меня на глазах. – Кристофер поднялся со стула. – Мне пора на репетицию. Знаешь, Себастиан, жизнь коротка, и надо держаться за нее обеими руками, если есть шанс. Когда вернусь, мы с тобой еще поговорим.

Мадди все лежала в постели, укрывшись с головой одеялом. Вошел Себастиан и сел прямо на ее кровать.

– Высокие стороны, похоже, договорились.

Лицо Мадди немедленно вынырнуло из-под одеяла.

– О чем? – сурово осведомилась она.

– Я продолжаю работать над «Зачарованной», но с одним условием.

– Да?

– Независимо от твоего состояния ты согласишься выйти за меня замуж до конца года.

Мадди взглянула на Себастиана и после минутного раздумья кивнула.

– Ладно. Перед Новым годом, договорились?

– Ну и трудно же с тобой договориться! Решено!

Мадди протянула ему руку, и он торжественно пожал ее. Оба неожиданно весело расхохотались.

– Ты когда-нибудь станешь причиной моей безвременной кончины, – тихо и нежно сказал Себастиан и осторожно прильнул к губам любимой.

Глава 68

Кристофер сидел рядом с пианистом студии Королевского Национального балета и смотрел, как Иветта и Саша отрабатывают сцену из первого акта «Симфонии для двоих». Глядя, как хрупкая Иветта высоко взмывает над Сашиной головой, он чувствовал, что его переполняют противоречивые чувства.

Ему с трудом верилось, что день, о котором он так мечтал, уже совсем близок. Еще две недели – и состоится премьера, а в программе будет напечатано его имя.

Наконец позади бессонные ночи, когда он лежал, снова и снова терзая себя воспоминаниями о прошлом и задавая вопросы о будущем. Ответом была тишина ночи.

Главным вопросом был один – правильно ли он поступил, согласившись исполнять эту музыку. Теперь уже не было смысла беспокоить себя подобными сомнениями. Жребий брошен, колесо завертелось, и вряд ли кто-нибудь узнает правду о том, что…

Уважение, с которым к нему относились Иветта и другие артисты Национального балета, последнее время полностью заглушало редкие уколы совести, которые еще иногда испытывал Кристофер. Он ждал признания своего таланта всю жизнь. Что же тут плохого, если в конце концов ему пришлось для достижения своей цели воспользоваться чужой помощью. Когда балет успешно пройдет, а в этом уже никто не сомневается, он сможет, наконец, засесть за настоящую работу.

Иветта подмигнула ему, поймав взгляд мужа, устремленный на нее. И Кристофер опять подумал, как ему удалось найти эту дивную женщину. Ему все еще не верилось, что он счастлив с Иветтой так же, как когда-то был счастлив с Антонией.

…Заиграла знакомая музыка. Иветта начала танцевать, и Кристофер передернул плечами, почувствовав, как мурашки побежали по спине.

Похоже, правосудие все-таки свершилось. Все вернулось на круги своя… Может быть, только теперь рана его начинает затягиваться.

Мадди и Себастиан приехали в Лондон на премьеру «Симфонии для двоих».

Зал был переполнен. Премьеры в оперном театре всегда привлекали публику, одетых в смокинги мужчин и увешанных драгоценностями женщин. Сегодняшний вечер тоже не был исключением. В барах было полно степенно переговаривающихся балетоманов, неторопливо поглощавших коктейли в ожидании начала спектакля. Здесь царила торжественная атмосфера, которая всегда бывает в театре в день премьеры.

Мадди с Себастианом сели на свои места в переднем ряду первого яруса. Мадди положила костыли перед собой и прикоснулась к руке Себастиана.

– Я боюсь, – прошептала она. – Что, если критикам не понравится?

– Понравится, – уверил ее Себастиан, разглядывая разодетую изысканную публику, неторопливо занимавшую свои места. – Расслабься, Мадди, и наслаждайся спектаклем. Твой отец всю жизнь работал ради сегодняшнего вечера. Он заслужил свой успех.

Огни в зале погасли, смолкли гул голосов и звуки настраиваемых инструментов. Появился дирижер, и зал разразился рукоплесканиями. Мадди внезапно подумала о том, где сейчас находится отец, и что он испытывает в эту минуту. Ее охватило чувство гордости за него, она немного успокоилась и откинулась в своем кресле. Дирижер поклонился публике и взмахнул палочкой. Послышались вступительные аккорды увертюры.

Под нежные звуки скрипок занавес пополз вверх. Себастиан посмотрел на Мадди. Она не сказала ни слова по поводу спектакля, но он чувствовал, что сегодняшний вечер очень поможет ей.

На сцене, свободной от каких-либо декораций, появились Иветта и Саша. Их фигуры в ярком свете казались маленькими на огромном пространстве сцены. У зрителей возникало ощущение, что они сейчас взлетят и помчатся над землей, словно две бесплотные тени.

Себастиан почувствовал волнение Мадди и сжал ее ладонь, а затем закрыл глаза и стал слушать музыку.

К концу первого акта у него возникло странное ощущение, что он уже когда-то слышал эту музыку. Конечно, вряд ли это возможно. Кристофер недавно говорил, что написал эту симфонию много лет назад. Себастиан провел детские годы у них в доме и, возможно, слышал, как отец Мадди исполнял это произведение.

И все-таки Себастиан был уверен, что воспоминание об этой музыке не связано с домом в Хэмпстеде. Он был в другом месте, и другие люди окружали его, когда он слышал эту музыку впервые. Себастиан покачал головой, отгоняя назойливые мысли. В зале загорелись огни, и публика начала двигаться в сторону театрального бара.

Мадди повернулась к Себастиану, ее глаза сияли восторгом, в них блестели слезы счастья.

– Как это прекрасно, Себастиан. Правда? Это папа сделал, слышишь! Это его музыка!

Себастиан кивнул, испытывая какое-то смутное беспокойство, и улыбнулся.

– Да, дорогая! Замечательная музыка…

Глава 69

Саша видел, как день за днем фигура, за которой Николь следила всю свою сознательную жизнь, стараясь сделать ее максимально совершенной, постепенно портилась, а маленькое стройное тело его жены за три месяца беременности превратилось в неуклюжую обрюзгшую глыбу плоти. Особое удовольствие Саша испытывал, видя, как Николь раздражается и выходит из себя, не имея возможности воздействовать на то, что с ней происходит. Теперь ей нечем было себя занять, поэтому она сидела целыми днями дома и из всех удовольствий у нее осталось только одно – еда. Николь быстро набирала вес, характер от этого у нее портился еще больше. Саша был рад, что его время было расписано по минутам, и он был занят днем на репетициях, а вечером – на спектаклях. Танцевать с Иветтой было одно удовольствие, особенно после того, как ему пришлось быть партнером самовлюбленной эгоистичной Николь. Однако «Симфония для двоих» скоро должна была сойти со сцены, а Иветта после этого сезона собиралась оставить сцену. Саша знал, что ему предстоит искать себе другую партнершу. Вряд ли возможно возобновить знаменитое партнерство Саши и Николь после рождения ребенка. Это было ясно им обоим.

Его бумаги пришли через несколько недель после того, как в «Ивнинг Стандарт» была напечатана заметка о беременности Николь. После рождения ребенка они будут свободны друг от друга, и это к лучшему. Слишком уж нестерпимой стала ложь их совместной жизни.

Однажды утром Саша проснулся и после душа пошел на кухню. Николь уже сидела за столом, поглощая гренки, высокой горой лежащие перед ней на тарелке, запивая их кофе. В руках она держала газету.

– Ты где болтался прошлой ночью? Тебя до трех часов не было дома. Наверное, любил какого-нибудь симпатичного мальчика?

– Пожалуй, лучше тебя видеть, когда ты ужинаешь, – меланхолично заметил Саша. – Ты тогда ласковее. А знаешь, ты со вчерашнего дня немного поправилась. Если так пойдет дальше, то тебя будут приглашать на роли почтенных матрон. Большая получится

экономия для Национального балета – не надо никого со стороны звать.

Лицо Николь стало пунцовым.

– Заткнись! Все женщины полнеют, когда беременны. Как только рожу, я сгоню лишние фунты.

Саша пожал плечами.

– Возможно. Дай-то Бог. А то я сейчас не смогу тебя и на сантиметр оторвать от пола.

– Может быть, если бы муж хоть чуть-чуть поддерживал меня и помогал, я не искала бы утешения в еде.

– Если бы это был ребенок мужа, может быть, муж и вел бы себя по-другому.

Тут Николь не выдержала, гневно стукнув кулаком по столу.

– Ах ты, грязная скотина! Кто, интересно, первый принудил меня пойти на это?

На глазах у нее выступили слезы, и она резко встала.

– Шел бы ты к черту! Спал бы со своим грязным гомиком и оставил меня в покое.

Она выбежала из кухни, и Саша услышал, как за ней захлопнулась дверь в ванную комнату. Он сидел, допивая кофе, улыбаясь своим мыслям, и думал о том, что сегодняшнее утро ничем не отличается от предыдущих, и ему, как всегда, удалось одержать победу в этой привычной утренней битве с женой.

Закончив завтракать, Саша взял брошенную Николь газету и развернул ее.

Ему сразу бросилась в глаза фотография в черной траурной рамке, на которой был изображен его любовник Игорь Станиславов. Саша быстро пробежал глазами короткую статью внизу, и сердце его замерло.

День тому назад Игорь умер в Нью-Йорке. В некрологе говорилось, что артист страдал тяжелой формой пневмонии.

– О, Господи! – в ужасе прошептал Саша и невидяще уставился в окно. Он знал, что означает такое сообщение.

Газетные строки горели огнем у него перед глазами. Может быть, все еще не так страшно. Может быть, в газете сказано только то, что сказано, и речь идет просто о воспалении легких.

Конечно, конечно, он не мог умереть от…

Саша почувствовал, что даже в уме не может произнести это слово. Когда же начались их отношения? Почти три года назад. Пока Саша ничего за собой не замечал, чувствовал себя превосходно.

Самое разумное, однако, будет сдать анализы и пройти тест-контроль. Да, это правильно, по крайней мере это позволит освободиться от удушающего чувства страха.

А вдруг реакция будет положительной?

Тогда у него есть альтернатива: либо жить с возможностью в любой момент заболеть, но не обращать на это внимания, либо всю жизнь чувствовать себя приговоренным к смерти. В таком случае лучше всего находиться в неведении.

Саша перевел дыхание и постарался успокоиться. Он был трусом и знал, что даже если случится самое страшное, у него не хватит сил посмотреть правде в глаза.

Глава 70

Следующие три месяца в жизни Мадди оказались труднее, чем она ожидала. Заставив Себастиана продолжать работу над «Зачарованной», она понимала, что теперь едва ли вправе возмущаться и сетовать на жизнь.

Себастиан почти весь март провел в студии звукозаписи в Лондоне, уезжая утром и возвращаясь около полуночи, смертельно усталый и разбитый. Поэтому Мадди самой пришлось продолжать сеансы физиотерапии. Бетти возила ее в больницу и привозила обратно, но по вечерам Мадди оставалась совсем одна. Время в одиночестве тянулось бесконечно долго, и она часто предавалась размышлениям о будущем. Физиотерапевт, лечивший ее, сказал, что несколько месяцев ей придется ходить на костылях, а через полгода они ей совсем не понадобятся. Тогда она сможет, наконец, подумать о своем будущем.

Когда Себастиан возвращался домой, он привозил целый ворох разных историй об исполнителях, занятых в постановке «Зачарованной». Мадди пыталась уверить себя, что совершенно спокойно слушает его рассказы, но чувствовала, что ей это плохо удается. Она старалась с воодушевлением и живейшим восторгом воспринимать все его новости, но после того, как Себастиан привез кассету, на которой Сиобан Муррей исполняла «Это любовь», Мадди почувствовала, что с нее хватит. Эта девушка, заменившая ее в роли Тины, обладала действительно прекрасным голосом, и Мадди поймала себя на том, что с этого времени не хочет ничего слышать о мюзикле. Конечно, она понимала, что не должна обижаться на Себастиана за увлеченность, с которой он отдавался реализации проекта, но ее самочувствие от этого не улучшалось.

Однажды вечером в апреле Мадди сидела, как обычно, перед телевизором и смотрела какую-то передачу. Внезапно зазвонил телефон.

– Алло?

– Мадди, это я, Кейт!

– Кейт, вот здорово, что ты позвонила! Как у тебя дела? Где ты?

– Пока я в Лондоне, но только на пару дней. Слушай, можно приехать повидаться с тобой, скажем, завтра? Я могла бы остаться на ночь, если ты, конечно, не против.

Мадди громко вздохнула:

– Ну, да… У меня все дни заполнены деловыми встречами, но, думаю, для тебя мне удастся выкроить минутку-другую.

– Отлично. Тогда я выеду примерно в четыре часа.

– Буду ждать тебя с нетерпением.

– Я тоже. Увидимся около шести. Да, о еде не беспокойся, я все захвачу с собой.

На следующий день вечером Кейт приехала, увешанная сумками с продуктами и вином, которые она купила в каком-то супермаркете по дороге.

– Вот это да! А где же твое кресло с колесиками? – заулыбалась она, когда Мадди подошла к ней и стала помогать распаковывать сумки. – А, привет, Шехерезада, давно не виделись.

Кейт нагнулась, чтобы погладить кошку, трущуюся о ее ноги, а Мадди сказала:

– Вот видишь, какой прогресс. Кажется, что я иду по трудной длинной дороге, которая никогда не кончится, и я никогда не дойду. В общем, дорога без конца.

– Ничего, все образуется, – успокоила ее Кейт и достала бутылку вина. – Как насчет шампанского? Это Сейнсбери, марочное.

– А что будем праздновать? – поинтересовалась Мадди, подавая бокалы.

– Ну, во первых, тот факт, что ты окончательно встала на путь выздоровления, во-вторых – начало моей новой карьеры.

– Новой карьеры? Что ты имеешь в виду?

– Как только накроем на стол, все разъяснится, – загадочно улыбнулась Кейт.

Девушки прошли в гостиную и сели в кресла.

– Расскажи мне, Кейт, – обратилась к подруге Мадди, – что это за новая работа?

– О! Это просто фантастика! Сначала я сомневалась, когда Хассан предложил ее мне, но…

– Хассан? – изумилась Мадди. – А разве он не в Америке?

– Он вернулся. Мы пошли обедать, и он спросил меня, не заинтересуюсь ли я?

– В тех твоих печальных обстоятельствах он вовремя оказался в Лондоне со своим предложением, – кивнула Мадди. – Впрочем, я всегда знала, что он тебя любит. Ему было очень плохо, когда ты оставила его.

Кейт покраснела.

– Да… Только давай не будем вспоминать давнее прошлое. Сейчас, когда я вспоминаю свои восемнадцать лет, мне становится совестно.

– Да, и мне тоже, – засмеялась Мадди, – ты была круглой дурой.

– Знаю, знаю. Из всего этого вышло только одно – мне все-таки удалось взглянуть на себя со стороны и полностью изменить свои взгляды на жизнь. Надеюсь, я хоть чуть-чуть стала лучше.

– Знаешь, Кейт, я теперь считаю, что когда мы взрослеем, то все по-разному переживаем это время. Тебе просто попалось слишком много лживых и фальшивых людей. Вот и все. Ладно, рассказывай дальше, мне очень интересно.

– Ну вот. Ты же знаешь, что мне безумно нравятся лошади?

– Знаю ли я? – засмеялась Мадди. – Помню, как ты обвязывала меня скакалкой и гоняла по саду твоих родителей, как по ипподрому.

– Спасибо, что напомнила, – засмеялась Кейт. – Когда мы с Хассаном были вместе, мы часто ездили к нему на конный завод в Ньюмаркет. Он даже подарил мне скаковую лошадь, Екатерину Великую. Хассан купил еще один конезавод во Франции и предложил мне место управляющего.

– Отлично! Просто колоссально! – воскликнула Мадди.

– Сначала я очень сомневалась. Думала, что у него есть какая-то тайная мысль, да и боялась, что опыта у меня никакого. Мы с ним ездили туда после Рождества. У этого завода отличная репутация, но сейчас там все пошло наперекосяк и требуется много работы. Я ему сто раз говорила, что у меня нет никакой квалификации, но Хассан настоял. Короче говоря, мы пришли к компромиссному решению. В феврале я поехала в Ньюмаркет и прошла, так сказать, стажировку у тамошнего менеджера. Знаешь, Мадди, я за ним ходила, как привязанная, и все высматривала, вынюхивала, осваивала азы. В

пятницу мы полетим во Францию. Там Крис побудет со мной месяц-другой, чтобы помочь войти в курс дела. Что ты об этом думаешь?

Мадди посмотрела на сияющее лицо подруги, ее горящие восторгом глаза и сказала:

– Я думаю, что ты выглядишь такой счастливой, какой я тебя, кажется, еще никогда не видела.

– А я справлюсь, как ты считаешь?

– Ну, конечно, Кейт. У тебя очень живой ум, а Хассан тоже не дурак, он не доверил бы такой проект, если бы не был уверен в твоей способности сделать все, как надо.

– А других целей у него нет, как ты думаешь? – спросила Кейт.

– Ну, я не знаю. А он не пробовал ухаживать за тобой с тех пор, как вы возобновили знакомство?

– Нет, – энергично, но, как показалось Мадди, с оттенком некоторого сожаления сказала Кейт. – Он ведет себя как настоящий джентльмен. За последние несколько месяцев я его едва видела. Он все время в разъездах.

– Значит, все нормально, – пожала плечами Мадди. – На твоем месте я была бы ему благодарна за такую возможность. Давай-ка выпьем за твою карьеру.

Мадди подняла свой бокал и чокнулась с подругой, а потом Кейт отправилась на кухню за новыми блюдами. Подруги уселись за стол.

– Кстати, к разговору о мужчинах, а где твоя половина?

– На студии, как всегда. Где же еще? Он работает над записью альбома для «Зачарованной». Я его совсем не вижу, – вздохнула Мадди.

– Все равно чертовски интересно. Кажется, был разговор о том, что ты…

– Был, но это долгая история, Кейт.

– А нам некуда торопиться. У нас вся ночь впереди.

Теперь Мадди, в свою очередь, рассказала подруге о том, как Себастиан дал Джасперу запись ее голоса, но скрыл, что у нее есть проблемы с ногами. Как потом, когда Себастиан все-таки рассказал правду, Джаспер отказался приглашать ее на роль Тины.

– Ой, Мадди, как это было ужасно для тебя! Но Себастиан хотел сделать как лучше, ведь он так любит тебя.

– Я понимаю, но, оказывается, очень тяжело терпеть, когда он поздно возвращается домой и все время твердит о своем мюзикле. Раз я сама заставила его заниматься «Зачарованной», нельзя теперь жаловаться, как ты считаешь?

– Конечно. Знаешь что, Мадди, потерпи пару месяцев. По крайней мере, теперь ты знаешь, что если захочешь, то сможешь сделать карьеру в этой области. Твой голос останется при тебе, а возможности будут другие, как ты понимаешь. Я убеждена, что однажды ты станешь звездой.

– Может быть. Но сейчас это очень трудно преодолеть.

– Давай-ка выпьем шампанского, – тряхнула головой Кейт. – И всегда помни, что тебе достался мужчина, который боготворит даже твои следы. Такие парни сейчас на вес золота.

– Я знаю. Мы собираемся пожениться накануне Нового года.

– Здорово! – тут Кейт внимательно присмотрелась к подруге. – Но я бы не сказала по твоему виду, что ты особенно рада. Ты не собираешься бросить Себастиана, нет?

– Нет, ну что ты! – замотала головой Мадди. – Я обожаю его. Только… – она покраснела, – похоже, у меня проблемы.

– Что такое?

– Ты знаешь, даже стыдно говорить…

– Что-то, связанное с сексом? – совершенно спокойно спросила Кейт как о чем-то, само собой разумеющемся.

– Знаешь, это довольно трудно объяснить, но мы с ним не занимались любовью с того дня, когда со мной это случилось.

– О, Господи! Да мужчина же просто может с ума сойти.

– Не говори так! – воскликнула Мадди. – Я и так чувствую себя ужасно виноватой.

– Но ты сама не хочешь этого?

– Да… и нет. Понимаешь, я желаю его, но когда доходит до этого, и я посмотрю на свое тело… – Девушка в отчаянии тряхнула головой. – Оно стало таким неуклюжим, мускулы такие дряблые, малейшее движение дается мне с трудом. Знаешь, я никогда не чувствовала себя особенно привлекательной. Единственное, чем я гордилась, это своим телом, а теперь его у меня не стало. Мне кажется, я не более сексуально привлекательна, чем буханка хлеба. Каждый раз,

когда Себастиан ко мне прикасается, я дергаюсь и спрашиваю себя, как он может касаться калеки, неужели ему не противно?

– Дорогая моя, – вздохнула Кейт, – думаю, что я тебя понимаю. То, как ты оцениваешь себя, и как другие люди на тебя смотрят, – разные вещи. Когда ты была подростком, то была нескладной, этаким гадким утенком, но с тех пор ты расцвела, как весенний цветок. Ты очень симпатичная, Мадди. Да и фигура у тебя нисколько не испортилась. Я бы полжизни отдала за такие ножки. А в общем, то, что я говорю… Важно то, что Себастиан по-прежнему хочет тебя.

– Ты думаешь? Он уже целую вечность не пытался ко мне приставать.

– Господи, женщина! А чего же ты еще ждала? Если ты все время отталкивала его, то это для мужчины очевидный сигнал, чтобы он проваливал. Понятно, что ему пришлось отстать от тебя.

– Да, ты права, – сокрушенно согласилась Мадди. – Что касается «Зачарованной» и других наших проблем, мне кажется, что Себастиан все дальше и дальше уходит от меня. Но он – все, что у меня есть!

– Нет, Мадди, – покачала головой Кейт, – вот тут ты как раз ошибаешься. Этот урок я хорошо усвоила за последний год. Единственный человек, на которого ты можешь положиться, – это ты сама. Понимаю, что тебе сейчас тяжело, но через это надо пройти. Тебе еще повезло, что рядом есть такой святой человек, как Себастиан. Он-то тебе поможет, но ты сама с собой разберись. Это твоя проблема, Мадди, не его!

Мадди встретила серьезный взгляд подруги и подумала, что в словах Кейт очень много горькой правды, с этим не поспоришь.

– Спасибо, Кейт, ты права. Думаю, я знаю теперь, что делать. А мне-то казалось, что я разумный человек.

– Похоже, не ты одна. Я тоже для чего-то пригодилась. Да, кстати, у меня к тебе вопрос.

– А что случилось?

– Можно мне быть подружкой на твоей свадьбе?

Мадди смущенно улыбнулась:

– Конечно, можно!

– Отлично! Да, я так удивилась, прочитав, что у Николь с Сашей будет ребенок, – Кейт сделала круглые глаза, выражая крайнее изумление.

– И не ты одна, – вздохнула Мадди. – Последний месяц Николь провела в доме своей матери, но сейчас вернулась домой. Мне кажется, все это плохо кончится. Я не представляю себе Николь в качестве матери.

– Мне жаль их будущего ребенка. Ни у нее, ни у Саши не будет времени, чтобы дать малышу ту любовь, которая ему нужна. Да к тому же ей придется поставить крест на своей карьере, по крайней мере года на два.

– Да! Пусть почувствует, каково это, – не иметь возможности танцевать!

Кейт взглянула на исказившееся от боли лицо подруги и нежно положила свою ладонь на ее руку.

– Все еще больно, да?

Мадди, помолчав, кивнула:

– Да… Ужасно.

Глава 71

«Зачарованная» попала в центр внимания прессы в июне. В это же время композиция «Это любовь» вошла в число сорока пяти лучших хитов. На следующей неделе она переместилась сразу на двадцать второе место. А затем Мадди уже не могла без содрогания включать радио и разворачивать газеты, потому что там передавали музыку из мюзикла или печатали интервью с Себастианом и Сиобан Муррей, исполнявшей главную роль.

Мадди внимательно рассматривала в утреннем выпуске «Дейли Экспресс» фотографию, на которой были запечатлены смеющиеся Сиобан и Себастиан. Да, сомневаться не приходилось, эта юная ирландца оказалась очень хорошенькой.

Оставалось только радоваться тому, что впервые за много недель Себастиану не нужно было никуда идти, и поэтому они собирались провести весь день вместе. Прошлой ночью он пришел домой очень поздно. Мадди связывала определенные надежды именно с этим днем. Она встала рано утром и приготовила завтрак, пока он еще спал.

Наконец ей показалось, что наверху послышались какие-то звуки. Мадди медленно поднялась и поставила чайник на плиту. Через десять минут в кухню вошел Себастиан и, направившись к девушке, поцеловал ее в щеку. У него был усталый и измученный вид, она это сразу отметила.

– Доброе утро, дорогая, – сказал он, усаживаясь за стол и протягивая руки. – Слава Богу, наконец-то выходной! Ого! Чем-то вкусненьким пахнет.

– Да. Бекон, яйца, сосиски, помидоры и кофе, если вам захочется.

Мадди стояла, опираясь на свои костыли возле плиты, и переворачивала бекон, когда он, подойдя, мимолетным движением обнял ее.

– О! Все, что вы мне прикажете. Спасибо, дорогая, – с этими словами Себастиан сел, налил себе большую чашку кофе и развернул газету.

– Посмотри на двенадцатой странице, – Мадди и сама почувствовала, что тон у нее довольно сварливый.

Себастиан открыл нужную страницу и фыркнул:

– До чего же у меня тут отталкивающая физиономия. Да, Сиобан неплохо получилась.

Мадди молча накладывала в тарелку яичницу с беконом.

– Дорогая, что ты собираешься сегодня делать? Пожалуй, нам следовало бы съездить в Олсбери и сделать кое-какие покупки. За весь прошлый год ты ничего себе не купила. Самое время подумать о твоем гардеробе.

– Пожалуй, – согласилась Мадди, поставив свою тарелку на стол и усаживаясь за еду.

– Потом мы с тобой отправимся в ту крохотную пивнушку, где как-то обедали с Кейт, помнишь?

Его прервал телефонный звонок.

– А, черт! – воскликнул Себастиан, вставая. – Сейчас приду!

Он не появился и через пять минут. Мадди поставила его тарелку в подогреватель, а сама села допивать свой кофе. Прошло минут двадцать, и она уже принялась мыть посуду, когда Себастиан, наконец, вернулся с сияющим лицом.

– Ты представляешь! – воскликнул он, улыбаясь счастливой улыбкой.

– Что?

– Это был Джаспер. «Это любовь» вошла в десятку и сейчас на восьмом месте. Сиобан хотят назвать звездой месяца, она войдет в список «Топ Попс», а это значит, что песня поднимется еще выше. Джаспер убежден, что мы можем занять даже третье место. Мадди, до чего же отличная новость, особенно перед выходом спектакля.

– Это фантастика, Себастиан, – улыбнулась Мадди. – Думаю, нам следует хорошенько отметить это событие. Пойдем в какой-нибудь роскошный ресторан, пообедаем, да?

Его лицо помрачнело.

– К сожалению, есть и дурные новости. Джаспер, оказывается, пригласил пару журналистов сегодня для интервью. Я хотел отказаться, но ты же понимаешь, что в настоящий момент любая реклама хороша. Но я к шести вернусь. Знаешь что, давай закажем на вечер столик в ресторане?

Мадди попыталась скрыть свое разочарование и кивнула:

– О'кей.

– Сожалею, дорогая. Тебя тоже приглашают, ты же знаешь…

– Знаю…

– Но ты не хочешь идти?

Мадди покачала головой, и Себастиан, вздохнув, произнес:

– Ладно, все это уже скоро кончится. Тогда мы все время будем вместе. Не обижайся на меня, хорошо? Я знаю, как тебе сейчас тяжело.

– Не волнуйся, Себастиан. Со мной все в порядке, – Мадди улыбнулась, стараясь скрыть огорчение.

– Приму душ, мне нужно к часу дня быть в городе, – он стремительно вышел, и в этот момент она вспомнила про его завтрак, стоящий в духовом шкафу.

– Себастиан! – окликнула она, но тут же услышала, как в ванной полилась вода. Тогда Мадди достала тарелку с едой, с сожалением посмотрела на подгоревшую яичницу с беконом и выбросила все это в помойное ведро.

Через час Себастиан уехал в Лондон, а Мадди принялась убирать кухню и наводить порядок в доме. Закончив, она посмотрела на часы. Итак, целый день ее ждет тоскливое одиночество. Совсем нечем будет себя занять. А она так надеялась провести этот день с Себастианом, даже отменила свой ежедневный визит к физиотерапевту.

Девушка приняла душ, оделась. Это заняло около часа. После этого она пошла в гостиную, села в кресло и стала думать, что еще сделать.

Две недели назад из Королевского Национального балета ей прислали компенсацию. Себастиан только раздраженно фыркнул, когда увидел чек на пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Он спросил у Мадди, считает ли она, что ее карьеру можно оценить именно этой суммой. Она ничего ему не ответила, понимая, что никакими деньгами нельзя возместить утраченную возможность танцевать.

Всю неделю Мадди раздумывала над тем, как лучше распорядиться этими деньгами. Ей, в общем, ничего не было нужно, но она хотела бы иметь возможность хоть как-то отблагодарить тех, кто помогал ей, или каким-то образом оказать поддержку тем спортсменам, артистам, которые оказались в ее положении и были внезапно выброшены из активной общественной жизни. Но пока она на этот счет ничего не решила и поэтому просто вложила деньги в одну инвестиционную компанию, обещавшую неплохие проценты.

Мадди оторвалась от бесплодных размышлений и развернула газету с объявлениями различных ресторанов, приглашавших провести приятный вечер. Выбрав один из них, она заказала столик. Было уже два часа, следовательно, оставалось еще четыре до того, как Себастиан вернется, и они, наконец, смогут провести вместе хоть один вечер.

Мадди знала, что сегодня ей необходимо хорошо выглядеть. Она пошла в спальню, открыла шкаф и достала пару платьев и несколько юбок, которые не надевала с того рокового дня, когда с ней произошло несчастье.

Остановив свой выбор на черной юбке и кружевной блузке, она направилась в ванную и вскоре вышла оттуда, прихватив два полотенца, шампунь и фен. Она направилась в кухню, так как давно заметила, что в ее положении значительно удобнее мыть волосы над раковиной, чем в душе. Закончив, она села в спальне перед туалетным столиком, укладывая волосы, локон к локону, и тщательно продумывая каждую деталь вечернего наряда.

В пять часов все было закончено. Мадди откинулась на спинку стула, оценивая себя, и удовлетворенно улыбнулась своему отражению. Выглядела она превосходно.

После этого Мадди подошла к кровати и взяла свой наряд, затем положила его назад и медленно сняла с себя одежду. Пожалуй, впервые с того злополучного дня она внимательно рассмотрела свое обнаженное тело. К ее удивлению, оказалось, что оно не очень изменилось за этот год. Ноги у нее, оказывается, все такие же длинные и стройные, покрытые легким загаром. Откуда он только взялся? Живот по-прежнему ровный и упругий. Когда она встала боком к зеркалу, то обнаружила, что, пожалуй, еще и потеряла в весе по сравнению с тем, что было месяцев пять назад.

Внезапно Мадди остро осознала, какой непроходимой дурой была все это время. Мысли о собственном увечье были только мыслями и не имели ничего общего с тем, что оказалось на самом деле. Ее травма была, конечно, серьезной, но незаметной внешне.

Мадди улыбнулась, одеваясь. У нее есть любимый человек, мужчина, который был настолько терпелив, что смог дождаться, когда к ней вернется здравый смысл. И теперь она не хочет его потерять. Сегодня же ночью она покажет ему, что он не зря ждал столько времени.

Мадди не особенно волновалась, когда Себастиан не пришел к шести часам. Столик был заказан к половине девятого, а до ресторана было всего десять минут езды.

В половине восьмого она стала проявлять первые признаки беспокойства. Он всегда звонил ей, если задерживался. А вдруг с ним случилось что-нибудь страшное?

В восемь часов зазвонил телефон. Задыхаясь от волнения, с неистово бьющимся сердцем Мадди бросилась к аппарату, ожидая услышать голос полисмена или еще что-нибудь страшное.

– Дорогая моя девочка, это я, – голос Себастиана прерывался от волнения. – Прости меня, пожалуйста, за то, что раньше не позвонил.

– Откуда ты звонишь?

– Я в телецентре Би-Би-Си. Здесь записывают десятку лучших исполнителей, и Джаспер настоял, чтобы я поехал с ним послушать запись.

Мадди услышала в трубке гудки и поняла, что Себастиан роется в эту минуту в карманах, пытаясь отыскать монету.

– Когда ты сможешь оттуда уехать? – спросила она, когда связь восстановилась. – Я заказала столик к половине девятого в ресторане.

– Знаешь, малышка, мне очень жаль, но придется снять заказ. Джаспер организовал обед с приглашением одного крупного телевизионного продюсера, который, кажется, собирается снять часовую программу о «Зачарованной». Нас с Сиобан тоже пригласили, и я не смог отказаться.

Мадди огорченно вздохнула.

– Не беспокойся, я все понимаю…

– Слушай, у меня больше нет мелочи. Постараюсь позвонить попозже. Мадди, я…

Телефон замолчал, и Мадди, повесив трубку, вытерла выступившие слезы. Некоторое время она неподвижно стояла, тупо уставившись в пространство. Потом ей пришло в голову, что надо первым делом позвонить в ресторан и снять заказ.

После этого девушка включила телевизор и села перед ним, равнодушно глядя на экран. Показывали новости, но Мадди было уже все равно. Шехерезада прыгнула ей на колени, и хозяйка машинально стала гладить ее мягкую шерстку.

В десять тридцать Мадди с огромным трудом уговаривала себя не расстраиваться. Она напоминала себе, что это ведь она говорила ему, чтобы он использовал все возможности, открывшиеся перед ним.

В конце концов Мадди решила дождаться его, не переодеваясь. Может, Себастиан вернется не слишком поздно, и они могли бы…

Около часа ночи вновь раздался телефонный звонок.

– Алло, это я, – голос Себастиана звучал необычно громко, разговаривал он, как-то слишком старательно выговаривая слова.

– Мадди, дорогая, боюсь, что я немного перебрал. Думаю, что мне лучше не рисковать и не ехать сегодня домой. Я лучше возьму такси и поеду к твоему отцу, ладно?

В трубке были слышны музыка и громкие голоса.

– О'кей. А где ты сейчас?

– Слушай, мне надо идти. Увидимся завтра утром. Пока.

Мадди медленно пошла в свою спальню, впервые за последние три недели опираясь на костыли, тяжело опустилась на кровать и сорвала с себя одежду. Затем она села за туалетный столик и начала смывать с лица косметику. Слезы ее мешались с лосьоном, которым она протирала лицо.

Разбудил ее телефонный звонок. Еще не проснувшись, забыв о своей болезни, Мадди соскочила с кровати и схватила трубку.

– Алло! Это дом Себастиана Ланга? – послышался в трубке густой сочный голос, видимо, принадлежавший какому-то иностранцу.

– Да.

– Прошу извинить, что звоню так рано, но нельзя ли поговорить с ним лично?

– Видите ли, его сейчас нет дома. А кто его спрашивает?

– Франческо Чезаро, отчим Себастиана. Мне с ним необходимо срочно поговорить. Его мать тяжело больна, поэтому он должен срочно приехать в Рим.

– О, Господи, какое несчастье! – охнула Мадди. – Боюсь, что он сегодня тут не появится. Но я бы могла попытаться связаться с ним и попросить его позвонить вам.

– Да, это было бы лучше всего. Я уже сказал, что это очень срочно. Запишите мой номер. Через пару часов я поеду в больницу, так что он может звонить туда.

Мадди записала оба номера.

– Я скажу Себастиану, как только смогу, чтобы он вам позвонил. До свидания, мистер Чезаро.

Она положила трубку и посмотрела на каминные часы. Была уже половина восьмого утра. Снова сняв трубку, она набрала номер телефона отца в Челси. Некоторое время трубку никто не брал, было еще рановато, наконец, знакомый голос отца, хриплый спросонок, ответил на другом конце провода.

– Привет, папа. Извини, что звоню в такую рань, но мне срочно нужен Себастиан. Не мог бы ты позвать его?

– Себастиана? Но его здесь нет, Мадди!

– Да?! – на несколько секунд она даже потеряла дар речи. – Думаю, что он все-таки у вас, папа. Он должен был приехать очень поздно. Возможно, Глэдис открыла ему, когда ты уже спал. Сходи, пожалуйста, посмотри в комнате для гостей.

– Хорошо, подожди минутку.

Мадди нетерпеливо ждала, обдумывая, как сообщить Себастиану эту ужасную новость. Наконец, отец снова взял трубку.

– Мадди? Я посмотрел в комнате для гостей, в твоей комнате и на диване внизу, но его нигде нет.

– Боже мой! Он ведь сказал мне вчера вечером, что собирается переночевать у вас.

– Не волнуйся. Может, он решил остаться у кого-нибудь. Что ему передать, если он все-таки объявится здесь?

– Скажи, чтобы как можно быстрее позвонил мне.

– А что, он прошлой ночью был с Джаспером?

– Да.

– Тогда он должен знать, где Себастиан. У тебя есть номер его телефона?

– Себастиан, наверное, записал его в книгу. Сейчас посмотрю.

– О'кей. И не паникуй. Если будет нужна помощь, позвони мне, хорошо?

– Ладно, спасибо, папа. Пока.

Мадди принялась листать телефонную книгу Себастиана, впервые с симпатией думая о педантичности, с которой он записывал номера телефонов всех своих знакомых, которые могут понадобиться в случае затруднений.

Под именем Джаспера было записано два номера. По первому Мадди получила информацию, что мистера Джаспера в офисе нет. Тогда она позвонила по другому, и после четвертого гудка Джаспер ответил:

– Да?

– Джаспер, это Мадлен Винсент. Сожалею, что пришлось вас побеспокоить в такое время, но…

– Привет, Мадди. Как поживаешь?

Голос продюсера звучал так энергично, словно он встал уже несколько часов назад.

– Спасибо, все хорошо. Джаспер, ты случайно не знаешь, где может быть Себастиан? Мне с ним надо срочно связаться.

На другом конце провода возникла неловкая пауза, затем Джаспер спросил:

– А насколько это срочно?

– Очень срочно. Его мать серьезно больна.

– Тогда, конечно. Я уехал вчера от «Трампа» в два часа, а Себастиан и Сиобан оставались еще там с телепродюсером. Слушай, Мадди, поручи это мне. Я попробую сам с ним связаться и прикажу немедленно позвонить тебе.

– Да, спасибо, Джаспер, – Мадди едва смогла выговорить эти слова и повесила трубку, не обращая внимания на то, что на глазах выступили слезы. На сердце было больно и горько.

Было совершенно очевидно, что Джаспер точно знает, где Себастиан, и поэтому просто хочет позвонить ему, чтобы уберечь его и Мадди от скандала. Ну что же, удивляться нечему. Себастиан мужчина, и он не святой. У него есть определенные потребности, и раз уж она не в силах их удовлетворить, он нашел для этой цели кого-то еще. Мадди сразу вспомнила вечера, когда он возвращался домой очень поздно, и попыталась прикинуть, как долго длится его связь с этой женщиной.

Зазвонил телефон. Дрожа от волнения, она подошла к аппарату и сказала в трубку помертвевшим голосом:

– Алло?

– Это я, дорогая. Мне только что позвонил Джаспер. Он сказал, что у тебя для меня какое-то срочное сообщение. С тобой все в порядке? – голос Себастиана был полон озабоченности и тревоги.

– Где ты? – вместо ответа спросила Мадди.

– Я в доме у Сиобан.

– А я была убеждена, что ты на Карлейл Сквер, – еще более ледяным тоном произнесла она.

– Да, я собирался, но Сиобан предложила мне остаться у нее, и мне не хотелось будить всех в Челси. И я остался здесь.

Мадди не верила своим ушам, настолько спокойно Себастиан сообщил о своей измене. Он явно хотел, чтобы ей все стало известно.

– Пожалуйста, родная, скажи, у тебя все хорошо? – снова обеспокоенно спросил он.

– Да. У меня все отлично. Плохо с твоей матерью. Позвонил твой отчим и сообщил, что ее положили в больницу в Риме. Он хотел, чтобы ты ему немедленно позвонил.

– Господи! А он не сказал, по какому номеру телефона позвонить?

Она автоматически повторила номера.

– Хорошо, – вздохнул Себастиан, – я позвоню ему и сразу выезжаю домой. Поищи, пожалуйста, мой паспорт, хорошо? Он мне понадобится, если придется туда лететь. Через час увидимся.

– О'кей, пока, – Мадди в сердцах бросила трубку и пошла в гостиную.

Глава 72

Себастиан приехал домой в десять часов. Вид у него был нездоровый, лицо бледное. Войдя в комнату, он торопливо поцеловал Мадди и сказал, озабоченно хмурясь:

– Привет, детка. Прости, пожалуйста, что заставил тебя беспокоиться. Мне следовало позвонить тебе из дома Сиобан и сказать, где я, но мне не хотелось тебя будить.

– Ты созвонился с отчимом?

– Да. У матери рак, говорят, что она скоро умрет.

– Я очень сожалею, Себастиан.

Он пожал плечами:

– Мы с ней не виделись все эти годы, так что будет лицемерием с моей стороны рвать на себе волосы. Но, честно говоря, мне все-таки немного не по себе. Боюсь, что придется прямо сейчас лететь в Рим.

Мадди кивнула и отрывисто сказала:

– Конечно.

Себастиан внимательно посмотрел на нее.

– Дорогая, у тебя все в порядке? Что ты такая мрачная? Я же попросил прощения, что не позвонил и не сказал, где я, но это же, в конце концов, произошло впервые, и…

– Да как ты можешь, черт бы тебя побрал, так спокойно об этом говорить?! – наконец взорвалась Мадди.

Ошеломленный таким напором, он уставился на нее.

– О чем «об этом»?

– О твоей связи с Сиобан, вот о чем! Даже Джаспер все о ней знает!

Ее поразило, что у Себастиана такой вид, словно он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться.

– Подожди-ка минутку! То есть ты утверждаешь, что, поскольку я остался ночевать в доме Сиобан, я забрался в ее постель, не так ли?

– А разве нет? Почему же тогда Джаспер не дал мне ее телефон, когда я сказала, что мне нужен ты?

– Да потому, моя дорогая, что это как раз Джаспер находится в связи с ней. Джаспер, возможно, поднялся наверх в свою теплую уютную постельку и улегся, пока ты тут нервничала. Это же сама

Сиобан отдала мне ключ от своей квартиры, потому что они поехали к Джасперу. Но это все между нами, ведь Джаспер женат.

– Но Джаспер сказал мне, что когда он уехал из ночного клуба, вы с этой девушкой остались там, – все еще упрямясь, возразила Мадди.

– Ну да, – терпеливо, словно маленькой девочке, повторил Себастиан. – Я же тебе объясняю, что Джаспер женатый человек. Он уехал первым, потом мы с Сиобан сели в такси, и я подвез ее к дому Джаспера, а сам покатил к ней на квартиру.

Он вздохнул.

– Послушай, Мадди, я понимаю, что ты вправе подозревать самое худшее, но сегодня было бы жестко подвергать меня суровому наказанию. У Сиобан ночью я был один. Можешь позвонить Джасперу, если хочешь. Я уверен, что Сиобан еще там.

Только теперь Мадди почувствовала, какой дурой она оказалась. Словно внезапно проглянуло солнце, и прекратился серый промозглый дождь. Она покраснела так, словно собиралась сгореть от стыда.

– Прости, Себастиан. Это все из-за тех дурацких фотографий в газете и из-за Джаспера… Мне так одиноко… Господи, мне так совестно.

– Рад видеть, что ты еще придаешь этому значение. Ты тоже, Мадди, извини меня за то, что так получилось. Это просто недоразумение, – Себастиан протянул к ней руки и обнял ее.

– Глупышка моя, – прошептал он, – ну что я еще должен сделать, чтобы убедить тебя, что мне больше никто не нужен?

Она подняла на него глаза и жалобно сказала:

– Не знаю, Себастиан. Право, не знаю.

Глава 73

Себастиан видел мать последний раз года четыре назад, когда был в Италии на учебе, и поэтому сейчас, увидев ее бледное лицо и исхудалую фигуру на больничной койке, он поразился до глубины души. Ему всегда было очень обидно, что мать практически бросила его на попечение тетки и не уделяла ему никакого внимания, однако сейчас ее страдания не могли оставить его равнодушным. Перед лицом смерти все стало казаться мелким и ничтожным.

Себастиан сидел у кровати больной матери и вдруг поймал себя на том, что думает, какая она еще красивая. Перед глазами пронеслась вереница картин далекого детства. Отец сидит за фортепиано вместе с ним и показывает ему разные ноты. Мать смеется, глядя на них. Ему вспомнился сад, большой и заросший, и яблоня, горячая от жаркого июльского солнца. Какой прекрасный летний день…

– Себастиан, – голос матери прервал его воспоминания.

– Да, мама? – он наклонился над ней, чтобы она могла его видеть, не поворачивая головы, и больная протянула к нему руку.

– Должно быть, я совсем плоха, раз ты здесь, – улыбнулась она.

– Нет, пока не очень, – Себастиан с радостью отметил, что обычное для матери чувство юмора не изменило ей. – Как ты себя чувствуешь?

Она вздохнула.

– Да как тебе сказать. Думаю, что могла бы и попозже расстаться со своим ночным клубом. Им меня будет жутко не хватать. А я чувствую легкую слабость.

– Ну конечно, – Себастиан в общем-то никогда не был близок с матерью и сейчас чувствовал растерянность в таких обстоятельствах. Ему казалось странным, что друзья и соседи знают ее значительно лучше, чем он, ее сын, но позвонили в этой ситуации все-таки ему, потому что он родственник.

– Я умираю, дружочек, – тихо сказала мать.

– Мама, пожалуйста! Я разговаривал с докторами и…

– Да ну их в задницу, докторов! Я знаю свое тело. Оно сражалось с этой заразой пять лет и…

– Пять лет?! – Себастиан сначала даже не поверил тому, что услышал. – Почему ты мне ничего не сказала? Я даже не знал!

– Да я себя, в общем, отлично чувствовала, совсем не ожидая оказаться на пороге мертвецкой.

Себастиана поразило, насколько спокойно мать говорила о своей скорой смерти.

– И потом, я же просила Франческо вызвать тебя.

– Я рад, что ты это сделала.

– А я это сделала совсем не для того, чтобы ты сидел возле меня и обливался слезами. И вовсе не затем, чтобы мы могли обняться на пороге смерти. Так, кажется, пишут в романах? В наших обстоятельствах это было бы несколько лицемерно, так ведь? Я понимаю, что пренебрегла своими материнскими обязанностями, и с этим уже ничего нельзя поделать. Подними меня, пожалуйста, чтобы я могла тебя видеть.

Себастиан помог ей сесть ровно.

– Иди сюда, садись, – она указала ему на кровать рядом с собой. Он сел, и мать, словно изучая, внимательно посмотрела на него.

– Ты, по-моему, и без меня достиг кое-чего, – ее лицо смягчилось. – Знаешь, странные все-таки штуки выкидывает с нами жизнь. Когда я ждала тебя, то очень волновалась. Я собиралась всю жизнь посвятить тебе, дать тебе такую любовь, какой я никогда не получала от родителей. К несчастью, у судьбы свои планы и свои повороты. Ты точная копия отца, когда он был в твоем возрасте. Он был очень красивым человеком, очень, даже во вред себе.

Ее голос дрогнул. Себастиан решился и спросил:

– Вы были счастливы вместе? До того, как он погиб…

– Да! Очень! По крайней мере, я… И мне казалось, что и он тоже. Послушай, Себастиан, я… – лицо матери исказила болезненная гримаса, – я уже говорила, что было бы лицемерием с моей стороны произносить длинные речи или извиняться перед тобой за то, что я была плохой матерью, но мне бы хотелось… хотелось, чтобы ты знал, что были очень веские причины, по которым я после смерти отца оказалась совсем не такой, как думала.

– Какие причины?

– Я бы не хотела сейчас об этом говорить и вдаваться в подробности, – она зевнула. – Я очень устала, к тому же, расклеилась.

В моем доме в Тоскане на чердаке есть кое-какие вещи. Они принадлежали твоему отцу.

– Что это за вещи?

– Ну, там портфель, полный нот, несколько книг, всякий хлам, который некогда было выбросить. Боюсь, что не очень богатое наследство.

– А я его совсем не помню, ты знаешь, – тихо проговорил Себастиан. – И даже вспомнить не могу.

В глазах матери мелькнуло какое-то странное выражение.

– А я могу, – сказала она мягко, затем, тяжело вздохнув, переменила тему разговора.

– Я слышала, Кристофер Винсент все-таки добился успеха.

– Да, я был на премьере его балета. Колоссальный успех.

– Я купила компакт-диск с этой музыкой. Он был к тебе очень добр, не так ли, Себастиан? – спросила мать.

– Да. А ты помнишь Мадди, его дочь?

– Ну, конечно, помню.

– Мы с ней решили пожениться. Свадьба будет накануне Нового года.

– Господи, вот дела, – мать тихо засмеялась.

– Почему ты смеешься, мама?

– Ой, извини, пожалуйста, Себастиан. Это, конечно, не смешно, но несколько забавно. Ирония судьбы. Ты не мог бы передать Кристоферу записку от меня?

– Конечно. – Себастиан пожал плечами. Он вообще перестал что-либо понимать в сбивчивой речи больной.

– И передай ему, что я благодарна за заботу о тебе и все понимаю. Передай, что долг, наконец, уплачен.

Себастиан кивнул, заинтригованный загадочной просьбой.

– Да, конечно, но…

Мать сжала его руку.

– Я люблю тебя, Себастиан, и всегда любила. Хочу, чтобы ты это знал. А сейчас я хочу отдохнуть. Позже мы сможем еще поговорить.

Мать закрыла глаза, и он понял, что ему пора идти. Он встал и пошел к двери.

– До свидания, мама, – прошептал он, оглянувшись, и вышел из комнаты.

Вечером мать впала в бессознательное состояние, а затем в кому. И через пять дней умерла.

Себастиан и безутешный Франческо отвезли тело Магды на виллу в Тоскану, так как мать хотела, чтобы ее похоронили на маленьком кладбище возле местной деревенской церкви. Похороны тоже были скромные, без посторонних. Присутствовали только близкие друзья.

Когда все закончилось, и на землю опустился теплый летний вечер, напоенный ароматами итальянских садов, Себастиан и Франческо сели на террасе. В воздухе стоял нежный аромат цветущих апельсиновых деревьев, пели свою громкую песню цикады. Все вокруг было тихо и умиротворенно, и даже не верилось, что где-то есть большие города, и люди там суетятся, добиваясь своих, в общем-то призрачных целей.

– Я завтра должен возвращаться в Лондон, – сказал Себастиан, сделав глоток вина из бокала.

– Да, конечно… – Франческо кивнул.

– А что ты будешь делать?

– Продам этот дом. Твоя мать его очень любила, и с ним связано столько воспоминаний, что я просто не могу здесь находиться.

– Я понимаю…

– Ей было всего сорок пять, – вздохнул Франческо. – Можно сказать, вся жизнь была впереди.

– Да. Но эти годы были у нее самыми счастливыми.

– Хочется верить. Твоя мать была замечательная женщина. Мне очень жаль, что ты не знал ее, как знаю я.

– Да. К несчастью, она сама так решила. После смерти отца она практически оставила меня, словно хотела, чтобы и меня не было в ее жизни.

– Да. Я этого не понимал. Я ей много раз предлагал вызвать тебя к нам, чтобы ты жил со своей матерью, но… – Франческо пожал плечами. – А я ведь знаю, что Магда тебя очень любила.

– Франческо, мать мне сказала, что после отца остались какие-то вещи, и ты мог бы мне их отдать, – сказал Себастиан.

– Конечно, – ответил отчим. – Они наверху, на чердаке. Может, ты сам сходишь, посмотришь?

– Ладно, – неожиданно для себя Себастиан зевнул. Волнения последних дней в сочетании с жарой и вином оказали на него свое воздействие. Его стало клонить в сон.

– Если ты не против, – с извиняющейся улыбкой сказал он Франческо, – я, пожалуй, удалюсь, а то скоро просто свалюсь со стула.

– Ну, конечно, и спасибо тебе, Себастиан, за то, что ты приехал сюда. Мне было очень приятно. Я надеюсь, что мы сможем поддерживать с тобой хорошие отношения, правда?

– Я тоже надеюсь. Спокойной ночи, Франческо.

– Спокойной ночи.

Себастиан пошел через холодное мраморное безмолвие виллы в свою комнату. Теперь, после похорон, все его мысли были направлены на то, чтобы как можно скорее вернуться к Мадди.

На следующее утро, искупавшись в большом бассейне, он позвонил в авиакомпанию и заказал билет в Лондон. К сожалению, места были только на завтра, поэтому ему еще один день предстояло провести в Италии.

После легкого завтрака Себастиан поднялся наверх по старой скрипучей лестнице и толкнул дверь на чердак.

Когда он нащупал выключатель и включил свет, ему сначала показалось, что он попал в пещеру Аладдина или Али-Бабы. Старая мебель, ковры, картины, детские игрушки… Во всем этом совершенно невозможно было разобраться. Себастиан бродил среди этого добра минут десять, пока случайно не наткнулся на коробку с фотографиями его родителей в день свадьбы. Улыбку вызвал вид молодого Кристофера, который в качестве шафера торжественно исполнял свои обязанности, а рядом с ним весело улыбалась его красивая жена Антония.

– Какая красавица, – прошептал Себастиан, рассматривая правильные нежные черты ее лица. Он пересмотрел еще целую пачку старых фотографий, думая, что обязательно возьмет их с собой, чтобы показать Мадди. Затем он продолжил поиски, даже не представляя себе, что же он, собственно, ищет. Рядом с коробкой лежала большая кипа старой пожелтевшей нотной бумаги с какими-то нотами, но стоит ли этот старый хлам тащить в Лондон? Вдруг Себастиан обнаружил папку для нот. Внутри ему бросился в глаза пакет из пергамента, битком набитый какими-то бумагами. Он вытащил тяжелую кипу из

конверта и увидел записи, сделанные твердым и четким отцовским почерком, а в следующее мгновение к его ногам упал крохотный листочек бумаги. Себастиан поднял и развернул его, быстро пробежал глазами содержание записки.

«Дорогой Том!

Сожалею, что не застал тебя дома, поэтому оставляю этот пакет у твоей квартирной хозяйки. Я дважды проиграл всю «Летнюю симфонию» и думаю, что это лучшее из всего написанного тобой. Буду счастлив сделать аранжировку и оркестровку этой вещи. Сними с нее копию и пришли мне, когда сможешь. Всего доброго. Крис.»

Себастиан отложил записку в сторону и стал торопливо листать отцовское произведение. Это оказалась полуторачасовая симфония. Он почувствовал, что сгорает от нетерпения, так ему захотелось как можно скорее сыграть эту вещь.

Себастиан посмотрел снова на первую страницу и насвистел первые восемь тактов симфонии. От того, что у него получилось, по его спине поползли мурашки. Но это была отнюдь не дрожь восхищения, скорее озноб от прикосновения к чужой ужасной тайне.

Он снова насвистел мотив.

– Нет, это ошибка, конечно, ошибка.

Схватив ноты, Себастиан скатился по ступеням вниз и бросился к фортепиано. Сердце взволнованно колотилось, трясущимися от нетерпения руками он откинул крышку и поставил на пюпитр первую страницу отцовской симфонии. Его пальцы так дрожали, что ему никак не удавалось взять первый аккорд. Наконец раздались звуки музыки… Себастиан дважды сыграл первую страницу, затем, тупо уставившись в одну точку, посидел с минуту и вновь сыграл, чтобы убедиться окончательно.

Он вспомнил, как мать говорила, что купила компакт-диск с записью музыки к балету «Симфония для двоих». Тогда он встал, подошел к роскошному музыкальному центру, отыскал нужный диск и вставил его в аппарат.

Себастиан затаил дыхание в ожидании первых тактов. Как только раздалась музыка, он рухнул в изнеможении на тахту и в отчаянии схватился руками за голову.

Не было никаких сомнений! На диске и на бумаге оказалось одно и то же произведение!

– О, Боже, – застонал он, не зная, как жить теперь с этой тайной в душе.

Глава 74

Николь сидела перед телевизором и смотрела шестичасовой выпуск новостей, когда внезапно почувствовала внизу живота острую режущую боль. Она не обратила на нее внимания, потому что за восемь с лишним месяцев привыкла к коротким приступам боли и странным ощущениям, сопровождавшим беременность. Но через десять минут боль повторилась, а затем стала долгой и тянущей. Нет, еще рано! У нее же впереди почти четыре недели!

От нового приступа боли Николь громко вскрикнула, и в комнату тут же вбежал Саша.

– Что случилось?

– Ой, Господи, у меня сейчас, кажется, появится ребенок. Помоги!

Саша увидел выражение панического страха на ее лице, которое в следующее мгновение сменилось гримасой боли, и понял, что медлить нельзя.

– О'кей, я сейчас вызову такси и позвоню в больницу. Только попытайся успокоиться.

– Успокоиться? Да я же ничего не собрала! – закричала Николь, когда муж направился к телефону. – Позвони моей матери! – отчаянно крикнула она и только потом вспомнила, что Иветта и Кристофер еще не вернулись из Франции и должны приехать только завтра к вечеру.

– Так, – Саша снова появился в комнате, – скоро приедет такси. Что тебе нужно взять с собой?

Между приступами боли Николь удалось сказать мужу, что необходимо положить в сумку. Вскоре подъехала машина, и Саша почти отнес ее туда.

– Ну, успокойся, Николь, пожалуйста. Это сейчас особенно важно, – пытался он уговаривать жену.

– Да! Тебе легко говорить! Это же не тебе больно! Ой!

Такси подъехало к воротам Портлендского госпиталя, и женщину повели для сдачи анализов и тщательного осмотра. Саша остался в приемной, чтобы заполнить медицинский формуляр.

Еще через десять минут в приемную вошла медицинская сестра и окликнула его.

– Теперь вы можете посидеть с женой, мистер Лобов.

– С ней все в порядке? – спросил он.

– Абсолютно. У нее все прекрасно, но ей придется немного потерпеть, прежде чем она родит.

– Вы знаете, у нее ведь это случилось почти на месяц раньше срока.

– Да, но младенец будет, похоже, вполне нормального размера и совершенно развитый. Конечно, мы будем наблюдать за ними в течение нескольких часов.

Саше показали маленькую комнатку. Когда он туда вошел, на кровати увидел мрачную Николь. Она встретила его упреками.

– Врач только что сказала, что мне рано рожать. Все это может продлиться несколько часов. Честное слово, Саша, если бы ты не стал паниковать, я бы могла еще некоторое время побыть дома.

Саша вовремя сдержался. В конце концов, больница – не очень подходящее место для ссоры, да и время для этого не самое удачное.

– Тебе вовсе не надо оставаться со мной, – продолжала она. – Тут есть все условия, и все будет…

Она снова крепко ухватилась за его руку, а когда боль слегка утихла, утомленно закрыла глаза.

– Может, мне лучше остаться? – спросил он.

Николь слабо кивнула.

Прошло еще долгих четыре часа, и ее, наконец, повезли в родильное отделение, сделав несколько обезболивающих уколов.

– Теперь уже недолго, Николь. Потерпи, – приговаривала акушерка, осматривая молодую женщину. Потом ей приказали тужиться. Николь крепко схватилась за руку мужа.

– Ну вот, молодчина, а теперь отдышись немного, не напрягайся… Посмотрите, мистер Лобов, вот головка вашего дитяти, – акушерка показала рукой, и Саша увидел между ног Николь головку ребенка, покрытую черными волосиками.

– Так, еще одно усилие. Постарайся, как следует, Николь. Все уже почти кончилось… Все уже… кончилось, – приговаривала акушерка, а сама тем временем помогала крохотному созданию выбраться из материнского тела, а еще через некоторое время новорожденный уже лежал на столе.

– Ну вот, Николь, вот он, твой ребенок. У вас девочка. Смотрите, правда, хорошенькая? – акушерка ловкими быстрыми движениями

разрезала упаковку на пеленке, запеленала девочку и подала Саше. – Подержите ребенка, пока мы будем заниматься вашей женой, она потеряла довольно много крови.

С этими словами женщина нажала какую-то кнопку. Вскоре в родильное отделение вошел доктор, и они вдвоем стали хлопотать возле утомленной женщины.

Саша в это время смотрел на крохотный сверток, который он держал на руках. Это невинное создание, такое беззащитное и беспомощное, смогло появиться на свет только благодаря тому, что он в свое время догадался позвонить журналисту. Он поступил так совсем не для спасения детской жизни, а спасая собственную шкуру. И вот это маленькое существо лежит и не знает, что послужило средством для достижения чужих целей.

Саша улыбнулся ребенку, таращившему на него глазенки. Ну что тут скажешь, девочка смогла родиться на месяц раньше положенного срока, и родилась сильной и крепкой.

– У, какая драчунишка! – гордясь ею, пробормотал Саша.

Внезапно его поразила мысль, что именно он оказался отцом этого ребенка. Пусть это только формально, но он ее отец.

И еще он хотел, чтобы это дитя никогда не страдало.

Акушерка взяла девочку из его рук, чтобы взвесить ее и измерить, а Саша в это время подошел к Николь. Она взглянула на него.

– Ну как, папуля? Что думает счастливый отец о своей крохотной дочурке?

Потом она отвернулась и разразилась слезами.

Глава 75

В самолете, летевшем в Лондон, Себастиана мучили угрызения совести. Он не знал, что ему теперь делать, куда пойти и к кому обратиться.

Первой его мыслью была мысль о Мадди и об их отношениях. Ему лучше, чем кому-либо, было известно, как Мадди боготворила своего отца, всегда поддерживала его и верила в его талант. Она бесконечно гордилась успехами, которые выпали на долю «Симфонии для двоих», и радовалась, что Кристофер, наконец, получил то признание, которое он, по ее мнению, заслужил.

Себастиан с ужасом думал о том, как он встретится с Мадди и скажет о том, что раньше уже слышал эту музыку. Наверняка его отец играл отрывки из этого сочинения, когда Себастиан был еще совсем ребенком.

Когда самолет пересекал Ла-Манш, Себастиану пришло в голову, что лучше всего было бы забыть обо всем, чем знать, какую боль он принесет близким людям.

Но низость и подлость того, что совершил Кристофер, мучила и терзала его. Ведь он всегда верил, что Кристофер и его отец были лучшими друзьями.

– Хороша дружба, – пробормотал Себастиан.

К тому времени, когда самолет приземлился в Хитроу, молодой человек понял, что ему не удастся носить эту тайну в себе. По крайней мере, нужно получить объяснение.

В конце концов, он, возможно, просто заблуждается.

Прямо из аэропорта Себастиан позвонил Мадди и сказал, что ему необходимо немного задержаться по делам перед возвращением домой, а затем позвонил на Карлейл Сквер, чтобы быть точно уверенным, что Кристофер дома. После этого он взял такси и поехал в Челси.

– Привет, Глэдис, я приехал повидаться с Кристофером, – сказал Себастиан, когда домоправительница открыла дверь.

За ее спиной появился Кристофер.

– А, входи, входи, – широко улыбнулся отец Мадди. – Извини, у нас тут полный беспорядок. Мы прошлой ночью вернулись из

Франции, когда узнали, что Николь на месяц раньше родила дочку. Иветта сейчас в больнице, поехала проведать свою внучку.

– О! Поздравляю! – Себастиану не удалось изобразить ни малейшего энтузиазма по этому поводу, и это не укрылось от глаз Кристофера.

– Ты в порядке, Себастиан? Что-то ты не очень хорошо выглядишь?

– Извини, мы сможем поговорить?

Кристофер взглянул в серьезное лицо гостя и нахмурился.

– Конечно. Пойдем в кабинет.

Он жестом пригласил Себастиана следовать за ним.

В кабинете Себастиан поставил на стул свою дорожную сумку, расстегнул застежку и в следующую секунду увидел на стене «Серебряный диск», полученный Кристофером за запись «Симфонии для двоих». Отец Мадди увидел, что молодой человек смотрит на награду.

– Забавно, правда? Я не хотел, но Иветта настояла, чтобы это повесить. – Он пожал плечами и предложил: – Может, хочешь выпить?

– Нет, спасибо, – Себастиан в волнении заходил по комнате, а Кристофер, заметивший это, не выдержал и спросил:

– Ради Бога, что случилось? Что-нибудь с Мадди? Я не успел ей позвонить, когда мы вернулись из Франции, и…

– С Мадди все в порядке. Послушай, Кристофер, у меня на прошлой неделе в Италии умерла мать и…

Кристофер сразу помрачнел.

– О, Господи, Себастиан, какое горе! Мне очень жаль, поверь! Мы с ней были очень дружны. Вообще мы все четверо, я имею в виду твоих родителей и нас с Анни, были неразлучны. А что у нее было?

– Рак. Я не знал, но она, оказывается, была больна уже несколько лет.

– Это ужасно. Может, все-таки принести что-нибудь выпить?

– Нет, спасибо. Вообще-то не смерть моей матери привела меня сюда, – медленно сказал Себастиан.

Кристофер сел.

– Ну, выкладывай. Хуже этой новости уже ничего не будет.

– Боюсь, что будет, – резко произнес Себастиан, а затем глубоко вздохнул, раздумывая, с чего начать. – Перед смертью мать сказала,

что на чердаке есть кое-какие вещи, которые мне, возможно, пригодятся, может, просто заинтересуют. Вчера я пошел туда и… – тут он достал из сумки большой пакет, – и нашел вот это. – Себастиан передал пакет Кристоферу. Тот раскрыл его и достал большую кипу нотных листов.

– Узнаешь это, Кристофер? – молодой человек внимательно следил за реакцией отца Мадди. – А если нет, то я тебе советую, сядь за фортепьяно и сыграй пару тактов.

Кристофер внимательно просмотрел первую страницу и вдруг внезапно побледнел, а Себастиан продолжал говорить:

– Чтобы сравнить, я прослушал запись на пластинке. Ноты и запись абсолютно идентичны. Тебе нет смысла это отрицать, потому что еще я там обнаружил письмо, написанное тобой моему отцу. В нем ты не жалеешь лестных слов по поводу ЕГО «Летней симфонии»!

Некоторое время Кристофер молча смотрел на Себастиана и, наконец, произнес:

– Я не собираюсь отрицать то, что ты сейчас говорил.

– Но почему, Кристофер? Ради всего святого, почему? Как ты мог так поступить с моим отцом? Я-то думал, что вы были лучшими друзьями!

– Да, мы… были, – медленно ответил Кристофер, и Себастиану показалось, что он состарился за эти десять минут лет на двадцать, такое отчаяние и безысходность сразу навалились на него.

– Так как же ты можешь получать все эти награды, похвалы за то, что тебе не принадлежит? Как ты можешь все это присваивать себе, если это труд моего отца?

Кристофер закрыл глаза, и Себастиану на секунду показалось, что он сейчас зарыдает.

– Пожалуйста, скажи мне, что произошла ошибка. Объясни мне хотя бы причины! Ведь я тебя последние восемнадцать лет считал своим отцом. И вдруг я узнаю, что ты украл «Симфонию для двоих» у моего отца.

Голос Себастиана дрожал от волнения.

– Кристофер, скажи хоть что-нибудь!

Вместо ответа Кристофер посмотрел на него полными тоски глазами и спросил:

– Мадди знает?

– Нет. Я уверен, что это убьет ее. Я подумал, что лучше ей ничего не говорить, пока я не узнаю от тебя все.

– Ты уже знаешь правду.

– По крайней мере, объясни мне.

Себастиан видел, что Кристофер хотел что-то сказать, но промолчал. Тогда он снова спросил:

– Что я, по твоему, должен делать? Можно потребовать, чтобы на симфонии было поставлено имя моего отца, и сказать, чтобы награды были переданы мне, как его наследнику. А если я так сделаю, то Мадди… А, черт! Зачем только я все это узнал?

Кристофер посмотрел на своего бывшего ученика и вздохнул:

– Ты можешь делать все, что считаешь нужным. Я не буду просить о себе. Попрошу только подумать о Мадди, когда будешь принимать решение. Пожалуйста… А сейчас, Себастиан, мне бы тоже хотелось оставить тебя, мне необходимо подумать…

Он встал, и Себастиан, кивнув, положил бумаги в свою сумку.

– Попрошу тебя об одной вещи. Не говори пока ничего Мадди, хотя бы пару дней. Дай мне возможность самому ей об этом сказать, хорошо?

– Ладно. Может, мне прийти в пятницу, чтобы мы могли еще раз все обсудить?

– Да, приходи, – отец Мадди снова сел в кресло.

Себастиан взял сумку и, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Кристофер остался сидеть в своем Кресле. Мысли о Мадди, Иветте, о том, что они и все окружающие скажут, когда узнают, что он вор и лжец, были просто невыносимы.

Он будет обесчещен и уничтожен.

Он слабый и глупый человек, которому очень хотелось хоть немножечко удачи и уважения, поэтому он так легко согласился на то, что ему предложила Иветта. Неважно, что Кристофер сотни раз говорил себе, что поддался ее влиянию и вот-вот откажется от всего этого. Совершенно ясно, что он должен был и мог остановить весь этот обман в самом начале.

Выходит, что для Мадди и Себастиана наступило время узнать всю правду. Может быть, если он расскажет им о событиях, которые произошли, когда они были еще слишком малы, это хоть в какой-то степени объяснит мотивы его поступка. Может быть, узнав обо всем,

дети найдут в себе силы простить его. Если же Себастиан захочет после этого предать дело огласке, пусть так и будет. Главное – рассказать им правду.

И еще… Затем все надо будет рассказать Иветте.

Кристофер решил, что нужно пойти и немедленно поговорить с Мадди и Себастианом. Однако надо вначале все как следует обдумать. Так долго он скрывал правду от Мадди и даже от самого себя. Теперь ему надо быть абсолютно уверенным в том, что все, о чем он будет говорить, максимально точно и верно.

Кристофер сел за письменный стол, достал из ящика лист бумаги, ручку и начал писать. Несколько раз у него перехватывало дыхание, и комок подступал к горлу, когда он вспоминал то, что столько лет пытался забыть.

Через час работа была закончена. Он еще раз перечитал письмо и убедился в том, что в нем все близко к правде. Но не вся правда. Всю истину он изложит на словах. Кристофер смял листок, бросил его в камин, поджег и некоторое время наблюдал, как исчезает в языках пламени бумажный комок.

Затем он посмотрел на почти завершенную новую симфонию, над которой работал последние три месяца. У него была твердая уверенность в том, что это произведение значительно лучше «Симфонии для двоих», или «Летней», как называл ее Том. Да, надо взять ноты, чтобы показать Мадди и Себастиану. Это поможет доказать им, что у него есть талант, пусть даже ему и пришлось идти к признанию таким извилистым путем.

В эту минуту Кристофер вспомнил и еще кое о чем. Если ему удастся найти это, тогда у него будет подтверждение, а это сейчас очень важно. Он подошел к шкафу, где хранилась нотная бумага и где он обнаружил «Летнюю симфонию». Здесь лежала и старая пожелтевшая газета, сохранившаяся еще с тех времен.

Кристофер положил все в конверт и надписал имя дочери. Затем он посмотрел на часы. Был час пик, когда на улицах появляется огромное количество автомобилей и людей, спешащих домой с работы. Однако если выехать прямо сейчас, то он мог бы успеть к Мадди практически в одно с Себастианом время.

– Глэдис, я ухожу! – крикнул он, отворив дверь кухни. – Скажи, пожалуйста, Иветте, что я позвоню домой попозже. – Он немного

постоял возле выхода, затем машинально поднял с коврика свежий номер «Ивнинг Стандарт» и, зажав газету в руке, услышал ответ.

– Хорошо, мистер Винсент.

Он отворил дверь гаража, открыл ключом дверцу своего белого «Ягуара», который подарила ему Иветта, и, бросив на заднее сиденье газету с конвертом, вставил ключ зажигания и попытался завести мотор. Ничего… Он снова повернул ключ. Автомобиль не заводился.

– А, черт! – Кристофер в сердцах хлопнул по рулевому колесу, вылез из машины и открыл капот. Мешанина труб, стальных цилиндров, резиновых шлангов была для него совершенно незнакомой областью.

На поддоне и под двигателем автомобиля были масляные пятна. Смутно догадываясь, что причина неполадки заключается именно в них, он достал из-под заднего сиденья ручку и попробовал завести машину с ее помощью. Через двадцать минут бесплодных попыток, чертыхаясь и проклиная все механизмы на свете, Кристофер запер дверь гаража.

Он решил как можно быстрее вызвать механика, чтобы тот осмотрел его автомобиль, так как терпеть не мог пользоваться общественным транспортом, а пока ему придется взять такси до Мэрилбона, а оттуда добираться до Мадди поездом.

На полпути до станции он вспомнил, что забыл в машине свой конверт, но решил за ним не возвращаться. В конце концов, сейчас важнее объяснить все Себастиану и дочери. Доказательства он им представит позже.

Кристофер вошел в здание подземки, купил билет и с толпой пассажиров двинулся вниз по лестнице. На платформе было много народу. Люди стояли, тесно прижавшись друг к другу, казалось, что на бетонной дорожке больше не было места. Однако поезд мог прийти в любую минуту, и Кристофер стал протискиваться к краю платформы. Вдалеке послышался шум подходящего состава, и в этот момент сбоку раздался возмущенный возглас:

– Эй, дружище, нельзя ли поосторожнее.

Кристофер обернулся, чтобы извиниться, в этот момент из тоннеля уже появился первый вагон.

– Извините, я не… – произнес Кристофер, и в этот момент вся масса ожидавших качнулась вперед, напирая на него. В следующую

секунду людским потоком его вынесло к краю платформы, он шагнул, и вдруг под ногой ничего не оказалось.

Теряя равновесие, Кристофер взмахнул руками…

Расширившимися от ужаса глазами машинист видел, как напиравшая толпа вытолкнула из своей массы к краю платформы высокого мужчину, и тот, взмахнув руками, упал на рельсы, прямо под колеса поезда.

Глава 76

Себастиан понял, что не сможет вернуться домой к Мадди, пока хоть немного не успокоится. Стоял прекрасный вечер, поэтому он направился в Кенсингтонский парк и там, медленно прогуливаясь по аллеям, погрузился в тяжелые размышления.

Он никак не мог понять нежелания Кристофера оправдываться или отрицать свою вину.

Себастиан остановился перед памятником Питеру Пэну, этому символу вечной юности и красоты, которая, кажется, никогда не исчезнет, пока ты молод. Но юность уходит, оставляя только горькие сожаления о неиспользованных возможностях.

Должен ли он разоблачать Кристофера? Надо ли добиваться признания отцовского таланта или допустить, чтобы имя отца исчезло в потоке времени, как исчезли без следа миллионы других, чьи жизни оборвались трагически рано? Можно вступиться за поруганное достоинство мертвых, но что будет с живыми? Сколько жизней это разоблачение может разрушить? Кристофер, Иветта, Мадди, не говоря уже о его собственной судьбе. Вряд ли ему удастся жить с девушкой, которую он любит больше жизни и отца которой подвергнет публичному позору.

Но не пародия ли на справедливость его теперешние рассуждения? Может ли он позволить Кристоферу выйти сухим из воды?

Себастиан продолжал бродить по тропинкам парка. Ему очень хотелось с кем-нибудь поговорить, посоветоваться, но никого рядом не было, да и кто мог помочь в данной ситуации?

Он вспомнил свой последний разговор с матерью, и внезапно в памяти всплыли ее слова, что она понимает его. Именно эти слова она и просила передать Кристоферу.

«Симфония для двоих» была в ее фонотеке. Значит ли это, что мать знала о поступке Кристофера? Может быть, говоря, что понимает его, она разрешала ему навеки сохранить этот секрет? Она ведь сказала, что все долги уплачены.

– Проклятье! – выругался Себастиан. Если бы только мать была жива и помогла ему собрать в одно целое осколки этой странной

мозаики. Чем больше он думал об этом, тем больше начинал подозревать, что во всей этой истории есть то, о чем он, возможно, никогда не узнает. Придется довольствоваться обрывками той информации, которая у него есть. А эти крохи свидетельствуют о чем-то. Мать пыталась через него сказать Кристоферу, что то, что он сделал, сделано правильно.

Этого было мало, но это было все, что Себастиан знал. Эта история принадлежала прошлому, а он должен был знать, что ждет его в будущем. В том будущем, где он не мыслил себя без Мадди… Завтра он позвонит Кристоферу и скажет, что все это лучше предать забвению.

Чувствуя огромное облегчение от того, что он принял решение, Себастиан направился к выходу и остановил такси, чтобы ехать на Мэрилбон Стейшн.

В поезде ему доставляла удовольствие мысль о том, что он вскоре увидит Мадди. Его нетерпение возрастало по мере того, как он ближе подъезжал к дому. Он стремительно приблизился к входной двери, открыл ее и бросился в гостиную, желая поскорее заключить в объятия любимую.

Прямо у входа ему бросилось в глаза ее бледное залитое слезами лицо.

– Мадди, девочка моя, что случилось?

– Ах, Себастиан! Где ты был? – заплакала она, бросаясь ему на грудь.

– Извини, родная, – он погладил ее по голове, успокаивая. – Что случилось?

Она подняла на него глаза.

– Мы немедленно должны ехать в Лондон!

– Но почему? – удивился он.

– Потому… потому что… О, Господи! Себастиан… Мой папа погиб!

Глава 77

Неделя, которая за этим последовала, превратилась в сплошной кошмар. Мадди буквально обезумела от горя. Неизвестно, чем бы это для нее кончилось, если бы не любовь и поддержка Себастиана.

Он и сам словно прошел через все муки ада. Хотя и полиция, и многочисленные свидетели в один голос говорили о несчастном случае, ставшем причиной гибели Кристофера, Себастиана ничто не могло утешить. Он знал правду. Виновником гибели отца Мадди был он.

Было очевидно, что Кристофер не смог жить с сознанием того, что Себастиану стала известна его тайна. И тогда он принял решение покончить с собой. Себастиан готов был сам умереть, только бы не слышать, как Мадди в тысячный раз в отчаянии задавала себе вопрос, что могло понадобиться ее отцу на станции метро, ведь всем было известно, насколько он ненавидел ездить в общественном транспорте.

Первые несколько дней Себастиан хотел рассказать ей правду и признаться, что виновен в смерти ее отца. Конечно, это означало бы навеки потерять Мадди, но он не знал, как можно жить с этим ужасным чувством вины.

Видя ее страдания, понимая то, что никто, кроме него, не облегчит их, Себастиан решил, что в этой ситуации его признание окончательно погубит девушку. Поэтому он все сохранил в тайне и даже не упомянул о том, что виделся с Кристофером в день его гибели. Горьким утешением для Себастиана был звонок Джаспера, который сказал, что «Это любовь» вышла на третью позицию в хит-параде.

Остается только добавить, что в ходе следствия было установлено, что Кристофер упал и сломал себе шею. Он умер мгновенно, еще до того, как на него наехал вагон метро.

– Леди и джентльмены, – Антон Шанелль откашлялся и окинул взором толпу людей, собравшихся в церкви. – Меня удостоили высокой чести сказать несколько слов о Кристофере Винсенте. Я знал его более двадцати лет. Мы встретились впервые, когда я, в то время молодой танцор, начинал выступать в труппе Королевского Национального балета. Он был пианистом в нашем оркестре. Я всегда

буду помнить, с какой готовностью он жертвовал своим временем и силами, помогая мне отрабатывать наиболее сложные элементы.

Кристофер был чрезвычайно добрым и одаренным человеком, горячо любил свою дочь Мадлен и обожал жену Иветту. Даже до того, как к нему пришел успех, его уважали и ценили все – и артисты балетной труппы, и музыканты оркестра.

Кристофер Винсент был предан своей музыке. Он не интересовался деньгами и славой. Я уверен, что именно поэтому он стал настоящим художником. Ему не удалось в полной мере насладиться плодами славы, но он оставил нам великое наследие – свою гениальную «Симфонию для двоих», которая и через много лет будет напоминать нам, что Кристофер Винсент – один из величайших композиторов двадцатого века. И я знаю, что никто из присутствующих не забудет ни этого человека, ни его музыку. Благодарю вас…

Антон прошел к своему месту и сел. В это время оркестр Национальной Оперы заиграл увертюру из «Симфонии для двоих».

Все присутствующие плакали, а Мадди изо всех сил сжала губы, стараясь не дать волю слезам, понимая, что если разрыдается, то уже не сможет остановиться. Рядом с ней Саша утешал Иветту.

Затем Мадди остановившимся взором, словно окаменев от горя, смотрела на темную глубокую могилу, не желая верить, что там лежит ее отец. В сердце ее было пусто, словно горе выжгло все внутри, и она сама умерла для окружающих. Мадди сквозь слезы смотрела на Себастиана, и он ободряюще сжал ее руку. Больше у нее никого не осталось.

Мадди подумала, что если она потеряет Себастиана, ей незачем будет жить.

После похорон самые близкие собрались в доме на Карлейл Сквер.

– Мадлен, – Саша подошел к девушке и нежно поцеловал ее в щеку. – Какой печальный день! Я очень хорошо понимаю, что значит потерять отца. Если бы я мог что-то сделать…

– Спасибо, – машинально, без всякого выражения ответила Мадди. – Мне кажется, я должна тебя поздравить с рождением первенца.

– Да, Наташа такая красавица! – заулыбался он. – Хотя мне из-за нее приходится не спать всю ночь.

– Хорошо быть отцом?

Саша от удовольствия даже зажмурился. Потом, словно о чем-то вспомнив, он смущенно посмотрел куда-то в сторону и прошептал:

– Мадлен, ты очень многого не знаешь. Когда-нибудь я тебе все расскажу.

Мадди равнодушно кивнула. Она слишком устала от Сашиных проблем. К тому же он слишком часто лгал ей раньше.

– У тебя, Саша, нездоровый вид. Ты себя хорошо чувствуешь?

– Да. Просто не высыпаюсь.

К ним подошел Антон Шанелль.

– Здравствуй, Мадлен. Прими мои глубочайшие соболезнования. Музыкальный мир потерял талантливейшего человека.

Мадди слабо улыбнулась.

– Спасибо, Антон, за твои слова о папе.

– Это все правда, Мадди. Я очень рад, что ты почти совсем поправилась. Я вижу, у тебя осталась только палочка.

– Да. Надеюсь, что скоро от нее избавлюсь.

– Прекрасная новость, – сказал Антон. – Может, ты когда-нибудь зайдешь ко мне поговорить? Ты могла бы работать преподавателем.

Девушка отрицательно покачала головой.

– Нет, спасибо, Антон. С балетом покончено.

Он кивнул.

– Я понимаю. Пожалуйста, извини. Я должен идти к Иветте.

В комнату вошла Глэдис с подносом, на котором стояли бокалы с шерри.

– Как ты себя чувствуешь, Мадди? – спросила она, подойдя к девушке.

– О'кей, спасибо.

– Как это ужасно, – вздохнула Глэдис. – Подумать только! Только что мистер Себастиан разговаривал с мистером Кристофером у него в кабинете, а в следующую минуту мистера Кристофера нет уже в живых.

Мадди нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что Себастиан был тут в день, когда погиб отец?

Глэдис смущенно смотрела на нее.

– А разве он тебе ничего не сказал? О, Господи, может, я что-то не то сказала? Извините, мне надо разнести шерри.

Она поспешно удалилась, а к Мадди подошел Себастиан и положил ей руку на плечо.

– Крепишься, дорогая?

– Подожди… Почему ты мне не сказал, что виделся с отцом в день его смерти?

Явно растерявшись, он пожал плечами.

– Ну, я… Мне это показалось не очень важным…

– Не очень важным? Себастиан, ты что? Возможно, ты последний, кто видел его и разговаривал с ним, и ты думаешь, что это неважно? – У Мадди внезапно замерло сердце от предчувствия чего-то ужасного.

– Тут что-то произошло? Зачем тебе нужно было видеть отца?

Себастиан знал, что можно сказать неправду, можно сказать все, что угодно, и выйти из этой ужасной ситуации. Но, посмотрев на Мадди, он понял, что больше не сможет ей лгать. Она должна знать правду.

Он тяжело вздохнул, с любовью и нежностью взглянул на нее, понимая, что теряет ее, и тихо сказал:

– Думаю, нам лучше пойти домой.

– …Вот и вся правда, – закончил свой рассказ Себастиан, все еще держа в руках пакет, который нашел на чердаке. – Мы договорились встретиться в пятницу и еще раз все обсудить. Господи, Мадди! Самое ужасное во всей этой истории то, что после разговора с Кристофером я ходил по парку, думал обо всем этом и решил, что все это нужно предать забвению. Я понимал, что это причинит горе многим людям. К тому же перед смертью моя мать сказала мне одну вещь, которая, видимо, доказывает, что я принял правильное решение. Я собирался поехать домой, позвонить Кристоферу и сказать ему, – его голос прервался. – Когда я приехал домой, и ты мне сказала, что он погиб, я… Черт возьми!

Себастиан в отчаянии обхватил голову руками.

– Можешь себе представить, что я пережил в последние несколько дней, думая, что я виноват в смерти твоего отца?

Мадди села в кресло напротив него. Она была мертвенно бледна, внешне абсолютно спокойна, ее состояние выдавали только побелевшие костяшки пальцев, сжатых в кулаки так, что почти впились в ладонь. Только теперь она поняла до конца, каким бывает горе, и какой бывает боль.

– Я думаю, что тебе лучше уйти… – неестественно спокойно сказала она.

– Все, что ты скажешь, дорогая, но только прошу тебя, помни, следователь подтвердил, что это был несчастный случай, и…

– Себастиан, ты веришь в это не больше, чем я, – ледяным голосом сказала Мадди. – И я не желаю это обсуждать. Уходи!

Он посмотрел на ее бледное, окаменевшее лицо и сверкающие глаза, с ненавистью глядевшие на него, и беспомощно спросил:

– Ты уверена, что с тобой все в порядке? Ты ужасно выглядишь и…

– Все нормально, Себастиан, не бойся. Другой жертвы не будет. У меня все отлично.

– Мадди, подожди! Не надо так!

– Не надо? – голос девушки задрожал. – Да ведь ты же мне только что сказал, как мой отец убил себя из-за того, что ты ему наговорил!

Она тяжело, прерывисто дышала.

– Пожалуйста, уходи сейчас же!

Себастиан встал и сделал шаг к ней.

– Не прикасайся ко мне! – закричала Мадди с отчаянием, и он отшатнулся, а потом медленно пошел к двери и только у порога оглянулся, чтобы последний раз увидеть ее.

– Наверное, Мадлен, ты хотела бы, чтобы меня не было в живых. Ну что же, может, тебя утешит, что без тебя для меня жизнь потеряла всякий смысл. Я потерял единственного дорогого мне человека. Это моя кара.

Себастиан смахнул слезу и добавил:

– Я люблю тебя, Мадди, и всегда буду любить.

Мадди не посмотрела на него, когда он вышел из комнаты, и только услышала, как хлопнула парадная дверь и машина отъехала от дома.

Глава 78

Саша проснулся среди ночи от приступа кашля. Стараясь не разбудить Наташу, спавшую в соседней комнате, он бросился в ванную, выпил немного воды и внимательно посмотрел на себя в зеркало. Вид у него был ужасный.

Этот изнурительный кашель мучил его уже три недели, и с каждым днем ему становилось все хуже и хуже.

Саша почувствовал, что у него все внутри похолодело от ужаса. А что, если? Саша замотал головой. Нет, скорее всего это простуда, и вскоре все пройдет.

До него донесся плач Наташи. Надеясь, что девочка вскоре заснет, он не пошел к ней, но через несколько минут плач ее усилился. Он пошел в детскую, так как знал, что Николь все равно не будет обращать внимания на плач дочери до тех пор, пока ему это не надоест, и он сам не успокоит ребенка.

Как только Саша взял на руки крохотный сверток, Наташа моментально прекратила плакать.

– Ну, ну, малышка. Кушать хочешь? – с ребенком на руках он пошел на кухню и стал искать бутылочку. Николь отказалась кормить дочку грудью, несмотря на то, что акушерка сказала ей, что молока у нее много. Николь заявила, что читала по этому поводу и знает, что от кормления грудь у нее отвиснет, а она этого боится.

Саша вернулся в детскую, сел на стул, дал ей соску, и Наташа сразу довольно зачмокала.

С той минуты, как девочка появилась в доме, он все время сам за ней ухаживал. Николь отправлялась ночью в постель, заявляя, что она слишком устала, и если у него нет времени заниматься Наташей, то им следует взять няню. Казалось, что Николь вообще не проявляла никакого интереса к своей прелестной дочурке, тогда как Саша в ней души не чаял. Иногда эгоизм Николь до такой степени раздражал его, что ему хотелось надавать ей по шее. Полное равнодушие, которое выказывала Николь по отношению к собственному ребенку, доводило его до бешенства.

Однако стоило Саше передать девочку Николь, как Наташа начинала отчаянно плакать. Создавалось такое впечатление, что мать и

крохотную дочку ничего не связывало, и Саша взял на себя роль Николь.

По горькой иронии судьбы теперь, когда он мог свободно уйти от нее, у него совсем не было уверенности, что он хочет этого. Поступить так значило для него покинуть ребенка, которому он дал русское имя, оставить Наташу на попечение ее матери.

Всю свою жизнь Саша думал только о себе, о том, как выжить. Он прекрасно знал, что никогда никого по-настоящему не любил и всегда на первое место ставил свои собственные интересы. Появилось это маленькое существо, чьим отцом был неизвестно кто, и оно полностью теперь зависело от него, Саши Лобова. Может быть, впервые ему открылось, как прекрасны могут быть любовь и забота о других людях. Несколько раз он ловил себя на мысли, что искренне жалеет, что не он настоящий отец Наташи.

Девочка закашлялась и выплюнула молоко на свой передничек, и Саша тихонько похлопал ее по спинке. Но Наташа снова закашлялась. Тогда он, нахмурившись, губами прикоснулся ко лбу ребенка, и его сердце сжалось от страха. Детский лобик был горячим. Неужели девочка тоже простудилась? Может, она от него же и заразилась?

А вдруг это правда? Нет, эта мысль была слишком жуткой, чтобы додумывать ее до конца.

Саша взял детский термометр и поставил его Наташе. Спустя пару минут он посмотрел на градусник и увидел, что температура слегка выше нормальной.

Он немного успокоился и решил посидеть с ребенком. Вскоре Наташа уснула, но ему в голову лезли страшные мысли.

Все-таки он несколько раз занимался с Николь любовью. И один раз это произошло уже после его знакомства с Игорем. Если Игорь действительно заразил его, тогда он вполне мог заразить Николь, а от нее и дитя, которое сейчас было у него на руках.

– Боже, пожалуйста, нет! – в ужасе прошептал он, убирая с детского лобика мягкие влажные волосы.

Однако, слава Богу, температура через некоторое время упала.

Ради Наташи ему придется сдать анализы и пройти тест-контроль. Весь остаток ночи он провел в детской. Свою карьеру, жизнь, свое будущее ему придется поставить на карту ради спасения невинной жизни, которая еще только начинается.

Глава 79

Кейт проснулась еще до того, как зазвонил будильник, потянулась наощупь к столу, чтобы отключить его и не нарушать утреннюю тишину.

– Без десяти пять, – застонала она. – Какого черта я проснулась так рано?

Но делать было нечего. Она встала с кровати, подошла к окну и отдернула шторы. Она покривила душой, ей было очень хорошо известно, почему она каждое утро встает ни свет ни заря и работает долгий день.

Широкие просторы за окном были еще окутаны густым утренним туманом. Однако ей были уже видны пасущиеся лошади. Они казались крохотными из-за расстояния, отделявшего ее от дальнего пастбища, и их темные силуэты то пропадали, то вновь появлялись из серой пелены. Стойла и здания конюшен находились слева от дома, в котором жила Кейт. Заводской двор, выгоны – все было в порядке, выглядело опрятным и чистым. Вдалеке сквозь туман белела свежим деревом новая ограда.

Как все отличалось от того, что из себя представляло это место всего несколько месяцев назад, когда Кейт впервые приехала сюда. Тогда тут был полнейший хаос. Везде было полно строителей и рабочих, и она, поселившись в отремонтированном здании, думала о том, как ей удастся со всем этим справиться. Хорошо еще, что Крис, менеджер из Ньюмаркета, был рядом с ней первые два месяца, и они пытались навести здесь хоть какое-то подобие порядка. Полтора месяца назад, убедившись, что Кейт теперь и без него справится, он вернулся в Англию.

Открыв дверь спальни и направляясь в душ, Кейт подумала о том, что с особым волнением ждет сегодняшнего дня. В десять часов должен приехать Хассан, впервые за несколько последних месяцев. Девушка с гордостью подумала о четырех прекрасных кобылах, приобретенных в Англии на аукционе. Но лучшей новостью было то, что она сумела приобрести победителя французского Дерби прошлого года, и теперь этот жеребец должен был стать украшением всего табуна.

Ей не терпелось похвастаться этими переменами перед Хассаном. При мысли о том, как она будет ему все показывать, Кейт улыбалась.

Быстро приняв душ, она вернулась в спальню, натянула брюки для верховой езды и толстый свитер. Был сентябрь, но по утрам становилось уже холодно.

Как главный управляющий Кейт знала, что у нее нет необходимости рано вставать и следить за работой конюхов, но она с самого начала взяла за правило знать обо всем, что происходит на конезаводе, не с чужих слов. Со временем ее работа все больше становилась административной, приходилось заниматься перепиской с партнерами, связями с прессой, различными финансовыми вопросами.

Да, конечно, сделать удалось очень много. На прошлой неделе подключили центральное отопление. Кухня была оснащена выше всяких похвал. Хассан в этих вопросах Кейт не ограничивал, так как считал, что посетители, приезжающие на конезавод, должны иметь максимум удобств и прекрасное питание, значит, и на кухне все должно быть самое лучшее и современное. Для этих же целей, как следовало из факса, полученного вчера, вскоре должен прибыть хороший повар.

Приготовив себе чай, Кейт с чашкой в руке прошла в свой кабинет. Здесь тоже все было удобно и роскошно обставлено.

Девушка поставила чай на стол и включила компьютер. Она очень гордилась, что теперь может осуществлять контроль над всем хозяйством, не выходя из своего кабинета. В любой момент можно было включить компьютер и получить исчерпывающую информацию о количестве оставшегося в резерве сена, о состоянии здоровья животных, и о том, когда и каким лошадям требуется сделать прививки.

Подумав о прививках, Кейт вспомнила о своем замысле создать небольшую ветеринарную лабораторию при заводе, которая могла бы своевременно производить выбраковку больных лошадей и предотвращать распространение заболеваний среди животных. Она вздохнула. Да, кое-что сделано, но сколько еще предстоит сделать.

В окно Кейт увидела, как на территорию завода въехал блестящий «порше». Она встала, поправила одежду и, спустившись вниз, открыла дверь.

– Привет, Кейт! – радостно приветствовал ее Хассан. – Ты отлично выглядишь!

– Спасибо, – Кейт внезапно покраснела, заметив в машине черноволосую женщину, роскошно одетую и очень красивую. Женщина вышла из машины и подошла к ним.

– Кейт, это Тани. Она очень интересуется лошадьми, и я решил взять ее с собой, чтобы показать ей все тут.

– Рада с тобой познакомиться, Кейт, – с трудом подбирая слова, сказала Тани с сильным арабским акцентом.

У Кейт сразу упало настроение, она так надеялась, что ей удастся поговорить с Хассаном, показать ему все. Но она надеялась, что они будут только вдвоем.

– На вид все просто превосходно, – улыбнулся Хассан. – Огромная разница по сравнению с тем, что я видел здесь последний раз. Так с чего мы начнем наше путешествие?

– Пожалуй, лучше всего с дома, – ответила Кейт. Хассан кивнул:

– Отлично, показывай дорогу.

Через два часа, когда экскурсия закончилась у Кейт в кабинете, они сели, и Хассан широко улыбнулся.

– Должен поздравить тебя, Кейт. Ты проделала работу отлично. Разве я не говорил тебе, что у тебя прирожденный талант руководителя? А жеребец просто сногсшибательный. Даже не представляю, как тебе это удалось.

– Уверена, что Кейт использует свое женское обаяние, так ведь? – сказала Тани, но Кейт возразила:

– Нет, скорее финансовые возможности. Я себе могу позволить затраты, которые другие не могут. Вот и весь секрет.

– Так, я полагаю, что вас пора приглашать на ленч, – Хассан посмотрел на часы.

– Только у меня есть еще несколько финансовых вопросов, которые необходимо уточнить.

– Тогда рассказывай, – согласился Хассан. Кейт помолчала, не зная, можно ли это обсуждать в присутствии его спутницы, но он улыбнулся и сказал:

– Ты насчет Тани не беспокойся. Она уже практически член нашей семьи.

– Да, почти, – выдохнула Тани, и на ее губах появилась загадочная многозначительная улыбка.

Ленч они провели в маленьком ресторанчике в соседней деревне. Все трое оживленно разговаривали о лошадях, скачках, и Кейт должна была признать, что Тани разбирается в этих вопросах неплохо.

Хассан заказал кофе и ликер и повернулся к своей спутнице:

– Что ты обо всем этом думаешь?

– Мне было очень интересно, – ответила Тани. – Я поеду домой, и мы с отцом все как следует обсудим.

Кейт непонимающе посмотрела на них и спросила:

– Извините, Тани, о чем вы говорите?

– Дорогая Кейт, позволь тебе все объяснить, – прервал ее Хассан. – У отца Тани в Англии есть большой конный завод, но, по его мнению, ему приходится платить слишком много, и он хочет перебраться в Европу. Вот я и привез Тани, чтобы она посмотрела на наше хозяйство.

Молодая женщина улыбнулась и посмотрела на свои часики.

– Да, мне все понравилось. Но, Хассан, нам пора уезжать, иначе я не успею в Париж к началу бала, – она встала. – Извините, мне надо привести себя в порядок перед дорогой.

– Конечно, – заторопился Хассан. Жестом он потребовал счет и наклонился через стол к Кейт. – Мне очень жаль, что приходится так быстро уезжать, но еще раз хочу сказать, что я тоже искренне поражен увиденным. Я горжусь тобой, Кейт! Отличная работа.

Она покраснела.

– Спасибо, а когда ты сможешь приехать в следующий раз?

Кейт рассердилась на себя. Ей, кажется, не удалось скрыть от Хассана свое желание увидеть его опять. Но он только пожал плечами.

– Не знаю, когда снова удастся приехать во Францию. У меня слишком много дел. Если возникнут какие-то проблемы, отправь мне факс в Лондон, и мой секретарь свяжется со мной.

– Да, кстати, – он ближе наклонился к ней, – отец Тани владеет жеребцом, победившим в прошлом году на скачках Дерби в Эпсоме.

И он подмигнул Кейт, когда Тани приблизилась к столику.

Кейт помахала на прощание, дождалась, пока «порше» отъехал от ресторана, а затем отправилась к себе на ферму, чувствуя себя ужасно

разбитой. Может быть, угнетенное состояние было следствием напряженного дня, но что-то ей говорило, что причина совсем в другом.

Она прошла в свой офис, где был оборудован маленький бар, обставленный в стиле восемнадцатого века. Вообще ее любовь к антиквариату и знание предмета здорово помогли ей, когда пришлось меблировать жилой корпус. Но сейчас у нее не было ни малейшего желания любоваться дорогой стильной мебелью. Она редко пила последние месяцы, особенно днем, но сегодня ей очень хотелось выпить.

Визит Хассана выбил ее из колеи.

Смешав джин с тоником, Кейт уселась на диван, стараясь понять, что с ней происходит, но была не в состоянии размышлять.

Конечно, совершенно очевидно, что Хассан и Тани не просто добрые друзья. Тани говорила, что они приглашены сегодня на какой-то прием, да и сам Хассан назвал ее почти членом семьи.

– Неужели это правда? – с отчаянием, в который раз спрашивала себя Кейт.

Теперь Кейт хотела, чтобы этот молодой, красивый, блестяще образованный араб принадлежал только ей одной. Но, похоже, она опоздала. То время уже не вернется.

Она вздохнула, вспомнив, как сама ему заявила, что если и будет с ним работать, то их отношения будут чисто деловыми. Оказалось, что все это ерунда.

Ей снова вспомнилось то волнение, с которым она утром ждала его приезда, и разочарование при виде выходящей из машины Тани.

– А, черт! – Кейт жадно осушила свой бокал.

Сомнений нет. Теперь она по уши влюблена. Смешно, но она влюбилась именно в Хассана.

Глава 80

Доктор провел Сашу в свой кабинет и, сев за стол, углубился в изучение бумаг.

– Пожалуйста, доктор, скажите, каковы результаты обследования? – нарушил молчание Саша.

Врач тяжело вздохнул, и у Саши похолодело внутри. Ответ можно было прочесть на лице этого человека в белом халате.

– Положительные? – с замирающим сердцем выдохнул Саша.

Доктор кивнул.

– К несчастью, мистер Лобов, результаты тестов показывают, что обнаружен вирус ВИЧ.

– Боже, – Саша побледнел.

– Мы не можем сказать, на какой стадии заболевания вы находитесь. Проведем дополнительные исследования и…

Внезапно Саша закашлялся.

– Думаю, вас надо немедленно осмотреть. Мне не нравится ваш кашель. ВИЧ инфекция ослабляет иммунную систему человека, и организм не может сопротивляться даже пустяковому заболеванию. Сколько времени у вас этот кашель?

– Три-четыре недели.

– И становится все хуже?

Саша кивнул.

– Так, так… Я позвоню, чтобы вам приготовили кровать, начнем вас немедленно обследовать. Насколько я знаю, мистер Лобов, вы женаты, и у вас есть ребенок.

– Да.

– Ваша жена знает, что у вас, возможно, вирус ВИЧ?

Саша помотал головой:

– Нет…

– Вам придется сказать ей об этом. Уверен, вы осознаете, что могли заразить жену и через нее и вашего ребенка. Очевидно, у них тоже придется взять анализы на содержание в крови вируса.

– Я… мы с женой очень редко занимались любовью. Есть хоть малейший шанс, что жена и дочь не заразились?

Врач пожал плечами:

– Ничего пока сказать не могу. В этом заболевании пока еще очень много непонятного. Некоторые инфицируются, только раз побыв друг с другом. А кто-то довольно долго имеет половые отношения со множеством партнеров, и ничего…

На глазах Саши выступили слезы.

– Моей дочери всего шесть месяцев. Если она заболела, я… – Он не смог продолжать, от волнения у него перехватило горло.

Доктор кивнул.

– Конечно, должно быть, это тяжелое потрясение для вас, но пока мы не проведем исследований, нам будет трудно что-либо сделать. Я хотел бы вас попросить назвать своих сексуальных партнеров за последние пять лет, если это, конечно, возможно. Нам необходимо связаться с ними и обследовать их.

Саша тут же подумал о своих многочисленных знакомых, с которыми встречался на Хэмпстед Хиз. Нет, ради Наташи он не будет раскрывать эту сторону своей жизни.

Он покачал головой.

– Нет, больше никого не было…

– Это уже кое-что, – сказал доктор. – Вы можете предположить, от кого вы заразились?

– Нет…

– Думаю, на сегодня достаточно. Советую вам немного отдохнуть, а я попрошу санитара принести вам чашку чаю. Джеральдина скоро закончит свои дела и подойдет к вам. Она посоветует, как лучше рассказать обо всем вашей жене, а я тем временем организую все для дальнейших обследований.

Саша встал и, замирая от тяжелых предчувствий, спросил:

– Вы… можете сказать, сколько… мне осталось жить?

– Нет, мистер Лобов. После дополнительных обследований мы получим более ясную картину. Как вы знаете, многие люди являются носителями вируса на протяжении долгих лет, но не заболевают СПИДом. Так что не будем терять надежду.

Саша слабо улыбнулся и вышел из комнаты.

Николь брезгливо меняла пеленки, когда внезапно раздался телефонный звонок.

– Алло? – хмуро бросила она в трубку.

– Могу я поговорить с миссис Лобов, – раздался на другом конце женский голос.

– Я слушаю, – ответила она.

– Здравствуйте, миссис Лобов, это Джеральдина Мэдоуз. Я врач из Вестминстер Хоспитал. Ваш муж дал мне ваш телефон.

– О! Что случилось?

– Вашего мужа положили на обследование.

– Что за обследование? – недоумевая, спросила Николь.

– Я думаю, что вам нужно вместе с дочерью как можно быстрее приехать сюда. Мы могли бы спокойно поговорить обо всем. К тому же вы, возможно, захотите увидеть своего супруга.

– Сегодня днем я немного занята, а…

– Миссис Лобов, я уверена, что вам нужно как можно скорее приехать в госпиталь.

– С Сашей ничего не случилось? Он ведь только кашлял.

– Давайте договоримся встретиться в три часа? Подойдите к столу главного регистратора и спросите миссис Мэдоуз, ладно?

Николь вздохнула.

– Хорошо. Ребенка привезти с собой?

– Да, – коротко ответила Джеральдина.

Саша лежал на больничной койке, чувствуя страшную усталость после многочисленных обследований и просвечиваний, которым его подвергли. Врачи настаивали на том, чтобы он воспользовался креслом с колесиками, и ему стоило больших трудов объяснить, что он еще не потерял способности передвигаться на собственных ногах. Но кашель его ужасно измучил, так что болела вся грудная клетка.

Правда, Саша был уверен, что ему стало хуже только оттого, что пришлось оказаться в одной палате с другими молодыми людьми, которые, видимо, были тяжело больны.

К нему подошел доктор.

– Привет, Саша, – врач задернул шторы возле его кровати и сел рядом с ним, затем достал из коричневого конверта несколько листов бумаги.

– Во-первых, могу сообщить тебе результаты исследования крови. Анализ белых кровяных телец показывает, как далеко развилась болезнь в организме.

– Ну и…? – тихо спросил Саша.

– Мне очень жаль, но у тебя развивается СПИД. В твоей крови очень мало лейкоцитов. Рентген показал, что сейчас у тебя бронхит. Это классический случай заболевания, и мы попытаемся все сделать, чтобы он не развился в воспаление легких. Тебе назначен курс лечения антибиотиками, затем попробуем другие имеющиеся в нашем распоряжении средства. Но, как ты понимаешь, надежды на улучшение нет.

– Могу я сегодня пойти домой?

Врач покачал головой.

– Я бы не советовал. Нам нужно видеть, как твой организм будет реагировать на антибиотики, и удастся ли очистить бронхи.

– Моя жена уже виделась с Джеральдиной? – спросил Саша, немного помолчав.

– Думаю, да.

– Джеральдина ей сказала, что…

– Я не знаю, Саша. Но Джеральдина сама придет повидать тебя, как только у нее появятся новости. А я с тобой увижусь завтра.

Врач ушел, и Саша закрыл глаза. Было совершенно невыносимо смотреть на осунувшееся, ничего не выражающее лицо молодого парня, лежавшего рядом, видеть его пустой остекленевший взгляд. Неужели это все, что ему осталось видеть в жизни?

– Привет, Саша, – внезапно раздался чей-то голос.

Молодой человек открыл глаза и увидел стоявшую перед ним Джеральдину.

– Вы сказали Николь? – спросил он, не отвечая на приветствие.

– Да.

– И как она это восприняла?

– Она была поражена, разгневана, испугана, – Джеральдина пожала плечами. – В общем, все, как и следовало ожидать.

– Их уже обследовали?

– Да.

Саша резко сел.

– Какие результаты?

– Мы узнаем это только через сутки.

Он в отчаянии застонал.

– Боюсь, что она не хочет тебя видеть, – мягко сказала Джеральдина. – Но я уверена, что это со временем пройдет. Послушай, Саша, постарайся успокоиться. Все равно, пока мы не знаем результатов теста, ничего нельзя предпринять. Постарайся немного отдохнуть. Я понимаю, что это немного странно звучит, но нет смысла себя терзать. Николь и Наташе, может быть, посчастливится.

– О, если бы! – прошептал Саша.

– Как только у меня будут новости, я к тебе зайду, – женщина встала. – Вы одна семья, и вам надо поддерживать друг друга.

Саша кивнул.

– Спасибо, что сказали ей. Я бы не сумел.

– Ничего. Рада, что смогла помочь. Спокойной ночи, Саша.

Джеральдина вышла из палаты, посмотрев напоследок на бледные лица больных. Сашин случай был одним из самых сложных за все время ее врачебной практики. А при воспоминании о крохотной девочке на руках Николь на глазах у женщины навернулись слезы.

Она не сказала Саше, как закричала Николь, когда узнала о том, что с ним произошло. Затем с ней сделалась истерика, и ей пришлось вводить успокоительное.

Сейчас она лежала в палате, а рядом в соседней палате спала ее дочь.

Джеральдина подошла к Наташе и взяла на руки посапывающую девочку.

Да, сегодня не только Саша будет молиться за жизнь этой малышки.

Глава 81

После отъезда Себастиана Мадди чувствовала, что внутри у нее все окаменело. Казалось, будто кто-то защищал ее от понимания того, что произошло, давая ей возможность хоть немного окрепнуть физически и морально после страшных потрясений, обрушившихся на нее.

Вскоре после ухода Себастиана на одном из занятий лечебной гимнастикой Мадди смогла сделать несколько первых, очень болезненных шагов без всякой помощи, совершенно самостоятельно. Врач-физиотерапевт была в восторге и поражалась тому, что сама больная не проявляла никаких признаков радости по этому поводу. Но не могла же Мадди ей объяснить, что ее страшно предали два самых дорогих человека, и теперь абсолютно неважно, как она будет ходить – на костылях, с тростью или сама.

Дней пять она занимала себя чтением книг, телевизором, уборкой – всем, что могло отвлечь ее от тяжелых мыслей. За этими занятиями наступило субботнее утро, и ей пришлось думать о том, чем занять себя на уик-энд. Мадди занималась домашними делами, слушая радио, затем равнодушно съела завтрак, когда вдруг из радиоприемника донеслись знакомые звуки песни «Это любовь».

Девушка встала, чтобы выключить звук, и внезапно почувствовала, что не может этого сделать, – руки отказывались повиноваться. Вместо этого она стояла и слушала, слушала, чувствуя, как сердце сжимает мучительная боль, и звуки музыки ломают какую-то каменную плотину внутри.

– Нет! – громко закричала Мадди и одним ударом опрокинула приемник на пол, а затем разразилась горькими безутешными слезами. Она оплакивала свою жизнь и потерю Себастиана, который помог ей в самые отчаянные дни жизни, когда казалось, что все кончено, и который готов был ради нее пожертвовать своим будущим. Но именно он, самый дорогой для нее человек, виновен в смерти ее отца. Она могла бы простить ему все, но только не это.

Мадди проплакала все утро, а потом пошла к себе в комнату, бросилась на кровать и затихла, надеясь, что к ней придет спасительный сон. Должно быть, она действительно забылась на

время, потому что ее разбудило громкое мурлыкание Шехерезады, устроившейся на подушке рядом с ней. Мадди взглянула на часы. Было уже около четырех. Девушка встала, чувствуя ужасную усталость, спустилась в гостиную и села, прислушиваясь к тишине. Спускалась ночная темнота, сумерки заползали во все углы комнаты, затопляя ее, и Мадди неожиданно отчетливо осознала, что больше не сможет ни одной ночи провести в одиночестве.

Она знала, что на свете есть только один человек, который любил Кристофера так же, как она. И этот человек поймет и разделит ее печаль.

Девушка подошла к телефону и набрала номер.

– Входи, Мадди, – Иветта выглядела бледной и очень осунувшейся. – Пойдем в гостиную.

Мадди кивнула и прошла вслед за Иветтой мимо запертой двери отцовского кабинета в просторную большую комнату.

Иветта очень похудела и впервые выглядела на свои сорок лет. Ее била дрожь, поэтому она подошла к камину и тихо сказала:

– Знаю, что только сентябрь, но никак не могу согреться с того времени, как… – Иветта пожала плечами. – Хочешь есть или что-нибудь выпьешь?

– Нет, есть я не хочу, а вот джина с тоником очень хочется, – смущенно улыбнулась Мадди.

– Вот и мне, – вздохнула Иветта. – Давай-ка выпьем, а Глэдис тем временем сделает нам бутерброды. Я скажу ей, а ты пока приготовь напитки.

Она вышла из комнаты, а Мадди пошла к бару, достала бутылку и, налив два больших стакана, добавила тоник.

Вернулась Иветта и села напротив нее. Подняв бокал, она тихо сказала:

– На здоровье, Мадди. За тебя.

– И за тебя.

Потом они сидели в тишине и молча смотрели на огонь в камине. Обеим было хорошо известно, что они нужны друг другу, однако никто не мог произнести имя Кристофера.

– Как себя чувствуют Николь и девочка? – спросила Мадди.

– Превосходно, – улыбнулась Иветта. – Я их не видела несколько дней, но Наташа просто восхитительна. Саша оказался замечательным отцом. Он просто обожает ребенка.

Мадди кивнула.

– Кажется, ты стала лучше двигаться, Мадди. Тебе говорили, когда ты, наконец, бросишь свою палку?

– Я уже сейчас немного могу ходить без ее помощи. Курс лечения в больнице скоро закончится. Теперь надо самой тренироваться и восстанавливать силы.

– Замечательно. Ты совершила подвиг. Думала, что делать дальше?

– С недавних пор как-то не было времени об этом думать.

– А как твое пение? У тебя неплохо получалось.

– Не знаю, может быть, – пожала плечами Мадди.

– А как Себастиан?

– Он ушел.

Иветта изумленно посмотрела на нее:

– Но Мадди, почему? Что случилось?

– Не сошлись характерами, – девушка пожала плечами.

– Но вы с ним всегда казались такой счастливой парой, и у вас скоро должна быть свадьба. Ты уверена, что это не вызвано потрясением… – Иветта с трудом подбирала слова.

– Уверена, что нет, – сказала Мадди.

– И ты думаешь, что ваши отношения уже не восстановить?

– Это абсолютно невозможно. Знаешь, если ты не против, я бы не хотела об этом говорить.

– Конечно, – кивнула Иветта.

Глэдис принесла тарелку с сэндвичами. Иветта подала один Мадди, другой взяла себе. Когда Глэдис вышла из комнаты, Мадди спросила:

– А как ты? Какие планы на будущее?

– Честно говоря, не знаю. Стыдно признаться, но я об этом еще не думала. Я знаю, у нас с тобой в прошлом были проблемы, но, Мадди, поверь, я очень любила твоего отца, – на глазах Иветты показались слезы. – А сейчас мне невыносимо даже думать о жизни без него. У нас было так много планов! Мы нашли прекрасный дом в Южной Франции и собирались переехать туда как можно скорее. Кристофер

хотел писать, а я… просто наслаждалась жизнью рядом с ним. – Иветта достала платок и вытерла глаза. – Говорят, что со временем боль утихнет, но сейчас я не могу сказать, что я в это верю.

– Я знаю, – тихо сказала Мадди. – Я все время думаю, вот об этом надо сказать папе, а потом вспоминаю, что я уже никогда ничего не смогу ему сказать.

– Я знаю, как ты его любила, и он тоже обожал тебя, – вздохнула Иветта.

– И у нас были проблемы, но все это так неважно сейчас, когда он умер. Так много ему хотелось сказать.

– Знаешь, у меня есть одна хорошая новость. Я разговаривала с Антоном. Он хочет поставить новый балет, над музыкой к которому Кристофер работал последнее время. Премьера будет в марте следующего года, спектакль будет посвящен памяти Кристофера. Единственная проблема в том, что я нигде не могу найти ноты. Я все обыскала в кабинете, и никакого результата. Это тем более странно, что я видела, как он держал их в руках в то утро, когда все это произошло. – Иветта пожала плечами. – Но я думаю, что в конце концов все прояснится.

Мадди нахмурилась:

– Да, действительно, странно.

– Ты не собираешься оставаться в коттедже?

– Не очень хочется, но какая разница, мне будет одиноко в любом месте.

– А почему бы тебе не пожить здесь? – спросила Иветта. – Нет, серьезно, Мадди, дом для меня слишком велик. Если честно, мне очень тоскливо одной. Было бы неплохо, если бы со мной жил кто-то еще.

– Но у тебя же есть Николь, – сказала Мадди, которая не хотела бы каждый день сталкиваться со своей сводной сестрой.

– Да, но они с Сашей так заняты своей дочуркой, чаще всего я сама езжу к ним. Мадди, пожалуйста, соглашайся. Я уверена, что мы сейчас нужны друг другу.

Мадди подумала о пустом коттедже, полном воспоминаний о жизни с Себастианом. Может быть, ей действительно нужно сменить обстановку. По крайней мере, у нее будет крыша над головой, пока она решает, что делать.

– Знаешь, Иветта, тут есть проблема, – сказала Мадди тихо.

– Что такое?

– Шехерезада, моя кошка, она все еще живет со мной. Я не могу оставить ее.

– Ты можешь взять ее с собой. Честно говоря, – тут Иветта покраснела, – у меня нет аллергии на кошек. Просто я их ужасно боюсь. Мадди, мне так стыдно в этом признаваться.

Мадди засмеялась.

– Иветта! Шехерезада такая нежная, она никогда ничего плохого тебе не сделает.

Наверное, Иветта права, они действительно нужны друг другу.

– Хорошо, Иветта. Скоро у тебя будут новые жильцы.

Глава 82

– Входи, Николь, садись, – улыбнулась Джеральдина.

Бледная расстроенная Николь села, держа Наташу на руках.

– У нас, наконец, есть результаты ваших анализов. Вы с Наташей совершенно здоровы, вирус ВИЧ не обнаружен.

Николь недоверчиво посмотрела на Джеральдину. Она ждала самого худшего.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Николь разразилась слезами.

– Слава Богу, слава Богу, – плакала она. – Я думала, что скоро умру.

– Надо радоваться, что Наташа тоже здорова, – сказала Джеральдина.

– Да, конечно, – ответила молодая женщина.

– Есть еще хорошие новости, – сказала Джеральдина. – За ночь состояние Саши улучшилось. Жаль, что он не пришел к нам раньше, чтобы мы смогли начать лечение. Однако улучшение временное, и боюсь, что его бронхит перейдет в воспаление легких. Температуру мы сбили. Но его организм не реагирует на антибиотики. Николь, я знаю, что ты взволнована и расстроена, но Саше очень нужна поддержка. Может, ты повидаешься с ним?

Николь посмотрела на медсестру, глаза ее сверкнули.

– О, да! – тихо сказала она. – Я схожу к нему.

Саша открыл глаза и посмотрел на Николь. Она стояла, глядя на него сверху вниз с ненавистью и отвращением.

– Ты уже получила результаты анализов?

– Да. Мы обе здоровы, – кивнула Николь.

Саша облегченно вздохнул.

– Слава Богу, – прошептал он. – С Наташей все в порядке?

– Да, все хорошо. Только не благодаря тебе.

Николь села на кровать и склонилась над Сашей, словно собираясь прошептать ему что-то на ухо.

– Ты, ублюдок, как ты мог так поступить со мной! Как только газетчики узнают, что ты подцепил, клянусь, я убью тебя раньше, чем

твоя поганая болезнь. Ко мне же никто теперь не подойдет! Господи, ты же отравил мне всю жизнь, испортил карьеру! Как бы то ни было, я к тебе больше не приду. А пришла я сюда затем, чтобы сказать, что, если ты даже и выздоровеешь и выйдешь отсюда, тебе придется искать себе другое жилье. Я тебя на порог не пущу. Я не желаю, чтобы ты был рядом. И можешь распрощаться со своей любимой дочуркой. Я все сказала! – Николь встала. – Прощай. Желаю тебе отправиться прямо в ад!

Саша посмотрел ей вслед, когда она выходила из палаты. Его не расстроили полные злобы слова Николь, но мысль о том, что он никогда больше не увидит Наташу, заставила сжаться его сердце.

Он откинулся на подушки. Ему было известно, что его состояние будет ухудшаться, и он смирился с тем, что скоро умрет. Странное дело. Теперь, когда он знал, что с ним случилось именно то, чего он так боялся, он был спокоен.

Саша задумался. Он решил, что сделает так, как сказала Николь, и уйдет от нее, но сделает это ради дочери. Если пресса действительно узнает о нем всю правду, то это ляжет несмываемым пятном на Наташу и испортит ей всю жизнь.

Его будущее больше не имеет никакого значения. Он знал условия этой опасной игры, играл в нее и потерпел поражение. Была одна вещь, которую он хотел сделать. Он очень хотел найти способ причинить Николь такую боль, какую она причиняла другим людям, и защитить Наташу от злого влияния матери.

Необходимо найти возможность доказать то, что Николь сделала с Мадди. А для этого ему надо еще хоть раз вернуться домой.

Впервые за последние дни Саша улыбнулся. Николь думала, что ее злобные слова окончательно погубят его. Однако именно теперь у него появилось желание прожить чуть-чуть подольше.

Глава 83

Когда Себастиан в ту ужасную ночь покинул коттедж, он направился прямо в Лондон, не зная, где проведет эту ночь. Он понимал, что Мадди никогда не простит его, и их отношения разорваны.

Зачем он пошел к Кристоферу? Надо было все оставить, как есть. Несдержанный характер, вздорная натура заставили его выяснить все, даже не подумав о возможных последствиях. И вот теперь он все потерял.

Себастиан решил, что есть только один человек, который даст ему крышу над головой. Он поехал через весь Лондон в Хайгейт. Если Джаспера нет, ему придется ехать в отель. Остановив машину возле дома, где находилась квартира Джаспера, Себастиан нажал кнопку вызова.

– Привет, – послышался в диктофоне голос Сиобан.

– Привет, Сиобан. Это Себастиан.

– Входи.

Дверь открылась, и он прошел вверх по лестнице. Сиобан с мокрыми после душа волосами ждала его возле двери квартиры. Она поцеловала его в щеку.

– Привет. Ты ужасно выглядишь.

– Спасибо. Ты очень наблюдательна, – криво усмехнулся он, проходя в комнату.

– Хозяина нет дома, – сказала девушка. – Он укатил в Сассэкс, потому что позвонила жена и сказала, что ребенок рассопливился или что-то в этом роде. А ты что тут делаешь?

– Я хотел попроситься к нему на ночь.

– Можешь обратиться ко мне. Тут есть свободная комната. Джаспер все равно до завтра не вернется, так что можешь составить мне компанию. Чай, кофе, может, что-нибудь покрепче?

– Пожалуй, что-нибудь покрепче, – вздохнул Себастиан. – Все, что считаешь нужным.

– Сурово звучит, – с интересом посмотрела на него девушка.

– К несчастью, так и есть.

Он прошел за ней в маленькую кухню и стал смотреть, как она смешивает водку с тоником.

– Должно быть, проблемы с женщинами, – Сиобан передала ему большой стакан, и они вдвоем прошли в уютную гостиную. – Я думаю, что это из-за Мадди.

– Да…

– А! – она махнула рукой, – милые бранятся – только тешатся. Судя по тому, что ты рассказывал, вы созданы друг для друга. Ты что-нибудь придумаешь.

– Нет, – мрачно ответил Себастиан, – у нас все куда хуже. Но я не хочу сейчас об этом говорить. Мне чертовски худо.

– О'кей, – согласилась Сиобан. – Давай поболтаем о Джаспере. Как ты думаешь, он соберется когда-нибудь бросить свою жену?

Себастиан пожал плечами.

– Да кто это знает?

– Знаешь, – печально сказала девушка, – он все время обещает ей сказать, но в последний момент увиливает. Я уже на днях собиралась поставить ему ультиматум, но передумала. Я все-таки люблю его.

– Я знаю. Думаю, Сиобан, когда-нибудь это все-таки сработает.

– Надеюсь. Давай поговорим о более приятных вещах, например, о «Зачарованной». Джаспер сказал прошлой ночью, что арендовал театры в Брайтоне и Ричмонде. Знаешь, ему пришло в голову, что перед показом в столице неплохо эту вещь опробовать в небольшом турне.

– Неплохая мысль.

Они еще немного посидели и поболтали, пока Сиобан не начала зевать. Себастиан встал, пожелал ей спокойной ночи и, ссылаясь на усталость, направился в свободную комнату. Однако он так и не заснул. Он еще долго сидел в пустой комнате и думал о том, что потерял сегодня единственную любовь в своей жизни.

Отныне смысл его жизни в его музыке. И снова он возвращался мыслями к Мадди. Он, по крайней мере, может погрузиться в свою музыку, а у нее и этого нет. И вообще, у нее нет никого и ничего. Она лишилась карьеры, своего отца, отказалась от него, и все это за короткое время и только по его вине.

Ему было ясно, что невозможность видеть Мадди, быть с ней рядом – страшная трагедия. Даже вдали от нее он не сможет ее забыть.

За окном занялся рассвет, и Себастиан налил себе еще водки.

– Любимая моя, даже без меня будь счастлива, – прошептал он. – Ты заслуживаешь счастья, и я сделаю все для этого.

На следующий день Себастиан связался с Гаем де Суза, своим другом по учебе в консерватории, которого он недавно видел в студии звукозаписи, когда работал над альбомом. Гай только что купил большой дом в Шефердз Буш и теперь мучился из-за того, что приходилось платить за землю невообразимо много. Когда Себастиан попросил о крыше над головой, Гай был только счастлив. Хотя они и редко виделись, их вполне устраивала жизнь вместе. Себастиан был занят постановкой «Зачарованной», а у Гая было полно работы в студии.

Себастиан был рад, что у него совершенно не оставалось свободного времени. Это давало ему возможность меньше думать о Мадди. Тяжелыми и длинными были только ночи.

Однажды ночью, примерно через месяц, он приехал к Гаю, чувствуя себя совершенно разбитым. «Зачарованная» так была связана с Мадди, что он постоянно возвращался в мыслях к тому времени, когда они вместе работали.

Гая, как обычно, не было дома. Себастиан сделал себе сэндвич и открыл бутылку пива, прошел в гостиную и сел за фортепьяно.

Внезапно ему очень захотелось услышать голос Мадди. Следуя порыву, он подошел к телефону и набрал знакомый номер. Никакого ответа. Может быть, она там больше не живет? Он положил трубку, ругая себя последними словами и мысленно советуя не сходить с ума. Мадди не будет с ним разговаривать. Было нечестно тревожить ее, если она пытается о нем забыть.

Все-таки он снова снял трубку и набрал номер Иветты. Он хотел убедиться, что с Мадди все в порядке.

– Алло? – раздался ее голос в трубке. – Кто говорит?

Себастиан не ответил, и вскоре раздались гудки. Мадди повесила трубку. Он пошел в гостиную, нашел ленту с записью, ту, на которой пела Мадди, и вставил ее в магнитофон. Затем включил громкость, сел на диван и закрыл глаза. Чистые звуки ее голоса наполнили комнату.

– Эй! Что ты делаешь? Хочешь переполошить моих соседей?

Себастиан подпрыгнул от неожиданности и увидел, что позади него, улыбаясь, стоит Гай.

– Извини, пожалуйста.

– Нет, ничего, – сказал Гай. – А что это такое? Какой удивительный голос.

– Это Мадди.

– Твоя?

– Да.

– Бьюсь об заклад, что с таким талантом у нее уже есть контракт с какой-нибудь студией звукозаписи.

– Нет, в прошлом году с ней произошел несчастный случай, и она только сейчас начинает ходить.

– Да какая, к черту, разница, причем тут ноги! У нее редкий голос. Это же Мадонна, Тина Тернер и Хьюстон в одном лице. Нет, ты серьезно говоришь, что у нее нет контрактов?

Себастиан увидел, как глаза Гая загорелись охотничьим блеском.

– Да, но только потому, что Мадди не очень большое значение придает своему таланту.

– Дай мне только добраться до нее, – улыбнулся Гай. – Серьезно, я уверен, что моя компания была бы заинтересована в том, чтобы она попробовалась у нас. Певицы сейчас популярны. А как она выглядит?

– Мне кажется, что она очень красивая, но, возможно, я необъективен, – сказал Себастиан. – Она очень женственная. У нее голубые глаза и длинные светлые волосы, держится она очень естественно.

– Отлично. Как раз тип девяностых годов. Себастиан, ты знаешь, где найти ее? Я бы хотел пригласить ее в студию и посмотреть, на что она способна.

Себастиан нахмурился. Имел ли он право давать Гаю ее телефон? С другой стороны, разве это не хорошая возможность сделать что-то для нее?

– Да, я знаю, где она. Но если ты хочешь пригласить ее на студию, ни в коем случае не упоминай мое имя.

– Пожалуйста, – пожал плечами Гай. – Похоже, вы не в самых хороших отношениях?

– Да.

– Нет проблем. Я скажу, что услышал ее голос на студии у Джаспера. Запиши ее номер, и я завтра позвоню.

Себастиан написал, надеясь, что поступает правильно, и подал другу листок бумаги.

– Отлично, – сказал Гай. – Конечно, я не могу ничего обещать, но мы пригласим ее.

– Гай, последнее время Мадди пришлось нелегко, и я не хочу, чтобы у нее были проблемы, особенно если я это затеял. Она очень ранима, а мне хорошо известно, как студии звукозаписи разрушают чьи-то иллюзии за несколько секунд.

– Если она талантлива хоть наполовину того, что я услышал, то я буду обращаться с ней бережнее, чем с китайской вазой. – Гай весело посмотрел на друга. – Кажется, ты ее все еще любишь?

Себастиан печально кивнул.

Глава 84

– Мадди, ты должна пойти, не понимаю, почему ты так сопротивляешься? – Иветта вздохнула. – Послушай, ты же только сделаешь пробную запись. Это не займет больше одного дня. Я помню, как ты пела «Это любовь» на ленте, которую записывал Себастиан. У тебя отличный голос.

Была уже почти полночь. Они сидели на кухне и разговаривали с девяти часов.

– Иветта, когда они увидят, что я хромаю и пользуюсь палочкой, неужели ты думаешь, что они по-прежнему будут интересоваться мной? – Мадди покачала головой. – Нет. Я обожглась однажды, больше не хочу.

– Господи, Мадди. Да твоя хромота совсем незаметна. Ты же знаешь, что еще две-три недели, и ты вообще будешь ходить нормально. Сколько раз ты говорила, что хочешь помогать людям, которые оказались в твоем положении. Как ты сможешь это делать, если не хочешь попробовать то, что тебе предлагают. Вспомни отца, он очень поздно получил свой шанс, – внезапно Иветта зевнула. – Извини, Мадди, я устала. Сегодня утром Николь привезла Наташу, и я не выспалась. Завтра Николь снова возвращается в Национальный балет. Жаль только, что Саша болеет.

– Как он себя сейчас чувствует?

– Думаю, нормально. Николь не вдавалась в подробности. Ладно, утро вечера мудренее. Спокойной ночи. – Иветта улыбнулась и вышла из комнаты.

Мадди поставила кипятить воду, чтобы заварить кофе, и подумала о том, как они сдружились с Иветтой за эти дни. Сейчас Мадди даже не знала, что бы она делала без своей мачехи. Она хорошо понимала, почему Кристофер так любил ее. Как он был бы рад, если бы увидел, какими подругами они стали.

Мадди сварила кофе и взяла листок с телефоном, который ей оставил позвонивший сегодня человек. Это был продюсер со студии грамзаписи Гай де Суза. Он сказал, что слышал ее пробную запись совершенно случайно, и спросил, не хочет ли она зайти поговорить о возможности записаться. Он был очень заинтересован в этом.

Компания «Талисман», в которой он работал, была хорошо известна, поэтому Мадди сказала, что подумает и перезвонит через день или два.

Иветта удивилась, почему она не прыгает от радости. Но, говоря по правде, предложение больше напугало девушку, чем взволновало. Мадди хорошо знала, что новое разочарование может окончательно надломить ее.

С другой стороны, у нее в жизни ничего не осталось, никаких планов и надежд.

Внезапно у Мадди появились странные ощущения. Ей показалось, будто в комнате находится отец. Она не могла его видеть, но ощущала его присутствие. Он словно говорил ей, что надо идти вперед, навстречу новой жизни. Да и что ей терять? Нечего.

Глава 85

– Мы все собрались. Ты готова, Мадди?

Мадди видела улыбающееся лицо Гая через стекло, хотя слышала его голос в наушниках. Она подняла большой палец, показывая, что готова. В наушниках послышались первые аккорды песни, и она запела.

Гай слушал и смотрел на инженера звукозаписи, который следил за уровнем звука и регулировал его с помощью пульта, находящегося перед ним. По спине Гая пробежали мурашки, когда он услышал, как голос Мадди придает дополнительную прелесть музыке. Гай повернулся к Оскару Паттену, главному директору «Талисмана», которого он попросил задержаться, чтобы послушать, как Мадди будет записывать свой первый сингл. Оскар улыбнулся ему. Им было ясно, что Мадди – настоящая находка.

Впервые в жизни Гай почувствовал, что ему совершенно нечего делать в студии. Он подумал о сотнях пробных записей в «Талисмане», о начинающих певцах, большинство которых не имело и сотой доли таланта Мадди. Ее запись была превосходна, и Гай понял, что перед ним восходящая звезда. Она обладала прекрасным голосом и была поразительно красива. Стилистам нужно совсем немного поработать над ее внешностью. Гай знал, что через пять лет она станет одной из лучших певиц.

На прошлой неделе Мадди, наконец, подписала контракт с «Талисманом» на выпуск двух синглов и дебютного альбома.

Гаю пришлось долго искать музыкальный материал для ее первого сингла. Все, что ему предлагали, было просто ужасно, и он рвал на себе волосы, слушая ленту за лентой, пока однажды, придя домой, не услышал, как Себастиан играет какую-то балладу. Он остановился в дверях, чувствуя, что это как раз то, что нужно. Сначала Себастиан отказывался, говоря, что это песня из его нового мюзикла, и если Мадди узнает, кто автор музыки, Гай потеряет ее навсегда.

И вот сейчас, в волнении сжав руки, Гай сидел и с наслаждением слушал, как Мадди исполняет последний куплет «Одиноких ночей».

Оскар встал, собираясь идти по своим делам, и кивнул:

– Ты был прав на ее счет. Она добьется успеха, поздравляю.

– О'кей, спасибо, что задержался, – сказал Гай и повернулся к Мадди, ожидавшей его реакции.

– Отлично, Мадди, просто замечательно! – улыбнулся он. – Зайди сюда, мы послушаем вместе еще раз.

Девушка сняла наушники и пошла в аппаратную. Гай смотрел на нее, с сожалением отмечая, что ее хромота еще очень заметна. Однако песни, которые она исполняла, не требовали движений по сцене, а история ее несчастного случая могла оказаться очень интересной в целях рекламы.

Когда Мадди вошла, Гай вскочил и расцеловал ее.

– Отлично сделано. Ты устала?

Она покачала головой, и он увидел ее возбужденно блестевшие глаза.

– Наоборот, я получила удовольствие.

– Сейчас ты получишь еще большее удовольствие. Садись и слушай. – Он включил запись.

– Это действительно я? – засмеялась она. – Вам, наверное, пришлось много поработать, чтобы улучшить мой голос.

– На самом деле не очень много. Вот поэтому мы и хотим, чтобы ты пела живьем как можно больше. Слушатели по горло сыты «фанерой». Людям нужны настоящие голоса, как ты считаешь?

– Думаю, что песня хорошая, – сказала Мадди, забыв о том, что музыка странным образом напомнила ей песню, которую она пела не так давно для другого человека.

– Твой голос и эта песня просто созданы друг для друга, это точно, – кивнул Гай. Он уже сейчас представил реакцию Себастиана, когда он услышит материал.

Запись подошла к концу.

– Итак, сейчас мы немножко подправим сопровождение, а потом я приглашаю тебя на обед, и мы отпразднуем начало твоей блестящей карьеры. Договорились?

– Договорились, – засмеялась Мадди.

Глава 86

Кейт одевалась в спальне, собираясь ехать на обед, когда по радио стали передавать песни. Она замерла, ее рука неподвижно застыла в воздухе. Этот голос она узнала бы из тысячи.

Песня закончилась, и диск-жокей сказал, что она недавно заняла одно из ведущих мест в британских хит-парадах и только что вошла в двадцатку самых популярных песен Франции. Песню исполняет Мадлен Винсент, новая талантливая певица, которая произвела сенсацию на британской сцене и теперь делает то же самое на континенте.

Кейт изумленно присвистнула.

– Ай да Мадди! – воскликнула она восхищенно и повернулась к зеркалу, чтобы накрасить губы.

Через десять минут Кейт надела новое платье от Шанель, которое купила совсем недавно. Хассан прибавил ей зарплату, и на эти деньги она смогла обновить свой гардероб, и без того небедный. Придирчиво осмотрев себя в зеркале, девушка решила, что выглядит очень соблазнительно, но была огорчена тем, что приходится тратить свое обаяние на шестидесятипятилетнего старика-араба, с которым ей предстоит сегодня обедать.

Она спустилась в столовую, чтобы проверить, все ли готово, и убедилась в который раз, что нет никакого смысла заходить на кухню. Как и все на конном заводе, дом ее был в полном порядке. Девушка прошла на кухню, затем в гостиную и с полным бокалом шампанского в руке стала ждать гостей. Ее отец мог бы гордиться своей дочерью. На конном заводе подрастали шестнадцать прекрасных лошадей, пять из которых уже выиграли различные скачки. Завод начал восстанавливать свою былую репутацию. Сама Кейт тоже изменилась за это время. Работа, казалось, смыла с нее все ненужное и фальшивое. Среди лошадей и первозданной природы редко вспоминались прежние друзья и их далекие от человеческих отношения. Кейт по-прежнему с болью в сердце думала о смерти родителей, но все чаще начинала размышлять о своем будущем.

За последние несколько месяцев она поняла, что ей просто не везет на мужчин. Недавно ей на глаза попалась заметка из газеты, где

сообщалось о том, что Джулиан Форбс женился на Верене Серсей Уэлльской, и она с удивлением почувствовала, что не испытывает по этому поводу никаких огорчений. Место Джулиана давно занял Хассан. Ей было горько, что он, видимо, смотрел на нее, как на обычную служащую. Кейт по-прежнему с нетерпением ждала его визитов, хотя знала, что он должен скоро жениться на Тани.

Внезапно раздался звонок в дверь, и Кейт вздохнула.

– Новый день, новые встречи, – сказала она себе, поднялась и пошла встречать важного гостя.

– Мистер Карим, как я рада вас видеть, – улыбнулась она, подавая ему руку.

– И мне очень приятно вас видеть, – сказал он, – вы прекрасно выглядите.

– Привет, Кейт, – знакомый голос, раздавшийся за спиной, заставил ее подпрыгнуть от неожиданности.

– Здравствуй, Хассан! – изумленно воскликнула она. – Я и не знала, что ты приедешь.

Он улыбнулся и поцеловал Кейт в щеку.

– Я случайно приехал в Париж по делам, но когда мистер Карим сказал, что едет к тебе на обед, я решил присоединиться к нему.

– Думаю, что он просто хочет проверить, чем занимаются его служащие, – сказала Кейт мистеру Кариму, приглашая гостей войти в дом.

– Что будете пить? Я поставила на лед бутылку шампанского, чтобы отметить победу нашей лошади на скачках «Приз д'Авиньон».

– По этому случаю в порядке исключения позволю себе выпить один бокал, – сказал мистер Карим.

Кейт налила шампанского и подала мужчинам.

Обед прошел превосходно, еда была отличная. Они долго сидели, разговаривая, и Кейт вся светилась, чувствуя восхищенные взгляды Хассана. Затем они вернулись в гостиную, чтобы выпить кофе. В камине горел огонь, было очень уютно, и мистер Карим заметил, что дом прекрасно обставлен. Хассан улыбнулся.

– Надо заметить, что этим мы тоже обязаны Кейт. Она дизайнер по специальности.

– Вы, очевидно, женщина, обладающая многими талантами, – кивнул Карим. – Удивляюсь, как это вас еще не присвоил какой-нибудь

молодой господин. Посмотрите на Хассана.

– Пожалуй, нам стоит об этом подумать, правда, Кейт? – Хассан подмигнул девушке, и она почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Около двенадцати часов мистер Карим сказал, что ему пора ехать. Хассан кивнул и тоже встал.

– Ну что ж, мне было очень приятно, – сказала Кейт, стараясь скрыть разочарование. Она проводила их до дверей.

– Я не прощаюсь, – сказал Хассан. – Если ты не против, Кейт, я останусь на ночь. Мне бы хотелось завтра утром посмотреть лошадей.

– Это же твой дом, Хассан, – радостно засмеялась Кейт, чувствуя, что у нее внутри все замирает от восторга.

Машина мистера исчезла в морозной ноябрьской ночи.

– Хочешь кофе? – спросила Кейт. – Мне не хочется слишком много разговаривать о пустяках.

– Конечно, – молодой человек прошел вслед за ней в гостиную. Он налил коньяк и сел на диван. – За тебя.

– Почему за меня?

– Да потому, что мой конный завод всем обязан только тебе. Я же от тебя в последнее время не получаю ничего, кроме восторженных докладов. Кстати, те, кто встречался с тобой, наперебой расхваливают тебя.

Кейт покраснела.

– Я должна быть благодарна тебе за то, что ты дал мне такой прекрасный шанс. Никогда бы не поверила, что могу со всем этим справиться.

– Я знал, что ты сможешь, – он внимательно посмотрел на нее. – А ты здорово изменилась за последний год.

– Спасибо. Раньше я была глупой и наивной, да?

– Мы оба были такими.

Кейт понимала, что Хассан вспоминает их прежние отношения. Наверное, они сейчас кажутся ему детским романом.

– А как Тани? – сменила тему Кейт.

– Прекрасно. За это лето она побывала на Антибах у моих родителей, и вчера я видел ее. Свадьба через три недели в Париже. Мы хотели бы, чтобы и ты приехала.

– О! – Кейт почувствовала, что сердце ее замерло. – Поздравляю и надеюсь, что вы будете счастливы. – Как она ни старалась, ей не удалось скрыть разочарование в голосе. – Хассан, я очень устала и хочу спать. Если ты не против, я пойду, потому что завтра рано вставать. – Девушка встала. Ей было ясно, что еще немного, и она разрыдается.

Хассан смотрел на нее, и глаза его смеялись. Наконец он не выдержал, откинулся на спинку дивана и расхохотался. Она недоуменно смотрела на него.

– Что тут забавного? Почему ты смеешься?

– Извини, пожалуйста, Кейт, – Хассан вытер глаза, – просто мой маленький план сработал.

– Какой еще маленький план?

– Заставить тебя думать, что я женюсь на Тани, в то время, как на ней женится мой старший брат. Но так и быть, я ему передам твои поздравления.

– Подожди-ка минутку, Хассан Калил. То есть, ты хочешь сказать, что пытался заставить меня ревновать? Тебе это чертовски хорошо удалось, негодяй!

Хассан улыбнулся.

– Нет, серьезно. Когда я в прошлом году предложил тебе работу, ты настаивала на том, чтобы наши отношения оставались дружескими и ограничивались только работой. Я согласился, но что-то подсказывало мне, что ты все равно относишься ко мне по-прежнему. Вот я и решил заставить тебя посмотреть на наши отношения более трезво. А как еще можно добиться этого? Вот я и приехал сюда с красивой женщиной. Я тебя знаю лучше, чем ты думаешь, Кейт. Мой план сработал, как часы.

– Он мог бы и не сработать. Я могла бы и не влюбиться в тебя, – раздраженно сказала Кейт и внезапно покраснела, сообразив, что выдала себя.

– Вот оно что! Ты влюбилась в меня! – Хассан не скрывал довольной улыбки.

– Да, то есть, нет… честное слово, Хассан, тебя нужно убить за то, что ты сделал.

Хассан подошел к Кейт и обнял ее.

– Неужели ты действительно думала, что я смогу отпустить тебя, – тихо спросил он. – Я же люблю тебя с нашей первой встречи. Я знал, что ты будешь моей женой. Как справедливо заметил мистер Карим, я не позволю какому-то молодому пройдохе увести тебя из-под носа. Лучше я сам женюсь на тебе.

– Хассан, – тихо сказала Кейт.

– Что, любовь моя?

– Перестань болтать. Лучше поцелуй меня.

Глава 87

Зазвонил телефон. Себастиан подумал, что он все еще спит и это ему снится, но звонок повторился, и он открыл глаза. Телефон замолчал, потом зазвонил снова.

– Себастиан, Себастиан! – в его спальне зажегся свет. Молодой человек, моргая, открыл глаза и увидел встревоженного полусонного Гая, направлявшегося к его кровати с переносным телефоном.

– Это Джаспер, – Гай зевнул. – Попроси его звонить в воскресенье после девяти, хорошо?

– Извини, – Себастиан взял трубку и хмуро произнес:

– Алло?

– Себастиан, извини, что звоню так рано, но у нас колоссальная проблема.

– Что случилось?

– Не хочу обсуждать это по телефону. Не мог бы ты как можно скорее приехать ко мне?

– Ну, – Себастиан с сожалением подумал о теплой постели, – конечно.

– Хорошо. До встречи.

Себастиан положил трубку и, вздохнув, откинулся на подушку. Что еще за проблема? Репетиции «Зачарованной» шли полным ходом, и все было готово к премьере. Она должна была состояться через две с половиной недели.

Себастиан встал, натянул одежду, нашел ключи от машины и вышел.

– Ты шутишь?

– Боюсь, что не шучу, – тяжело вздохнул Джаспер.

– Господи! Ну и дела. За такое короткое время нам не удастся никого найти. Подумай, роль Тины – главная, у нее шесть песен, – Себастиан встал и в волнении заходил по комнате. – А что, если я позвоню и поговорю с Сиобан? Мы с ней всегда хорошо ладили.

– Слишком поздно, она прошлой ночью улетела в Дублин.

– Честно говоря, Джаспер, я знаю, что это не мое дело, но с твоей стороны было глупо думать, что твоя жена поверит, будто ты каждую

ночь остаешься здесь по делам. Рано или поздно она должна была все узнать.

– Я бы хотел, чтобы она узнала позже, – вздохнул Джаспер. – По крайней мере, нам удалось бы сыграть премьеру. Мне очень жаль, Себастиан, но тут я ничего не могу поделать. Моя жена предъявила ультиматум: или я немедленно выгоняю Сиобан, или она подает на развод. Я пытался договориться, но Сиобан хлопнула дверью и укатила.

– Никогда не смешивай бизнес с удовольствием, – пробормотал Себастиан, вспомнив, как Джаспер когда-то то же самое сказал ему по поводу Мадди. – Что мы теперь будем делать? Отложить премьеру? Найдем кого-нибудь? Как насчет Джанис, ее дублерши?

– Да, возможно, – Джаспер кивнул, – честно говоря, вряд ли она подойдет. Сиобан сделала сингл, выпустила альбом и практически стала символом «Зачарованной». Зрители будут платить, чтобы посмотреть на нее, а не на какую-то неизвестную хористку.

– Я тогда не знаю. У нас нет выбора. По крайней мере, Джанис знает эти песни. Она их часто слышала на репетиции. Я могу с ней встретиться. Поучу ее, может, что-нибудь получится, – сказал Себастиан.

– Нет, ничего не выйдет, слишком много денег вложили в эту постановку, и мои компаньоны будут против.

– Тогда брось свою жену, – сердито сказал Себастиан. Джаспер вздохнул.

– Да ладно тебе. Это моя вина. Послушай, у меня есть идея.

– Какая?

– Есть один человек, который не только знает тексты, но и прекрасно подойдет на эту роль, так что все будут довольны.

– Кто это, Джаспер?

– Мадлен Винсент.

Себастиан изумленно посмотрел на продюсера.

– Можешь сразу же об этом забыть. Год назад ты отказался иметь с ней дело. А теперь она и сама неплохо записывается. Кроме того, она скорее согласится жить с Джеком Потрошителем, чем работать со мной.

– Себастиан, я все понимаю, но согласись, она решит все наши проблемы. Ведь никакого вреда не будет, если мы спросим?

– Слушай, Джаспер, ты даже не представляешь, в какое дурацкое положение меня ставишь. Мы с Мадди больше не друзья. Наши отношения безнадежно испорчены. – Себастиан пожал плечами. – И вообще это не стоит даже обсуждать. Абсолютно невозможно, чтобы Мадди согласилась, к тому же у нее контракт с «Талисманом».

– Я позвоню Оскару Паттену и подброшу ему идейку. Думаю, что он заинтересуется. Для них это тоже неплохая возможность познакомить Мадди с широкой публикой.

Себастиан встал.

– Джаспер, мы с Мадди не сможем вместе работать, вот и все.

Глаза Джаспера блеснули.

– Дорогой, ты не забыл, что у тебя контракт? У меня все права на постановку «Зачарованной», и если я попрошу Мадлен Винсент сыграть Тину, и она согласится, боюсь, что тебе придется с этим смириться. Есть более важные вещи, чем личные отношения.

– Да что ты говоришь? – саркастически заметил Себастиан. – Я думаю, что этот совет ты лучше дал бы самому себе, когда начинал волочиться за своей артисткой. Тогда мы не оказались бы в таком дурацком положении. – Он встал и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Джаспер пожал плечами и, потянувшись к телефону, набрал номер Оскара Паттена.

– Нет, нет, нет! – яростно воскликнула Мадди. – Ни за что и ни при каких обстоятельствах.

Гай посмотрел на Оскара, словно говоря, что он предупреждал о такой реакции, зная отношения Мадди и Себастиана.

– Мадлен, мне очень жаль. Для вас это настоящий подарок. «Зачарованная» будет самым большим хитом после «Мисс Сайгон». Вы получите грандиозную рекламу. Ваши доходы от записей могут стать просто астрономическими.

– Год назад Джаспер не захотел работать со мной, а теперь он обо мне внезапно вспомнил. Мне не нужен такой успех и его проклятые деньги, – решительно заявила Мадди.

– Дорогая моя, я знаю Джаспера много лет. Он немного забавный, но чертовски хороший продюсер. Джаспер сказал мне, почему он год назад отказался от ваших услуг. Ведь вы же тогда не могли представить себя без костылей, а сейчас все изменилось.

Мадди надоела эта бесплодная дискуссия. Никто и ничто не сможет заставить ее переступить порог комнаты, если там будет находиться Себастиан.

– Все, что вы говорите, совершенно бесполезно, потому что я этого не хочу, ясно? У меня урок вождения, он начнется через час, и я не хочу его пропустить. – Мадди встала и пошла к двери, но остановилась, услышав тихий голос шефа.

– Мадлен, разрешите вам напомнить, что у нас с вами контракт, и в нем есть пункт, в котором говорится, что мы имеем право требовать от вас помощи в рекламе нашей компании. Должен вам сказать, что приглашение на «Зачарованную» может рассматриваться как отличная реклама.

– Вы можете разорвать со мной контракт, но я этого делать не буду. До свидания, джентльмены, – Мадди вышла из комнаты.

Она спустилась на первый этаж и вышла на Шефтсбери Авеню. Там девушка остановила такси и направилась на Карлейл Сквер, где ее ждал инструктор по вождению.

– Вы делаете успехи, – сказал инструктор, когда Мадди припарковала машину.

– Утром мне сказали, когда у меня экзамен, – улыбнувшись, ответила она, – осталось всего пять недель.

– Все будет прекрасно. Еще пять уроков, и достаточно. Кстати, мои друзья хотят знать, когда выйдет ваш новый альбом, – заулыбался инструктор.

– Может быть, и никогда, – подумала Мадди, но вслух сказала:

– Наверно, в следующем месяце. Спасибо, Джефф, увидимся в четверг. – Она вышла из машины, захлопнула дверь и пошла к дому.

Иветта сидела на кухне и пыталась успокоить плачущую Наташу. Ребенок постоянно жил у них после того, как Николь вернулась в труппу Национального балета. Саша исчез. Он уволился из театра, и теперь никто не знал, где его можно найти.

Иветта озабоченно посмотрела на вошедшую девушку и сказала:

– Что-то странное происходит. Саша пропал, оставив жену и ребенка, а Николь и глазом не моргнула. Я пыталась узнать, что происходит, но Николь не говорит ни слова. Прессе она заявила, что ее

муж уехал отдыхать, чтобы восстановить силы после болезни. Интересно, сколько времени они будут этому верить?

Мадди, в отличие от Иветты, это было совершенно не интересно.

Иветта взглянула на ее хмурое лицо и не услышала ответа.

– Что произошло? – спросила она. – Как прошла встреча с Оскаром?

Мадди объяснила ситуацию и решительно закончила:

– Они будут нажимать на меня, но не заставят делать то, чего я не хочу.

– Успокойся, Мадди, продюсер предлагает тебе замечательную роль, и ты должна радоваться этому. Причина отказа заключается в том, что ты не хочешь видеть Себастиана?

– Да. Я его ненавижу.

– И только из-за этого ты собираешься упустить прекрасный шанс? Но ведь это не совсем профессионально.

– Наплевать. Я с ним работать не буду.

Иветта вздохнула.

– Мадди, подожди минутку. Взгляни на это рационально. Порвав с тобой, Себастиан не оставил свою работу, не позволил отношениям с тобой повлиять на свое будущее. А тебе это зачем? В худшем случае тебе придется всего лишь пару недель видеть его на репетициях. После премьеры вы уже не будете иметь ничего общего друг с другом. Да и там он будет в оркестре, а ты на сцене. Насколько я понимаю, твоя компания хочет, чтобы ты в этом участвовала. Если ты откажешься, твое будущее будет поставлено на карту. Я считаю, что тебе надо отбросить свои чувства и вести себя как профессионал. Иначе ты будешь проигравшей стороной. Я понесу Наташу наверх, а ты подумай, как следует, прежде чем принимать решение. Я тебе очень советую.

Она ушла, а Мадди осталась в гостиной. Девушка долго размышляла обо всем и в конце концов пришла к выводу, что Оскар и Иветта правы. Себастиану удалось разрушить и погубить все, что ей дорого. Если она не будет осторожна, то позволит ему сделать то же самое и с ее карьерой.

Совершенно точно, что она уже не сможет полюбить. Карьера певицы – это все, что у нее есть.

Глава 88

На следующее утро Мадди пришла на первую репетицию. Себастиан почувствовал, как его сердце болезненно сжалось. За то время, что они не виделись, она изменилась, повзрослела и стала еще красивее. Он с удовольствием отметил, что походка ее стала прежней, она легко шла через зал вместе с Джаспером. Она совершенно выздоровела.

Джаспер собрал всю труппу и познакомил участников спектакля с Мадди. Себастиан пристально смотрел на нее, но на ее лице не отразилось никаких эмоций.

– Отлично, – сказала она, – давайте начнем.

После ленча Мадди подошла к роялю, за которым сидел Себастиан.

– Начнем петь, а изменения внесем по ходу? – спросила она, глядя ему прямо в глаза.

– Как тебе лучше. Послушай, Мадди, я…

– Тогда начнем сразу, и я сама отмечу все, что необходимо. Мне надо много выучить, и чем скорее я начну, тем лучше.

Себастиан кивнул и начал играть.

Эта неделя была для Мадди сплошным кошмаром. Она этого и ожидала. Девушка видела, какую боль причиняет Себастиану своим равнодушием, но старалась не думать об этом.

Ей приходилось много и упорно работать, разучивая слова, движения и многое другое. Тело еще плохо слушалось ее. Однако хореограф просил не волноваться, так как годы занятий балетом и ее природная грация рано или поздно все равно должны были сказаться.

Когда состоялись первые представления в Брайтоне, Мадди вначале очень трусила. Ей было страшно, что она забудет, куда нужно идти, что говорить и петь. Рецензии были очень теплые, но она не обратила на них внимания.

Концерты начались в Ричмонде, и девушка чувствовала себя уже более уверенно. Она лучше двигалась, чувствовала пространство сцены. Концерты в провинции дали ей прекрасную возможность

совершенствовать свое мастерство. Главная героиня была сложной личностью, и Мадди изо всех сил старалась, чтобы облик ее был живым и привлекательным. Когда Мадди еще занималась балетом, критики отмечали, что она очень артистична, и сейчас ей казалось, что выражать эмоции голосом значительно легче, чем с помощью танца.

Наконец настало время премьеры в Вест Энде. Перед этим должны были состояться еще несколько репетиций. Мадди не стала лучше относиться к Себастиану, чем в первый день, когда она появилась в труппе. Однако ей было очень тяжело, и каждый вечер, исполняя «Это любовь», она по-настоящему плакала. Ей очень хотелось, чтобы это скорее закончилось, ей было тяжело постоянно видеть Себастиана. Она знала, что ему так же плохо, как и ей. Иногда по ночам она видела сны, в которых отец был жив, и она была по-прежнему с Себастианом. Она просыпалась и понимала, что никогда не сможет его простить.

Публика и пресса с нетерпением ожидали спектакля. Джаспер был в восторге от того, как идут дела. Все билеты были проданы, критики благосклонно относились к предстоящему событию.

Утром в день премьеры Мадди проснулась в холодном поту. Она не боялась сегодняшнего вечера, а волновалась о предстоящем экзамене по вождению. Это событие должно было стать свидетельством ее полного выздоровления.

– Мисс Винсент, примите мои поздравления. Рад вам сказать, что вы успешно сдали экзамен, – экзаменатор улыбнулся Мадди и выдал ей права.

– Спасибо.

– До свидания, – мужчина вышел из машины, и Джефф сел на его место.

– Отлично! Позвольте отвезти вас домой, – улыбнулся инструктор.

– Представь себе, я сдала! – Мадди со счастливой улыбкой бросилась на шею Иветте. – После этого всякие премьеры и критики, которые только и ждут, чтобы разорвать меня на части, для меня просто ничто.

Иветта поцеловала ее и бросила на стол связку ключей.

– Молодчина, вот тебе мой подарок к премьере.

– Что это такое? – спросила Мадди.

– Ты знаешь, сегодня утром мне пришла в голову одна мысль. Машина твоего отца стоит в гараже с тех пор, как он умер. Почему бы тебе не взглянуть на нее? Если понравится, она твоя.

– Господи, Иветта, ты не можешь отдать мне «Ягуар», он стоит целое состояние.

– Конечно, могу, если ты пообещаешь иногда катать меня. Кристоферу нравилась эта машина, и я уверена, что он одобрил бы мой поступок. А теперь иди и взгляни на нее. Если ты не против, я с тобой не пойду.

– Спасибо!

Мадди сбежала по лестнице, выскочила на дорогу, повернула за угол и пошла вдоль длинного ряда одинаковых гаражей. Наконец она нашла нужный номер, открыла замок и вошла внутрь. Белый блестящий «Ягуар» стоял с открытым капотом, а на полу рядом с ним валялась канистра с маслом. Мадди готова была поклясться, что Кристофер совершенно не разбирался в моторах и вряд ли сумел бы отличить карбюратор от радиатора. Поэтому ее удивило, что отец, видимо, пытался что-то ремонтировать. Когда она села на водительское место, ей в глаза бросился конверт, который лежал на соседнем сиденье. Он был адресован ей. Под конвертом находилась пачка исписанной нотной бумаги. Мадди сразу узнала отцовский почерк. Она догадалась, что это та самая работа отца, которую давно ищет Иветта. С замирающим сердцем она открыла конверт и вытащила оттуда старую газетную вырезку. Однако в полумраке гаража ей не удалось разобрать ни слова, хотя не было ни малейших сомнений, что на газетной фотографии изображена ее мать.

Девушка вышла из машины и огляделась, включила свет и стала читать статью.

«ГИБЕЛЬ БАЛЕРИНЫ В АВТОКАТАСТРОФЕ

Антония Грэхем, балерина Королевского Национального театра, вчера погибла в автокатастрофе, возвращаясь из аэропорта Монако. Мисс Грэхем была приглашена туда на гастроли. В автомобиле с ней находились Том Ланг, музыкант оркестра, и С…»

Мадди не могла разобрать имени из-за большой дыры.

«…, которые помещены в госпиталь с серьезными повреждениями. У мисс Грэхем остались муж и маленькая дочь.»

Дальше в статье говорилось о достижениях Антонии. Мадди перечитала первые несколько строчек. Том Ланг был отцом Себастиана. Она растерялась. Почему отец никогда не упоминал о том, что ее мать и отец Себастиана вместе попали в автокатастрофу? Почему эта вырезка оказалась в машине вместе с новой симфонией Кристофера? Мадди посмотрела на лежавшую рядом газету, в которую были завернуты ноты. Это была «Ивнинг Стандарт» от 4 августа, дата гибели ее отца. Мадди догадалась, что разгадка именно в этом. Если ей удастся собрать вместе все факты, она сможет найти ответ на вопрос, почему погиб отец. Открытый капот, машинное масло, вырезка, дата в газете…

Через десять минут, убедившись, что машина не заводится, она поняла, в чем дело. Она осознала, что страшно ошибалась и напрасно обвиняла Себастиана. Ей хотелось кричать. По всей видимости, муки, которые они оба испытывали после гибели ее отца, были напрасными.

Мадди посмотрела на часы. Была четверть второго. Она должна поговорить с Себастианом до премьеры и прекратить этот кошмар. Схватив ноты, газету и вырезку, девушка закрыла дверь гаража и побежала к дому.

– Что случилось, Мадди? – Иветта удивленно смотрела на бледное взволнованное лицо приемной дочери.

– Иветта, ты уверена, что никто не заходил в гараж с тех пор, как умер отец?

– Конечно. У Кристофера был свой ключ, а у меня другой, тот, что теперь у тебя.

– Машина не заводится, с ней что-то случилось. Пожалуйста, позвони в мастерскую, а мне нужно повидать Себастиана. Увидимся после премьеры. – Она поцеловала Иветту. – Спасибо за машину, это самый прекрасный подарок в моей жизни.

Мадди стремительно выскочила из комнаты, оставив Иветту в полном недоумении.

Себастиан сидел в оркестровой яме и играл на рояле. Услышав чьи-то шаги, он оглянулся и увидел Мадди.

– Привет! – сказал он и, отвернувшись, продолжал играть.

– Себастиан, пожалуйста, ты не мог бы уделить мне несколько минут? Нам нужно поговорить, – взволнованно сказала Мадди.

Себастиан продолжал играть.

– Не сейчас, Мадди. У нас сегодня тяжелый вечер, и я думаю, никому из нас не нужно…

– Послушай, это не твоя вина. Я имею в виду, что мой отец не совершал самоубийство. Я в этом уверена.

Себастиан перестал играть и посмотрел на девушку, которая размахивала перед ним газетой и пачкой нот.

– Понимаешь, я сегодня сдала экзамен на вождение и…

– Поздравляю…

– Иветта сказала, что я могу взять «Ягуар», который стоит в гараже, ее подарок моему отцу. Я пошла туда и нашла вот это, – Мадди показала ему «Ивнинг Стандарт». – На ней число, когда погиб папа. Вот еще рукопись, а у автомобиля протекает масло и…

– Мадди, пожалуйста, не торопись, я ничего не понимаю из того, что ты мне пытаешься рассказать.

– Извини, – она села и старалась перевести дыхание. – Я начну с самого начала.

Она рассказала Себастиану о событиях последних двух часов, объясняя, как нашла автомобиль с открытым капотом, что обнаружила на сиденье.

– Каков же вывод, Мадди? – Себастиан все понял, но хотел услышать ее версию.

– Я думаю, когда ты ушел от папы, он собирался пойти за тобой и рассказать мне правду о рукописи твоего отца, но автомобиль не завелся, поэтому он решил ехать на поезде, но в спешке забыл это. Понимаешь, это значит, что папа не собирался совершать самоубийство, произошел несчастный случай.

Себастиан посмотрел на рукопись Кристофера.

– Как ты думаешь, зачем он хотел показать это нам?

– Не знаю. Возможно, хотел доказать, что у него есть талант.

– А как насчет газетной вырезки?

Мадди пожала плечами.

– Знаешь, я ничего не понимаю, но думаю, что папа хотел что-то рассказать о прошлом. Может быть, даже сказать, почему он подписал своим именем работу твоего отца. В статье говорится о моей матери и твоем отце. Я не знала, что они вместе попали в автокатастрофу.

Себастиан был очень удивлен.

– Я тоже, хотя и знал, что мой отец умер примерно в то же время.

– Есть точная дата. Иветта говорит, что никто не заходил в гараж с того дня. Себастиан, я уверена, что права. Как ты считаешь?

Ужасная боль, сжимавшая грудь, отпустила.

– Ну что же, мисс Марпл[6], если ваши выводы верны, то подозрения можно полностью снять, – медленно сказал он.

– Господи, Себастиан, мне так жаль.

– Это я должен извиниться. Тебе столько пришлось пережить из-за меня. Мне вообще не стоило идти к твоему отцу, но я должен был все выяснить до конца.

Мадди ответила, разглядывая газетную вырезку:

– Мы сможем это сделать, узнав, кто этот загадочный «С».

– Я люблю тебя, Мадди, – сказал Себастиан. Она посмотрела на него и вздохнула.

– Я тоже люблю тебя.

Они бросились в объятия друг другу.

Первые аккорды песни «Это любовь» прозвучали в затихшем зале.

Мадди посмотрела вниз и увидела, что Себастиан улыбается ей.

– Для тебя, папа, – прошептала она и запела.

Себастиану показалось, что от оваций обрушится потолок. Глядя на Мадди, стоявшую в центре сцены, он почувствовал, что едва сдерживает слезы. Зрители не отпускали ее, они вскочили со своих мест, бешено аплодируя. К ее ногам дождем падали цветы.

Через несколько минут его тоже вызвали на сцену. Он поклонился, поцеловал Мадди и прошептал:

– Помнишь, что ты обещала?

– Что? – шепотом спросила она.

– Как только ты сможешь пройти по комнате без посторонней помощи… Никаких отговорок больше не может быть. Ты уже несколько недель носишься по сцене.

– Неужели? – засмеялась она и снова поклонилась зрителям.

– Значит ли это, что ты согласна?

Мадди кивнула, и слезы радости выступили у нее на глазах. Себастиан взял ее за руку, подвел к краю сцены и прошептал:

– Они, как и я, очарованы тобой, моя дорогая.

Глава 89

На следующий день, когда возбуждение от премьеры несколько поутихло, а газеты наперебой расхваливали Мадди как новую звезду, Себастиан приехал на Карлейл Сквер.

Мадди открыла ему дверь, и они поцеловались, а потом он подхватил ее на руки и внес в дом.

– Ты читал рецензии?

– Да, по-моему, неплохо.

– Неплохо? Неплохо! Да я… – тут она заметила, что Себастиан дразнит ее, и засмеялась. – Да, они неплохие!

– Между прочим, у меня новость. Утром я был в редакции «Ивнинг Стандарт», смотрел старые подшивки. Мне кажется, я знаю, кто такой «С».

– Кто?

– Надевай пальто, у нас есть возможность через час повидаться с ним. Может быть, он прольет свет на эту историю. Думаю, нам давно пора знать правду.

Хореографическое училище Национального балета пустовало, так как были пасхальные каникулы. Недоумевающая Мадди вошла вслед за Кристофером. Пока они шли по знакомым пустынным коридорам, воспоминания охватили ее. Однако сейчас они уже не вызывали прежней боли.

Подойдя к одному из кабинетов, Себастиан постучал в дверь.

– Войдите, – раздался знакомый голос.

– Себастиан, это же офис Сержа и…

– Да, – улыбнулся он, – заходи…

Мужчины пожали друг другу руки, и Себастиан произнес:

– Простите, что беспокоим вас по такому пустяку.

– Все нормально. Привет, Мадди!

Девушка не могла скрыть своего удивления.

– Привет. Выходит, ты и есть тот самый загадочный «С»?

– Я? – в свою очередь удивился Серж. – Садитесь, пожалуйста, и объясните мне, что все это значит.

Себастиан предложил Мадди стул, затем достал копию газетной статьи и показал ее Сержу.

– Вот, посмотрите. Кристофер, отец Мадди, хотел показать ее нам перед смертью. В ней говорится, что вы были в машине вместе с нашими родителями, когда они погибли. Мы не представляли, что мать Мадди и мой отец были вместе в тот день. Я был убежден, что мой отец умер несколько позже. Мы удивляемся, почему наши родители, моя мать и ее отец, ничего не рассказали об этом. Может, вы объясните.

Серж прочитал статью, лицо его помрачнело.

– Послушай, Себастиан, право, не знаю, должен ли я…

– Серж, пожалуйста, вы единственный, кто может нам рассказать. Может быть, это очень просто, но нам с Мадди совершенно необходимо знать, что там произошло.

Серж тяжело вздохнул.

– О'кей. Предупреждаю вас, что это может быть неприятно и нелегко. Я уверен, что поэтому отец Мадди скрыл от вас правду. Мадди, я был партнером твоей матери, когда мы гастролировали в Монако. Выступления длились три месяца. Мы были с ней близкими друзьями. Я был на свадьбе твоих родителей. Меня, как и всех, поражало, как сильно они любят друг друга. Поэтому я и был удивлен, когда однажды Антония вошла в мой номер…

МОНАКО, АВГУСТ 1972.

– Можно войти? – Серж посмотрел на прекрасное лицо Антонии. Ее красивые карие глаза были красными от слез.

– Входи, пожалуйста.

Антония вошла в его маленький номер, прошла в гостиную и села на край дивана. Он сел рядом с ней и взял ее тонкие руки в свои.

– Что случилось, дорогая?

– Серж! – она отняла руки, закрыла лицо и безутешно заплакала. Серж нежно обнял ее и пробормотал:

– Все не так плохо, поверь мне.

Она посмотрела на него и покачала головой.

– Плохо.

– Кто-нибудь умер?

Она снова покачала головой.

– Пожалуйста, скажи, что случилось?

– Извини, – она глубоко вздохнула. – Дело в том, что я полюбила другого.

– Ты? Что? Но я всегда… мне казалось, что вы с Кристофером так счастливы.

Ее глаза снова наполнились слезами.

– Да, я знаю. Разве это не ужасно? Мы были так счастливы, а потом случилось это и… я ничего не могу поделать с собой.

– Кто он, этот человек, я его знаю?

– Нет, но я думаю, что ты видел его у нас на вечеринке. Его зовут Том Ланг. Он композитор. В прошлом году мы были на гастролях в Европе, и он был пианистом в нашем оркестре. Мы полюбили друг друга, но это еще не самое страшное. Дело в том, что я знаю Тома столько же, сколько Кристофера. Они лучшие друзья.

Серж вздохнул.

– Понятно.

– Том был шафером на нашей свадьбе, а потом, когда он женился на Магде, Крис был свидетелем у него. Мы семь лет дружим семьями, а когда в прошлом году поехали в турне по Европе, совершенно естественно, что мы с Томом проводили вместе много времени. Ты же знаешь, как проходят эти турне. Каждую неделю новый город… – Антония скривила губы. – Крис даже просил Тома, чтобы он присматривал за мной.

– Дорогая моя, а ты уверена, что это не мимолетное увлечение? – спросил Серж. – У меня часто случались знакомства во время таких гастролей и…

Антония печально покачала головой.

– Нет, я была бы только рада. Последний год мы с Томом использовали малейшую возможность, чтобы увидеть друг друга. Серж, это ужасно! Мы по-прежнему дружим семьями, ходим друг к другу в гости, как будто ничего не случилось. Я надеялась, что помогут эти гастроли в Монако. Мне хотелось побыть некоторое время вдали от Криса и Тома. Я надеялась, что все пройдет, но стало еще хуже. Я люблю его, и он любит меня.

– А Крис? Ты уже ничего к нему не чувствуешь?

– Как тебе сказать. Конечно, я по-прежнему уважаю его, но теперь я знаю, какой бывает настоящая любовь, – она тяжело вздохнула. – Я была слишком молода, когда вышла замуж за Криса.

– У Криса просто сердце разорвется, – сказал Серж. – Я никогда не видел, чтобы мужчина так кого-нибудь любил.

– Я знаю. Весь год, с тех пор, как это произошло, я сама не своя. Это просто настоящий ад. Я так больше не могу. Я решила, что напишу Крису и расскажу ему всю правду.

– Прости, ты скажешь мужу? Скажешь ему, что бросаешь его и маленькую Мадди и уезжаешь с его лучшим другом? – Серж покачал головой. – Анни, это действительно жестоко.

– Но я не вижу другого выхода! Разве лучше продолжать лгать Крису и ничего не говорить Магде?

– Вот и скажи ему это в лицо.

– Я не могу. Я трусиха, но когда я представлю себе его глаза… Нет, нет! – Антония покачала головой. – Я решила, что напишу ему письмо. Том расскажет обо всем своей жене и на следующей неделе приедет ко мне. Сезон скоро закончится, поэтому мы с Томом хотим взять напрокат машину и поедем куда-нибудь, где нас никто не знает. Там и переждем, пока все утихнет.

– А как же маленькая Мадлен?

Глаза Антонии наполнились слезами.

– Я не знаю, – прошептала она. – Мне кажется, что если я заберу Мадди, то он погибнет. Пусть некоторое время она поживет с отцом.

– Ты представляешь, на какие жертвы идешь, собираясь сделать это? – спросил Серж.

– Но разве не больше боли я причиню Крису, если буду продолжать лгать! Я никогда не буду чувствовать к нему то, что испытываю к Тому. Мне казалось, что я должна оставаться с Крисом до тех пор, пока у него все не наладится. Но я не могу ждать вечно. Ты думаешь, что я распутная женщина, а я не могу жить без Тома.

Через неделю Антония вбежала в гримерную после спектакля.

– Серж, ты не отвезешь меня в аэропорт, чтобы встретить Тома? Он прилетает завтра утром из Хитроу. Я взяла машину, но ты же знаешь, как я ненавижу ее водить. Ну, пожалуйста, – Антония умоляюще сложила руки.

– Ладно, – неохотно согласился Серж.

По пути в аэропорт Антония сказала ему, что отправила письмо Кристоферу. К тому времени, когда он его получит, она и Том покинут

Монако. Ей не хотелось, чтобы Кристофер знал, куда они отправятся. Она понимала, что он поедет за ней.

– Не надо меня презирать, Серж, – попросила она.

Он улыбнулся ей.

– Нет, Анни, что ты…

Внезапно Антония бросилась навстречу высокому красивому мужчине, выходившему из терминала, где собрались пассажиры прилетевшего самолета. Они обнялись и подошли к Сержу. Антония радостно улыбалась и светилась от счастья.

– Том! Это Серж, мой партнер. Он любезно согласился привезти меня сюда.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Спасибо, Серж. Анни говорит, что вы с пониманием отнеслись к ней. Я вам очень благодарен.

Они пошли на автостоянку и подошли к машине. Том сказал:

– Назад я поведу машину сам.

– А нужно ли? Ты выглядишь усталым, – нежно спросила Антония.

– Я прекрасно себя чувствую, не волнуйся.

Серж сел на заднее сиденье. Том нежно погладил руку Антонии, лежавшую у него на колене.

– Как приняла это Магда?

– Боюсь, что не очень хорошо. Вчера был ужасный вечер. В конце концов мне пришлось уехать на ночь в гостиницу. – Том зевнул. Когда они выехали на дорогу из Ниццы, направляясь к побережью, он сказал, что очень устал за эти две недели и почти не спал.

– Ты ни о чем не жалеешь, родной? – Антония взволнованно прикоснулась к его руке.

– Конечно, нет, дорогая, Мы знали, что это будет нелегко, но я рад, что мы уедем, пока об этом не знает Кристофер. Один Господь ведает, что он может сделать. Он звонил мне пару дней назад и говорил, что «Летняя симфония» уже готова, и очень хвалил меня. Я чувствую себя последней свиньей, – вздохнул Том.

Серж закрыл глаза и задремал.

– Осторожнее, Том!

Серж вздрогнул и проснулся, услышав крик Антонии. Он почувствовал, как автомобиль занесло, увидел, что Том отчаянно

пытается удержать машину на трассе, а в следующую минуту перед ним не оказалось ни дороги, ничего, только небо и сияющая ослепительная полоска моря вдали.

Последнее, что услышал Серж перед тем, как машина опрокинулась, был отчаянный крик Антонии. В следующую секунду он потерял сознание…

Серж был без сознания около пяти дней. У докторов было мало надежды, что он выживет. Однако, к их удивлению, он пришел в себя, а через десять дней его перевели в отдельную палату.

Однажды утром, когда Серж лежал, тоскливо глядя в окно, дверь приоткрылась, и вошел посетитель.

– Здравствуй, Серж. Как ты себя чувствуешь?

– Лучше, – прошептал больной. – А как ты?

Достаточно было взглянуть на лицо Кристофера. Он не брился несколько дней, глаза лихорадочно блестели, плечи безвольно поникли.

– Знаешь, Анни умерла. Он убил ее…

Голос Криса оборвался, он опустился на стул рядом с кроватью.

– Мне не разрешали повидаться с тобой до сегодняшнего дня. Серж, скажи, она сильно мучилась? Она чувствовала боль? Скажи, я не выдержу, скажи, что ей не было больно. – Рыдания заглушили его слова.

Серж покачал головой.

– Нет, все произошло очень быстро, – солгал он. В ушах еще звучал пронзительный крик Антонии.

– Слава Богу, слава Богу, – Кристофер сжал руку Сержа и быстро заговорил. – Он называл меня своим лучшим другом, ты же знаешь, а сам похитил мою жену, мою Анни. Он настоящий дьявол, он убил ее, он погубил мою Анни.

– А где Том? Что с ним? Он жив?

Кристофер покачал головой.

– Нет, он умер вчера, не приходя в сознание.

– Господи! – на глазах Сержа выступили слезы.

– Боже мой, Серж, я не хотел, чтобы он жил, – Кристофер посмотрел на него, и Серж увидел его безумные от горя глаза. – Он просил меня сделать аранжировку его симфонии, а сам в это время похитил мою жену. Знаешь, Анни ни за что бы не ушла к нему, если бы

осталась жива. Нет! – Кристофер закрыл лицо руками, – она любила меня, любила…

– А где Мадди? – спросил Серж.

Кристофер повернулся к нему, и он увидел в глазах убитого горем человека лучик надежды.

– Возвращайся к ней, ты ей нужен.

Кристофер посмотрел на партнера жены и улыбнулся.

– Да, конечно.

Он встал и пошел к двери, но возле самого порога оглянулся.

– Она любила меня, слышишь, Серж. Письмо он заставил ее написать, правда? Она не любила Тома?

Серж проглотил комок, подступивший к горлу, и отрицательно покачал головой.

– Конечно, Крис.

– Спасибо, Серж, – прошептал Кристофер и вышел из палаты.

Серж смотрел на юную пару, сидящую перед ним. Он чувствовал некоторую растерянность, видя ледяное лицо Себастиана, так похожего в эту минуту на лицо его отца. Затем Серж посмотрел на Мадди, которая взволнованно сжала руку Себастиана, как много лет назад Антония сжимала руку Тома.

Они сидели в молчании, погруженные в свои мысли.

– Знаете, он так никогда и не поверил в это, – тихо сказала Мадди.

– Что? – спросил Себастиан.

– В то, что моя мать так поступила. Он все время говорил мне, какая у меня была мать, как они любили друг друга. А на самом деле она причинила ему такую боль. – Мадди сжала губы. – Я всю жизнь пыталась быть похожей на нее.

– Я тоже рос без матери, – вздохнул Себастиан. – Кристофер знал, что сделал мой отец, но он всегда относился ко мне, как к собственному сыну.

– Я думаю, он понимал, что ты такая же невинная жертва, как и Мадди. Крис не хотел, чтобы ты страдал, – произнес Серж.

Мадди встала.

– Спасибо, Серж. Тебе тоже нелегко было это вспоминать. Ведь авария разрушила твою карьеру.

Серж пожал плечами.

– Я тоже так думал, но потом, как и ты, Мадди, внезапно обнаружил, что можно жить и без танцев. Сейчас я преподаю и очень счастлив. – Он внимательно посмотрел на них. – А у вас все нормально?

– Конечно, трудно было это выслушать, но мы должны были знать правду. Сейчас мы можем забыть о прошлом и сосредоточиться на будущем, правда, дорогая? – Себастиан нежно и заботливо обнял Мадди.

Она кивнула.

– Спасибо, Серж, – сказал Себастиан.

И они, обнявшись, вышли из кабинета.

Себастиан повел дрожавшую от волнения Мадди в ближайший бар. Он усадил ее за угловой столик и заказал два джина с тоником.

– Бедный папа, – сказала Мадди печально.

– Знаешь, перед смертью моя мать сказала, чтобы я передал Кристоферу, что она все понимает и все долги уплачены. Как ты думаешь, она, наверное, считала, что Кристофер имел право присвоить себе чужую симфонию, раз мой отец украл его жену?

– Возможно. Вот почему папа так переживал это. Твой отец лишил его самого дорогого.

– Но это также объясняет, почему моя мать оставила меня с тетушкой, а сама уехала. Она не хотела, чтобы я ей напоминал об отце, о той боли, которую он ей причинил. Ладно, – вздохнул Себастиан, – по крайней мере, мы теперь все знаем. Думаю, что пора подумать о будущем. Вчера ночью я играл новую композицию твоего отца. Было четыре часа утра. Я убежден, что «Симфония для двоих» – детский лепет по сравнению с этой вещью.

Лицо Мадди просияло.

– Это правда?

– Конечно. Если бы мой отец мог ее услышать, он позеленел бы от зависти, но все-таки надо подождать немного. Она недоработана. Я подумал, если ты не будешь против…

– Себастиан, закончи ее! – воскликнула Мадди. – Я уверена, что папа не был бы против.

Себастиан накрыл своей ладонью ее маленькую руку и, улыбнувшись, сказал:

– Осталась еще одна вещь, которую я должен сказать, чтобы моя совесть была абсолютно чиста.

– Что ты имеешь в виду?

– Видишь ли, я это время жил у Гая де Суза. Он мой старый друг со времен учебы в музыкальном колледже. Он услышал нашу пробную запись. Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты превратила песню, которую я написал, в классный хит. Сегодня я получил чек и приглашаю тебя отпраздновать это событие.

– Так это ты написал «Одинокие ночи»?

– Каюсь, грешен.

– То-то я смотрю, знакомая мелодия, – улыбнулась Мадди. – Больше, надеюсь, секретов нет?

Себастиан наклонился к ней и крепко поцеловал.

– Нет, дорогая, от тебя у меня нет никаких секретов.

Глава 90

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ СПУСТЯ

Мадди проснулась от того, что рука Себастиана нежно гладила ее обнаженную грудь. Вот она медленно двинулась вниз, к ее животу, и там замерла.

Мадди повернулась и увидела глаза мужа. Они прильнули друг к другу и слились в страстном поцелуе.

– Ах, Мадди, как я хочу прикасаться к тебе, обнимать тебя… я хочу тебя снова и снова, – прошептал Себастиан, а потом лег на нее. Она развела ноги в стороны, и он одним легким движением проник в ее глубины. Молодая женщина закрыла глаза, с наслаждением чувствуя, как движется внутри нее мужская плоть.

– Я люблю тебя, Мадди, люблю… – самозабвенно шептал Себастиан, чувствуя, как гибкое тело молодой жены подалось ему навстречу. Через некоторое время он содрогнулся в экстазе, а затем, лаская жену ртом и пальцами, довел ее до оргазма.

– Господи, такое ощущение, что я тобой никогда не смогу насытиться, – пробормотал Себастиан, нежно целуя ее.

– У нас впереди еще много времени…

– Надеюсь, – его рука снова легла ей на грудь, и в это время зазвонил телефон.

– Проклятие! – выругался Себастиан. Мадди закуталась в простыню и, подойдя к телефону, взяла трубку.

– Привет, Мадди! – озабоченный голос Иветты не на шутку встревожил ее. – Извини, что разбудила, но я только что получила письмо от Саши. Оказывается, он в больнице в Суррее. Он спрашивает, могу ли я привезти к нему Наташу, чтобы он смог ее повидать, и не сможешь ли ты тоже прийти к нему. Мадди, он при смерти.

– Господи! – Мадди схватилась за сердце. – Но почему Николь ни слова не сказала? Она, видимо, ничего не знает?

– Я только что с ней разговаривала. Она говорит, что ей это безразлично. Она не поедет к нему и просит, чтобы я не возила Наташу. Мадди, я ничего не понимаю.

– Когда ты хочешь ехать?

– При первой возможности. Я возьму с собой Наташу, что бы Николь ни говорила, ведь это его дочь.

– Да, – вздохнула Мадди, – поедем вместе. Я заеду за тобой после ленча, – она повесила трубку.

– Что случилось, Мадди?

– Оказывается, Саша серьезно болен и хочет повидаться со мной, – молодая женщина покачала головой. – Не понимаю, почему Николь ничего об этом не говорила. Она даже не хочет ехать к нему. Я никогда не понимала, что у них происходит.

– Когда ты собираешься ехать?

– Часов в двенадцать.

– Хорошо, – он снова привлек ее к себе. – Тогда у тебя есть уйма времени, чтобы показать, как сильно ты меня любишь.

Мадди старалась не показать, насколько она поражена тем, что увидела. Человек в кресле был совсем не похож на того молодого, полного сил мужчину, каким Саша был совсем недавно. Мадди сразу поняла, что с ним случилось. Признаки ужасной болезни, унесшей так много молодых жизней, были очевидны.

– Саша, почему ты не сказал, где ты? – она склонилась над ним и нежно поцеловала. Кожа на его лице напоминала высохшую бумагу.

– Здравствуй, Мадлен. Я думал, что будет лучше, если никто ничего не узнает. Пресса очень жестока, ради Наташи я… Ты же видишь, что со мной?

– Да, я понимаю, – Мадди села рядом и взяла его за руку. – Я очень рада, что ты дал о себе знать.

– Иветта привезла Наташу?

– Да, – кивнула Мадди, – хотя Николь об этом не знает. Иветта будет через минуту. Ей пришлось задержаться, чтобы поменять девочке штанишки.

Его лицо осветилось, затем снова помрачнело.

– Как ты думаешь, если Иветта поймет, какая у меня болезнь, она даст мне подержать Наташу?

– Саша, ты же отец девочки. Конечно, она разрешит тебе подержать ее. – Внезапно ужасная мысль посетила ее. – Боже, ведь если ты заболел…

Саша покачал головой.

– Нет. Наташа и Николь здоровы. У них брали анализы. Николь сказала, что никогда не позволит увидеть дочь.

Саша с трудом сдерживал слезы.

– Знаешь, Наташа почти все время с Иветтой. Николь слишком занята собой, чтобы беспокоиться о дочери.

Внезапно Саша сжал руку Мадди. Кажется, у него еще были силы.

– Я так беспокоюсь о Наташе. Мадлен, ты знаешь, какой бывает Николь. Это воплощение зла. Я бы хотел, чтобы Иветта это тоже знала, может быть, тогда она не отдаст ей Наташеньку. Если девочка останется у Николь, она не увидит ни любви, ни заботы. Ее мать, как ты заметила, слишком занята своей карьерой и собой. Она не умеет любить.

– Саша, не забывай, что Иветта – мать Николь, и ты никогда не убедишь ее, что ее дочь воплощение зла.

– Ты ошибаешься, Мадлен. Мне удалось найти доказательства того, что сделала Николь. Это так ужасно, что я… Ах, Мадди, – Саша смотрел на нее жалкими глазами. – Я тоже не ангел. Я сделал слишком много такого, за что мне теперь стыдно. Я был плохим другом. Больше думал о себе, но я постараюсь исправить это, насколько возможно.

– Саша, о чем ты говоришь?

Он хотел ответить, но в эту минуту в комнату вошла Иветта с ребенком на руках. Она посмотрела на Сашу, и Мадди заметила выражение ужаса на ее лице.

– Здравствуй, Саша, – сказала Иветта. – Посмотри, кого я тебе привезла!

Лицо Саши прояснилось.

– Можно, я подержу ее? – нетерпеливо спросил он. Иветта на минуту замялась.

– Ну, конечно. Посмотри, маленькая, это твой папочка.

Иветта бережно передала ему Наташу.

– Маленькая моя, как я без тебя скучал.

Мадди потянулась за платком и заметила, что глаза Иветты наполнились слезами.

– Вы не будете против, если я немного побуду с ней один?

– Конечно, нет, – сказала Иветта, и женщины вышли из комнаты. В коридоре они расплакались. Иветта спросила:

– У Саши СПИД? Господи, никогда не думала, что это такое печальное зрелище.

– Не бойся, Наташа и Николь здоровы. Давай сядем, я постараюсь тебе все объяснить.

Когда они вернулись в палату, Мадди выглядела значительно спокойнее. Саша держал малышку на руках и тихонько напевал ей что-то. Он поднял глаза и улыбнулся.

– Кажется, она меня помнит. Правда?

– Конечно, помнит, – сказала Иветта, склоняясь к нему и целуя в голову. – Позаботься о себе. Мы скоро увидимся. Сейчас нам нужно в Лондон, у Мадди сегодня спектакль. Но я могу привезти Наташу через пару дней.

Саша кивнул.

– Замечательно.

Он нежно поцеловал девочку.

– Помни, я люблю тебя. Обещайте, что вы позаботитесь о ней ради меня. Обещайте!

– Обещаю, – сказала Иветта. – Мы скоро увидимся.

– Спасибо, что пришли. – Саша повернулся к Мадди. – Прощай, Мадлен. Я знал, что у тебя доброе сердце. Ты заслуживаешь большого счастья.

Мадди почувствовала, как слезы текут у нее по щекам.

– Прощай, Наташа, прощай, моя маленькая, – прошептал Саша.

Он склонился над столом, придвинул к себе лист бумаги и стал дописывать письмо, которое начал перед их приходом.

Глава 91

Антон Шанелль распечатал коричневый конверт и начал читать:

«Уважаемый мистер Шанелль,

Следуя указаниям моего клиента мр. Саши Лобова, посылаю вам письмо, которое он просил отправить после его смерти. Мр. Лобов, как вам известно, умер неделю назад, поэтому я выполняю его последнюю волю.

С искренним уважением, Энтони Браун, адвокат.»

Антон открыл приложенный к письму белый конверт из плотной бумаги и стал читать. Прочитав четыре листа, он тут же начал читать с начала, отказываясь верить собственным глазам. Может быть, Саша потерял рассудок, когда писал это?

Антон посмотрел копии банковских документов, о которых Саша упоминал в письме.

Он понял, что этот человек очень доверял ему. Однако Антон понимал, что поступить по велению своей совести он просто не может. Необходимо во всем серьезно разобраться.

Николь не удивилась, получив от Антона Шанелля записку, в которой он предлагал ей зайти. Она улыбнулась и подумала, что знает, о чем у них пойдет разговор. Дэвид Браэрлей хотел ставить новый балет, и все считали, что именно ей должна достаться главная роль. Это означало, что именно она будет прима-балериной труппы. Как долго она ждала этого момента!

Николь постучала.

– Войдите.

– Привет, Антон! Я… – улыбка Николь погасла, когда она увидела тех, кто находился в кабинете.

– Входи, Николь, садись.

– Привет, мама, – сказала она, а затем удивленно взглянула на Мадлен Винсент. – А она что тут делает?

– Мы хотели бы немного поговорить с тобой, вот и все, – сказал Антон.

– О чем? – она испытывала безотчетную тревогу.

– О письме, которое твой муж написал перед своей смертью.

– Что же он написал?

– Для начала он заявил, что ты несешь ответственность за тот несчастный случай, который произошел с Мадлен, – холодно сказал Антон.

– Что?! – Николь изобразила изумление. – Я?! Саша, должно быть, накачался наркотиками, когда писал такое. Он совершенно не соображал, что делал, – она покачала головой. – Может, он это сделал со зла. Мы не очень ладили.

– Я тоже так думал и предположил то же самое, когда первый раз прочитал это письмо. Однако ваш муж прислал мне копии банковских квитанций. Каждый месяц вы посылали деньги на чей-то счет. Я обратился в банк, и мне сказали, что деньги вы посылали молодому человеку, которого зовут Джим Стюарт. Вам знакомо это имя, Николь?

Ее лицо посерело.

– Я не знаю, о ком вы говорите.

– Посмотрите сюда, – Антон передал ей копии банковских квитанций. – Кому вы посылали переводы?

– Я вам не верю! – воскликнула Николь. – Как вы посмели рыться в моих бумагах! Это преступление!

– Такое же, как и попытка покушения на чью-то жизнь, – отчетливо сказал Антон.

Николь посмотрела на него.

– Я не знаю, о чем вы говорите.

– Я разговаривал с Джимом Стюартом. Он утверждает, что вы заплатили ему некоторую сумму денег, чтобы он устроил небольшую аварию… Он также утверждает, что с тех пор постоянно получает от вас деньги.

– Он лжет! – закричала Николь. – У вас нет доказательств.

– Я думаю, что признания Джима и почтовые переводы, которые вы ему посылали столько времени, убедят полицию.

В глазах Николь был ужас. Она задрожала.

– Вы ведь не позвоните в полицию, правда?

– Я бы это сделал, но ваша мать и Мадлен уговорили меня отказаться от этой затеи.

– Как ты могла, Николь? Я не могу поверить, ведь ты моя дочь!

– Мне придется довести дело до конца, – продолжал Антон. – Ради нашей дружбы с Иветтой, а также из-за нежелания публичной

огласки я не буду обращаться в полицию. Но с этой минуты ваш контракт с труппой разорван.

– Отлично. Я найду себе работу, – фыркнула Николь.

– Попытайтесь. Хочу вам сказать, что мое влияние в балетном мире достаточно велико, поэтому с большой долей уверенности могу вам сказать, что в балетных труппах работу вам найти не удастся.

– Но почему, Николь, почему? – глаза Иветты наполнились слезами. – Как ты могла быть такой холодной, такой жестокой. Я думаю, что твое отношение к Саше, когда он умирал, было вызвано страхом, а тут, оказывается, совсем другое.

Николь молча сидела, глядя в пространство.

– И последнее. Перед тем, как мы закончим, – подал голос директор театра, – мы заплатили Мадлен Винсент компенсацию за травму и, естественно, хотим, чтобы вы возместили нам эту сумму.

– Сколько? – глухим голосом спросила Николь.

– Пятьдесят тысяч фунтов, – Антон встал. – Я советую вам заплатить. Прощайте, Николь. Надеюсь, что вы никогда мне не попадетесь на глаза.

Антон вышел, хлопнув дверью. До последнего момента он сомневался в том, что это сделала Николь. Он боялся, что она откажется признаться в том, что совершила. Однако увидев страх в ее глазах, он все понял. Все еще переживая случившееся, директор устало шел по коридору, размышляя о том, кто теперь заменит Николь в новом балете, который Дэвид Браэрлей ставит на музыку Кристофера Винсента.

В кабинете Антона три женщины по-прежнему сидели в полном молчании. Наконец Николь подала голос:

– А как, интересно, я смогу заплатить Мадди такую кучу денег? Мне, между прочим, нужно кормить дочь.

– Удивляюсь, что ты про нее вообще вспомнила, – сказала Иветта ледяным голосом. – Оставим это, Николь. В любом случае я не позволю, чтобы ребенок находился рядом с тобой. Она будет жить у меня. Я тебя больше не желаю видеть.

– Ты не можешь так поступить! Наташа моя дочь, ты не имеешь права отбирать у меня ребенка. Я подам на тебя в суд!

Иветта вздохнула.

– Ладно, как знаешь. Мадди сказала, что не будет настаивать на компенсации, если ты откажешься от Наташи. Если же ты заявишь о своих правах, мы пойдем в полицию.

– Саша просил позаботиться о своем ребенке, – впервые за все время подала голос Мадди.

Николь презрительно захохотала.

– Да ты, должно быть, шутишь! С таким же успехом отцом Наташи мог быть любой. Чем испытывать к нему жалость, лучше пожалей меня. Саша женился только для того, чтобы остаться здесь. Господи! Да он бы в могилу меня свел своими погаными привычками!

Иветта резко встала, подошла к Николь и сильно ударила дочь по щеке.

– Замолчи! Как мне стыдно, что я не поняла раньше, кто ты есть на самом деле. Даже не пытайся приближаться ко мне, Мадди или Наташе. Знай, я тебя предупредила. Мадди, пойдем, – Иветта подошла к двери и открыла ее.

– Я догоню тебя, – сказала Мадди.

Иветта закрыла дверь, и молодые женщины остались вдвоем. Мадди тихо сказала:

– Николь, я прощаю тебе то, что ты сделала.

Николь повернулась к своей давней сопернице с выражением лютой ненависти на лице.

– Ты сама сказала мне, что Саша «голубой». Почему же ты сейчас не вступилась за меня? Тогда моя мать поверила бы, до чего плохо мне с ним было.

Мадди пожала плечами.

– Жуткое чувство, когда люди тебе не верят. Правда, Николь? Мой отец погиб, думая, что я совершила некрасивые поступки в юности. И это благодаря тебе. Однако все проходит, – вздохнула Мадди. – Николь, тебе почти удалось уничтожить меня. Благодаря любви тех, кто был рядом, я выстояла. А теперь мне просто жаль тебя.

Глаза Николь горели.

– Ты думаешь, что победила, Мадлен Винсент. Ты пыталась украсть моего мужа, тебе удалось перетянуть на свою сторону мою мать и лишить меня ребенка, но однажды я тебе отплачу за все.

Они замолчали, глядя друг на друга. Мадди с горечью сказала:

– Саша был прав. Ты действительно воплощение зла. Прощай, Николь…

Николь вышла из здания Королевского Национального балета в последний раз.

Она видела, как Мадди села в белый «Ягуар». Иветта сидела рядом с ней. Николь видела, как ее мать обняла свою приемную дочь. Мадди завела мотор, и автомобиль скрылся из виду.

Николь обернулась и посмотрела на здание хореографического училища. Она вспомнила, как впервые в день вступительных экзаменов увидела Мадлен Винсент. Тогда ей казалось, что жизнь прекрасна. Она была талантлива, красива, и весь мир был у ее ног.

И вот теперь из-за своей ненависти к этому миру она потеряла все. Николь повернулась, ничего не видя из-за душивших ее слез, и медленно побрела по улице.

ЭПИЛОГ

«Мейл он Санди». 27 сентября 1992 года.

«Вчера в Ковент Гарден состоялась премьера нового балета «Солнечный танец», постановка Дэвида Браэрлея. Музыку к балету написал Кристофер Винсент, трагически погибший в прошлом году, а ее аранжировку сделал его ученик мр. Себастиан Ланг.

Спектакль был с восторгом встречен зрителями, отметившими блестящую работу хореографа и композитора. Партнершей Андре Метена стала Иветта Делиз, вернувшаяся на сцену для того, чтобы станцевать заглавную партию в новом балете. Несмотря на свой сценический опыт и мастерство, Андре Метен все же уступает Саше Лобову, скончавшемуся от пневмонии четыре месяца назад. Жена и партнерша мр. Лобова Николь Делиз была так потрясена смертью мужа, что вскоре заявила о своем уходе со сцены и уехала за границу.

Тем не менее, премьера удалась, и весь артистический мир вновь отмечает выдающийся вклад Кристофера Винсента в развитие искусства. Его дочь, Мадлен Винсент, бывшая балерина Королевского Национального балета, а теперь суперзвезда, прославившаяся исполнением главной роли в мюзикле «Зачарованная», находилась в зале вместе с мужем Себастианом Лангом. По слухам, она вскоре должна будет прервать свои выступления, чтобы родить ребенка. Однако ее отсутствие будет недолгим, ибо уже в следующем году Мадлен с мужем уезжают в Нью-Йорк, чтобы поставить «Зачарованную» на Бродвее.

Можно с уверенностью сказать, что талант Кристофера Винсента будет жить в его

прекрасной музыке и восхитительном голосе его одаренной дочери.»

---

notes

Примечания

1

Гилдхолл – консерватория, расположенная в центральной ратуше Лондона.

2

«Эрл Грей» – самый знаменитый сорт английского чая.

3

Эммелин Панхерст – известная деятельница феминистского движения, борец за женское равноправие.

4

Большое Яблоко – название, которое часто дают Нью-Йорку его жители (примеч. перев.)

5

«Эквити» – профсоюз актеров в Великобритании.

6

Мисс Марпл – популярный персонаж детективных романов Агаты Кристи, сыщик-любитель.

Table of Contents

Люсинда Эдмондз Зачарованная
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Глава 31
Глава 32
Глава 33

Глава 34
Глава 35
Глава 36
Глава 37
Глава 38
Глава 39
Глава 40
Глава 41
Глава 42
Глава 43
Глава 44
Глава 45
Глава 46
Глава 47
Глава 48
Глава 49
Глава 50
Глава 51
Глава 52
Глава 53
Глава 54
Глава 55
Глава 56
Глава 57
Глава 58
Глава 59
Глава 60
Глава 61
Глава 62
Глава 63
Глава 64
Глава 65
Глава 66
Глава 67
Глава 68
Глава 69
Глава 70

Глава 71
Глава 72
Глава 73
Глава 74
Глава 75
Глава 76
Глава 77
Глава 78
Глава 79
Глава 80
Глава 81
Глава 82
Глава 83
Глава 84
Глава 85
Глава 86
Глава 87
Глава 88
Глава 89
Глава 90
Глава 91
ЭПИЛОГ
Примечания
1
2
3
4
5
6